

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ПЯТЫЙ

**ЭПИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ПЯТЫЙ

**ЭПИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ
ЭПИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16204

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жилиякова, Ф. Э. Канунова, О. Б. Лебедева, А. В. Петров, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 5. Эпические стихотворения / Ред. А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 432 с.

ISBN 978-5-9551-0398-3

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В 5-м томе опубликованы эпические опыты поэта 1817—1847 гг., которые он сам называл «Эпические стихотворения». Эпос народов мира: памятники древнерусской («Слово о полку Игореве») и античной культур (отрывки из «Метаморфоз» Овидия и «Энеиды» Вергилия), испанские романсы о Сиде, оригинальные переложения фрагментов из «Махабхараты» («Наль и Дамаянти») и «Шах-наме» («Рустем и Зораб») — получают в вольных переложениях Жуковского оригинальное звучание. Черновые наброски переводов из «Божественной комедии» Данте, «Потерянного рая» Мильтона, «Конрада Валленрода» Мицкевича завершают картину жанровых и метрических экспериментов поэта.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

На фронтиспise:

В. А. Жуковский. Рисунок С. Ф. Дица (1839)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0398-3

© А. С. Янушкевич, Редакция тома 5, 2010
© Языки славянских культур,
оригинал-макет, 2010

**ЭПИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!

Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.

Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,

¹⁰ Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облаками.

Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.

Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал,

²⁰ Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.

Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.

Натянул он ум свой крепостью,
Изострил он мужеством сердце,

Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,

³⁰ Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:

«Братия и дружина!

Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон.
Сядем же, други, на борзых коней

Да посмотрим синего Дона!»
Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, — он рек, — преломить копье
40 На конце поля половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шеломом из Дона»
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропую Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, он того Олега внуку:
50 Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
60 Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском.
Метки в стрельбе мои курыне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
70 Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,

Ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил князь Игорь в златое стремя

И поехал по чистому полю.

Солнце дорогу ему тьмой заступило;

Ночь, грозою шума на него, птиц пробудила;

Рев в стадах звериных;

80 Див кличет на верху древа:

Велит прислушать земле неизвестной,

Волге, Поморию, и Посулию,

И Сурожу, и Корсуню,

И тебе, истукан тмутараканский!

И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому.

Кричат в полночь телеги, словно распущенные лебеди.

Игорь ратных к Дону ведет!

Уже беда его птиц скликает,

И волки угрозою воют по оврагам,

90 Клектом орлы на кости зверей зовут,

Лисицы брешут на червлёные щиты...

О Русская земля! Уж ты за горами

Далеко!

Ночь меркнет,

Свет-заря запала,

Мгла поля покрыла,

Щекот соловьиный заснул,

Галичий говор затих.

Русские поле великое червлёными щитами прегородили,

100 Ища себе чести, а князю славы.

В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие

И, рассеяв стрелами по полю, помчали красных дев половецких,

А с ними и злато, и паволоки, и драгие оксамиты,

Ортмами, епанчицами, и кожухами, и разными узорочьями половецкими

По болотам и грязным местам начали мосты мостить.

А стяг червлёный с белою хоругвию,

А челка червлёная с древком серебряным

Храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —

110 Далеко залетело!

Не родилось оно на обиду

Ни соколу, ни кречету,

Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!
 Гзак бежит серым волком,
 А Кончак ему след прокладывает к Дону великому.
 И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
 Черные тучи с моря идут,
 Хотят прикрыть четыре солнца,
 И в них трепещут синие молнии.
 120 Быть грому великому!
 Идти дождю стрелами с Дону великого!
 Тут-то коньям поломаться,
 Тут-то саблям притушиться
 О шелома половецкие,
 На реке на Каяле, у Дона великого!
 О Русская земля, далеко уж ты за горами!
 И ветры, Стрибоговы внуки,
 Веют с моря стрелами
 На храбрые полки Игоревы.
 130 Земля гремит,
 Реки текут мутно,
 Прахи поля покрывают,
 Стяги глаголют!
 Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.
 Русские полки отступили.
 Бесовы дети кликом поля прегородили,
 А храбрые русские щитами червлеными.
 Ярый тур Всеволод!
 Стоишь на обороне,
 140 Прыщешь на ратных стрелами,
 Гречишь по шеломам мечом харалужным;
 Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
 Там лежат нечестивые головы половецкие,
 Порубленные калеными саблями шлемы аварские
 От тебя, ярый тур Всеволод!
 Какою раною подорожит он, братие,
 Он, позабывший о жизни и почестях,
 О граде Чернигове, златом престоле родительском,
 О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны красная.
 150 Были веки Трояновы,
 Миновались лета Ярославовы;

Были битвы Олега,
 Олега Святославича.
 Тот Олег мечом крамолу ковал,
 И стрелы он по земле сеял.
 Ступал он в златое стремя в граде Тьмутаракане!
 Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын Всеволодов,
 А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
 Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
 160 И на конскую зеленую попону положили его
 За обиду Олега, храброго юного князя.
 С той же Каялы Святополк после сечи увел отца своего
 Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
 Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и выросло междуособием.
 Погибала жизнь Дажьбожиных внуков,
 Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
 Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
 Но часто граяли враны,
 Труны деля меж собою;
 170 А галки речь свою говорили:
 Хотим полететь на добычу.
 То было в тех сечах, в тех битвах,
 Но битвы такой и не слыхано!
 От утра до вечера,
 От вечера до света
 Летают стрелы каленые,
 Гремят мечи о шеломах,
 Трещат харалужные копья
 В поле неизвестном
 180 Среди земли Половецкия.
 Черна земля под копытами
 Костьми была посеяна,
 Полита была кровию,
 И по Русской земле взошло бедой!..
 Что мне шумит,
 Что мне звенит
 Так задолго рано перед зарею?
 Игорь полки заворачивает:
 Жаль ему милого брата Всеволода.
 190 Билися день,

Бились другой,
 На третий день к полдню
 Пали знамена Игоревы!
 Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
 Тут кровавого вина не достало;
 Тут пир dokonчили бесстрашные русские:
 Сватов попоили,
 А сами легли за Русскую землю!
 Поникает трава от жалости,
 200 А древо печалию
 К земле преклонилось.
 Уже невеселое, братья, время настало;
 Уже пустыня силу прикрыла!
 И встала обида в силах Дажьбожих внуков,
 Девой вступя на Троянову землю,
 Крыльями всплеснула лебедиными,
 На синем море у Дона плескаяся.
 Прошли времена, благоденствием обильные,
 Миновались брани князей на неверных.
 210 Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
 И стали князья говорить про малое, как про великое,
 И сами на себя крамолу ковать,
 А неверные со всех сторон приходили с победами на Русскую землю!
 О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
 А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
 Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
 Мча разорение в пламенном роге!
 Жены русские всплакали, приговаривая:
 220 «Уж нам своих милых лад
 Ни мыслию смыслить,
 Ни думою сдумать,
 Ни очами сглядеть,
 А злата-серебра много утрачено!»
 И застонал, друзья, Киев печалию,
 Чернигов напастию,
 Тоска разлилась по Русской земле,
 Обильна печаль потекла среди земли Русския.
 Князи сами на себя крамолу ковали,
 А неверные сами с победами набегали на Русскую землю,

230 Дань собирая по белке с двора.
 Так-то сии два храбрые Святославича,
 Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
 Едва усыпил его мощный отец их,
 Святослав грозный, великий князь киевский,
 Гроза был Святослав!
 Притрепетал он врагов своими сильными битвами
 И мечами булатными;
 Наступил он на землю Половецкую,
 Притоптал холмы и овраги,
 240 Возмутил озера и реки,
 Исушил потоки, болота;
 А Кобяка неверного из луки моря,
 От железных великих полков половецких
 Вырвал, как вихорь!
 И Кобяк очутился в городе Киеве,
 В гриднице Святославовой.
 Немцы и венеды,
 Греки и моравы
 Славу поют Святославу,
 250 Кают Игоря-князя,
 Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
 Насышая ее золотом русским.
 Там Игорь-князь из златого седла пересел на седло отрока;
 Уняли в градах забралы,
 И веселие поникло.
 И Святославу смутный сон привиделся:
 «В Киеве на горах в ночь сию с вечера
 Одевали меня, — рек он, — черным покровом на кровати тесовой;
 Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
 260 Сыпали мне пустыми колчанами
 Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
 И меня нежили.
 А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
 И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
 Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...
 Уж не послать ли мне к синему морю?»
 И бояре князю в ответ рекли:
 «Печаль нам, князь, умы полонила;

Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
 270 Поискать города Тмутараканя
 Или выпить шеломом из Дона.
 Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
 Сами ж запутаны в железных опутинах.
 В третий день тьма наступила.
 Два солнца померкли,
 Два багряных столпа угасли,
 А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
 Тьмою подернулись.
 На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
 280 Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
 И в море ее погрузили,
 И в хана вселилось буйство великое.
 Нашла хула на хвалу,
 Неволя грянула на волю,
 Вергнулся Див на землю!
 Вот уж и готские красные девы
 Вспели на бреге синего моря;
 Звоня золотом русским,
 Поют они время Бусово,
 290 Величают мечь Шаруканову.
 А наши дружины гладны веселием!»
 Тогда изронил Святослав великий слово златое, со слезами смешанное:
 «О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
 Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
 А себе искать славы!
 Не с честью вы победили,
 С нечестием пролили кровь неверную!
 Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
 И в буйстве закалено!
 300 То ль сотворили вы моей серебряной седине!
 Уже не вижу могущества моего сильного, богатого,
 многовойного брата Ярослава
 С его черниговскими племенами,
 С монгутами, татранами и шелбирами,
 С топчаками, ревугами и олберами!
 Они без щитов с кинжалами засапожными
 Кликом полки побеждали,

Звения славою прадедов.
 Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
 Славу передню сами похитим,
 310 Заднюю славу сами поделим!»
 И не диво бы, братья, старому стать молодым.
 Сокол ученый
 Птиц высоко взбивает,
 Не даст он в обиду гнезда своего!
 Но горе, горе! Князья мне не в помощь!
 Времена обратились на низкое!
 Вот и у Ромея кричат под саблями половецкими,
 А князь Владимир под ранами.
 320 Горе и беда сыну Глебову!
 Где ж ты, великий князь Всеволод?
 Иль не помыслишь прилететь издалече, отцовский
 златой престол защитить?
 Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
 А Дон шеломами вычерпать,
 Будь ты с нами, и была бы дева по ногате,
 А отрок по резане.
 Ты же по суху можешь
 Стрелять живыми шереширами с чадами Глеба удалыми;
 А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,
 Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
 330 Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
 Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле неизвестном?
 Вступите, вступите в стремя златое
 За честь сего времени, за Русскую землю,
 За раны Игоря, буйного Святославича!
 Ты, галицкий князь Осьмомысл Ярослав,
 Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом,
 Подпер Угрские горы полками железными,
 Заступил ты путь королю,
 Затворил Дунаю ворота,
 340 Бремена через облаки мечешь,
 Рядишь суды до Дуная,
 И угроза твоя по землям течет,
 Ворота отворяешь к Киеву,

Стреляешь в султанов с золотого престола отцовского через дальние земли.
 Стрелей же, князь, в Кончака, неверного кошея, за Русскую землю,
 За раны Игоря, буйного Святославича!
 А ты, Мстислав, и ты, смелый Роман!
 Храбрая мысль носит вас на подвиги,
 Высоко возлетаете вы на дело отважное,
 350 Словно как сокол на ветрах ширяется,
 Птиц одолеть замышляя в отважности!
 Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
 Дрогнули от них земля и многие области хановы,
 Литва, деремела, ятвяги,
 И половцы, копьа свои повергнув,
 Главы подклонили
 Под ваши мечи харалужные.
 Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило
 И древо свой лист не добром сронило;
 360 По Роси, по Суле грады поделены,
 А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
 Дон тебя, князя, кличет,
 Дон зовет князей на победу!
 Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
 Вы же, Ингвар, и Всеволод, и все три Мстиславича,
 Не худого гнезда шестокрильцы,
 Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
 На что вам златые шеломы,
 Ваши польские копя, щиты?
 370 Заградите в поле врата своими острыми стрелами
 За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
 Не течет уже Сула струею серебряной
 Ко граду Переяславию;
 Уж и Двина болотом течет
 К оным грозным полочанам под кликом неверных.
 Один Изяслав, сын Васильков,
 Позвенел своими острыми мечами о племы литовские,
 Утратил он славу деда своего Всеслава,
 Под червленными щитами на кровавой траве
 380 Положен мечами литовскими,
 И на сем одре возгласил он:
 «Дружину твою, князь Изяслав,

Крылья птиц приодели,
 И звери кровь полизали!»
 Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода.
 Один изронил ты жемчужную душу
 Из храброго тела
 Через золотое ожерелье!
 390 Голоса приуныли,
 Поникло веселье,
 Трубят городенские трубы.
 И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава,
 Пришлось преклонить вам стяги свои,
 Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
 Отскочили вы от дедовской славы,
 Навели нечестивых крамолами
 На Русскую землю, на жизнь Всеславу!
 О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкия!
 400 На седьмом веке Трояновом
 Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
 Он, подпершись клюками, сел на коня,
 Поскакал ко граду Киеву
 И коснулся древком копья до золотого престола Киевского.
 Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
 Синею мглою обвешенный,
 К утру ж, вонзивши стригузы, раздвинул врата Новугороду,
 Славу расшиб Ярославову,
 Волком помчался с Дудуток к Немизе.
 410 На Немизе стелют снопы головами,
 Молотят цепами булатными,
 Жизнь на току кладут,
 Веют душу от тела.
 Кровавые бреги Немизы не добром были посеяны,
 Посеяны костями русских сынов.
 Князь Всеслав людей судил,
 Князьям он рядил города,
 А сам в ночи волком рыскал;
 До петухов он из Киева успевал к Тьмутаракани,
 К Херсоню великому волком он путь перерывкивал.
 420 Ему в Полоцке рано к заутрене зазвонили
 В колокола у святых Софии,

А он в Киеве звон слышал!
 Пусть и вещая душа была в крепком теле,
 Но часто страдал он от бед.
 Ему первому и вещей Боян мудрым припевом предрек:
*«Будь хитер, будь смышлен.
 Будь по птице горазд,
 Но божьего суда не минуешь!»*
 О, стонать тебе, земля Русская,
 430 Вспоминая времена первые и первых князей!
 Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!
 Стяги его стали ныне Рюриковы,
 Другие Давыдовы;
 Нося на рогах их, волю ныне землю пашут,
 И конья славят на Дунае».

Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечеткою кличет:
 «Полечу, — говорит, — чечеткою по Дунаю,
 Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
 Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».

440 Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, приговаривая:
 «О ветер, ты, ветер!
 К чему же так сильно веешь?
 На что же наносишь ты стрелы ханские
 Своими легковейными крыльями
 На воинов лады моей?
 Мало ль подоблачных гор твоему веянию?
 Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянию?
 На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?»

450 Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, припеваючи:
 «О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
 Ты пробил горы каменные
 Сквозь землю Половецкую;
 Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
 Прилелей же ко мне ты ладу мою,
 Чтоб не слала к нему по утрам, по зорям слез я на море!»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене городской, припеваючи:
 «Ты, светлое, ты, пресветлое солнышко!
 Ты для всех тепло, ты для всех красно!
 Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов лады моей,
 460 Что в безводной степи луки им сжало жаждой

И заточило им тулы печалью?»
Прыснуло море к полуночи;
Идут мглою туманы;
Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К золотому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит — не спит:
Игорь мыслию поле меряет
470 От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи;
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвинулись.
480 Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвергнулся князь на быстра коня,
Соскочил с него босым волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избывая гусей-лебедей к завтраку, и обеду и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
490 Притомили они своих борзых коней!
Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Тебе, лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами

500 Под навесом зеленого древа,
 Охранявшему его на воде гоголем,
 Чайками на струях,
 Чернедами на ветрах.
 Не такова, — примолвил он, — Стugna-река:
 Худая про нее слава!
 Пожирает она чужие ручьи,
 Струги меж кустов расторгает.
 А юноше князю Ростиславу
 Днепр затворил берега зеленые.
 510 Плачет мать Ростислава
 По юноше князе Ростиславе.
 Увянул цвет жалобою,
 А деревья печалию к земле преклонило».

Не сороки защекотали —
 Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
 Тогда враны не граили,
 Галки замолкли,
 Сороки не стрекотали,
 Ползком только ползали,
 520 Дятлы стуком путь к реке кажут,
 Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
 Молвил Гзак Кончаку:
 «Если сокол ко гнезду долетит,
 Соколенка мы расстреляем стрелами злачеными!»
 Гзак в ответ Кончаку:
 «Если сокол ко гнезду долетит,
 Соколенка опутаем красной девицей!»
 И сказал опять Гзак Кончаку:
 «Если опутаем красной девицей,
 530 То соколенка не будет у нас,
 Ни будет и красной девицы,
 И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»
 Пел Боян, песнотворец старого времени,
 Пел он походы на Святослава,
 Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дщери когановой.
 «Тяжко, — сказал он, — быть голове без плеч,
 Худо телу, как нет головы!»
 Худо Русской земле без Игоря!

540 Солнце светит на небе —
 Игорь-князь в Русской земле!
 Девы поют на Дунае,
 Голоса долетают через море до Киева,
 Игорь едет по Боричеву
 Ко святой богородице Пирогощей.
 Радостны земли,
 Веселы грады! —
 Песнь мы спели старым князьям,
 Песнь мы спели князьям молодым:
 550 Слава Игорю Святославичу!
 Слава буйному туру Всеволоду!
 Слава Владимиру Игоревичу!
 Здравствуйте, князья и дружина,
 Поборая за христиан полки неверные!
 Слава князьям, а дружине аминь!

ЦЕИКС И ГАЛЬЦИОНА

Отрывок из Овидиевых «Превращений»

Цейкс, тревожимый ужасом тайных, чудесных видений,
 Был готов испытать прорицанье Кларийского бога —
 В Дельфы же путь заграждали Форбас и дружины флегиян.
 Он приходит к своей Гальционе, верной супруге,
 Ей сказать о разлуке... сказал... ужаснулась и хладом
 Грудь облилася; бледность ланиты покрыла; слезами
 Очи затмились, трикраты ответ начинала — трикраты
 Скованный горем язык изменял; наконец возопила,
 Частым рыданием томно-печальную речь прерывая:
 10 «Милый супруг мой, какую виной от себя удалила
 Я твое сердце? Ужели не стало в нем прежней любви?
 Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальциону;
 Путь выбираешь дальнейший; я уж милей в отдаленье.
 Странствуй ты по земле — тогда бы сердце не знало
 Страху в печали; была бы тоска без заботы... но моря,
 Моря страшусь; ужасает печальная мрачность пучины;
 Волны — я зрела вчера — корабельны обломки носили;
 Здесь не раз на гробницах пустых имена я читала.

Друг, не вверяйся надежде бесстрашного сердца; не льстися
 20 Дружбой родителя, бога Эола, могущего силу
 Ветров смирать и море по воле мутить и покоить.
 Раз овладевши волнами, раскованны ветры не знают
 Буйству границ; и земля и моря им покорны; сгоняют
 Тучи на небо и страшным огнем зажигают их недра.
 Ах! чем боле их знаю (а знать их должна; я младенцем
 Часто в жилище отца их видала), тем боле страшусь их.
 Если ж ни просьбы, ни слезы мои над тобою не властны,
 Если уж в море далекое должно, должно пускаться,
 30 Друг, возьми с собою меня: мы разделим судьбину;
 Зная, чем стражду, менее буду страдать; что ни встретим,
 Все заодно; без разлуки неверным волнам предадимся».

Тронутый жалобной речью супруги, сын Люциферов
 Долго безмолвствовал, в сердце тая глубокое горе.
 Но, постоянный в желанье, он вверить своей Гальционы
 Вместе с собою произволу опасного моря не смеет.
 Хочет её убедить ободрительным словом... напрасно!
 Нет убежденья печальной душе. Наконец он сказал ей:
 «Долго разлука и краткая длится; но я Люцифером
 Светлым клянусь возвратиться, если допустит судьбина,
 40 Прежде чем дважды луна в небесах совершиться успеет».

Сим обетом надежду на скорый возврат ожививши,
 Он повелел спустить на волны ладью и, не медля,
 Снасти устроить и всё изготовить к далёкому бегу.
 Видит ладью Гальциона и, вещей душой предузнавши
 Будущий рок, содрогнулась, слезы ручьем полилися;
 Нежно прижалась к супругу лицом безнадежно печальным;
 Томно шепнула: «прости!» — и пала без чувства на бреге.
 Медлит унылый супруг; но пловцы уж рядами взмахнули
 50 Весла, прижав их к могучим грудям, и согласным ударом
 Вспенили влагу. Тронулось судно. Она отворила
 Влажные очи и видит его у кормы... Удаляясь,
 Знаком прощальным руки он последний привет посылает;
 Тем же знаком она отвечала. Дале и дале
 Берег уходит, и очи лица распознать уж не могут;
 Долго, долго преследует взором бегущее судно;
 Но когда и оно в отдаленье пространства пропало,
 Силится взором поймать на мачте играющий парус;

Скоро и парус пропал. И безмолвно в чертог опустелый
 Тихо пошла Гальциона и пала на одр одинокий...
 60 Ах! и чертог опустелый, и одр, и все раздражало
 Грустное сердце, твердя о далекоплывущем супруге.
 Судно бежит. Вдруг ветер шатнул неподвижные верви;
 Праздные весла к бокам ладии прислонив, корабельщик
 Волю дал парусам и пустил их свободно по мачте:
 Полные ветром попутным, шумя, паруса натянулись.
 Море браздя, половину пути уж ладья совершила;
 Берег повсюду равно отдален, повсюду невидим.
 Вдруг перед ночью надулися волны, море белеет;
 70 Сильный порывистый ветер внезапно ударил от юга.
 «Свить паруса!» – возопил ужаснувшийся кормщик... напрасно!
 Ветра могучий порыв помешал повеленье исполнить;
 Шумом ревущей волны заглушило невнятное слово.
 Сами гребцы на работу бегут; один убирает
 Весла, другой чинит расколовшийся бок, тот исторгнуть
 Силится парус у ветра; а тот, из ладьи выливая
 В трещины бьющую воду, волны волнам возвращает.
 Всё в беспорядке, а буря грозней и грозней; отовсюду
 Ветры, слетаяся, бьются, и море, вздымаяся, воет;
 Кормщик бодрость утратил, и сам, признавая опасность,
 80 Где они, что им начать, от чего остеречься, не знает.
 Властвует буря, ничтожны пред нею искусство и опыт;
 Вихорь, вопли гребцов, скрыпенье снастей, непрерывный
 Плеск отшибаемых волн и гром отовсюду... ужасно!
 Воды буграми, и море то вдруг до самого неба
 Рвется допрыгнуть и темные тучи волнами обрызгать;
 То, подымая желтый песок из глубокия бездны,
 Мутно желтеет; то вдруг чернее стигийския влаги;
 То, опадая и пеной шипящей разбившись, белеет.
 Мчится трахинское легкое судно игралищем бури;
 90 Вдруг взлетит и как будто с утесистой горной стремнины
 Смотрит в глубокий дол, в глубокую мглу Ахерона;
 Вдруг с волной упадет и, кругом взгроможденному морю,
 Видит как будто из адския бездны далекое небо.
 Страшно гремит ладья, отшибая разящие волны:
 Так раздаются удары в стене, тяжелым тараном
 Глухо разимой иль брошенным тяжким обломком утеса,

Словно как пламенный лев свирепеет, теснимый ловцами,
 Бешен встает на дыбы и грудью кидается в копыа:
 Так яримая ветром волна, бросаясь на мачты,
 Судно грозитя пожрать и ревет, над ним подымаясь.
 Киль распатался; утратив защиту смолы, раздался
 Бренные сшивы досок, и вторглась губящая влага;
 Вдруг облака, расступившись, дождем зашумели; казалось,
 Небо упало на море и море воздвиглося к небу.
 Взмokли все паруса, смешались с водами пучины
 Воды небес, и казалось, что звезды утратили небо.
 Темную ночь густила темная буря; но часто
 Молнии быстрым, излучистым блеском, летая по тучам,
 Ярko сверкали, и бездна морская в громах загоралась.
 Вдруг поднялся и бежит, раскачавшись, ударить на судно
 Вал огромный. Подобно бойцу-великану, который
 Дерзко не раз набегал на раскат осажденного града,
 Сбитый, снова рвался, наконец, окрыляемый славой,
 Силой взбежал на вершину стены один из дружины:
 Так посреди стесненных валов, осаждающих судно,
 Все перевыся главой, воздвигся страшный девятый;
 Хлещет, бьет по скрыпучим бокам ладни утомленной,
 Рвется, ворвался и вдруг овладел завоеванным судном.
 Волны частью толпятся на приступ, частью вломилась;
 Все трепещет, как будто во граде, когда уж в проломы
 Бросился враг и стена за стеною, гремя, упадает;
 Тщетно искусство; мужество пало; мнится, что с каждой
 Новой волною новая страшная смерть нападает.
 Нет спасенья! тот плачет; тот цепенеет; тот мертвым
 В гробе завидует; тот к богам посылает обеты;
 Тот, напрасно руки подьема к незримому небу,
 Молит пощады; тот скорбит об отце, тот о брате,
 Тот о супруге и чадах, каждый о том, что покинул;
 Цепкс о милой своей Гальционе: одной Гальционы
 Имя твердит он, тоскует по ней, но, тоскуя, утешен
 Тем, что она далеко; хотел бы к домашнему берегу
 Раз оглянуться, раз хотел бы лицом обратиться
 К милому дому... но где же они? разъяренная буря
 Все помutila; сугубою мглою черные тучи
 Небо все обложили, и ночь беспредельная всюду.

Вихорь вдруг налетел... затрещав, подломилась и пала
 Мачта за край, и руль пополам. И, встав на добычу,
 Грозен, жаден, смотрит из бездны вал-победитель.
 Тяжкий, словно Афос, могучей рукою с подошвы
 140 Сорванный, словно Пинд, обрушенный в бездну морскую,
 Он повалился. Корабль, раздавленный падшей громадой,
 Вдруг потонул. Одни из пловцов, захлебнувшись
 В вихре пенных валов, не всплыли и разом погибли;
 Часть за обломки ладьи ухватилась. Цейкс руками,
 Некогда скипетр носившими, стиснул отбитую доску;
 В помощь отца, в помощь Эола, водою душимый,
 Часто зовет он, но чаще зовет свою Гальциону;
 С нею мысли и сердце; жаль ее, а не жизни;
 150 Молит он волны: тело его до очей Гальционы
 Милых донести, чтоб родная рука его схоронила;
 Он утопает, но только что волны дыханье отпустят,
 Он Гальциону зовет, он шепчет водам: «Гальциона!»
 Вдруг горой набежала волна, закипела и, лопнув,
 Пала к нему на главу и его задавила паденьем...
 Мраком задернувшись, в оную ночь был незрим и незнаем
 Светлый Люцифер: невластный покинуть вершины Олимпа,
 Он в высоте облаками закрыл печальные очи.
 Тою порою Эолова дочь, об утрате не зная,
 Ночи свои в нетерпенье считает, готовит супругу
 160 Платья, уборы готовит себе, чтоб и ей и ему нарядиться
 В день возврата, ласкаясь уже невозможным свиданьем.
 Всех богов призывая, пред всеми она зажигает
 Жертвенный ладан; Юнону ж богиню усерднее молит,
 Молит, увы! о погибшем, навек невозвратном супруге;
 Молит, чтоб он был здоров, чтоб к ней возвратился, чтоб, верный,
 Сердца не отдал другой... из стольких напрасных желаний
 Только последнее слишком, слишком исполнено было.
 Но мольбы Гальционы о мертвом тревожат Юнону:
 Жертву и храм оскверняет рука, посвященная тени.
 170 «Вестница воли богов (сказала Юнона Ириде),
 Знаешь, где Сон обитает, безмолвный податель покоя,
 К этому богу лети от меня повелеть, чтоб, не медля,
 В образе мертвого Цейкса призрак послал Гальционе
 Истину ей возвестить». Сказала... Ирида, в одежде

Яркостью красок блестящей, дугой в небесах отразившись,
 Быстро порхнула к обители бога, в скалах сокровенной.
 Есть в стороне киммериян пустая гора с каменной
 Мрачной пещерой; издавна там Сон обитает ленивый.
 Там никогда — ни утром, ни в полдень, ни в пору заката -
 180 Феб не сияет; лишь тонкий туман, от земли подымаясь,
 Влажную стелется мглой, и сумрак сомнительный светит.
 Там никогда будитель пернатых с пурпуровым гребнем
 Дня не приветствует криком, ни пес — сторожитель молчанья
 Лаем своим не смущает, ни говором гусь осторожный;
 Там ни птицы, ни зверя, ни легкой ветки древесной
 Шорох не слышен, и слова язык человеческий не молвит;
 Там живет безгласный Покой. Из-под камня сочась,
 Медленной струйкой Летийский ручей, по хрящу пробираясь,
 190 Слабым, чуть слышным журчанием сладко наводит дремоту;
 Вход пещеры обсажен цветами роскошного мака
 С множеством трав: из них усыпительный сок выжимая,
 Влажная Ночь благодатно кропит им усталую землю.
 В целом жилище нет ни одной скрипучия двери,
 Тяжко на петлях ходящей, нет на пороге и стража.
 Одр из гебена стоит посредине чертога, задернут
 Темной завесой; наполнены пухом упругим подушки.
 Бог, разметавшись на ложе, там нежит расслаблены члены.
 Ложе осыпав, Сны бестелесные, легкие Грезы
 Тихо лежат в беспорядке, несчетны, как нивные класы,
 200 Листья дубрав иль песок, на бреге набросанный морем.
 Входит в пещеру младая богиня, раздвинув рукою
 Вход заслонявшие Сны. Сиянье небесной одежды
 Быстро темный чертог облеснуло. Встревоженный блеском,
 Бог медлительно поднял очи и снова закрыл их;
 Силится встать, но слабость голову сонную клонит;
 Нехотя он приподнялся; шатаясь, оперся на руку;
 Встал. «Зачем ты?» — спросил он богиню. Ирида сказала:
 «Сон, живущих покой! о Сон, божество благодати!
 Мир души, усладитель забот, усталого сердца
 210 Нежный по тяжких трудах и печалях дневных оживитель,
 Сон! повели, чтоб Мечта, подражатель обманчивый правде,
 В город Ираклов Трахины под видом царя полетела
 Там сновиденьем погибель супруга явить Гальционе.

Так повелела Юнона». Окончив, Ирида младая
 Бога покинуть спешит: невольно ее покоряла
 Сонная сила, и тихо кралось в нее усыпление.
 Снова лазурью по радуге светлой она полетела.
 Бог из несметного роя им порожденных видений
 Выбрал искусника, всех принимающего видов Морфея:
 220 Выдумщик хитрый, по воле во всех он является лицах,
 Всё выражает: и поступь, и телодвиженья, и голос,
 Даже все виды одежд и каждому свойственны речи;
 Но способен он брать лишь один человеческий образ.
 Есть другой — тот является птицей, зверем, шипящим
 Змеем, слывет на Олимпе Икелос, а в людях Фоветор.
 Третий, мечтательный Фантазос, дивным своим дарованьем
 В камни, волны, пригорки, пни, во все, что бездушно,
 С легкостью быстрой влетает. Они царям и владыкам
 Чудятся ночью; другие ж народы и граждán посещают.
 230 Бог, миновав их, из легкого сонмища вызвал Морфея
 Волю Ириды свершить; потом, обессилен дремотой,
 Голову томно склонил и в мягкий пух погрузился.
 Тихо Морфей на воздушных, без шороха веющих крыльях
 Мраком летит; он, скоро полет соверша, очутился
 В граде Гемонском, и крылья сложил, и Цейксов образ
 Принял: бледен, подобно бездушному, наг, безобразен,
 Он подошел к одру Гальционы; струею лилася
 Влага с его бороды; с волос бежали потоки.
 К ложу тихо склонившись лицом, облитым слезами,
 240 Он сказал: «Я Цейкс; узнала ль меня, Гальциона?
 Смерть ужель изменила меня? Всмотрися — узнаешь;
 Иль хоть призрак супруга вместо супруга обнимешь.
 Тщетны были моления твои, Гальциона: погиб я.
 В море Эгейском южный порывистый ветер настигнул
 Нашу ладью, и долго бросал по волнам, и разрушил.
 Мне в уста, напрасно твое призывавшие имя,
 Влага морская влилась. Не гонец пред тобой, Гальциона,
 С вестью неверной; не слуху неверному ныне ты внемлешь:
 Сам я, в море погибший, тебе повествую погибель.
 250 Встань же, вдова; дай слез мне, оденься в одежды печали.
 О! да не буду я в Тартаре темном бродить неоплакан!»
 Так говорил Морфей, и голос его был подобен

Голосу Цейкса; очи его непритворно слезами
 Плакали; даже и руки свои простирал он как Цейкс.
 Тяжко во сне Гальциона рыдала; сквозь сон протянула
 Руки; ловит его, но лишь воздух пустой обнимает.
 «Стой! — она возопила. — Помедли, я за тобою».
 Собственный голос и призрак ее пробудили; вскочила
 В страхе; ищет, очами кругом озираясь, тут ли
 260 Виденный друг?.. На крик ее прибежавший невольник
 Подал светильник — напрасно! нигде его не находит.
 С горя бьет себя по лицу, раздирает одежду,
 Перси терзает и рвет на главе неразвитые кудри.
 «Что с тобой, Гальциона?» — спросила кормилица в страхе.
 «Нет Гальционы, — она возопила, — нет Гальционы!
 С Цейксом вместе она умерла; оставь утешенье;
 Он погиб: я видела образ его и узнала.
 Руки простерла его удержать, напрасно — то было
 Тень; но тень знакомая, подлинный Цейксов образ.
 270 Правда, почудилось мне, что в милом лице выразалось
 Что-то чужое, не прежнее: прелести не было прежней.
 Бледен, наг, утомлен, с волосами, струящими влагу,
 Мне привиделся Цейкс, и там стоял он, печальный!
 Вот то место... (и мутно глаза привиденья искали).
 Друг! не того ли страшилося вешнее сердце, когда я
 Так молила тебя остаться и ветрам не верить?
 К смерти навстречу спешил ты... почто ж Гальциону
 Здесь ты покинул? Вместе нам все бы спасением было.
 280 Ах! тогда ни минуты бы жизни розно с тобою
 Я не утратила: смерть постигла бы нас неразлучных.
 Ныне ж в отсутствии гибну твоею погибелью; море
 Все мое лучшее, всю мою жизнь в тебе погубило.
 Буду безжалостней самого моря, если останусь
 Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.
 Нет! не хочу ни терпеть, ни тебя отрекаться, о милый,
 Бедный супруг мой; все разделим; пускай нас в могиле
 Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетается;
 Розно прахом, будем хотя именами не розно».
 Тут умолкла: печаль оковала язык, и рыданье
 290 Дух занимало, и стоны рвались из ноющей груди. -
 Было утро; она повлеклася на тихое взморье,

К месту тому, откуда вслед за плывущим смотрела.
 Там стояла долго: «Отсюда ладья побежала;
 Здесь мы последним лобзаньем простились». Так повторяя
 Прошное думую, взор помраченный она устремляла
 В даль морскую. Вдали, на волнах колыхаясь, мелькает
 Что-то, как труп, — но что? Для печального взора не ясно.
 Ближе и ближе, видней и видней; уже Гальциона
 Может вдали распознать плывущее мертвое тело.
 300 Кто бы ни был погибший, но бурей погиб он; и горько
 Плача об нем, как бы о чужом, она возопила:
 «Горе, бедный, тебе! горе жене овдовевшей!»
 Тело плывет, а сердце в ней боле и боле мутится.
 Вот уж у берега; вот и черты различает уж око.
 Смотрит... Кто ж? Цейкс. «Он! — возопила, терзая
 Перси, волосы, платье. С берега трепетны руки
 К телу простерла. — Так ли, мой милый, так ли, несчастный,
 Ты возвратился ко мне?..» В том месте плотина из камня
 310 Брег заслоняла высокой стеной от приливного моря,
 В бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
 С той высокой стены в пучину стремглав Гальциона
 Бросилась... Что же? о чудо! она взвилась, и над морем,
 Воздух свистящий внезапно-расцветшим крылом разбивая,
 Вдоль по зыбучим волнам полетела печальною птицей.
 Жалобно в грустном полете, как будто кого прикликая,
 Звонким шелкая носом, она протяжно стенала;
 Прямо на труп охладелый и бледный она опустилась;
 Нежно безгласного юным крылом обняла и как будто
 320 Силилась душу его пробудить безответным лобзаньем.
 Был ли чувствителен Цейкс, волны ль ему, колыхаясь,
 Подняли голову, — что бы то ни было — он приподнялся.
 Скоро, над их одиночеством сжалась, бессмертные боги
 В птиц обратили обоих; одна им судьба; и поныне
 Верны бывалой любви; и поныне их брак не разорван.
 Поздней зимней порою семь дней безбурных и ясных
 Мирно, без слета сидит на плавучем гнезде Гальциона;
 Море тогда безопасно; Эол, заботясь о внуках,
 Ветры смиряет, пловца бережет, и воды спокойны.

СИД В ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕРДИНАНДА (ВЕЛИКОГО)

I

Мрачен, грустен Дон Диего!
Что сравнить с его печалью.
О своей погибшей славе
Он тоскует день и ночь.
Посрамлен навеки древний
Знаменитый дом Ленесов.
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аварки славой с ним.
Оскорбленный древний старец
10 Слезы льет, сходя в могилу.
А Дон Гормас торжествует
Без отмщения над ним.
Сон забыв, не зная пищи,
Он очей не поднимает,
За порог свой не выходит,
Не отвечает друзьям,
Не приемлет их приветов,
Ни сердечных утешений.
20 «Посрамленного дыханье, —
Мыслит он, — срамит друзей!»
Наконец сложил он бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей созвал, но с ними
Слова он не говорит.
И в молчаньи грозном руки
Крепко узами связал им,
Все трепещут и рыдая
Просят жизнь им сохранить.
Нет душе его надежды!
30 Но отчаянному бодрость
С упованием возвращает
Дон Родриго, младший сын.
На отца блеснув очами,
Отступил он и воскликнул:
«Иль забыл отец мой, кто ты?»

Иль не ведаешь, кто я?
Если б ты своей рукою
Сам меня не опоясал
Боевым мечом на славу —
40 Был бы меч в твоей груди!»
Слезы градом покатались
По родительским ланитам;
Он прижал ко груди сына:
«Ты, Родриго, ты мой сын!
Бодрый гнев твой мне услада!
Скорбь твоя мне исцеленье!
Не с отцом, мой сын Родриго,
С посрамителем отца
50 Ты изведай меч мой!» — «Где он?
Кто обидчик?» — сын воскликнул.
Дал едва отцу и время
Про обиду рассказать.

II

Удается Родриго
Полон гнева, полон думы
О враге своем могучем,
О младых своих годах.
Знает, в горной Астурии
Дон Гормас богат друзьями,
60 И в совете королевском,
И в сраженье первый он.
Но лишь вспомнит, как обижен
Был отец, и все иное
Позабыто, и управы
Ждет себе лишь от небес.
Храбрость — требованье чести,
Храбрым юность не причина,
А за честь охотно гибнет
И младенец в пеленах.
Со стены он меч снимает,
70 Меч, испробованный в битвах,
Знаменитый меч Модарда!
(Одиноко на стене

Он висел, как бы горюя
 О руке его носившей).
 И Родриго, им любуясь,
 Так приветствовал его:
 «Ведай меч мой, что дождался
 Ты руки такой отважной,
 Как модардова, хоть силой
 20 С ней она и не равна.
 Новый витязь твой не дрогнет
 В битве ратуя с тобою;
 Пусть булат твой благороден,
 Благородней сердцем я!
 Чей ты был, тому победа.
 Будет тот, чей ты, отважен.
 Если будешь обесчещен,
 Меч, не будь тогда ничей.
 Глубоко врагу в утробу
 90 Ты проникнешь обнаженный.
 Обнажись же! Наступила
 Мести праведной пора».
 И тайком, никем не видим,
 Дом отцовский он покинул.
 Не прошло еще и часа,
 Как стоял он пред врагом.

III

Там на площади дворцовой
 Встретил витязь Дон Гормаса,
 Одного, без провожатых,
 100 И вступил с ним в разговор.
 «Дон Гормас, ответствуй, знал ли
 Ты о сыне Дон Диего,
 Оскорбив рукою дерзкой
 Святость старцева лица?
 Знал ли ты, что Дон Диего
 Есть потомок Лайна Калва,
 Что породы нет славнее,
 Нет славней его щита?
 Знал ли, что пока дышу я,

110 Не дерзал еще ни смертный,
 Ни бессмертный сам владыка
 Ненаказан оскорбить?»
 Дон Гормас в ответ: «Младенец,
 Что и жизни половина
 Ты не знаешь». — «Знаю твердо», —
 Смелый витязь возразил.
 «Половина жизни — почесть
 Воздавать достойным чести,
 А другая половина —
 120 Горделивцев унижать
 И заглаживать обиды
 Кровью дерзких», — и умолкнув,
 Он упер в лицо Гормаса
 Раскаленные глаза.
 «Что ж? Чего ты ждешь, младенец?» —
 «Головы твоей надменной». —
 «Розог ждешь ты!» — Царь небесный!
 Как от слов сих вспыхнул Сид!

IV

130 Горько слезы, тихо слезы
 По ланитам старца льются.
 За столом своим семейным
 Он сидит, все позабыв.
 О стыде своем он мыслит,
 О младом своем Родриго,
 О ужасном поединке,
 О могуществе врага,
 Обесчещен — все прискорбно,
 Недоверчив, безнадежен.
 Но душою млад и весел,
 140 Тот, кто честь свою сберег.
 И скорбящий не приметил,
 Как вошел к нему Родриго,
 Приложив ко груди руки
 И под мышкой меч зажав.
 С состраданием глубоким
 На отца глядел Родриго;

Вдруг подходит и пожавши
 Руку старца: «Ешь, отец»,—
 Говорит, придвинув пищу.
 150 Но быстрее старца слезы
 Поилися! «Ты ль, Родриго,
 Мне даешь такой совет?»
 «Я родитель! Смело можешь
 Ты поднять священные очи».

«Спасена ли наша слава,
 Отвечай мне». — «Он убит!»
 «Сядь со мной, мой сын Родриго,
 Поделись со мною пищей:
 160 Кто с врагом подобным сладил,
 Первый тот в своем роду».

Со слезами на коленях
 Сын лобзает руки старца,
 И в слезах лобзает старец
 Сына в очи и уста.

V

Крики, вопли, шумны крики,
 Конский топот, стук оружия
 Раздаются во Бургосе,
 Королевский двор открыт,
 170 И король на шум выходит
 Из палат своих высоких,
 С ним идут его вельможи
 Ко дворцовым воротам.
 У ворот стоит Химена,
 Распустив власы в печали
 И слезами заливаясь,
 Пала ниц пред королем.
 И вблизи был Дон Диего,
 Триста мужей благородных,
 Позади его, и с ними
 180 Гордый, смелый Кастильянец
 Дон Родриго; те на мулах —
 Он один лишь на коне.
 Те в перчатках с бахромою;

Он один в простых перчатках;
Те в парче, серебре и злате;
Он один в стальной броне.
И народ, и двор, завидя
Приближенье их, воскликнул:
«Вот дитя, которым славный
190 Дон Гормас был побежден».
Витязь твердо и сурово
Оглянулся и промолвил:
«Если кто обижен смертью
Дон Гормаса, друг, родня,
Кто бы ни был, конный, пеший
Выходи.» — Но все замолкли.
«Пусть с тобой дерется, шельма,
Если хочет, Сатана».
200 Тут все триста провожатых
Сходят с мулов, чтоб покорно
Подойти к руке монарха.
Дон Родриго лишь один
На коне. «Сойди, Родриго, —
Говорит отец, — к монаршей
Подойти руке ты должен».
«Если требуешь, родитель,
То исполню для тебя».

VI

На коленях, умиленно
Короля Химена молит.
210 Орошенная слезами
И прекрасная в слезах,
Словно роза молодая
Под росой молодой денницы,
На ланитах пламень скорби;
Лишь слова ее певец,
А не взоры и не вздохи
В песнях выразить способен.
«Государь, — она сказала, —
Правосудия молю.
220 Пал могучий мой родитель.

Как змея отравой жалит,
Так мечом своим убийца
Моего пронзил отца.
Моего отца, потомка
Тех блестящих знаменосцев
Православного Пелага,
Выступавших с ним в бою.
Моего отца, защиту
Чистой веры христианской;
230 Он был ужас Альманзоров,
Он был первым среди равных,
Он жемчужина короны,
Драгоценная медаль.
Правосудия молю я!
Государь неправосудный —
Стыд престола, страх бессильных,
Ненавидим он могучим,
Нет ему от королевы
Ни привета, ни любви.
240 Иль ты дикий зверь, Родриго!
Грудь моя перед тобою:
Порази ж, чего ты медлишь!
Был убийцею отца,
Будь и дочери убийцей!
Мы с тобой враги отныне.
Мести требую от неба,
Землю всю зову на ты!»
Не отвечает Родриго,
Шевелит уздою конской
250 И, спиной поворотившись
К полководцам, поджидал он,
Что из них сразиться выйдет
По следам его противник.
Но ни с места ни один!
То увидевши, Химена
Поднимается и громко
Возглашает: «Мести, крови!
Я отмщения цена!»

VII

260 За столом сидел Фернандо
Во дворце своем в Бургосе.
Там в слезах Химена пала
На колени перед ним.
И промолвила стыдливо
Умоляющее слово:
«Государь, будь мне защитой.
Милой матери меня
Скорбь безвременно лишила;
Незаглажена осталась
Наша честь, пока убийца
270 Ненаказанный живет.
Каждодневно, как в насмешку,
Необузданный Родриго
Мимо наших окон скачет,
Бойкий сокол на руке.
Им он травит белокрылых
Голубей моих, ты видишь
Кровь моей ручной голубки
На косынке у меня.
280 Часто я то запрещала;
Что ж его ответом было?
Вот какие ныне строки
Мне в обиду он прислал.

VIII

На Кастилию напали
Мавры, пять их предводило
Королей; опустошенье,
Смерть и плен по их следам.
Уж в окрестностях Бургоса,
Монтедока, Бельдорадо,
Сан Доминго и Наррары
290 Вся страна расхищена...
Похищают стада, жатву,
Христиан влекут в неволю,
Старцев, жен, девиц, младенцев;

Старики безмолвно плачут,
 Робко спрашивают дети
 Матерей: «Куда идем?»
 Собрались с добычей мавры,
 Чтоб идти с ней восвоеси.
 И пути не преграждали
 300 Им никто, ни сам король.
 Но в Биваре в крепком замке
 Сведет ту беду Родриго;
 Двадцать лет едва считал он,
 Но отважный был он муж.
 Бабиека конь оседлан,
 На него Родриго прынул,
 Словно бог на громовую
 Колесницу; вслед за ним
 Все отца его вассалы;
 310 Уж они близ Монтедока
 И стоят стеною ратной
 Дожидаются врага!
 Царь небесный! Что за битва!
 Мавры все легли на месте,
 А похищенные стада,
 Христиане, старцы, жены
 Идут веселы и вольны
 Восвоеси; пять плененных
 Королей послал в подарок
 320 Победитель Дон Родриго
 Дон Фернанду королю.

IX

На престоле Дон Фернандо.
 Внемля жалобам народа,
 Заседал, определяя
 Наказанья и награды.
 Наказаньем и наградой
 Управляется народ.
 Вдруг является Химена.
 Триста мужей благородных

330 Вслед за ней, и ко престолу
 Приближается она.
 В черной траурной одежде
 Дочь могучего Гормаса
 У последняя ступени
 Пала ниц и говорит:
 «Государь, уже полгода
 С той поры прошло печальной,
 Как убийственной рукою
 Поражен родитель мой.
 340 Я не раз тебя с поклоном
 О вмешательстве молила
 И не раз мне обещал ты
 Правосудие и месть.
 Но обет свой не исполнил;
 Юн и дерзко необуздан
 Насмехается Родриго
 Над законами людей.
 Ты же сам ему защита!
 Кто дерзнул бы руку мести
 350 Вознести на Дон Родриго,
 Был бы худо награжден.
 Но владыка правосудный
 Бог земной; неправосудный
 Не любим; неблагодарен
 Пред отчизной; засекает
 Злобу, ненависть, раздоры
 И гоненья семена.
 Государь, о том подумай
 И прости мне, что упреком
 360 Стала горькая молитва
 Беззащитной сироты».
 «Твой упрек тебе прощаю, —
 Отвечал король Химене, —
 Но запомни: для тебя же
 Сохранил я Дон Родриго!
 Днесь его ты смерть молила,
 Скоро будешь о спасеньи
 Мила друга ты молить».

X

Чья бывала слава громче
 370 Громкой славы Дон Родриго?
 Пятерых пленил он разом
 Мавританских королей.
 Взявши с них обет подданства,
 Обязавши их налогом,
 Их без выкупа в отчизну
 Дон Фернандо отпустил.
 Град Коимбра был в осаде
 (Семь лет длилась осада),
 Но свершилось — пали башни,
 380 Пали стены городские
 К Дон Фернандовым стопам.
 И мечеть преобразили
 В светлый храм Пречистой Девы,
 Там и рыцарское бденье
 Дон Родриго совершил.
 Сам король на Дон Родриго
 Меч навесил на одежду.
 Королева боевого
 Подвела ему коня.
 390 Донна Урака, инфанта,
 Подала златые шпоры
 И подумала краснея:
 «Где подобный рыцарь есть,
 Сколь счастлива поселанка!
 Невозбранно, без укора
 Может взор ее свободно
 Любоваться, веселиться
 Красотой его лица.
 Но счастливее супруга,
 400 Обещающая богу
 Жизнь, судьбу, любовь и душу
 Несравненному отдать».
 Так инфанта говорила,
 Говорила не устами,
 А горячим, жарким сердцем,
 Томно тлеющим в груди.

XI

«Благородный Дон Родриго,
 Ты прекрасен, млад, разумен,
 Но тебя да покарает
 40 Бог за то, что, безрассудный,
 На мое напал ты сердце,
 Позабыл, кто я, кто ты.
 Град тобою завоеван,
 Пятерых царей неверных
 Ты пленил и Дон Гормаса
 Победил молодой рукою.
 Но, Родриго, чем гордишься!
 Каждый рыцарь благородный
 То ж и боле совершит.
 420 Ты рожден для дел великих,
 Ты потомок предков славных.
 Но прелестны ли награды
 Совершающему должность?
 Если ж требуешь награды,
 Жди ее от рук монарха,
 Жди ее не от меня.
 Я сокровищ не имею!
 Но не мысли ты, что бедность
 Нас могла с тобою сблизить!
 430 Я монархов славных дочь!
 И для дочери монарха
 Нужды нет в таком богатстве,
 Нам приданое наш славный,
 Наш великий царский род.
 Не срамит, а возвышает
 Бедность мой высокий сан.
 Дочь Гормасова богата!
 Уж не золото ли ты любишь?
 Нет! К тебе несправедливой
 440 Не хочу, Родриго, быть!
 Ты любим, любовь свободна.
 Для меня же не утрата,
 Что Химену любит Сид.
 Пряжа — нити для жемчужин,

Для вассала — дочь вассала.
 Я бедна — алмаз прекрасный,
 И без света — все алмаз.
 Ты красавец — но красую
 Уподобился Нарциссу.
 450 Мудр — но что пред Соломоном?
 Знатен — мало ли знатнее?
 Храбр — но чем же величаться:
 Нет испанцев трусов.
 Ты богат — не честь богатство,
 И глупец богат иной.
 Славен — сколько было славных
 Позабыто на земле.
 Рыцарь, в зеркало смотряся,
 Ты любишь себя собою;
 460 Чтоб свою умерить гордость,
 Стань пред зеркалом моим,
 Поглядишь в него смиренно
 И в толпу тебе подобных
 Удались, благоговей
 Перед дочерью царя».

Так свою любовь скрывая,
 Донна Урака инфанта
 Говорила, и безмолвно
 Перед ней стоял Родриго.
 470 И умолкнув, удалилась
 Вышивать в уединенье
 Златом перевязь для Сида,
 Им не требуемый дар.

XII

Дни весенние настали,
 И земля, как будто фея,
 Из старушки поседелой
 Обратилась в молодую,
 Расцветающую нимфу.
 Дон Фернандо из Бургоса
 480 Из палат своих блестящих
 В благодатную долину

Вышел; двор его за ним.
 Благосклонно давши руку
 Дон Родриго, отошел он
 С ним к ручью, который мчался
 Серебристою струею
 В изумрудных берегах.
 Долго длилась беседа.
 Все, участвуя очами,
 490 Не участвовали слухом
 В разговоре тайном их.
 И король сказал: «Родриго!
 Я люблю тебя отважным,
 Но без опытности света
 Наименее обходиться
 Знаешь с женщинами ты.
 Всем владычествовать — страсть их,
 И покорно все их воле;
 500 Что мужчина их игрушка?
 Наша мужеская воля
 Никогда не устояла
 Перед слабостию жен.
 Скажешь: женщину, создавши,
 В свой прекрасный дом создатель
 Ввел за тем, чтоб все творилось
 Для нее и ею в свете,
 Но чтоб было неприметно,
 Что творится ею все.
 510 Женщин знать тебе б полезно,
 И труднее нету силы,
 Ей учися, но за грани
 Опасайся перейти.
 Иль с тобою то ж случится,
 Что с философом старинным:
 В тайну бездны не проникнув,
 Он слетел в ее жерло.
 В чем, Родриго, тайна женщин?
 В силе их над нашим сердцем?
 Неразгаданная тайна!
 520 Сам всевидящий едва ли

В глубину его проникнет!
 Лишь тогда, когда предстанем
 Мы на суд, явясь пред Богом,
 Сокровеннейший и честный,
 Обнажится сердце женщин:
 Будут все равны виною
 Или все равно безвинны,
 Столь запутано оно.
 Ведай, друг, мужчин от женщин
 530 Отделяет расстояние
 Все ко выгоде последней!
 Хочешь ведать, в чем оно?
 Мы вперед — они за нами,
 Им видна дорога наша,
 Мыслим мы, а управляют
 Нашей мыслию оне.
 Видишь птичку? По деревьям
 С ветки прыгает на ветку,
 И стрелок, мнимый ею,
 540 Шаг за шагом вслед идет;
 И клюет в глазах владельца
 Лучший плод его дерев,
 Подсмотрев, что безоружен
 Перед нею он стоит.
 Так и мы — игрушки женщин.
 Мы пред ними безоружны,
 Нами властвуют они.
 Нет в сей правде исключений,
 Все одна с другою сходны.
 550 Вывод правилен рассудка:
 От супружества бежать».

Так, испытывая Сиды,
 Говорил с ним Дон Фернандо,
 Что же Сид ему в ответ?

ХIII

У серебристого истока
 Речь монаршню дослушав,
 Дон Родриго отвечал:

«Государь, еще я молод
Для старинных мудрых правил,
560 Но не молод я законы
Чести верно понимать.
Честь от доброй, чистой крови
Славной школою питаюсь,
Говорит мне: «Благородный
Должен род свой сохранять.
Должен он служить отчизне
И монарху словом, делом,
Должен быть им верен сердцем
И могучею рукой.
570 И свое он должен имя
Посадить высоким древом,
Чтоб нашел под ним и странник
И спасенье и привет.
Должен дать отчизне, церкви
Чад с ним доблестию равных.
Вот закон мой; он велит мне
Узы брака уважать.
Кто от брака устранился,
Тот предатель и отступник,
580 И отцов своих и веры
Прочь презрительно бежит.
Он расторгнул узы чести,
С человечеством в разрыве,
И с своим священным родом,
И с чужими племенами,
И наказан будет он.
Долг презревший, презираем
Завсегда от благородных.
Дни влачить свои без пользы
590 Чуждо предкам и потомству!
Тайна женщин мне известна,
Властолюбие их тайна.
Но они владеют нами,
Как безумными владеют
Господами их рабы.
Тот, кто слабостей постыдных

Прикрывать не должен ими,
 Пред врагом своим не раб.
 Тот, хотя бы сговорились
 600 Все псчадия вселенной,
 И могуч и безопасен;
 Кто же спросит их о чести?
 Удовольствие их участь.
 Им пускай и управляют.
 Управлять им — их искусство,
 Преимущество здесь им,
 Здесь мужчина уступает.
 Сходство их одной с другою,
 610 Государь, неоспоримо.
 Признаю: они негодны
 Все, когда негоден муж.
 Но готов я, конный, пеший
 Поддержать моим участием,
 Что мужчина их ошибкам
 Попустительствует сам.
 И теперь к стопам монарха
 Приношу мою молитву:
 Дать супругой мне Химену,
 Дочь могучего Гормаса,
 620 Государь, благоволи».

И свою беседу кончив,
 Дон Фернанд и Дон Родриго
 Разлучились на бреге
 Серебристого ручья.

XIV

Родриго

В полночный тихий час,
 Когда сомкнуть не может глаз,
 Без утешенья и замены
 Моя любовь и скорбь твоя,
 630 Перед окном Химены
 Вдыхаю я.

Химена

Когда печаль, неведомая прежде,

Мне не дает сомкнуть усталых глаз,
В полночный тихий час
Кто бродит под окном Химены?

Р{одриго}

Здесь может враг подслушать нас.
Прекрасная, услышь мое желанье.
Моей любви себя поверь
И отвори на час свиданья
Ревнивую, Химена, дверь.

Х{имена}

640 Для незнакомых,
Для безымянных
Ночных гостей
Не отворит
Никто дверей!
Туман скрывает
Твои черты!
Скажи, кто ты?

Р{одриго}

На что меня вопрошаешь,
650 Меня не скроет темнота,
Меня довольно знаешь,
Химена-сирота.

Х{имена}

Родриго, так, тебя я знаю,
Тебя, всех бед моих творца.
Вспоминая смерть отца,
Я о тебе воспоминаю.

Р{одриго}

Не я, но честь его пролила кровь,
Но примеритель будь — любовь.

Х{имена}

Покинь меня! Я скорбь не исцелила.
Я скорбная люблю.

Р{одриго}

660 Любовь отдай свою мне,
И скорбь я исцелю!

Х{имена}

Меж вас двоих души не разделю!

Сей жребий не люблю.

Родриго

Любовь велит любить. Ей подчинись!

Химена

Родриго, удались!

XV

Дон Фернандо, убеждая
Дон Родриго и Химену
Примирить вражду, велел им
Свой союз запечатлеть:
670 Лишь одна любовь прощает.
И епископ Луин Кальво
Должен был их сочетать.
Чтоб с Хименою богатой
Мог сравнимым быть Родриго,
Он Салдану, Фальдуэру
Де Кордону, Белфорадо
И Сан Педро дал ему.
Лучезарным в день венчанья
Встало солнце. Дон Родриго
680 Снял с себя убор военный.
На него надели братья
Платье — свадебный убор:
Обтяжные панталоны,
Башмаки его из кожи
С оторочкою узорной
Из пунцового сафьяна,
Заснурованные тесно,
Каждый с пряжкой.
На камзол в обтяжку сшитый
690 Он надел кафтан широкий
Цвету черного с обшивкой
Из атласа дорогого
С прорезными рукавами
Лишь поношенный отцом.
На атлас его блестящий,
Изукрашенный зубцами,
Палал кожаный колет.

Сеть, сплетенная из нитей
Золотых с зеленым шелком,
700 На густых кудрях надета.
Жаркопурпурно играя,
Петушиное перо
Веяло на тонкой шляпе
Из кортрайского сукна.
Ядерица с бахромою
Опускалася до лядвий,
По плечам играл пушистый
Белоснежный горностаей.
И товарищ настоящий
710 Меч прозваньем Тисонада,
Ужас мавров, был навешен
На широкий крепкий пояс,
Чернобархатные ножны
Серебром были теснены,
И на них, красиво сложен,
Носовой висел платок.
Так наряженный Родриго
Скоро с братьями явился
На церковной площади.
720 Там король, архиепископ
И придворные вельможи
С образами и с невестой
Ожидали жениха.
Был красив убор невесты:
На упругой белой ткани
Крылья легкие лежали;
Пышно убранное платье,
С украшеньем покрывало,
Стан величественно стройный.
730 На красивых ножках девы
Светлорозовые туфли
Были с пряжкой, и стояла,
Как владычица она.
И на шее ожерелье
Из осьми медалей было,
Равных городу ценой.

И одна из них являла
 Лик святого Михаила;
 В блеске жемчуга лежали
 740 Лучезарные алмазы
 На Хиениной груди.
 Так пошли жених с невестой
 К алтарю; и Дон Родриго
 Покраснел, подав ей руку,
 И в глаза ей устремивши
 Очи полные любви,
 Он стыдливо произносит:
 «Благородная Хиена,
 750 Я лишил тебя, к несчастью,
 Мужа правды, мужа чести;
 Жертвы требовала честь.
 Мужа правды, мужа чести
 Отдаю тебе обратно.
 Все, чего ты в нем лишилась —
 Спутника, отца и друга,
 И слугу — все возвращаю».

Став пред Божиим престолом,
 Смелый меч свой он исторгнул,
 Острием возвысил к небу
 760 И сказал смиренно твердо:
 «Накажи меня, отец мой,
 Если раз нарушу в жизни
 Мой обет: тебя любить.
 И за все воздай мне, Боже,
 Как теперь тебе пред Богом
 Обещаюсь и клянусь.
 Ты ж, отец архиепископ,
 Соверши обряд венчанья».

XVI

Совершив обряд, из церкви
 770 Все пошли, и следом слуги.
 Дон Родриго вел Хиену.
 Как отец ее названный
 Шел король с Хиеной рядом,

С Дон Родриго шел епископ,
 Вслед за ними двор и знать.
 На пути к дворцу стояли
 Триумфальные ворота,
 Всюду вывешаны в окнах
 Были ткани золотые,
 720 Всю дорогу покрывали
 Ветви, травы благовонны
 И душистый розмарин.
 И по улицам стояли
 Многочисленные толпы,
 Хоры пели им при звуках
 Мандолин, гитар, кимвалов
 Многолетие и славу.
 И торжественные песни
 Поздравляли молодых.
 790 Всех заметнее у двери
 Альвар Фанца, друг Родриго
 (И любимец Дон Родриго),
 Провожаемый толпою
 Слуг в блистающих одеждах,
 Он, \langle свой \rangle лоб украсив рогом,
 Ехал в образе быка.
 Нарядив осла по-конски,
 С величавою осанкой
 Антолин скакал на нем.
 200 Пузыри набив горохом,
 Мартин Пелаз осыпает
 Веселящийся народ.
 От души король смеялся,
 Вынув горстью мараведи,
 Разбросать велел их пажу,
 Нарядившемуся чертом,
 Чтоб пугать детей и дам.
 Так провел король Химену
 Во дворец, и королева
 210 С провожатыми при входе
 На крыльце \langle кричит \rangle им счастье.
 Веселились все кругом.

В окна сыпалась пшеница,
 Много пало легких зерен
 В ⟨нрзб.⟩ королевский.
 У Химены за косынкой
 Много легких зерен было.
 И король при королеве
 Сам рукою со стараньем
 220 Из-за легкия косынки
 Их с улыбкой выбирал.
 То Альвар заметив, ⟨громко⟩
 Промычал, как бык: «Охотно
 Королевскую бы руку
 Предпочесть я согласился
 Королевской голове».
 «Дать ему мешок пшеницы!» —
 И король сказал, смеясь.
 «А насмешника, Химена,
 230 За удачную насмешку
 Поцелуешь во дворце».
 Но душе Химены было
 Чуждо шумное веселье,
 В ней таилась печаль,
 Чувство сладостного счастья.
 И задумчивость молчанья
 Выразительнее шумной
 Говорливости была.

XVII

240 Пред наместника Петра,
 Пред святейшего Виктора
 Сам немецкий император
 Генрих жалобу принес.
 «Обвиняю Дон Фернандо!
 Он в Кастилии, в Леоне
 Государствуя, отрекся
 Признавать меня главою
 И не платит дани мне.
 Повели отдать веленье,
 Чтоб познал во славе церкви

250 Он могущество мое».

И святой отец угрозы

Посылает к Дон Фернанду

И велит, чтобы покорен

Императору он стал.

И грозитя крестоносцев

За ослушное упорство

На него вооружить.

Долго был король Кастилии

В нерешительном раздумье,

260 Зря восставшую опасность

На отечество его;

Все советовали силы

Превосходству уступить.

Был в отсутствии Родриго,

Наслаждаяся любовью

На груди молодой супруги.

Но услышав о посольстве,

Об угрозах и совете,

Он поспешно собирался

270 И предстал пред королем.

«На беду тебе рожденье, —

Он сказал, — когда потерпишь,

Что другой твоей державой

Самовластвовать дерзнет.

Никогда, доколе живы,

Ты и я, того не будет,

И твоя, и наша сила

Сохранит от посрамленья

Богом данную нам честь.

280 Кто ж советует иное,

Тот бессмысленно желает

Обесславить твой престол!

Сам их вызови, надменных!

Для грозящих сам будь грозным;

Сам их вызывай, а с ними

Переведаюся я!

Государь, о том помысли:

Мы Кастилию достали

Честью, кровью и трудом!
290 Прежде жизнь отдам стократно,
Чем стерплю, чтобы пришельцы,
Захватив добычу нашу,
И победы плод сорвали!
Если что-нибудь отдашь им,
Скоро будешь сам ни с чем».
И Родриго десять тысяч
Смелых воинов собравши,
Через Альпы перешел.
С сильной конницею встретил
900 Принц Раймон из Савой Сидом,
Но он на голову Сидом
Был разбит и в плен достался,
И за волю дочь родную
Вместо выкупа отдал.
И прельстился Дон Фернандо
Юной пленницей, и сына
Прижила с ним, и великим
Кардиналом был потом.
Сам король французский выслал
910 Рать могучую на Сидом,
Но ее рассыпал Сидом.
И Италию занял он
Столь губительной войною,
Что и папа, и немецкий
Император, ужаснувшись,
Отрекаются от дани,
Умоляют Дон Фернандо
Их от Сидом защитить.
И с победою в отчизну
920 Возвратился полководец,
И ему король в награду
Всенародно подал руку.
Сколь обрадовала Сидом
Благодарность короля!

РАЗРУШЕНИЕ ТРОИ

Из «Энеиды» Вергилия

Все молчат, обратив на Энея внимательны лица.
 С ложа высокого так начинается Эней-прародитель:
 «О царица, велишь обновить несказанное горе:
 Как погибла Троя, как Приамово царство
 Греки низринули, все, чему я плачевный свидетель,
 Всё, чего я был главная часть... повествуя об этом,
 Кто — мирмидон ли, долоп ли, свирепый ли ратник Улисса —
 Слез не прольет! Но влажная ночь уже низлетела
 С тихого неба; ко сну приглашают сходящие звезды.
 10 Если ж толь сильно желание слышать о наших страданиях,
 Слышать о страшном последнем часе разрушенной Трои, —
 Сколь ни тяжко душе вспоминать о бедах толь великих,
 Я повинуюсь. Войной утомлены, отвержены роком,
 Столько напрасно утративши лет, полководцы данаев
 Хитрым искусством небесной Паллады коня сотворили,
 Дивно-огромного, плотные ребра из крепкия сосны,
 В жертву богам при отплытии (так молва разгласила).
 Тут избранных мужей, назначенных жребием, тайно
 20 Скрыли они в пространные недра чудовища: полно
 Сделалось чрево громады одеянных броней ратных.
 Близ Илиона лежит Тенедос, знаменитый издревле
 Остров, обильный, доколе стояло царство Приама,
 Ныне же бедный залив, кораблям ненадежная пристань.
 Там, удалясь, у пустых берегов притаились данаи;
 Мы же их мнили уплывшими с ветром попутным в Микины.
 Тевкрия вся от тяжелой печали вдруг отдохнула;
 Град растворился; рвемся на волю, чтоб лагерь дорийский,
 Место пустое и берег, врагами оставленный, видеть.
 «Там стояло их войско; тут шатер был Ахиллов;
 30 Здесь корабли их; там поле, где рати обычно сражались».
 Все дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
 Все дивятся великой громаде, и первый Тиметос —
 Был ли он враг нам, судьба ль уж паденье Пергама решила —
 В город вовлечь и в замке поставить коня предлагает;
 Но пронцательный Канис и каждый, в ком ясен был разум,
 В море советуют козни данаев с их даром неверным

Бросить, или предать огню и пеплом развеять;
 Или, чрево пронзив, сокровенное в нем обнаружить.
 Так в нерешимости мнений толпа волновалась. Но быстро,
 40 Гневен, стремится от замка, один впереди, провожаем
 Сонмом шумящим народа, Лаокоон; издалека
 Он возопил: «О несчастные! что за безумство, граждaне!
 Верите ль бегству врага? Иль мните, что дар нековарный
 Могут оставить данаи? Так ли узнали Улисса?
 Или ахеяне здесь, заключенные в древе, таятся;
 Или громада сия создана, чтоб, на гибель Пергаму,
 В дома наши глядеть и град сторожить с возвышенья;
 Или коварство пное... коню не вверяйтесь, тевкры!
 Что здесь ни будь... я данаев страшусь и дары приносящих».
 50 Так сказал, и копье тяжелое мощной десницей
 Он в огромный бок и в согбенное чрево громады
 Ринул; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
 Внутренность звон издала; застенало в недре глубоком.
 Так, когда бы не боги, когда б не затменье рассудка,
 Нам бы тогда же открыло их козни железо... и ты бы,
 Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Приама!
 Вдруг дарданские горные пастыри с криком и плеском
 Юношу, руки ему на хребет заковавши, к Приаму
 Силой влекут; он сам, неведомый им, замышляя
 60 Хитрость и средство ахеян впустить в Илион, произвольно
 Предал себя, отважный, на все готовый заране:
 Козни ль свои совершить иль верною смертью погибнуть.
 Жадно троянские бросились юноши грека увидеть;
 Стали кругом и спорят друг с другом, чтоб пленным ругаться...
 Сведай же хитрость ахеян; в злодействе едином
 Всех их узнай!
 Стоя один, посреди толпы, смятен, безоружен,
 Робко водил он кругом недоверчивый взор; напоследок:
 «О, какая земля, какое море, — воскликнул, —
 70 Примут меня, и что мне теперь, несчастливцу, осталось!
 Места меж греками нет, а здесь раздраженная Троя,
 Полная праведной мести, погибелью мне угрожает!»
 Жалоба пленника тронула наши сердца; замолчало
 Буйство толпы; вопрошаем: какой он породы? откуда?
 Что намерен начать? за что судьбу упрекает?

Бремя страха сложивши, Приаму отвечивал пленник:
 «Что б ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первых,
 Родом я грек — не таюсь; Синон быть может несчастен,
 Воля судьбы; но коварным лжецом никогда он не будет.
 20 Верно, молва донесла до тебя знаменитое имя,
 Верно, слышал о делах Паламеда, Вилова сына;
 Славный вождь, но безвинно, по злым наущеньям пелазгов,
 Только за то, что войны не оправдывал, преданный смерти,
 Ныне же, света лишенный, от них же, свирепых, оплакан.
 Сродник его, мой убогий отец, его попеченьям
 В юности верил меня, снарядив на войну; и доколе
 Был почтен Паламед, заседая с вождями в совете,
 Был и я не без имени, было и мне уваженье.
 Но с тех пор как пал он жертвой Улиссовой злобы,
 90 Тяжкую жизнь во мраке печальном влачил я, бесплодно
 В сердце своем негодуя на гибель невинного друга;
 О безрассудный! я не смолчал, но смело грозился
 Мстить за него, лишь только б в Аргос возвратиться с победой
 Боги велели! Угрозы мои распалили их злобу.
 С той минуты беды за бедами; Улисс неусыпно,
 Сам виновный, меня обвинял в замышляньях, коварно
 Сеял наветы в толпе и губил меня клеветами.
 Прежде не мог успокоиться он, доколе Калхаса...
 Но почто продолжать бесполезно-прискорбную повесть?
 100 Что прибавлю? Когда вам все греки равно ненавистны —
 Вести довольно: я грек; поражайте меня; вы Улиссе
 Тем угодите; и щедро за то наградят вас Атриды».

Чужды сомненья, не зная всего вероломства пелазгов,
 Мы, любопытством горя, вопрошать продолжаем Синона.
 Снова начал он робкую речь с лицемерным смиреньем:
 «Долгой осадой наскучив, бесплодной войной утомленны,
 Греки не раз от упорных Трои бежать замышляли.
 О! почто сего не свершилось? Но бури от моря
 Часто им путь заграждали, и южный ветер страшил их.
 110 С той же поры, как построен был конь сей из брусев сосновых,
 Грозы с небес не сходили, и ливень шумел непрестанно.
 В трепете мы Эрифилу узнать, что велит нам оракул,
 В Дельфы послали — с ужасным ответом он возвратился:

Греки, плывя к Илиону, кровию девы закланной
Вечных склонили богов даровать им ветер попутный:
Крови аргосского мужа и ныне за ветер возвратный
Требует небо. Едва разнеслось прорицанье в народе,
 Все возмутились умы, сердца охладели, и трепет
 Кости проникнул. Кому сей жребий? Кто Фебова жертва?
 120 С шумом тогда Улисс ухищренный Калхаса пророка
 Силой привлек пред народ, да откроет волю бессмертных.
 Многие тут же, зная Улисса, мне предсказали
 Умысел злой на меня и ждали в смятенье, что будет;
 Десять дней прорицатель молчал и, таясь, отрекался
 Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
 Но наконец, приневолен докучным Улиссовым воплем,
 Он произнес... то было мое несчастное имя!
 Все одобрили выбор, и всяк, за себя трепетавший,
 Рад был, что грозное всем одному обратилось в погибель.
 130 День роковой наступал; меня уж готовили в жертву;
 Были готовы и соль и священный пирог, и повязка
 Мне уж чело украшала... но я (не сокрою) разрушил
 Цепи, скрылся в болото и там, в тростнике притаившись,
 Ночью ждал, чтоб они, подняв паруса, удалились...
 Нет теперь мне надежды отчизну древнюю видеть!
 Вечно милых родных и отца желанного вечно
 Я не увижу! Быть может, и то, что их же, невинных,
 Мне в замену, за бегство мое, убийцы погубят...
 О! всевышними, зрящими вечную правду богами.
 140 О! правотой неизменной — если еще сохранилась
 Где на земле правота — молю: яви сожаленье
 Бедному мне и тронься на мой незаслуженный жребий!»
 Мы, сострадая, скорбели над ним, проливающим слезы;
 Сам благодушный Приам повелел тяготящие узы
 С пленника снять и ему с утешительной ласкою молвил:
 «Кто бы ты ни был, забудь о своих неприязненных греках;
 Наш ты теперь; ободрись и друзьям откровенно поведай:
 Что знаменует громадный сей конь? На что он воздвигнут?
 Кем? Приношение ль богу какому? Орудие ль брани!» —
 150 Так Приам вопрошал. И, полный коварства пелазгов,
 Пленник, поднявши к священному небу свободные руки:
 «Вы, светила небесные, вы, надзвездные боги,

Вас призываю (воскликнул), вас, от которых бежал я,
 Жертвенный нож, алтарь, роковая повязка! Отныне
 Я навсегда разорвал ненавистные с греками узы;
 Греки враги мне; свободно открою троянам их тайны:
 Чуждый отчизне, я чужд навсегда и законам отчизны.
 Ты же мне данный обет сохрани, сохраненная Троя,
 Если тебе во спасенье великую истину молвлю.
 160 Всех упований подпорой, надежной помощницей в битвах
 Грекам Паллада была искони; но с тех пор как преступный
 Сын Тидеев и с ним Улисс, вымышлятель коварных
 Козней, из храма Палладиум, стражей высокого замка
 Смерти предав, унесли, и рукой, от убийства кровавой,
 Девственно-чистых богини одежд прикоснуться дерзнули —
 Кончилась наша доверенность к ней, охладела надежда,
 Сила упала, от нас отклонилась богиня; и зрелись
 Явные знаки гнева Тритоны: лишь только во стане
 Был утвержден похищенный идол, ожившие очи
 170 Вдруг ослепительным блеском зажглись, по членам соленый
 Пот проступил, и трикраты (о страшное чудо!) богиня,
 Прянув воздвигнула щит и копьём потрясла, угрожая.
 Нам, уstraшенным, Калхас немедля советует бегство.
Трое не пасть от аргивския силы, — прорек он, — иль снова
Греки должны вопросить оракул в Аргосе и морем
Взятый в отчизну Палладиум вновь привести к Илиону.
 Знайте ж: теперь, переплывши в Аргос с благовеющим ветром,
 Рать и сопутных богов они собирают, чтоб снова
 180 Вслед за Калхасом войной на Пергам неожиданной грянуть.
 В дар же богам за Палладиум, в честь оскорбленной Тритоны
 Ими воздвигнут сей идол, чтоб их святотатство загладить;
 Сам Калхас повелел, чтоб конь сей чудовищный создан
 Был из крепких досок и выслся ростом огромным
 К небу, дабы не пройти во врата и не стать в Илионе
 Грозной защитой народу по древним сказаниям предков.
 Ведай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
 Гибель великая — о! да обрушат ее на Калхаса
 Праведны боги! — постигнет Приамов престол и фригиан;
 Если же сами коня возведете во внутренность града,
 190 Некогда Азия стены Пелопсовы сильной оступит
 Ратью, и наших потомков постигнет мстящая гибель».

Боги! боги! притворным речам вероломца Синона
 Жадно поверили мы... и те, кого ни Тидеев
 Сын, ни Ахилл-фессалиец, ни десять лет непрерывной
 Брани, ни тысяча их кораблей покорить не умели, —
 Те единому слову, одной слезе покорились.

Тут явилось другое, неслыханно страшное чудо
 Нашим очам и вселило в сердца неописанный трепет.
 Лаокоон, Нептунов избранный жрец, всенародно
 200 Тучного богу вола приносил пред храмом на жертву...
 Вдруг, четой, от страны Тенедоса, по тихому морю
 (Вспомнив о том, трепещу!) два змея, возлегши на воды,
 Рядом плывут и медленно тянутся к нашему берегу:
 Груды из волн поднялись; над водами кровавые гребни
 Дыбом; глубокий, излучистый след за собой покидая,
 Выются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины,
 Пеняся, влага под ними шумит; всползают на берег;
 Яркие налитые кровью глаза и рдеют и блещут;
 С свистом проворными жалами лижут разинуты пасти.
 210 Мы, побледнев, разбежались. Чудовища прыгнули дружно
 К Лаокоону и, двух сынов его малолетних
 Разом настигнув, скрутили их тело и, жадные втиснув
 Зубы им в члены, загрызли мгновенно обоих; на помощь
 К детям отец со стрелами бежит; но змеи, напавши
 Вдруг на него и спутавшись, крепкими кольцами дважды
 Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
 Телом чешуйным и грозно над ним поднялись головами.
 Тщетно узлы разорвать напрягает он слабые руки —
 220 Черный яд и пена текут по священным повязкам;
 Тщетно, терзаем, пронзительный стон ко звездам он поднимет;
 Так, отряхая топор, неверно в шею вонзенный,
 Бесится вол и ревет, оторвавшись от жертвенной цепи.
 Быстро внясь, побежали ко храму высокому змеи;
 Там, достигши святилища гневной Тритоны, припали
 Мирно к стопам божества и под щит улеглись огромный.
 Всем нам тогда предвещательный ужас глубоко проникнул
 Сердце; в трепете мыслим: достойно был дерзкий наказан
 Лаокоон, оскорбитель святыни, копьём святотатным
 Недра пронзивший коню, посвященному чистой Палладе.

230 «Весть коня в Илион! молитв о пощаде Палладу!» —
 Весь народ возопил...
 Стены поспешно пронзаем; разломаны града твердыни;
 Все на работу бегут: под коня подкативши колеса,
 Ставят громаду на них и, шею канатом опутав,
 Тянут... шатнулось чудовище; воинов полное, в город
 Медленно движется; юноши вокруг и безбрачные девы
 Гимны поют и теснятся, чтоб вервей коснуться руками.
 Вдвинулся конь и идет, угрожающий, стогнами Трои...
 О отчизна! о град богов Илион! о во брани
 240 Славные стены дарданские! трижды в воротах громада
 Остановилась, трижды внутри зазвучало железо...
 Мы ж, ослепленные, разум утратив, не зрим и не слышим.
 В замок Пергама введен наконец истукан бедоносный.
 Тут Кассандра, без веры внимаема нами, напрасно
 Вещий язык разрешила, чтоб нам предсказать о грядущем;
 Мы, слепцы, для которых сей день был последний, цветами
 Храмы богов украшали, спокойно по стогнам ликуя...
 Небо тем временем круг совершило, и ночь полетела
 С моря, и землю, и твердь, и обман мирмидонян объемля
 250 Тенью великой; по граду беспечно рассыпавшись, тевкры
 Все умолкнули: сон обнимал утомленные члены.
 Тою порой от берегов Тенедоса фалангу аргивян
 Строем несли корабли в благосклонном безлуння мраке
 Прямо к знакомым берегам; и лишь только над царской кормою
 Вспыхнуло пламя — судьбою богов, нам враждебных, хранимый,
 Тихо сосновые двери замкнутым в громаде данаям
 Отпер коварный Синон; растворившись, греков на воздух
 Конь возвратил; спешат из душного мрака темницы
 Выйти вожди: Стенел, и Тессандр, и Улисс кровожадный,
 260 Смело по верви скользя, и за ними Фоас с Афаманом,
 Внук Пелеев Неоптолем, Магаон, напоследок
 Сам Менелай и с ним громады создатель Эпеос.
 Быстро напали на сонный, вином обезумленный город;
 Стража зарезана; твердые сбиты врата, и навстречу
 Ждущим у входа вождям мирмидоняне хлынули в Троию.
 Было то время, когда на усталых сходить начинает
 Первый сон, богов благодать, успокоитель сладкий.
 Вдруг... мне заснувшему видится, будто Гектор печальный

270 Стал предо мной, проливая обильно горькие слезы,
 Тот же, каким он являлся, конями размыканный, черен
 Пылью кровавой, истерты ремнями опухшие ноги.
 Горе! таким ли видал я его? Как был он несходен
 С Гектором прежним, гордо бегущим в Ахилловой броне
 Иль запалившим фригийский пожар в кораблях супостата!
 Включена густо брада; от крови склепились кудри;
 Тело истерзано ранами, некогда вокруг илпонских
 Стен полученными. Сам, заливаясь слезами, казалось,
 Так во сне я приветствовал Гектора жалобной речью:
 «О светило Дардании! верная Трои надежда!
 280 Где так долго ты медлил? Гектор желанный, откуда
 Ныне пришел ты? О! сколь же ты нас, по утрате толких
 Храбрых друзей, по толких бедствиях граждан и града
 Сердцем унылых обрел! И что недостойное светлый
 Образ твой затемнило? Откуда толкие раны?»
 Он ни слова; бесплодным вопросам он не дал вниманья;
 Но, протяжный, тяжелый вздох исторгнув из груди,
 Молвил: «Беги, сын богини, спасайся; Пергам погибает;
 Враг во граде; падает Троя; Приаму, отчизне
 Мы отслужили; когда бы от смертной руки для Пергама
 290 Было спасенье — Пергам бы спасен был этой рукою.
 Троя пенатов своих тебе поверяет, прими их
 В спутники жизни; для них завоюй обреченные небом
 Стены державные, их же воздвигнешь, исплававши море».

Кончил — и вынес из тайны святилища утварь, повязки,
 Вечно-пылающий огонь и лик всемогущия Весты.
 Тою порою по граду, шума, разливалася гибель.
 Боле и боле — хотя в стороне, одинок и непышен,
 Дом Анхиза-родителя сенью закрыт был древесной —
 Шум приближается; явственней слышно волнение брани.
 300 Я очнулся и ложе покинул; на верхнюю кровлю
 Дома взбежал и стою, внимательным слушая ухом.
 Так — когда, раздуваемый бурей, свирепствует пламень
 В жатве, иль ливнем поток наводненный, с горы загремевши,
 Губит поля, и веселые нивы, и труд земледельца,
 С корнями рвет и уносит деревья — с вершины утеса
 В смутном неведении силится к шуму прислушаться пастырь.
 Всё мне тогда, и видения тайна, и козни данаев

Вдруг объяснилось. Уж дом Деифобов горит и огромной
 Грудой развалин, дымящийся, падает; с ним пламенеет
 310 Укалегонов, и заревом блещут сигейские воды;
 Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
 Я, как безумный, за меч... но куда с мечом обратиться?
 Рвусь нетерпением дружину созвать, чтоб броситься в замок;
 Ярость и бешенство душу стремительно мчат, и погибнуть
 Смертью прекрасной в бою с тоскою мучительной жажду.
 Вдруг явился Панфей, убежавший от копий ахейских,
 Старец Панфей, Отриад и в замке жрец Аполлонов.
 Утварь и лики богов побежденных похитив, младого
 Внука он влек за собой и, беспамятен, мчался к Анхизу.
 320 «Есть ли надежда, Панфей? Уцелели ль замка твердыни?» —
 Я спросил; отчаянным стоном отвечивал старец:
 «День последний настал, неизбежное время настало
 Царству; мы были трояне, был Илион, и великой
 Тевкрии слава была... на аргивян жестокий Юпитер
 Все перенес; господствуют греки в пылающем граде,
 Гибельно высаясь над площадью замка, ратников сонмы
 Конь извергает; Синон, торжествуя, пожарное пламя
 Тщится усилить; там непрестанно двумя воротами
 Войска бесчисленны входят, каких не видали Микины;
 330 Здесь, захвативши тесные выходы, сильная стража
 Сдвинула копы, и грозно, вонзиться готовое, блещет
 Их острие; безнадежно, расстроенной, слабой дружиной
 Бьются привратные воины, сисясь напрасно отбиться».
 Страшную вестью Панфея и силой бессмертных влекомый,
 Я побежал, куда призывали Эриннис, и шумный
 Говор сраженья, и пламень, и стон, ко звездам восходящий.
 Следом за мною Рифей и зрелый мужеством Ифит;
 К нам пристали при блеске пожара Димант с Гипанисом,
 К нам и Хорев Мигдонид, в Илион приведенный судьбою
 340 За день пред тем, горящий безумной к Кассандре любовью,
 С верною помощью к тестю Приаму и Трое... несчастный!
 Купно с другими вещим речам вдохновенной невесты
 Он не поверил...
 Я же, их видя решительных, жаждущих боя, воскликнул:
 «Юные други! сердца, толь напрасно бесстрашные ныне!
 Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы

Силы последней (что же фортуна решила, вы зрите:
 Наши святилища бросили, наши покинули храмы
 Боги, хранители Трои; снятый Илион исчезает
 350 Дымом), на смерть побежим, ударим в средину оружий;
 Други! спасенья не ждать — одно побежденным спасенье».

Вспыхнула бодрая младость. Подобно как в темном тумане
 Рыщут, почуя добычу, гонимые бешенством глада,
 Хищные волки и, пасти засохшие жадно разинув,
 Их волчата ждут в логовищах, — сквозь копыта и сонмы
 Так на погибель ударились мы, пролагая в средину
 Города путь, облетаемы ночи огромною тенью.
 Ночь несказанная; где слова для ее разрушений?
 Кто и какими слезами такую погибель оплачет?
 360 Падает древний град, многолетний властитель народов;
 Всюду разбросаны трупы; лежат неподвижно во прахе
 Улиц, на прагах домов, при дверях, во святилищах храмов.
 Но не одну безотпорную смерть принимает троянец,
 Часто горит в побежденном привычная бодрость, и гибнет
 Грек-победитель... Везде, отовсюду являются взору
 Ужас, и бой, и кровавая смерть в неисчисленных видах.
 Первый из греков, дружиною встреченный нашей на стогнах,
 Был Андрогей; в обманчивом сумраке ночи приема
 Нас за данаев союзных, он так дружелюбно воскликнул:
 370 «Братья, спешите; где же так долго вас задержала
 Праздная лень? Давно расхищают горящую Троию
 Греки; а вы едва с кораблями расстаться успели».

Так он сказал; но, узрев безответную нашу суровость,
 Вмиг догадался, кто перед ним, отскочил и умолкнул,
 Скванный страхом. Как путник, змею разбудивший ногою,
 Трепетен рвется назад, узрев, как она, развернувшись,
 Гнев воздымает и свищет, подняв чешуи голубые, —
 Так, задрожавши, от нас побежал Андрогей... но напрасно!
 Мы за ним; разорвали их строй; и, не ведая града,
 380 Вдруг осажденные страхом, незапностью, ночью и нами,
 Все до единого пали враги. Улыбнулась фортуна
 Первому нашему бою. Хорев, воспаленный удачей,
 «Други! — воскликнул. — Отважися ввериться первому счастью;
 Нам благосклонно судьба указывает наш путь; облачимся
 В брони данаев, щиты переменим; обманом иль силой —

Всё равно для врага. И ныне оружие сами
 Греки троянам дадут». Сказал и надел Андрогеев
 Гривистый шлем, завоеванный щит надвинул на шуйцу,
 Греческий меч утвердил на бедре. Ему подражая,
 390 Бодро Димант, и Рифей, и вся молодая дружина
 Свежей добычей оружий себя ополчили. В средину
 Греков бежим... но боги отчизны были не с нами.
 Подвигов много, врагами не узнанны, в сумраке ночи
 Мы совершили, много данаев низринуто в Оркус.
 В страхе одни к кораблям, к безопасному берегу моря
 Мчатся из града; иных загоняет постыдная робость
 В недра коня, и приемлет их снова знакомое чрево.
 Но... богам отвратившимся, поздно вверяться надежде!
 400 Вдруг из храма Паллады влекут за власы распущенны,
 Вырвав ее из святилища, дочь Приама Кассандру,
 К темному небу напрасно поднимающе пламенны очи —
 Очи одни, окованы были невинные руки;
 Страшного вида сего не стерпело сердце Хорева;
 Он, обезумленный, прямо в средину толпы их; и, сдвинув
 Груды и копыя, мы дружно за ним; но плачевно-ужасный
 Бой тогда закипел: трояне, обмануты видом
 наших греческих лат и сверканием шлемов косматых,
 С кровли высокого храма пустили в нас тучею стрелы;
 410 Стон пораженных нам изменил; на Кассандрины вопли
 Бросился враг; мы все опрокинуты; с бурным Аяксом
 Оба явились Атрида — за ними толпами данаи.
 Так, подымаясь крутящимся вихрем, сшибаются ветры
 Нот и Зефир, и на легких несомый конях от востока
 Эвр, и бушуют леса, и Нерей опененным трезубцем
 Бьет по водам, и до самого дна содрогаются море.
 Скоро и греки, испуганны мраком ночным и по граду
 Нашей дружиной рассеянны, вышли из тайных убежищ,
 Первые нас по щитам и обманчивым броням узнали,
 Вслушались в наши слова и чужие заметили звуки.
 420 Множество нас задавило: первый мечом Пенелея
 Пал Хорев пред святым алтарем броненосной Паллады;
 Пал и Рифей, из троян непорочнейший, правды блюститель
 (Иначе боги судили о нем); Димант с Гипанисом
 Пали от копий троянских; ни Фебова риза, ни святость

Чистыя жизни тебя не спасли, о Панфеей благодушный.
 Прах Илиона, все блага мои поглотившее пламя.
 Вас призываю! вы зрели, что я не чуждался ни копий
 Вражьих, ни силы врага; и когда бы назначил мне жребий
 Пасть — я паденье свое заслужил. Но из битвы (за мною
 430 Ифит один с Пелиасом, Ифит, уже отягченный
 Дряхлостью лет, Пелиас, умирающий, ранен Улиссом)
 Я устремился на стон, огласивший чертоги Приама.
 Там все ужасы брани стеклися: как будто во граде
 Не было битвы иной и нигде никого не разили —
 Так свирепствовал Марс, так бешено греки рвалися
 В замок и, сдвинув щиты черепахой, на вход напирали.
 Множеством лестниц унизаны стены; вверх по ступеням
 Лезут данаи, шуйцей щиты над главами под конья
 Наши подставив, десной за вершину ограда хватаясь;
 440 Тевкры, готовя отпор, разоряют и башни и дома,
 Вместо оружия собирают обломки с намереньем грозным
 В битве отчаянной ими врага раздавить, погибая;
 С шумом державного дома царей позлащенные убранства
 Падают; меч обнаживши, другие, у врат осажденных
 Тесной дружиной столнясь, ограждают святилище прага.
 Взорванный гневом, стремлюсь на защиту Приамова дома,
 Ратных усилить и бодрого духа придать побежденным.
 Были сокрытые двери в стене высокого замка.
 450 Ход потаенный из внешнего града в царево жилище;
 Часто, во дни благоденствия Трои, ко свекру Приаму
 Оным путем Андромаха несчастная тайно ходила:
 Взор престарелого деда порадовать внуком цветущим.
 Оным путем пробираюсь к тому возвышенью, откуда
 Тщетно последние стрелы на греков бросали трояне.
 Там воздымалась стремнистая башня, весь град перевыся:
 С кровли ее неприступной видимы были вся Троя,
 Все корабли мирмидонян, весь греческий стан отдаленный.
 Там, где она со стены висела громадою всею
 460 Грозно над градом, как туча, мы острым железом подрyli
 Сплоченны камни и двинули башню... гремя и дымяся,
 Вдруг она повалилась и страшной развалиной пала
 Вся на греков; погибших сменили другие, и градом
 Стрелы, конья и камни опять полетели.

Всех определя, напирал на преддверие Пирр бедоносный,
 Грозен, как пламенный, медной броней и стрелами сияя.
 Так на солнце змея, напивавшись ядом растений,
 Долго лежав неподвижно под тягостным холодом снега,
 Вдруг, чешуи обновив, расправляет красы молодые,
 Скользящий волнует хребет, золотистую грудь надувает,
 470 Вьется в лучах и жалом тройным, разыгравшись, блещет.
 С ним великан Перифрас, и правитель Ахилловых коней
 Оруженосец Автомедон, и дружина скириян
 Шумно к чертогам теснятся и пламень бросают на кровли.
 Сам же, у всех впереди, он огромной двуострой секирой
 Рушит затворы, с притолок тяжких, окованных медью,
 Петли сбивает, брусья дробит и плотные доски
 Вдруг прорубил — широкою щелью разинулись двери.
 Видимы стали и внутренний двор и ряды переходов,
 Видима древняя храмина прежних царей и Приама,
 480 Видимы в сенях и стражи, хранители царского прага.
 В самом же доме и жалобный крик, и шум, и волнение;
 Звонкие своды чертогов наполнив пронзительным стоном,
 Жены рыдают; к звездам подымает отчаянье голос.
 Бледные матери, бегая в мутном безумии страха,
 Праги объемлют дверей и к ним прилипают устами.
 Вдруг вторгается Пирр, как отец, неизбежно-ужасный.
 Тщетны заграды; низринута стража; таран стенобойный
 Сшиб ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
 Силе прочистился путь, и в пролом, опрокинув передних,
 490 Ринулся грек, и врагами обители все закипели.
 Менее грозен, плотину прорвав и разрушивши стену,
 С ревом и с пеной стремится поток из берегов и, равнину
 Шумным разливом окрест потопив, стада и заграды
 Мчит по полям. Я видел убийством яримого Пирра;
 Видел обоих Атридов, дымящихся кровью в обители царской;
 Видел Гекубу, и сто невесток ее, и Приама,
 Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обagrивших.
 Вдруг пятьдесят сыновних брачных чертогов, надежда
 Стольких внуков, и стены, добыч многочисленных златом
 500 Гордые, пали — пожаром забытое схвачено греком.
 Знать пожелаешь, быть может, царица, что было с Приамом.
 Видя падение града, видя пылающий замок,

Видя врага, захватившего внутренность царского дома,
 Старец давно позабытую броню на хилые плечи,
 Сгорбленный тягостью лет, чрез силу надел, бесполезный
 Меч опоясал и в сонмы врагов пошел на погибель.
 В самой середине царских чертогов, под небом открытым,
 Был великий алтарь; над ним многолетнего лавра
 Сень наклонялась и лики домашних богов обнимала.
 Там с дочерьми сидела Гекуба. Напрасно — укрывшись
 510 Робко под жертвенник, словно как стая пугливая горлиц
 В грозу под ветви, — кумиры бессмертных они обнимали.
 Вдруг царица одетого броней младости бранной
 Видит Приама. «Куда ты, бедный супруг (возгласила)?
 Что ополчило тебя? К чему безрассудная бодрость?
 Ныне такая ли помощь, такой ли защитник Пергаму
 Нужны? Пергама не спас бы теперь и великий мой Гектор.
 С нами останься, Приам; алтарь защитит нас,
 Или умрем неразлучны». Сказала и, руку супругу
 520 Давши, старца с собой посадила на месте священном.
 Вдруг из убийственных Пирровых рук убежавший Политос,
 Сын последний Приама, сквозь копы, сквозь сонмища вражьи,
 Вдоль переходов, пустыми чертогами, раненый, мчится;
 Быстро за ним сверкающий Пирр с неизбежным убийством
 Гонится... близко; нагнал, достигнул железом; пронзенный,
 К лону родителей кинулся юноша в страхе, пред ними
 Пал, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови.
 Тут закипело Приамово сердце. Сам погибая,
 Он не стерпел толь великого горя и гневно воскликнул:
 530 «О чудовище! Боги тебе, святотатный убийца,
 Боги — если живет в небесах правосудная жалость —
 Мзду ниспошлют; по заслуге получишь награду, губитель,
 Ты предо мной моего растерзавший последнего сына!
 То ли Ахилл, от тебя названьем отца поносимый,
 Сделал с Приамом-врагом? Он, краснея, почтил унижение
 Старца молящего; дал схоронить мне бездушное тело
 Гектора-сына и в Трою меня отпустил безобидно».

Так он сказал и копы бессильное слабой рукою
 Бросил; оно, ударяся в медь, зазвеневшую глухо,
 540 Тронуло выгиб щита и на нем без движенья повисло.
 Яростно Пирр возопил: «Иди же с поносною отсюда

Вестью к Пелиду-отцу; не забудь о бесславных деяньях
 Пирра поведать ему; теперь же умри». Беспощадно
 Он перед жертвенник дрогнувший старца повлек; сединами
 Шуйцу, облитую кровью сыновней, опутал, десницей
 Меч замахнул и в ребра до самой вонзил рукояти.
 Так совершилася участь Приама; так он покинул
 Землю, зревши добычей пожара Пергам и паденье
 Трои, некогда сильный властитель народов, державный
 550 Азии царь... и великое тело на бреге пустынном
 Ныне без чести лежит, обезглавлено, труп безымянный.
 Тут впервые мне ужас предчувствия душу проникнул:
 Я обомлел; я о милом старце родителе вспомнил,
 Видя, как дряхлый ровесник его, под рукой беспощадной,
 Царь издыхал; я вспомнил о сирой Креузе, о доме,
 Преданном греку во власть, о судьбине младенца Иула.
 Взор обращаю: нет ли со мною сподвижников ратных?
 Все исчезли; одни, утомленные битвою, с башни
 Прянули в город; другие отчаянно кинулись в пламень;
 560 Я один уцелел. И вдруг в преддверии храма
 Весты, робко-безмолвную, скрытую в темном притворе,
 Вижу Тиндарову дочь: при зареве ярком пожара
 Светлым путем я бежал, все оку являлося ясным.
 Там, опасаясь троян, раздраженных паденьем Пергама,
 Злобы данаев и мести супруга, отчизну и Трою
 Купно губящая Фурия, жертвенник Весты объемя,
 В храме, богам ненавистная, тайно сидела Елена.
 Вспыхнуло сердце во мне; отомстить за гибель отчизны
 Рвется мой гнев; истребить истребленья виновницу жажду.
 570 «Ей ненаказанной Спарту узреть! в родные Микины
 Гордой царицей вступить, торжествуя! увидеть супруга,
 Дом родительский, чад, окруженной прискорбной толпою
 Дев илионских и пленных троян!.. А Приам уж зарезан,
 Троя горит и Дардания целая кровью дымится!
 Нет! того не стерплю! пускай не великая слава
 Женоубийце, пускай для него беспохвальна победа —
 Свет от чудовища должно очистить; кровавою мезью
 Сердце свое утолю и пепел моих успокою».
 Так я, себя раздражая, злобой кипящий, стремился.
 580 Вдруг перед очи мои, откровенная, мрак осиявши

Ярким блистаньем, великой богиней, какую лишь небо
 Знает ее, предстала мать и, меня удержавши,
 Молвила так мне устами, живыми как юная роза:
 «Сын, для чего необузданной скорбью гнев пробуждаешь?
 Что за безумство? Ужели оставил о нас попеченье?
 Прежде помысли о том, где покинут тобою родитель,
 Дряхлый Анхиз, не погибли ль супруга Креуза и юный
 Сын твой Асканий? Кругом их обители бешено рыщет
 Грек, и давно бы, когда б не моя берегла их защита,
 Их истребило железо и пламень враждебный похитил!..
 Нет! не Парид, похититель преступный, не образ спартанки,
 Низкой Тиндаровой дочери — боги, разгневаны боги
 Ваш опрокинули град и сразили величие Трои.
 Зри — я всякое облако, ныне темнящее слабый
 Смертного взор и облекшее все пред тобою туманным
 Мраком, подъямо — но только моим повелениям смело,
 Сын, покорись, и бесспорно мои поученья исполни.
 Там, где видишь разбросанны груды, утес на утесе,
 Где подымается черное облако праха и дыма,
 Там Посидон великим его потрясенны трезубцем
 Стены дробит и, подрыв основанья, весь город в обломки
 Рушит; здесь беспощадная Ира, на Скейских воротах
 Грозно воздвигшись, союзную рать с кораблей к Илиону,
 Броней звучащая, кличет..
 Там — оглянися — на замке, над градом, Тритона-Палада
 Села, гремящею тучей и страшной Горгоной блистая.
 Сам вседержитель и бодрость и бранную силу низводит
 Свыше на греков и сам на дардан подымает все небо.
 Нет упования, сын; беги, не упорствуй сражаться;
 Буду с тобой; невредимо достигнешь родительской сени».
 Так сказала и скрылась в глубокую бездну ночную.
 Грозные лики тогда мне предстали, разящие Трои
 Силы великих богов я увидел..
 Тут открылось, как, страшно разрушен, в огне распался
 Весь Илион и в обломки валилась Нептунова Троя.
 Так на густой прародительский ясень, горы украшение,
 Корни кругом подрубив, дровосеки, столпясь, нападают;
 Споря проворством, разят топоры; благородное древо
 Зыблется, сенью шумит, волосистой главою трепещет,

620 Мало-помалу под ранами клонится... вдруг, изнемогши,
 Стонет и падает, всю завалив разрушением гору...
 Я удаляюсь, храним божеством; иду через пламень,
 Мимо врагов: раздвигаются копыя, огонь уступает.
 К древней обители, к прагу священной родительской сени
 Скоро достиг я, и первой заботой в защитное место,
 На гору старца отца перенести. Приближаюсь к Анхизу —
 Троию свою пережить и себя осудить на изгнание
 Старец отрекся. «Вы, сохранившие бодрую младость,
 Вы, не лишённые мужеской силы годами, спешите
 630 Бегством спастись, — сказал он. —
 Если б державные боги конец мой отсрочить хотели —
 Мне бы они сохранили мой дом. Но слишком довольно
 Зреть и однажды погибель своих и сожжение града.
 С миром идите, почтивши мое полумертвое тело
 Словом прощальным; смерть я сам обрету, иль, жалея,
 Враг умертвит старика. Не страшна погребенья утрата;
 Слишком долго, противный богам, на земле я промедлил,
 Чуждый земле, с тех пор как бессмертных и смертных владыка
 Веяньем молний своих и громом ко мне прикоснулся».
 640 Так говорил мой родитель, в жестоком намеренье твердый.
 Мы же в слезах — и я, и Креуза, и юный Асканий,
 Сын мой, и с нами домашние — молим, чтоб вместе с собою
 Он, отец, семьи не губил и в беду не ввергался...
 Тщетны моления; покинуть свой дом непреклонный отрекся.
 Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущий смерти.
 Что иное мне оставалось? Какая надежда?
 «Как, родитель, чтоб я убежал, об отце позабывши,
 Требовал ты! из родительских уст толь обидное слово!
 Если назначили боги, чтоб не было Трои великой,
 650 Если тобой решено истребить с истребляемым градом
 Нас и себя — для погибели нашей двери открыты:
 Скоро Приамовой кровью дымящийся Пирр, умертвивши
 Сына пред взором отца и отца пред святыней Пенатов,
 Явится здесь! Для того ли сквозь бой и пожар, о богиня,
 Я проведен, чтоб, врага допустив во святилище дома,
 Видеть, как сын мой Асканий, и дряхлый отец, и Креуза,
 Кровью друг друга облив, предо мною истерзаны будут?
 Дайте оружия, войны; время пришло роковое;

Грекам меня возвратите; отдаем силы последней;
 660 В бой, друзья! мы не все неотмщенные ныне погибнем».

Меч опоясав и щит свой надвинув на шуйцу, из дома
 Выйти спешу; но Креуза, упав со слезами на праге,
 Ноги мои обняла и, сына-младенца подъявля
 К лону отца, возопила: «Если себя на погибель
 Ты осудил — да погибнем с тобою и мы неразлучно!
 Если ж осталось тебе упование на меч и на силу —
 Прежде свой дом защити; здесь младенец Иул; здесь отец твой;
 Здесь Креуза... ее называл ты доныне своею».

Так вопияла супруга, стенаньем весь дом оглашая.
 670 Тут несказанное в наших очах совершилось чудо:
 Сына Иула с печалью родительской мы обнимали —
 Вдруг над его головою сверкнуло эфирное пламя,
 В кудри власов, не палящее, веяньем тихим влетело,
 Пыхнуло ярко и вокруг головы обвилось блистаньем.
 В трепете страха мы отряхиваем горящие кудри;
 Силимся влагой студеной огонь затушить чудотворный.
 Чуда свидетель, Анхиз оживленные радостью очи
 К небу возвел и, дрожащие длани подъявля, воскликнул:
 «О вседержитель Зевес! когда ты молитвам доступен,
 680 Призри на нас, о едином молящих: если достойны,
 Будь нам защитой, отец, и знамению дай подтверждение».

Только промолвил Анхиз — помутилось небо, и страшно
 Грянуло влеве; и, быстро упавшая с темных тверди,
 Мрак лучезарный рассекая браздой, звезда побежала...
 Видели мы, как она, разразившись над нашею кровлей,
 Светлая, вдаль покатила и, путь наш означив блистаньем,
 Пала за Идою в рошу... долго, протянут вдоль неба,
 След пламенел, и запахом серным дымилась окрестность.
 Тут побежденный старец родитель подъявляется с ложа,
 690 Молит богов и творит поклоненье звезде путеводной.
 «Все решено! — возгласил он — Боги отчизны, ведите;
 С верой иду; сохраните и дом мой и внука; то ваше
 Знаменье было, и в вашем могуществе есть еще Троя;
 Вам покоряюсь; мой сын, предводи; за тобою отец твой».

Так он сказал... и уже приближался к обители нашей
 С треском пожар и шумящего пламени зной опалял нас.
 «Время, родитель; на плечи сыновние сядь (возгласил я),

Даї мне мои подклонить рамена под священное бремя.
 Что бы ни встретило нас на пути — одно нам спасенье,
 700 Гибель одна; перестанем же медлить; младенец Асканий
 Рядом со мною пойдет; в отдаленье за нами Креуза.
 Вы же, служители дома, заметьте, что вам повелю я:
 Есть при исходе из града холм, и на холме Церерин,
 Древле покинутый храм; перед ним кипарис престарелый,
 С давних времен сохраненный почтением набожных предков.
 Там во единое место из разных сторон соберитесь.
 Лики Пенатов и утварь тебе поверяю, родитель;
 Я же, пришедший из битвы, рукою кровавой не смею
 К ним прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньем
 710 Свежия влаги...»
 С сими словами, широкие плечи склоня и на выю
 Сверх одеянья накинув косматую львиную кожу,
 Старца подьемлю; идем; Асканий, мою обхвативши
 Крепко десницу, бежит, торопяся, шагами неровными сбоку;
 Следом Креуза; идем, пробираяся мглою по стогнам;
 Я же, дотоле бесстрашным оком смотревший на тучи
 Стрел и отважно встречавший дружины враждебные греков,
 Тут при малейшем звуке бледнел, при шорохе каждом
 Медлил, робея за спутника, в страхе за милую ношу.
 720 И уже достигал я ворот и мнил, что опасный
 Путь совершился... вдруг невадали голоса раздалися,
 Что-то мелькнуло, слышался топот. Пристально в сумрак
 Смотрит Анхиз. «Мой сын, мой сын, беги! — возопил он. —
 Идут! сверкают щиты! оружие медное блещет!..»
 Кто изъяснит? Божество ли какое враждебною силой
 Ум мой смутило... но, в сторону бросаюсь, чтоб мнимой
 Встречи избегнуть, далеким обходом я вышел из града;
 Боги! Креуза исчезла; во тьме ль, ослепленная роком,
 Сбилась с дороги иль где отдохнуть, утомленная, села —
 730 Я не знаю, с тех пор мы нигде уж ее не встречали.
 Только тогда я утрату, опомнясь, заметил, когда мы
 Холма святого и древнего храма Цереры достигли.
 Там собрались мы, убогий остаток троян, — а Креузы
 Не было, к горю сопутников, сына, отца и супруга.
 О! кого из людей и богов я не клял, испущенный!
 Было ли что для меня и в паденье Пергама ужасней?

Сына Иула с Анхизом-отцом и с Пенатами Трои
 Спутникам вверив, в излучине дола велю им укрыться;
 Сам же, блестящей одетый броней, возвращаюся в Троию.
 740 Вновь решено боевые труды испытать, по горящим
 Стогнам Пергама промчаться и грудь под удары подставить.
 К темному прагу ворот, чрез который мы вышли из града,
 Прежде спешу, чтобы, снова по свежему нашему следу
 Троию пройдя, замечательным оком всмотреться в приметы;
 Всюду ужас! даже молчание в трепет приводит!
 К дому Анхиза — не там ли она, не туда ли ей случай
 Путь указал — я бегу, но данаи уж грабили дом наш;
 Все испровергнуто; с воплями враг по обители рыскал;
 Пламень пожара уже прошибал из-под верхния кровли;
 750 Вихрем взвивалися искры, и в воздухе страшно гремело.
 Я обратился к Приамову дому, к высокому замку:
 Боги! боги! в притворе пустого Юнонина храма
 Зверский Улисс и Феникс у добычи стояли на страже:
 Там сокровища Трои, богатства сожженных святилищ,
 Чаши златые, престолы богов, и убранства, и ризы
 В грудях лежали; младенцы и бледные матери длинным
 Строем стояли вблизи.
 Презря меня окружавшую гибель, дерзнул я во мраке
 Голос возвысить; печальный мой клик раздавался по стогнам.
 760 «Где ты, Креуза?» — зывал я, зывал... но было напрасно.
 В яростном горе по грудам разрушенных зданий я бегал.
 Вдруг перед очи мои появилась призраком, легкой
 Тенью она... и казалась возвышенной прежнего станом.
 Я ужаснулся, волосы дыбом, голос мой замер.
 Тихо с улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза:
 «Тщетной заботе почто предаешься, безумно печалясь?
 О Эней, о сладостный друг, не без воли бессмертных
 Было оно: мне не должно идти за тобой из Пергама;
 То запрещает владыка небес, громодержец Юпитер.
 770 Долго изгнанником будешь браздить беспредельное море;
 Там в Гесперии, где волны Лидийского Тибра по тучным,
 Людным равнинам обильно-медлительным током лиются,
 Светлое счастье, и царский венец, и невесту царевну
 Ты обретешь. Не томи ж по Креузе утраченной сердца;
 Нет! ни дверей мирмидона, ни пышных чертогов долопа

Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
 Дочь Дардании, вечной Венеры невестка...
 Быть при себе мне судила великая мать бессмертных.
 Ты же прости; поминай о супруге любовью к сыну».

720 Смолкла и тихо со мной, проливающим слезы, рассталась;
 Много хотел я сказать, но она улетела; трикраты
 Я за летящею тению руки простер, и трикраты
 Легкая тень из напрасно объемлющих рук ускользнула,
 Словно как веющий воздух, словно как сон мимолетный.
 Так миновалася ночь; возвращаюсь к товарищам бегства;
 Много толпою притекших из Трои спутников новых
 Там нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
 Жалкий народ беглецов, невозвратно утратив отчизну,
 С бедным остатком сокровищ, теснились там, приготовясь

790 Вместе со мной за морями искать обреченного берега.
 И уже восходил над горой светоносный Люцифер,
 Юного дня благовестник, и все ворота Илиона
 Заперты были врагом... упование исчезло! судьбине
 Я уступил и Анхиза понес на высокую Иду».

ПРЕДАНИЕ

〈Из «Конрада Валленрода»〉

О предание народное! Ты кивот завета
 От времен минувших к временам настоящим!
 В тебе народ заключает и оружия своих
 баснословных героев, и
 чистую ткань своих мыслей, и цветы прекрасные
 чувств своих.

Святой кивот, не прикоснется к тебе иноземец,
 доколе сам народ не осквернит, не предаст тебя.
 О песнь народная! Ты страж
 Эдема воспоминаний —
 С крылами Архангела, с гласом Архангела,
 Но часто и с мечом Архангела!

Пламя истребляет историю, начертанную кистью
живописца!
Вооруженные опустошители разрушают памятники!
Но песня остается! неискаженная живет она посреди
народа!
И если низкие души не будут питать ее скорбью,
поить упованием,
Она перелетит в горы, селясь в развалины
И к ним прикликает годы прошедшие.
Так соловей вырывается из дому, объятого пожаром,
Минуту отдыхает на кровле;
когда же падает кровля, улетает
в лес на свободу,
и голосом сладостным выше развалин и пепла.
поет для прохожего песню печали

СИД

Отрывок

Горные испанцы вместе с религиею, законами, честью и свободою предков своих визиготфов сохранили и употребление языка романского.

То были необразованные люди, характера дикого, гордые, отважные, не способные покорствоваться рабскому игу.

Каждая долина была особенною малою областью.

В сих долинах властвовали графы, коим короли визиготфские вверяли наблюдение правосудия в мирные дни и предводительство народного войска во дни военные.

Когда пала монархия, сии графы были почитаемы военачальниками и покровителями народа.

Народ сей был составлен большею частию из переселенцев, покинувших свою родину, дабы среди бесплодных утесов спасти религию и законы отцов своих. Там не было отдаваемо никаких отличных почестей фортуне: под кровлею бедной хижины часто находили человека, победившего в сражении. Вероятно, что в сии времена вошла в испанские нравы сия кастильская спесь, замечаемая ныне в самых нищих.

Санчо Великий, король кастильский, в начале XI века соединил под державу свою почти все христианские области полуострова; от него зависели Астурия, Наварра и Арагония; он первый принял титул ко-

роля Кастилии и может быть почитаем родоначальником королевских домов Испании.

При сем короле родился Дон Родриго Диас (сын Диега), прозванный Саидом, или Сидом (господином) от побежденных им мавров. Наименованный главным военачальником армии от короля кастильского, он получил еще прозвание Кампеадора (воителя).

Замок Бивар, недалеко от Бургоса, завоеванный отцом его Дон-Диегом, был местом его рождения. С женской стороны происходит он от древних графов Кастильских. Знаменитый породой, он приобрел богатство мужеством и оружием. Подвиги его сохранились в народных песнях, или романсах, из которых здесь предлагается извлечение.

СИД в царствование короля Фердинанда

I

Пятерых царей неверных
 Дон Родриго победил;
 И его назвали Сидом
 Побежденные цари.
 Их послы к нему явились
 И в смиреннии подданства
 Так приветствовали Сиды:
 «Пять царей, твоих вассалов,
 Нас с покорностью и данью,
¹⁰ Добрый Сид, к тебе прислали».
 «Ошибаетесь, друзья! —
 Дон Родриго отвечал им. —
 Не ко мне посольство ваше:
 Неприлично господином
 Называть меня в том месте,
 Где господствует Великий
 Фердинанд, мой повелитель:
 Всё его здесь, не мое».
²⁰ И король, таким смиреньем
 Сиды храброго довольный,

Говорит послам: «Скажите
 Вы царям своим, что, если
 Господин их Дон Родриго
 Не король, то здесь по праву
 С королем сидит он рядом,
 И что все, чем я владею,
 Завоевано мне Сидом».

30 С той поры не называли
 Знаменитого Родрига
 Мавры иначе, как Сидом.

II

Полных семь лет без успеха
 Неприступную Коимбру
 Осаждал Дон-Фердинанд.
 Никогда б не одолел он
 Неприступныя Коимбры,
 Крепкой башнями, стенами...
 Но является Сан-Яго,
 Рыцарь господа Христа:
 На коне он скачет белом,

40 С головы до ног в доспехах
 Свежих, чистых и блестящих.
 «Сим ключом, который блещет
 У меня в руках (сказал он),
 Завтра утром на рассвете
 Отопру я Фердинанду
 Неприступную Коимбру».
 И король вступил в Коимбру;
 И мечеть ее назвали
 Церковью Марии Девы.

50 Там был рыцарем поставлен
 Дон Родриго, граф Биварский.
 Сам король своей рукою
 Меч к бедру его привесил,
 Дал ему лобзанье мира;
 Только не дал акколады,
 Ибо то уж для другого
 Было сделано им прежде;

И, в особенную почесть,
 Конь в блестящей сбруе Сиду
 60 Подведен был королевой,
 А инфанта золотые
 На него надела шпоры.

III

Мрачен, грустен Дон Диего...
 Что сравнить с его печалью?
 День и ночь он помышляет
 О бесчестии своем.
 Посрамлен навеки древний,
 Знаменитый дом Ленесов;
 Не равнялись ни Иниги,
 70 Ни Аварки славой с ним.
 И болезнью и летами
 Изнуренный, старец видит
 Близкий гроб перед собою;
 Дон Гормас же, злой обидчик,
 Торжествующий, гуляет,
 Не страшась суда и казни,
 По народной площади.
 Напоследок, свергнув бремя
 80 Скорби мрачно-одинокой,
 Сыновей своих созвал он
 И, ни слова не сказавши,
 Повелел связать им крепко
 Благородные их руки.
 И, трепещущие, робко
 Вопросают сыновья:
 «Что ты делаешь, родитель?
 Умертвить ли нас замыслил?»
 Нет душе его надежды!
 Но когда он обратился
 90 К сыну младшему Родригу,
 В нем опять она воскресла;
 Засверкав очами тигра,
 Возопил младой Родриго:
 «Развяжи, отец, мне руки!

Развяжи! когда б ты не был
 Мой отец, я не словами
 Дал себе тогда б управу;
 Я бы собственной рукою
 Внутренность твою исторгнул;
 100 Мне мечом или кинжалом
 Были пальцы бы мои!»
 «Сын души моей, Родриго!
 Скорбь твоя — мне исцеленье;
 Грозный гнев твой — мне отрада;
 Будь защитник нашей чести:
 Ей погибнуть, если ныне
 Ты не выкупишь ее».
 И Родригу рассказал он
 Про свою тогда обиду
 110 И его благословил.

IV

Удаляется Родриго,
 Полон гнева, полон думы
 О враге своем могучем,
 О младых своих летах.
 Знает он, что в Астурии
 Дон Гормас богат друзьями,
 Что в совете королевском
 И в сраженье первый он.
 Но того он не страшится:
 120 Сын гидальга благородный,
 Он, родившись, обязался
 Жизнью жертвовать для чести.
 И в душе своей он молит
 От небес — одной управы,
 От земли — простора битве,
 А от чести — подкрепления
 Молодой своей руке.
 Со стены он меч снимает,
 Древней ржавчиной покрытый,
 130 Словно трауром печальным
 По давнишнем господине.

«Знаю, добрый меч, — сказал он. —
Что тебе еще постыдно
Быть в руке незначительной;
Но когда я поклянусь
Не нанести тебе обиды,
Ни на шаг в минуту боя
Не попятиться... пойдём!»

V

140 Там на площади дворцовой
Сид увидел Дон Гормаса
Одного, без провожатых,
И вступил с ним в разговор:
«Дон Гормас, ответствуй, знал ли
Ты о сыне Дон Диега,
Оскорбив рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Знал ли ты, что Дон Диего
Есть потомок Лайна Калва,
150 Что нет крови благородней,
Нет щита его честней?
Знал ли, что пока дышу я,
Не дерзнет никто из смертных —
Разве бог один всевышний —
Сделать то без наказания,
Что дерзнул с ним сделать ты?»
«Сам едва ли ты, младенец
(Отвечал Гормас надменно),
Знаешь жизни половину». —
160 «Знаю твердо! половина
Жизни: почать благородным
Воздавать, как то прилично;
А другая половина:
Быть грозою горделивых
И последней каплей крови
Омывать обиду чести». —
«Что ж? Чего, младенец, хочешь?»
«Головы твоей хочу я». —
«Хочешь розог, дерзкий мальчик;

170 Погоди, тебя накажут,
 Как проказливого пажа».

 Боже праведный, как вспыхнул

 При таком ответе Сид!

VI

Слезы льются, тихо льются

 По ланитам Дон Диега:

 За столом своим семейным

 Он сидит, все позабыв;

 О стыде своем он мыслит,

 О младых годах Родрига,

 О ужасном поединке,

 180 О могуществе врага.

 Оживительная радость

 Убегает посрамленных;

 Вслед за нею убегают

 И доверенность с надеждой;

 Но цветущие, молодые

 Сестры чести, вместе с нею

 Возвращаются они.

 И, в унылость погруженный,

 Дон Диего не приметил

 190 Подходящего Родрига.

 Он, с мечом своим под мышкой,

 Приложив ко груди руки,

 Долго, долго, весь пронзенный

 Состраданием глубоко,

 На отца глядел в молчанье;

 Вдруг подходит и, схвативши

 Руку старца: «Ешь, родитель!» —

 Говорит, придвинув пищу.

 Но сильнее плачет старец.

 200 «Ты ли, сын мой Дон Родриго,

 Мне даешь такой совет?»

 «Я, родитель! смело можешь

 Ты поднять свое святое,

 Благородное лицо».

 «Спасена ли наша слава?»

«Мой родитель, он убит».

 «Сядь же, сын мой Дон Родриго,

 Сядь за стол со мною рядом!

 Кто с соперником подобным

 210 Сладить мог, тот быть достоин

 Дома нашего главой».

 Со слезами Дон Родриго,

 Преклонив свои колена,

 Лобызает руки старца;

 Со слезами Дон Диего,

 Умиленный, лобызает

 Сына в очи и уста.

VII

На престоле королевском

 Восседал король-владыка,

 220 Внемля жалобам народа

 И давая всем управу.

 Твердый, кроткий, правосудный,

 Награждал он добрых щедро

 И казнил виновных строго:

 Наказание и милость

 Верных подданных творят.

 В черной, траурной одежде

 Входит юная Химена,

 230 Дочь Гормаса; вслед за нею

 Триста пажей благородных.

 Двор в безмолвном изумленьи.

 Преклонив свои колена

 На последнюю ступенью

 Королевского престола,

 Так Химена говорит:

 «Государь, прошло полгода

 С той поры, как мой родитель

 Под ударами младого

 Сопrotивника погиб.

 240 И уже я приносила

 Перед трон твой королевский

 Умиленную молитву.

Были мне даны тобою
 Обещанья; но управы
 Не дано мне и поныне.
 Между тем, надменный, дерзкий,
 Издевается Родриго
 Над законами твоими,
 И, его надменность видя,
 250 Ей потворствуешь ты сам.
 Государь праволюбивый
 На земле есть образ бога;
 Государь неправосудный,
 Поощряющий строптивость,
 Сердцу добрых не любезен,
 Не ужасен и для злых.
 Государь, внемли без гнева
 Сим словам моей печали:
 260 В сердце женщины почтенье
 Превращается от скорби
 Часто в горестный упрек».

И король на то Химене
 Так отвечает без гнева:
 «Здесь твоя печаль не встретит
 Ни железа, ни гранита.
 Если я сберег Родрига,
 То сберег его, Химена,
 Для души твоей прекрасной;
 Будет время — будешь плакать
 270 Ты от радости по нем».

VIII

В час полуночи спокойной
 Тихий голос, нежный голос
 Унывающей Химене
 Говорил: «Отри, Химена,
 Слезы грусти одинокой».

«Отвечай, откройся, кто ты?»
 «Сирота, меня ты знаешь».
 «Так! тебя, Родриго, знаю;

280 Ты, жестокий, ты, лишивший
Дом мой твердыя подпоры...»
«Честь то сделала, не я».

IX

В храме божием Родриго
Так сказал своей Химене:
«Благородная Химена,
Твой отец убит был мною
Не по злобе, не изменой,
Но в отмщенье за обиду,
Грудь на грудь и меч на меч.
Я тебе за мужа чести
290 Мужа чести возвращаю;
Я тебе в живом супруге
Все даю, что прежде в мертвом
Ты отце своем имела:
Друга, спутника, отца».
Так сказав, он обнажает
Крепкий меч свой и, поднявши
Острие к святому небу,
Произносит громогласно:
«Пусть меня сей меч накажет,
300 Если раз нарушу в жизни
Мой обет: любить Химену
И за все моею любовью
Ей воздать, как здесь пред богом
Обещаюсь и клянуся!»
Так свершил свой брак с Хименой
Дон Родриго, граф Биварский,
Славный Сид Кампеадор.

X

Сид во всех за Фердинанда
Битвах был победоносен.
310 Наконец для Фердинанда
Час последний наступает:
На своей постели смертной

Он лежит лицом к востоку;
Он в руках, уже холодных,
Держит свѣчу гробовую;
В головах стоят прелаты,
Одесную сыновья.
И уже свои он земли
Разделил меж сыновьями,
320 Как вошла его меньшая
Дочь Урака в черном платье,
Проливающая слезы.
Так ему она сказала:
«Есть ли где закон, родитель,
Человеческий иль божий,
Позволяющий наследство,
Дочерей позабывая,
Сыновьям лишь оставлять?»
Фердинанд ей отвечает:
330 «Я даю тебе Замору,
Крепость, твердую стенами,
С нею вместе и вассалов
Для защиты и услуги.
И да будет проклят мною,
Кто когда-нибудь замыслит
У тебя отнять Замору».
Предстоявшие сказали
Все: «Аминь». Один Дон Санхо
Промолчал, нахмурия брови.

СИД
в царствование короля Дон Санха Кастильского

I

Только что успел Дон Санхо
Вместе с братьями в могилу
Опустить с мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Как уже он на коне,

И гремит трубой военной,
 И вассалов собирает,
 И войной идет на братьев.
 Первый, с кем он начал ссору,
 10 Был Галиции властитель,
 Старший брат его Дон Гарсий;
 Но, сраженный в первой битве,
 С малочисленной остался
 Он дружиною кастильцев.
 Вдруг явился Дон Родриго.
 «В добрый час, мой благородный
 Сид! — сказал ему Дон Санхо, —
 Вовремя ко мне поспел ты».
 20 «Но ты сам, король Дон Санхо,
 Здесь не вовремя (сурово
 Отвечал ему Родриго);
 Лучше было бы, с молитвой
 Руки сжав, стоять смиренно
 У родителева гроба.
 Я исполню долг вассала;
 Стыд же примешь ты один».
 И Дон Гарсий, побежденный,
 Скоро в плен достался Сиду.
 «Что ты делаешь, достойный
 30 Сид?» — сказал с упрёком пленник.
 «Если б я теперь вассалом
 Был твоим, я то же б сделал,
 Государь, и для тебя».
 Заключен по воле брата
 В башню крепкую Дон Гарсий.
 За него король леонский
 Восстает и посылает
 Вызов к Сиду, *к мужу чести,*
Подымающему руку
 40 *На бесчестно-злое дело.*
 «Ополчись, мой благородный
 Сид, — Дон Санхо восклицает. —
 Ополчись, мой Сид могучий,
 Перл империи священной,

Цвет Испании, зеркало
 Чести рыцарской; леонцы
 Идут против нас войною;
 Веют львы на их знаменах;
 Но у нас, в земле Кастильской,
 50 Много замков укрепленных:
 Будет, где их запереть».
 «Государь, святое право
 За Альфонса; лишь фортуной
 Он неправ», — так отвечает
 Королю Дон Санху Сид.
 Дон Альфонс разбит и прогнан;
 Он бежит к толедским маврам.
 Как свирепый ястреб — алча
 Новой пищи после первой,
 60 Им отведенной добычи —
 Когти острые вонзает
 В беззащитную голубку:
 Так Дон Санхо ненасытный,
 На одну сестру напавши,
 Беспомощную насильно
 Запирает в монастырь.

II

Мирно властвует Урака
 В крепком городе Заморе.
 Крепким городом Заморой
 70 Завладеть Дон Санхо мыслит.
 Он к стенам его подходит.
 Нет в Испании другого:
 В твердом выбитый утесе,
 Им покрытый, как броней
 Смелый рыцарь, окруженный
 Светло-влажными руками
 Быстрошумного Дуера,
 Он стоит — и замки, башни
 (В целый день не перечесть их)
 80 Как венец его венчают.
 И сказал Дон Санхо Сиду:

«Добрый Сид, советник мудрый,
Дома нашего подпора,
От меня к сестре Ураке
Ты послом иди в Замору.
Предложи мену Ураке;
Пусть свою назначит цену;
Но скажи ей в осторожность:
Если ныне отречется
90 То принять, что предлагаю,
Завтра сам возьму я силой
То, о чем теперь прошу».
«Что за стены! — Дон Родриго
Мыслит, глядя на Замору. —
Чем на них смотрю я доле,
Тем грозней и неприступней
Мне являются они».
«Что за стены! — повторяет
100 Про себя король Дон Санхо. —
Это первые, которых
Не заставил содрогнуться
Приближающийся Сид».
«Что за стены!» — размышляет
Конь могучий Бабиека,
Замедляя ход и гриву
Опуская до земли.

III

Тихо в городе Заморе:
Он печальный носит траур
По великом Фердинанде.
110 Церкви города Заморы
В ткани черные одеты,
И на них печальный траур
По великом Фердинанде.
И Урака, затворившись
В замке города Заморы,
О сестрах и братьях плачет;
И печальный носит траур
По великом Фердинанде.

И она вздыхала тяжело
 120 В ту минуту, как явился
 Перед городом Заморой
 Дон Родриго, вождь кастильский.
 Вдруг все улицы Заморы
 Зашумели, взволновались;
 Крик до замка достигает,
 И Урака, на ограду
 Вышел, смотрит... там могучий
 Сид стоит перед стеной.
 Он свои подъемлет очи,
 130 Он Ураку зрит на башне,
 Ту, которая надела
 На него золотые шпоры.
 И ему шепнула совесть:
 «Стой, Родриго, ты вступаешь
 На бесславную дорогу;
 Благородный Сид, назад!»
 И она ему на память
 Привела те дни, когда он
 Государю Фердинанду
 140 Обещался быть надежной
 Дочерей его защитой,
 Дни, когда они делили
 Ясной младости веселье
 При дворе великоленном
 Государя Фердинанда,
 Дни прекрасныя Коимбры.
 «Стой, Родриго, ты вступаешь
 На бесславную дорогу;
 Благородный Сид, назад!»
 150 Бодрый Сид остановился,
 Он впервые Бабиеку
 Обратил и в размышленье,
 Прошептал: «Назад!», поехал
 В королевский стан обратно,
 Чтоб принести отчет Дон Санху.
 Но разгневанный Дон Санхо
 Так ответствует Родригу:

«Безрассудны государи,
Осыпающие честью
160 Неумеренной вассалов —
Лишь мятежников надменных
Для себя они готовят.
Ты с Заморой непокорной
Заодно теперь, Родриго;
Ныне ум твой дерзновенный
Не в ладу с моим советом;
С глаз моих пойди, Родриго;
Из кастильских выйди пределов;
Все мои покинь владенья». —
170 «Но которые владенья,
Государь, велишь покинуть?
Завоеванные ль мною,
Сохраненные ли мною
Для тебя?» — «Те и другие.
Сид минуту был задумчив;
Но потом он улыбнулся,
Вкруг себя спокойный бросил
Взор и сел на Бабиеку.
Удалился Сид... молчанье
180 В стане царствует, как в гробе.

IV

Длится трудная осада.
Много было поединков;
Много рыцарей кастильских,
К утешенью дам Заморы,
Было сброшено с седла.
Не возьмут они Заморы.
Тут являются к Дон Санху
Графы, знатные вельможи.
190 «Государь, отдай нам Сиду
(Говорят они); без Сиды
Не бывать ни в чем удачи».
И король послал за Сидом;
Но с домашними своими
Наперед о том, что делать,

Посоветовался Сид,
Возвратиться был совет их,
 Если сам король Дон Санхо
 Признает себя виновным.
 Сид покорствуе²⁰⁰т призыва^ю;

Сам король к нему навстречу
 Выезжает; с Бабиеки
 Сходит Сид, его увидя,
 И его целует руку.
 С той поры на поединки
 Вызывать гораздо реже
 Стали рыцари Заморы
 Смелых рыцарей кастильских:
 Каждый был готов сразиться
 Хоть с пятью один, хоть с чертом,
²¹⁰ Лишь бы только не с Родригом.

Вдруг из города Заморы
 Вышел витязь неизвестный.
 К пышной ставке королевской
 Подошедши, так сказал он:
 «За совет мой: *покориться*,
 Чуть меня не умертвили.
 Государь, я знаю верный
 Способ сдать тебе Замору».

²²⁰ Но с высокня ограда
 В то же время старый рыцарь
 Прокричал: «Король Дон Санхо,
 Знай, и вы, кастильцы, знайте,
 Что из города Заморы
 Вышел к вам предатель хитрый:
 Если сбудется злодейство,
 Нас ни в чем не обвиняйте».

²³⁰ Но с предателем Дон Санхо
 Уж пошел к стенам Заморы.
 Там, пред входом потаенным
 Неприступныя ограда,
 Видя, что король Дон Санхо
 С ним один и безоружен,
 Острый свой кинжал предатель

Весь вонзил в него и скрылся.
И король смертельно ранен.
Вкруг него толпятся слуги;
И никто из них не молвил
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, верный рыцарь
240 Так сказал ему: «Помысли
О душе своей и Боге;
Остальное все забудь».
И уже король Дон Санхо
Предал в руки Бога душу.
Много рыцарей кастильских
Вкруг него стоят и плачут;
Боле всех скорбит и плачет
Благородный Дон Родриго.
«О король мой, о Дон Санхо!
250 (Восклицает он), да будет
Проклят день тот ненавистный,
День, в который ты замыслил
Приступить к стенам Заморы.
Не боялся тот ни Бога,
Ни людей, кто беззаконно
Дал тебе совет нарушить
Честный рыцарства закон».

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

Индийская повесть¹

В те дни, когда мы верим нашим снам
 И видим в их несбыточности быль,
 Я видел сон: казалось, будто я
 Цветущею долиной Кашемира
 Иду один; со всех сторон вздымались
 Громады гор, и в глубине долины,
 Как в изумрудном, до краев лазурью
 Наполненном сосуде, — небеса
 Вечерние спокойно отражая, —
 10 Сияло озеро; по склону гор
 От запада сходила на долину
 Дорога, шла к востоку и вдали
 Терялася, сливаясь с горизонтом.
 Был вечер тих; все вокруг меня молчало;
 Лишь изредка над головой моей,
 Сияя, голубь пролетал, и пели
 Его волнующие воздух крылья.
 Вдруг вдалеке послышались мне клики;
 И вижу я: от запада идет
 20 Блестящий ход; змеею бесконечной
 В долину вьется он; и вдруг я слышу:
 Играют марш торжественный; и сладкой

¹ Наль и Дамаянти есть эпизод огромной Индийской поэмы Магабараты. Этот отрывок, сам по себе составляющий полное целое, два раза переведен на немецкий язык; один перевод, Боппов, ближе к оригиналу; другой, Рюккертов, имеет более поэтического достоинства. Я держался последнего. Не зная подлинника, я не мог иметь намерения познакомить с ним русских читателей; я просто хотел рассказать им по-русски ту повесть, которая пленила меня в рассказе Рюккерта, хотел сам насладиться трудом поэтическим, стараясь найти в языке моем выражения для той девственной, первообразной красоты, которою полна Индийская повесть о Нале и Дамаянти.

Вот что говорит А.-В. Шлегель об этом отрывке: «По моему мнению, эта поэма не уступает никакой из древних и новых в красоте поэтической, в увлекательности страстей, в возвышенной нежности чувств и мыслей. Прелесть ее доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся одним естественным чувством. Повесть о Нале и Дамаянти есть самая любимая из народных повестей в Индии, где верность и героическое самоотвержение Дамаянти так же известны всем и каждому, как у нас постоянство Пенелопы».

Моя душа наполнилась грустью.
 Пока задумчиво я слушал, мимо
 Прошел весь ход, и я лишь мог приметить
 Там, в высоте, над радостно шумящим
 Народом, паланкин; как привиденье,
 Он мне блеснул в глаза; и в паланкине
 Увидел я царевну молодую,
 30 Невесту севера; и на меня
 Она глаза склонила мимоходом:
 И скрылось все... когда же я очнулся,
 Уж царствовала ночь и над долиной
 Горели звезды; но в моей душе
 Был светлый день; я чувствовал, что в ней
 Свершилось как будто откровенье
 Всего прекрасного, в одно живое
 Лицо слиянного. — И вдруг мой сон
 Переменился: я себя увидел
 40 В царевом доме, и лицом к лицу
 Предстало мне души моей виденье;
 И мнилось мне, что годы пролетели
 Мгновеньем надо мной, оставив мне
 Воспоминание каких-то светлых
 Времен, чего-то чудного, какой-то
 Волшебной жизни. — И мой сон
 Опять переменился: я увидел
 Себя на берегу реки широкой;
 Садилось солнце; тихо по водам
 50 Суда, сияя, плыли, и за ними
 Серебряный тянулся след; вблизи
 В кустах светился домик; на пороге
 Его дверей хозяйка молодая
 С младенцем спящим на руках стояла...
 И то была моя жена с моею
 Малюткой дочерью... и я проснулся;
 И милый сон мой стал блаженной былью.

И ныне тихо, без волнения льется
 Поток моей уединенной жизни.
 60 Смотря в лицо подруги, данной Богом

На освященье сердца моего,
 Смотри, как спит сном ангела на лоне
 У матери младенец мой прекрасный,
 Я чувствую глубоко тот покой,
 Которого так жадно здесь мы ищем,
 Не находя нигде; и слышу голос,
 Земные все смиряющий тревоги:
Да не смущается твоя душа,
 Он говорит мне, *веруй в Бога, веруй*
 70 *В меня.* Мне было суждено своею
 Рукой на двух родных, земной судьбиной
 Разрозненных могилах те слова
 Спасителя святые написать;
 И вот теперь, на вечере моем,
 Рука жены и дочери рука
 Еще на легкой жизненной странице
 Их пишут для меня, дабы потом
 На гробовой гостеприимный камень
 Перенести в успокоенье скорби,
 20 В воспоминание земного счастья,
 В вознаграждение любви земныя
 И жизни вечныя на упованье.

И в тихий мой приют, от всех забот
 Житейского живой оградой сада
 Отгороженный, друг минувших лет,
 Поэзия ко мне порой приходит
 Рассказами досуг мой веселить.
 И жив в моей душе тот светлый образ,
 Который так ее очаровал
 90 Во время оно... Часто на краю
 Небес, когда уж солнце село, видим
 Мы облака; из-за пурпурных ярко
 Выглядывают золотые, светлым
 Вершинам гор подобные; и видит
 Воображенье там как будто область
 Иного мира. Так теперь создаьем
 Мечты, какой-то областью воздушной
 Лежит вдали минувшее мое;

И мнится мне, что благодатный образ,
 100 Мной встреченный на жизненном пути,
 По-прежнему оттуда мне сияет.
 Но он уж не *один*, их *два*; и прежний
 В короне, а другой в венке живом
 Из белых роз, и с прежним сходен он,
 Как расцветающий с расцветшим цветом;
 И на меня он светлый взор склоняет
 С такою же приветною улыбкой,
 Как тот, когда его во сне я встретил.
 И имя им одно. И ныне я
 110 Тем милым именем последний цвет,
 Поэзией мне данный, знаменую
 В воспоминание всего, что было
 Сокровищем тех светлых жизни лет
 И что теперь так сладостно чарует
 Покой моей обвечеревшей жизни.
Дюссельдорф, 16/28 февраля 1843.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Жил-был в Индии царь, по имени Наль. Выразены
 Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот
 Наль был славен делами, во младости мудр и прекрасен
 Так, что в целом свете царя, подобного Налю,
 120 Не было, нет и не будет; между другими царями
 Он сиял, как сияет солнце между звездами.
 Крепкий мышцею, светлый разумом, чититель смиренный
 Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный
 Смысл писаний священных, жертв сожигатель усердный
 В храмах богов, вождений своих обуздатель, нечистым
 Помыслам чуждый, любовь и тайная дума
 Дев, гроза и ужас врагов, друзей упованье,
 Опытный в трудной военной науке, искусный и смелый
 130 Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче же славный
 Чудным искусством править конями — на них же он в сутки

Мог сто миль проскакать, — таков был Наль; но и слабость
 Также имел он великую: в кости играть был безмерно
 Страстен. — В это же время владел Видарбинским обширным
 Царством Бима, царь благодущный; он долго бездетен
 Был и тяжело скорбел от того, и обет пред богами
 Он произнес великий, чтоб боги его наградили
 Сладким родительским счастьем; и боги ему даровали
 Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
 Дáмас, Дáнтас другой и Дáманас третий; а имя
 140 Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
 Живы и смелы; звездой красоты расцвела Дамаянти:
 Прелесть ее прошла по земле чудесной молвою.
 В доме отца, окруженная роем подружек, как будто
 Свежим венком, сияла меж них Дамаянти, как роза
 В пышной зелени листьев сияет, и в этом собранье
 Дев сверкала, как молния в туче небесной. Ни в здешнем
 Свете, ни в мире бесплотных духов, ни в стране, где святые
 Боги живут, никогда подобной красы не видали;
 Очи ее могли бы привлечь и бессмертных на землю
 150 С неба. Но как ни была Дамаянти прекрасна, не мене
 Был прекрасен и Наль, подобный пламенно-нежной
 Думе любви, облекшейся в образ телесный. И каждый
 Час о великом царе Нишадской земли Дамаянти
 Слышала, каждый час о звезде красоты благородный
 Царь Нишадский слышал; и цвет любви из живого
 Семени слов меж ними, друг друга не знавшими, скоро
 Вырос. Однажды Наль, безымянной болезнью сердца
 Мучимый, в роще задумчив гулял; и вдруг он увидел
 160 В воздухе белых гусей; распутив златоперые крылья,
 Стаей летели они, и громко кричали, и в рощу
 Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
 Наль схватил одного. Но ему сказал человеческим
 Голосом Гусь: «Отпусти ты меня, государь, я за это
 Службу тебе сослужу: о тебе Дамаянти прекрасной
 Слово такое при случае молвою, что только и будет
 Думать она о Нале одном». То услыша, поспешно
 Наль отпустил золотого Гуся. Вся стая помчалась
 Прямо в Видарбу и там опустилася с криком на царский
 Луг, на котором в тот час Дамаянти гуляла. Увидев

170 Чудных птиц, начала Дамаянти с подружками бегать
 Вслед за ними; а гуси, с места на место порхая,
 Все рассыпались по́ лугу; с ними рассыпались так же
 Скоро и все подружки царевнины: вот Дамаянти
 С Гусем одним осталась одна; и Гусь, приосаясь,
 Вдруг сказал человеческим голосом ей: «Дамаянти,
 В царстве Нишадском царствует Наль; и нет и не будет
 Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
 Стала, то счастье твое вполне б совершилось; какой бы
 Плод родился от союза с его красотой могучей
 180 Нежной твоей красоты. Вас друг для друга послали
 Боги на землю. Поверь тому, что тебе говорю я,
 О тихонравная, сладкоприветная, чистая дева!
 Много мы в странствиях наших лугов человеческих, много
 Райских обитателей неба видали; в стране великанов
 Также нам быть довелось: но донныне еще, Дамаянти,
 Встретить подобного Налью царя нам нигде не случилось:
 Ты жемчужина дев, а Наль — мужей драгоценный
 Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрели
 Мы на земле неземное». Так Гусь говорил. Дамаянти,
 190 Слышая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,
 Вся побледнев от любви: *Скажи ты то же и Налью.*
 Быстро, быстро поднялся он, дважды рожденный, сначала
 В виде яйца, потом из яйца, и в Нишадское царство
 Прямо помчался и там рассказал о случившемся Налью.

II

После того, что сказал ей Гусь золотой, Дамаянти,
 Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно
 С Налем прекрасным. Объятая тайною думой, влачаяся
 Шаткой, неверной стопою, как будто в каком расслабенье,
 То подымая к небу грустные очи, то в землю
 200 Их потупляя, то с полною тяжкими вздохами грудью —
 Временем щеки как жар, временем бледные, очи
 Полные слез, засохшие губы и все в беспорядке
 Мысли, как волосы, — день и ночь Дамаянти вздыхала
 Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
 Ни же покоя на месте ином; и, тая в болезни,
 Пищи она, ни питья принимать не хотела. Подружкам

Скоро стало заметно, что с их царевной прекрасной
 Что-то случилось недоброе; скоро достигнул печальный
 Слух и до Бимы-царя, что дочь его Дамаанти
 210 Свой покой потеряла. Как скоро об этом проведал
 Царь, то он весьма опечалился. «Видно, настало
 Время любви для тебя, моя Дамаанти», — сказал он.
 Вот и задумал Бима дать пир, чтоб отвсюду на выбор
 Съехались к ней женихи. Гонцов разослал он по разным
 Царствам индейским: царей приглашать на праздник в Видарбу.
 Только к царям и царевичам весть об этом достигла,
 Все снарядились в путь; с востока и запада быстрый,
 Шумный поток пути наводнил, наполняя всю землю
 220 Смутным гулом слонов, коней, колесниц и до неба
 Пыль густую подъемля. Сияя богатством уборов,
 Множеством ратников, блеском оружий, пышностью броней,
 Съехались гости в Видарбу; торжественно встретил их Бима.
 В это время странствовать вышел глава и светило
 Всех отшельников, праведный старец Нерада; избранный
 Спутник его был Перва́та блаженный. Из пыльного мира
 Темных гробов проникнул он в царство небесного света,
 В оный предел, где сад веселый цветет, где великий
 Властвует Индра. В светло-воздушные сени вступили
 Оба странника; их приветствовал радостно Индра;
 Им поклонясь и воздав им обоим приличную почесть,
 Царь небесный тверди спросил гостей о здоровье
 Их и целого света. «Владыка, — с поклоном Нерада
 Индре отвечивал, — божеской милостью вашей здоровы
 Мы, и весь свет наш здоров: благоденствуют люди и звери;
 В каждой пылинке и в каждой былинке жизнь и веселье».

Слыша такой ответ Нерады, могучий правитель
 Мира спросил: «Но где же мои любимцы, кровавых
 Споров решители, крови своей проливатели в битвах,
 240 Смерти презрители, храбрые мира защитники? Им
 Светлую область мою населять я люблю; но напрасно
 Жду я на пир мой желанных гостей, не приходят
 Гости мои уж давно. Скажи мне, святой, что случилось
 С племенем храбрых?» На это отвечивал Индре Нерада:
 «Я объясню, всемогущий, тебе, отчего так давно ты
 Здесь никого не видишь из храбрых вождей: Дамаанти,

Дочь царя видарбинского Бимы, которой на свете
 Нет ничего подобного, хочет по сердцу супруга
 Выбрать, и все цари и царевичи едут в Видарбу;
 Всякая ссора забыта, и вот почему так спокойна
 250 Стала земля, почему и в твою светозарную область
 Гости давно не приходят». Покуда их длилась беседа,
 Прибыли к Индре его соучастники в миродержавстве —
 Агнис, властитель огня, Варуна, воды повелитель,
 Яма, бог-земледержец. Услышав сказанье Нерады,
 Боги воскликнули с светлым лицом: «На выборе этом
 Будем и мы». И на быстрых конях, предводимые Индрой,
 Боги пустились в Видарбу, куда все цари собирались.
 Тою порою и Наль, любовью сгорая, лишь только
 260 Сведал о съезде великом в Видарбе, на быстрых
 Крыльях желанья помчался; нужды в конях не имел он.
 Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели Наля:
 Был красотою он светел, как день; и боги, пленяся
 Той красотой, на него с изумленьем смотрели; четыре
 Стихий властителя, в воздухе свой полет удержавши,
 Вот что сказали: «Здравствуй, нишадец, войск истребитель,
 Наль Пуньялока. Хочешь ли нам оказать ты услугу?
 Нашим послом полномочным иди отсюда в Видарбу».

III

«Все исполню, — отвечивал Наль; и, руки сложивши
 В страхе невольном, с видом покорным спросил он их: — Кто вы,
 270 Солнечным блеском одетые? С вестью какой повелите
 Мне в Видарбу идти?» Ему отвечивал Индра:
 «Знай, что мы боги бессмертные, спешщие в мир для прекрасной
 Дочери Бимы-царя Дамаянти, к которой отвсюду
 Сходятся ныне земные цари; я Индра, властитель
 Воздуха; это Агнис, огня повелитель могучий;
 Это Варуна, двигатель вод, а это великий
 Тверди земной основатель Яма. Знай же, что ныне
 Наш ты посол, и вот что ты должен сказать Дамаянти:
 «Ведай, царица, что боги стихий — бог воздуха Индра,
 280 Агнис огня, Варуна воды и Яма земли — к нам
 С неба сошли, чтоб из них одного избрала ты в супруги!»
 Руки сжав с умилением, Наль отвечивал Индре:

«Сам я за тем же в Видарбу иду; от других невозможно
 Быть мне послом к Дамаянти; молю, от такого посольства,
 Боги, избавьте меня». На то ответствовал Индра:
 «Разве не ты, благородный нишадец, сказал нам: *исполню?*
 Можешь ли слово нарушить? Иди ж и не смей отрицаться».

290 Наль отвечал с замешательством: «Как же дойду я к царевне?
 Входы все заперты крепкою стражей». — «О том не заботься, —
 Боги сказали, — дойдешь свободно, иди без боязни».
 Наль пошел, покоряся без ропота воле бессмертных.
 Он во дворец свободно проникнул и там Дамаянти
 Скоро увидел в кругу подружек; как с неба слетевший
 Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
 Нежные члены ее, вождельные любви пробуждая
 В каждом сердце; и месяц и солнце не столь утешали
 Светом своим, как ее пленительно-девственный образ.
 Муку любви почувствовал Наль при виде волшебном
 Стройного стана ее; но он пересилил стремленье
 300 Силы мучительной. Все подружки царевны вскочили
 С мест, изумленные входом нечаянным Наля; прекрасный
 Образ его поразил их так, что им показалось
 Небо отверстым. Не смея его спросить, меж собою
 Тихо шептались они, повторяя: откуда пришел он?
 Кто он? какой он породы? райской? земной? исполинской?
 Так вопрошали друг друга они, ослепленные блеском
 Наля, очей на него поднять не смея (столь боги
 Прелесть его, уж и так неземную, блеском небесным
 Вдруг возвеличили). В это мгновенье пред ним Дамаянти
 310 С сердцевластительным взором, с улыбкой, чарующей душу,
 Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
 Пламенем. «Кто ты? — она напоследок спросила. —
 Кто ты, все озаряющий, прелестью дышащий, душу
 Радостной мукой объемлющий? Как ты проникнул в обитель
 Царской дочери, всем затворенную, мимо царевой
 Стражи, никем не замеченный? Кто ты? Какое ты носишь
 Имя?» На этот вопрос видарбинской прекрасной царевны
 Наль ответствовал: «Знай, Дамаянти, я Наль; я в Видарбу
 Прислан, царевна, тебя известить, что великие боги
 320 Индра, Агнис, Варуна и Яма спустились на землю
 С неба затем, чтоб из них одного избрала ты в супруги.

Их могуществом мог и сюда неприметно пройти я;
Зная теперь, зачем я здесь, видарбинская дева,
Сделай сама, что найдешь для себя и благим и приличным».

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Весть такую услышав, сначала богам Дамаянти
Сердцем смиренным свою принесла благодарность; с улыбкой
Налю сказала потом: «Не боги, а ты мой избранный
Светлый жених; я твоя, и все, чем я обладаю,
330 Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, все мысли, желанья и жизнь, и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое без остатка. Что белый
Гусь мне сказал, то сердце мое сокрушило; и были
Все цари и царевичи созваны мною на выбор
Только затем, чтоб привлечь и тебя; но ты уж заране
Избран; отдаться тебе поклялась я, и был ты
Здесь уж давно ожидаем; но только совсем для иного.
Сватайся ж сам за меня; тебе неприлично являться
Здесь послом от других; и знай, что если тобою
340 Буду отвергнута я, от которой приемлешь ты ныне
Почеть такую, то все мне смертию будет: вода ли
Яд ли, огонь ли, веревка ли, все мне равно; нестерпимо
Женскому сердцу в любви безответно признаться». На это
Наль видарбинской царевне отвечивал: «Как же ты можешь
Вечным богам предпочесть обреченного смерти? Как можешь
С теми, от коих жизнь истекает, кем держится зданье
Мира, ставить меня наряду, недостойного с прахом
Ног их сравниться? Идущий против воли бессмертных
Смерти навстречу идет. О пленительно стройная дева!
Будь мне спасенем, избравши небесное вместо земного.
350 Легкость чистых, беспыльно-эфирных одежд, неземные
Перлы, венки и повязки богов предпочти и блаженствуй.
Что желанней тебе? Благовонный ли воздух? Огня ли
Жертвенный пыл? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вечной земли? Один, лазурно-воздушным пространством
Мир объемля, движеньем и светом его наполняет;

Искрою в каждой пылинке таяся, другой проникает
 Всё, разрушая тела и духу даруя свободу;
 Третий, кристальной цепью землю обвив и на зыбком
 Пухе воды отдыхая, жемчужные нити влетает
 360 В кудри свои; четвертый дает живущему место,
 Мертвому пристань и всё создание на суд собирает —
 Вот твои женихи, Дамаянти; богам ли бессмертным
 Ты откажешь? Не делай того, послушайся друга.
 С трепетом сердца и влагой печали затмивши сиянье
 Светлых очей, отвечала ему Дамаянти: «Всесильны
 Вечные боги; я чту их всем сердцем и им поклоняюсь
 С верой; но ты мой жених; ты избран любовью; этой
 Правды скрывать не хочу я». Так говоря, Дамаянти
 370 Очи стыдливо склонила и руки прижала к дрожащим
 Девственно чистым грудям с умоляющим видом. Вздохнувши,
 Наль отвечал: «Не забудь, Дамаянти, что я пред тобою
 В сане посла, нарушу ль святую доверенность? Буду ль
 Ныне просить для себя того, что строго велит мне
 Должность просить для других? Наступит мой час, и без страха
 Стану за право свое. Ты сама об этом размысли,
 Радость очей, видарбинская роза». Вздох утаивши,
 Тихо в ответ Дамаянти шепнула: «О друг, мы согласны
 В мыслях; ты путь прямой избери, чтоб упрека и тени
 380 Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшенью
 Смертных людей, с богами ко мне на торжественный выбор;
 Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
 Выберу, царь благородный, тогда и ты пред богами
 Правым и чистым останешься». Этот ответ видарбинской
 Девы принявши, Наль возвратился в то место, где были
 Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
 Миродержавцы спросили его с живым любопытством:
 «Что ты скажешь? Какой ответ нам принес от царевны?»
 Наль сказал: «Посланником вашим проник я в жилище
 Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражам,
 390 Видимый только царевне одной; конечно, то было
 Так устроено вашею властью; с царевной нашел я
 Много подруг; они вскочили, меня испугавшись;
 Но Дамаянти, прекрасный светло-смеющийся месяц,
 В то мгновенье, как вашу волю, бессмертные боги,

Я объявлял ей, меня самого в затменье рассудка
 Выбрала. Вот что сказала в ответ мне царица: «Пусть придут
 Боги вместе с тобою ко мне на торжественный выбор;
 Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
 400 Выберу, царь благородный; тогда и ты пред богами
 Правым и чистым останешься». Ваша воля святая
 Мною исполнена, вечные боги; теперь, умоляю,
 Должность посла снимите с меня и свободу мне дайте».

II

Вот с наступлением дня пригласил царь Бима на выбор
 Всех своих знаменитых гостей. Собрались в обширной
 Царской палате цари и царевичи; взоры их жаркой
 Жаждой любви пламенели; они прошли сквозь золотые
 Своды высоких дверей, как львы сквозь расселину; в блеске
 Свежих душистых венков, в серьгах драгоценных сидели
 Там величавые гости на пышных, упругих подушках;
 410 Тесно их сонмище было, как львиная грива густая;
 Полная ж ими палата казалась разинутым зевом
 Тигра, полным зубов. И было тут чем любоваться:
 Крепкие бедра, как будто столбы, литые из меди,
 Сильные мышцы и плечи, как будто могучие дубы,
 С гибкими пальцами руки, как змеи с пятью головами,
 Гордые шеи, светлым гранитным зубцам на вершинах
 Горных подобные, в блеске прекрасных, весельем горящих
 Лиц, и пышных волос, и высоких бровей, и огнистых
 420 Глаз. И в собрание гостей вошла Дамайнти, чтоб ум их
 Взглядом одним помутить, чтоб глаза и сердца их опутать
 Сетью любви. И все к ней очами прильнули, как птицы
 К клейкой охотничьей жерди. Долго кругом Дамайнти
 Взор свой водила; но тот, кто один был и в сердце и в мыслях,
 Ей не являлся. Вдруг видит царица пять одинаких
 Образов; были они перед нею; то к ней приближались,
 То от нее отходили; и каждый ей представлялся
 Налем, как скоро глаза на него она обращала;
 Мысли ее помутились. Она подумала: «Что мне
 430 Делать? Как четырех богов отличу я от Наля?»
 Взоры ее напрасно божественных знаков искали.
 «Знаков, о коих дошли к нам издревле сказанья, не носит

Здесь на себе ни один из видимых мною», — царевна
 Думала. Вот наконец, по долгом с собой размышленье,
 Так решила она: «К богам подойду я с молитвой;
 Боги молитвы моей не отринут». И с верой смиренной,
 Руки сложив и к грудям богомольно прижав их, царевна
 Так сказала: «Боги бессмертные, боги святые,
 Мною избранного, сердцем желанного мне покажите;
 Если пред вами я делом и мыслию правду хранила,
 440 Если молюся вам с теплою верою, если вы сами
 Мне, уж избранного мною самою, в супруги избрали,
 Если его я любить поклялася и если должны быть
 Клятвы священны, то мне вы его покажите, благие
 Боги, и знаки свои мне откройте, чтоб вас я почтила».

Столь сердечную жалобу слыша из уст Дамаянты,
 Видя ее чистоту, и любовь, и покорность их воле,
 Видя правдивость ее, и кроткое сердце, и светлый
 Ум, согласились немедля ее желанье исполнить
 Боги и приняли знаки свои. Тогда Дамаянты
 450 Их во мгновение узнала по зорко-спокойному оку,
 Лицам беспотным, светло-нетленным венкам, недоступным
 Пыли белым одеждам, бестенному телу и дивной
 Легкости быстрых движений, с какою они перед нею
 Веяли с места на место, земли не касаясь ногами.
 Рядом с ними, полуотененный, в венке уж завядшем,
 Пылью и потом покрытый, стоял на земле с помраченным,
 Грустно потупленным взором задумчивый Наль. Дамаянты
 Вызвала тотчас его из середины бессмертных и выбор
 460 Своей изъявила обычным обрядом, смиренно коснувшись
 Края одежды его и на кудри его наложивши
 Свежий душисто-блестящий веноч. Совершился великий
 Выбор; со всех сторон раздались торжественно клики;
 Все цари и царевичи, мужи святые и боги,
 Выбор одобрив, воскликнули: *Слава!* счастливому Налю.
 Он же, полный блаженства любви, своей нареченной,
 Робко краснеющей, очи склонившей, дрожащей невесте
 Так сказал с трепетанием сердца, но голосом твердым:
 «Если могла при бессмертных богах ты смертного мужа
 Так почтить, Дамаянты, то слушай: тебя я
 470 Сам пред людьми и богами своею женой именую,

Весь на целую жизнь отдаюся тебе, и доколе
 Будет дух жизни в теле моем, дотолѣ, о дева,
 Роза Видарбы, я буду твоим; мое обещање
 С верой прими, на меня положишь; отныне тебя я
 Буду питать, защищать и чтить, и хранить, и останусь
 Верен тебе всегда, во всем, и словом и делом,
 Радость и горе, богатство, и бедность, и все неизменно
 В жизни с тобой разделяя». Обет такой произнесши,
 Светлый жених перед всеми своей лучезарной невесте
 420 Дал целомудренно первый любви поцелуй; и друг другом
 Долго в блаженстве немом любовались они; напоследок,
 Вспомнив, что боги близко, и царь и царевна пред ними
 Пали с молитвой; и боги скрепили своей благодатью
 Брак их; податели всякого блага, они даровали
 Налю четыре великие силы: могучий властитель
 Воздуха дал ему зоркость очей с способностью в каждом
 Месте простор находить и везде освежаться прохладой;
 Бог огня даровал обладанье огнем и возможность
 Видеть без ужаса блеск мирозданья; правитель земный
 490 Тверди дал твердую поступь, чтоб был для него безопасен
 Всякий путь по земле, и тонкий вкус для разбора
 Пищи; владыка воды наградил могуществом воду
 Всюду творить и цветы рождать единым желаньем.
 Так одаривши царя, и царевне все четверо вместе
 Дали одно обещање: что брака их радостью будут
 Сын, как отец, и дочь, как мать, прекрасные. Милость
 Им изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
 Вслед и цари и царевичи, выбор невесты одобрив,
 В путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что слышнул
 500 Этот прилив гостей, устроил свадебный праздник.
 Налъ, сочетавшись с своею царевною, пробыл в Видарбе
 Первые дни в веселье и в радости сладкой; потом он
 В царство свое, блаженный, прославленный, с милой женою,
 Честно жен, звездой красоты и любви, возвратился.
 Там в благовонных рощах, в роскошных царских палатах
 Он благоденствовал, тихо и сладостно каплю за каплей
 Жизни из чаши одной выпивая с ней вместе, вкушая
 Мир и свободу, в молитве, в забавах, в труде и покое,
 Правду творя и на счастье народном свое утверждая.

III

210 Боги, покинув Видарбу и в небо свое возвращаясь,
 Встретили адского бога Кали. Провожаем Двепарой,
 Странствовал он по земле. «Куда направляешь ты путь свой?» —
 Индра спросил. «В Видарбу, — Кали отвечал. — Дамаянти
 Будет моею женою; мне в мысли пришло, что я должен
 Ею быть выбран». С улыбкой отвечивал Индра: «Уж выбор
 Сделан; ты опоздал; при нас она поклялася
 В верности Налю». Кали, услышав от Индры такую
 Весть, воскликнул в кипении гнева: «Когда Дамаянти
 Смертного мужа посмела богам предпочесть, то над нею
 520 Страшно должна отмщена быть такая обида». На это
 Боги света мрачным богам отвечали: «По воле
 Нашей выбор свершился в Видарбе; и млад и прекрасен
 Наль: лишь одною б лишенною смысла он мог быть не избран,
 Он, непорочный, уставов святых постоянный блюститель,
 Книг духовных внимательный чтец, своим правосудно
 Правящий царством; он, у которого в доме усердно
 Приняты с почестью, с сладко-душистыми жертвами боги;
 Он, правдивый, твердый и кроткий, людьми и богами
 Чтимый; он, строгий обетов хранитель, он, одаренный
 530 Набожным сердцем, великой душою, смиреньем и силой;
 Он, в котором терпенье, умеренность, благость в единый
 Образ божественной прелести слиты... Кали, кто враждует
 С праведным Налем, тот скройся в пропасти ада, на муку
 Вечную». Так отвечав, удалился боги на небо.
 Видя богов удалившихся, с злобной усмешкой Двепаре
 Молвил Кали: «Не прошу никогда я обиды; теперь же
 В Наля вселюсь, чтоб его, ненавистного, свергнуть в погибель;
 Ты же, Двепара (ведь знаем давно мы, какой он горячий
 В кости игрок), поселился в костях и будь мне помощник».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

540 С замыслом злобным своим притаился в обители царской
 Наля коварный Кали. Он все выжидал, чтоб удобный

Случай открылся ему совершить предприятое; шесть лет
 Ждал он напрасно; в седьмой год предстал наконец благосклонный
 Случай: ко сну отходя, позабыл совершить очищенье
 Царь, и в тело нечистое дух нечистый вселился.
 В сердце Наля проникнул Кали, и святое жилище
 Мирной невинности сделалось мутно от злых помышлений.
 Был у Наля сводный брат Пушкára. Далеко
 Жил он в своем городке, небогатым участком довольный;
 550 Хитрый Кали, овладевши сердцем смиренного Наля,
 Вот что сказал в сновиденье Пушкаре: «Возьми ты скорее
 Кости, и к Налю иди, и игру о царстве Нишадском
 С ним заведи, и будет твоим Нишадское царство;
 Весь проиграется Наль». Пушкара, прельщенный нечистым
 Духом, взял кости, в которых уже скрывался Двепара,
 К Налю явился и вызвал его на игру; загорелся
 Бешеной страстью Наль, запрыгали кости, и смертный
 Бой начался; и царь, как безумный, ставил на кости
 Все: драгоценные камни, золото, утварь, одежды,
 560 Замки и земли, и все, одно за другим, ослепленный
 Хитрым врагом, он проигрывал. Тщетно его Дамаянти
 Бросить игру умоляла; ее он не слушал. Смущились
 Все приближенные, все вельможи, весь двор, все граждане;
 Вот Дамаянти слышит, что все они собралися
 В царском дворце, чтоб царю объявить, как сильно тревожит
 Их злочюченье такое; и в горьких слезах Дамаянти
 Так сказала царю: «В твоей обители весь твой
 Верный нишадский народ собрался, и ждет, и желает
 570 Светлые очи увидеть твои; покажися, ответствуй
 Им на любовь их вниманием царским». И слезы бежали
 Быстро из глаз Дамаянти, но царь не внимал ей, враждебной
 Силою мрачного духа объятый. И двор и граждане,
 Видя, что Наль их моления отверг, разошлись, помышляя
 С горем глубоким и тяжким стыдом: *он боле не царь нам!*
 Кости же тою порой как живые летали; все жарче
 Бой разгорался, и царь проигрывал с каждым ударом.

II

Видя, что муж от игры был совсем без ума, Дамаянти
 Стала думать о том, каким бы средством от близкой,

580 Им обоим грозящей беды защититься; но трудным
 Ей показалось спасенье; безумный Наль поминутно
 Область за областью брату проигрывал. Вот Дамаянти
 С горем сказала кормилице старой своей Врихазене,
 Чтимой всеми в доме царевом, советнице умной:
 «Друг мой, кормилица, слушай; ко мне собери поскорее
 Всех советников царских; мне должно с ними исчислить,
 Сколько богатства проиграно, что еще нам осталось».

590 Вот собрались советники; их повела Дамаянти
 К Налю, который играл беспробудно. К нему приступила
 С ними царица и, плача, выслушать их умоляла.
 Но очарованный Наль был глух, и слеп, и бесчувствен;
 Он не взглянул на нее, не сказал ей ни слова,
 Все продолжал по-прежнему с братом играть и стоявших
 В горе и страхе пред ним вельмож не приметил. Утратив
 Всю надежду, они с содроганьем оставили царский
 Дом. Царица же долго в лицо безумному Налю
 С страхом смертельным смотрела; а между тем роковые,
 Налю враждебные, брату его благосклонные кости
 Стуком своим беспрестанным и пуше ее ужасали.

600 «Слушай, кормилица (так наконец Дамаянти сказала
 Верной своей Врихазене), беда наступила; скорее
 Кликни Варшнею, правителя коней царевых». Когда же
 К ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда,
 Вот что ему Дамаянти сказала: «Варшнея, сопутник
 Верный царя, послужи ему и теперь в наступившем
 Бедствии: видишь, что каждый проигрыш с новой
 Силой в нем страсть к игре разжигает, что кости как будто
 Против него заодно с Пушкарой; мой царь обезумлен
 Духом враждебным; забыл о народе, о ближних, не внемлет

610 Даже и мне; всему причиною кости; в них скрыта
 Адская сила, а сам он невинен. Послушай, мой добрый,
 Верный Варшнея, исполни мое повеленье: всечасно
 Жду со страхом и трепетом я, что царь мой погибнет,
 Все проиграв; но еще не проиграны царские кони
 Быстролетучие; сядь в колесницу его и немедля,
 Прежде чем наша гибель вполне совершилась, в Видарбу
 К Биме, отцу моему, детей отвези; поклонися
 Сродникам всем и знакомым моим; когда же отдашь ты

620 Все, и сироток моих и царских коней с колесницей,
 Биме, тогда ты будешь волён иль остаться в Видарбе,
 Или идти в иную какую землю, куда ты
 Сам пожелаешь». Варшнея, верный правитель царевых
 Коней, выслушав то, что ему Дамаянти сказала,
 Созвал советников царских; когда же и те согласились
 С умным желаньем царицы, то, взяв детей, он поехал
 С ними в Видарбу. Там, снявши детей с колесницы,
 Отдал их Биме, потом родным и знакомым царицы
 Всем от нее поклонился, потом, печалимый тяжкой
 630 Участью Наля, пошел в свой путь и, в Айоду пришедши,
 В службу вступил к царю Ритуперну правителем коней.

III

Был уж далеко Варшнея, когда у несчастного Наля
 Выиграл злой Пушкара все царство. С насмешкою колкой
 Брату сказал он: «Ты весь проигрался; посмотрим,
 Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
 Только и есть у тебя; твое же добро остальное
 Все мое; отдаем счастья. Чьею женою
 Быть должна Дамаянти, твоею или моею?»
 Это услышав, Наль содрогнулся, вздохнул и ни слова
 Не был в силах промолвить; но, мрачно взглянувши на брата,
 640 Снял с себя все уборы и, только одно сохранивши
 Бедное платье, нищий, ограбленный, царь благородный
 Вышел смиренно из царского дома, несметных сокровищ
 Полного; следом за ним, без роптанья судьбе покоряся,
 Также одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
 Ночь они провели без ночлега; под смертную казнью
 Их принимать запретил Пушкара гражданам Нишады;
 Новый царь был страшен, и так ни единый из прежних
 Подданных не дал приюта царю бесприютному. Близко
 Города, голод и жажду терпя, одним безотрадным
 650 Горем богатый, три дня и три ночи сряду скитался
 Наль; потом он дал пошел, печальный, голодный;
 Следом за ним пошла Дамаянти; для скудных пищи
 Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло уж
 Несколько дней печального странствия; голод жестоко
 Мучил однажды обоих. Вдруг две златокрылые птички

Сели на травке близ самого Наля. «Нам будет сегодня
 Пища», — сказал он, тихонько подкрался к птичкам и, снявши
 С плеч последнее платье свое, им поспешно накрыл их.
 Что же? С ним вместе птички взвились на воздух и, видя,
 660 Как изумлен был Наль, совсем обнаженный, запели:
 «Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно
 Мы сюда прилетали, чтоб взять у тебя остальное
 Платье; нам было досадно, что ты, совсем проигравшись,
 С платьем еще оставался. Прости, безрассудный; счастливый
 Путь!» И птички исчезли. Наль сказал: «Дамаянти,
 Те, от которых такую беду я терплю, кто лишили
 Царства, покоя и счастья меня, от которых не смеет
 Ныне меня принимать ни один из нишадцев, — под видом
 670 Птиц златокрылых сюда прилетали, дабы остальное
 Платье похитить мое. И теперь я, сил и рассудка
 Горем лишенный, тебе самой, Дамаянти, на выбор
 Все отдаю. Та дорога ведет по горам Ришаванским
 Прямо в Авантскую землю; здесь по склоненью Виндийских
 Гор, вдоль излучистой светло-шумящей Пайошни проникнешь
 В те места, где отшельники в кельях святых обитают;
 Здесь же дорога в Видарбу». Так Наль говорил; но рыданье
 Грудь Дамаянти спирало, и слезы лились по прекрасным,
 Бледным щекам. Она ему отвечала чуть слышным
 680 Голосом: «Сердце мое замирает, и я от печали
 Вся цепенею при мысли одной о том, что так сильно
 В этот миг тебя, о возлюбленный друг мой, тревожит.
 Царства лишенный, счастье утративший, голодом, жаждой,
 Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единственный
 Друг, как мог пожелать ты, как мог ты подумать, чтоб было
 Мне возможно покинуть тебя, от тебя отказаться?
 Нет, мой прекрасный, тебя, изнуренного голодом, жаждой,
 Горем о счастье погибшем томимого, буду и в диком
 Лесе и в знойной степи утешать я и словом и взглядом.
 Знай, что нет для души и для тела вернее лекарства
 690 Верной жены». — «О! правда твоя, Дамаянти, — с улыбкой
 Наль отвечивал, — нет для несчастного лучше лекарства
 Верной, любящей жены. Я с тобой не расстанусь; могло ли
 В ум твой войти подозренье такое? Скорее с своею
 Жизнью расстануся я, чем с тобою, сокровище жизни». —

«Друг, для чего же ты мне говоришь о дороге в Видарбу?
 О, мне страшно! о свет мой прекрасный, останься со мною!
 Будешь себя самого ненавидеть, меня потерявши.
 Нет, мой друг, не указывай мне на эти дороги;
 Вся душа во мне замирает от горя и страха.
 700 Если же. хочешь, чтоб к сродникам я возвратилась в Видарбу,
 Вместе пойдем; видарбинский царь, родитель мой, Бима,
 Радостно примет тебя и твоим утешителем будет;
 В почести будешь со мною ты жить под отеческой кровлей».
 Наль отвечал: «Дамаянти, сомнения нет, что отец твой
 Радостно примет меня и пристанище даст мне в Видарбе;
 Но, бесприютный и нищий, туда не пойду я. Могучим,
 Славным, богатым, подателем счастья тебе я оттуда
 Вышел; могу ли туда возвратиться бессильным, бесславным,
 Нищим, счастья жизни твоей разрушителем? Лучше
 710 Вместе с тобою, о светлый мой ангел, пойду в одинокий
 Путь по горам, по долинам, питаюсь воздухом, жажду
 Свежей росой утоляя, чтоб только лишь солнце и месяц
 Ныне нас страждущих видели, прежде нас видевав блаженных».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Так утешал сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
 Нежно к нему прижимаясь, одеда его половиной
 Скучной одежды своей; и так под одним покрывалом,
 Голод и жажду терпя, дорогою трудной достигли
 Оба к низенькой хижине, лесом густым окруженной;
 Там, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
 720 Друг подле друга легли на голой земле без подушки.
 Наль заснул, и скоро глубоким сном Дамаянти
 Также заснула. Но сон царя злополучного длился
 Мало; тяжесть лежала на сердце его; пробудившись,
 Стал он думать о царстве своем, о потерянном счастье;
 Странствие в диких лесах и степях его ужасало;
 Ум его помутился. «Что за судьба! — про себя он
 Так говорил, — не лучше ль мне смерть, чем изгнание и бедность?»

Эта ж несчастная, мне себя посвятившая... должно ль
 Ей без вины разделять мое заслужённое горе?
 730 Разно со мною она к родным возвратится; со мною ж
 Вместе уделом ей будет страданье одно; так не лучше ль
 Нам расстаться?» Так он все думал, думал, и скоро
 В нем утвердилась мысль, что ему Дамаянти покинуть
 Должно. «Где бы она ни была, — он сказал, — никакая
 Вражья рука ей, небесно прекрасной, божественно чистой,
 Зла приключить не дерзнет; опасность может грозить ей
 Только там, где буду с ней я, на беду обреченный».
 Так он, врагом обуянный, знакомился с мыслью разлуки.
 740 «Как же мне быть? — наконец он сказал. — Я наг; уж не взять ли
 Мне половину платья ее? Но могу ли то сделать
 Так, чтоб она не проснулась?» И он бродил в нерешимых
 Мыслях около хижины; вдруг на земле он увидел
 Ржавый кинжал без ножен; поспешно, с радостью дикой
 Этот кинжал он схватил, и им половину отрезал
 Платья у спящей жены, и той половиной покрылся.
 После, как будто в испуге, зажавши глаза, побежал он
 Прочь, но скоро назад возвратился и горько заплакал,
 Глядя на спящую. «Та, на которую ветер холодный
 Дунуть не смел, которую знойное солнце не смело
 750 Жарким лучом потревожить, краса молодая, услада
 Жизни моей, подобно безумной, в обрезанном платье
 Здесь на жестком камне лежит. О ангел небесный,
 Свет души, Дамаянти, что будет с тобою, когда ты
 Боле меня не найдешь? О дочь прекрасная Бимы,
 Как же ты будешь бродить, не имея защитника в диком
 Лесе, где львы и тигры живут, где змеи гнездятся?
 О вы, боги земные, боги воздушные, духи
 Гор и пещер, охраняйте ее прекрасную младость!
 Самый же верный ей щит — ее непорочность святая!»
 760 Так сказав, опять удаляется Наль от беспечно
 Спящей спутницы, снова приходит, снова уходит,
 Плача, терзаясь, то сильным врагом, то любовью влекомый.
 Но наконец Кали одолел: трепещущий, бледный,
 Тяжко стеноя, чуть движа ногами, пошел он и скоро
 Скрылся, и в диком лесу одна Дамаянти осталась.

II

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
 С ясной улыбкой открыла; ищет его, озираясь
 Робко по всем сторонам... когда же нигде не нашелся
 Друг желанный, то страх предвещательный душу пронзил ей;
 770 Вдруг она закричала отчаянно-жалобным криком:
 «Наль!» — но ответа ей не было. «Царь мой, — она возопила, —
 Мой повелитель, защитник, мой спутник, ужели
 Мог ты покинуть меня в такой неприютной пустыне?
 Я умру от страха в этом лесу; возвратися,
 Наль, мой друг, мой желанный! Ужели меня обманул ты?
 Мог ли ты слово нарушить свое и меня, беззаботно
 Спящую, кинуть? О, где ты? куда ты, в какую
 Сторону, милый, пошел? Подожди, возвратися; как мог ты
 Бросить жену, полжизни твоей? Иль над нею, невинной,
 780 Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что ты
 Ей обещал в присутствии вечных богов? О! теперь я постигла
 В горе моем, что нам умереть в не указанный свыше
 Час нельзя — иначе могла ли б прожить я единый
 Миг, потерявши тебя? О нет, ты только пугаешь
 Шуткой меня; перестань же, мой друг; от шуток подобных
 Стынет кровь и мертвеет душа; я робка; воротися;
 О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
 Светлые очи твои мне увидеть! О, где ты? В какую
 Чашу лесную ты скрылся, чтоб душу мою растревожить?
 790 Ах! но если ты вправду со мною расстался и если
 Боле ко мне не придешь и мне не подашь в утешенье
 Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
 Милый, скорбеть о тебе; ты один; что будет с тобою,
 Всеми на свете оставленным, грустным, усталым, голодным,
 Жажущим? О мой милый, что будет, что будет с тобою
 В те минуты, когда ты, меня уж не видя очами,
 Будешь видеть душою, и будешь звать, и нельзя уж
 Будет дозваться меня, и уж боле меня ты не встретишь?..»
 Так говорила в печали своей Дамаянти, то плача
 800 Горько, то падая с тяжким рыданьем на землю, то с громким
 Криком с земли подымаясь и лес наполняя стенаньем.
 Вот после долгого плача, рыдания, крика и стона,
 С чувством живого к нему сожаленья, она возопила:

«Кто бы ни был тот враг, чья зависть и злоба такое
 Зло приключили царю моему, пускай испытает
 Он, ненавистный, сугубое зло; пускай искуситель,
 Чистую душу царя моего увлекший в такое
 Дело, все муки мои в свою нечистую душу
 Примет». Так проклявши врага, по дикому лесу,
 210 Полному злых людей и чудовищ, пошла Дамаянти
 Медленным шагом куда глядели глаза и твердила
 Грустною горлицей: «Милый, возлюбленный, где ты?», и слезы
 Градом катились из глаз, и грудь разрывалась от вздохов.
 Вдруг на нее с высокого дерева кинулась с страшным
 Свистом змея, голодная, длинная, жадно добычу,
 В ветвях древесных склубившись, стерегшая. Сжатая в крепких
 Кольцах чудовища, только о милом своем Дамаянти
 В час гибели думала. «Где ты? — она восклицала. —
 Друг, поспеши на помощь ко мне, погибающей; горько,
 220 Горько будет подумать тебе, когда возвратишься
 Снова на царство, избегнув от бед, что меня ты покинул
 Так беззащитно в лесу на гибель. Отныне кто будет
 О мой царь, тебя, одинокого странника, в темном
 Лесе, в знойной степи, утомленного горем, болезнью,
 Голодом, жаждой томимого, в зной полуденный, в жестокий
 Холод ночной утешать, ободрять и покоить? Меня уж
 В свете не будет...» Но жалобный стон Дамаянти услышал
 Шедший вблизи звероловец. Он кинулся к ней и, нацелив
 Метким копьём, змею умертвил. Спасена Дамаянти.
 230 Выпугав нежные члены ее из губительных колец,
 Он с удивленьем спросил: «Откуда, красавица, кто ты?
 Дева с глазами живой антилопы, какую судьбою
 В эту пустыню зашла ты и вверглась в такую опасность?»
 С грустно-приветной улыбкой повесть свою Дамаянти
 Всю простодушно ему рассказала. Ее пред собою
 Видя полубоженную, с девственно полною грудью,
 С стройно-воздушным станом, с устами цветущими, в пышном
 Шелковых черных волос покрывале, с ярким блистаньем
 Черных глаз под бровями, прекрасною, тонкой дугою
 240 Их осенившими, он во мгновение зверской любовью
 Вспыхнул; и взором бесстыдным ее пожирал он, и руки
 Около гибкого стана обвить он хотел, и рвался он

К чистым устам, чтоб их осквернить поцелуем. Но гневом
 Очи ее, как небесная молния, вспыхнули; грозно
 Душу пронзающий взор на него она устремила.
 «Если то воля бессмертных, чтоб мною владел без раздела
 Данный мне ими супруг, то теперь же пади бездыханен,
 Враг ненавистный, на землю!» — сказала она, и лишь только
 Гневное слово язык произнес, как уже святотатец
 250 Мертв перед нею лежал, убитый ее заклинаньем.

III

Чудом спасенная, снова пошла Дамаянти пустынным
 Лесом вперед, и чем далее шла, тем мрачней становился
 Лес; деревья сплетались ветвями; мошки, густою
 Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы, и ужасный
 В хворосте шорох от тигров, буйволов, рысей, медведей
 Слышался ей; нигде дороги не было; всюду
 Падшие гнили деревья; меж трупами их пробивались
 Дикие травы, в которых, шипя, ворочались змеи;
 260 Вправе и влеве, в кустах и в вершинах деревьев раздавались
 Крики орлов плотоядных, и хлопали крыльями совы.
 Лес наконец уперся в высокую гору, где жили
 С давних лет великаны и карлы, которой вершина
 В небо вдвигалась, а темное чрево хранилищем редких
 Камней было. Там чудно скалы на скалы громоздились;
 Были живым серебром по бокам их ключи; водопады
 Мчались, сверкали, кипели, ревели меж скал; неподвижно
 Черная тень лежала в долинах, и ярко блистали
 Голые камни вершин; в бездонно-глубоких пещерах
 Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
 270 Шла Дамаянти, сама не зная куда, с неизменной
 Верностью к другу, ей изменившему, с сердцем смиренным,
 С чистым в душе целомудрием, с верой, не знающей страха;
 Шла она, шла и пришла в пустынное место; и в грустных
 Мыслях о друге далеком младые уста растворила
 К жалобе нежной и так, поминая его, говорила:
 «Где ты, царь благородный, нишадец прекрасный, могучий?
 Где ты? Куда ты пошел, мой владыка, покинув в безлюдном
 Месте меня без защиты? Скажи мне, как мог ты, усердный
 Жертв приноситель богам, позабыть о нашем союзе?»

220 Ведды читатель, как мог ты обет свой нарушить? Как можешь
 Добрым молиться богам, повелевшим тебе быть защитой
 Данной ими жены, как и мне они повелили
 Следовать в самую смерть за владыкой моим? О! Зачем ты
 Слово нарушил? Виной ли какую я то заслужила?
 Или тебе не жена я? Скажи же, ответствуй: зачем ты
 Так жестоко отрекся меня, обещав мне иное?
 Или открой мне, где ты теперь веселишься, оставив
 В горе меня безутешном? Ответствуй, куда ты, нишадский
 290 Царь, ушел? По тебе твоя видарбинка тоскует;
 Сын Виразены могучего, дочь благодушного Бимы
 Кличет тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
 Голос подай ей в этой пустыне; ей здесь угрожает
 Леса властитель, кровавый, голодный тигр; неужели
 Ты ответа не дашь мне, грустящей, плачущей, ждущей,
 Брошенной, слабой, иссохшей от голода, пылью покрытой,
 Ночью и днем бесприютной, одежды лишенной, бродящей
 В страхе, как матки лишенная лань? Неужели ко мне ты,
 Друг, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
 900 Всюду с тобой лишь одним говорю, а ты безответен;
 Ты, из людей благороднейший, блеском очей, величавой
 Стройностью стана, лица красотою божественный, где ты?
 Где ты? И где тот, кому б мне сказать: *Не видал ли ты Наля?*
 Кто б мне отрадное слово промолвил в ответ: *Твой прекрасный,*
Твой желанный, о ком ты так плачешь, так сетуешь, близко! —
 Вот бежит владыка лесов, острозубый, могучий
 Тигр; я без страха к нему подойду и скажу: благородный
 Тигр, владыка лесов, я царская дочь Дамаянти,
 Светлого Наля жена, одинокая, сирая, в горе,
 В страхе, в нужде, за ним безотрадно бродящая; где он?
 910 Если ты знаешь об этом, зверей повелитель, скажи мне;
 Если же нет, то скорее меня растерзай, чтоб от муки
 Душу мою исцелить. Но, мои молящие вопли
 Слыша, зверей повелитель к реке, впадающей в море,
 Мимо, ответа не дав мне, из лесу уходит. Я вижу,
 Там подымается, в небо упершись вершиной, обвитый
 Пышным венцом из деревьев и кустов благовонных, цветами
 Ярко пестреющий, солнечно-блещущий, слитый из твердых
 Скал, насквозь просиянный металлами, рек и потоков

Древний отец, лесов неприступная башня, пустыни
 920 Сторож, владыка гор, — подойду и скажу: о владыка
 Гор первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
 Тучеподобный, земли подпиратель, тебе поклоняюсь;
 Слезно тебя, о великий, молю, скажи: не видал ли
 Наля? Я дочь благодушного Бимы-царя, Дамаянти;
 Сын Виразены, Наль Пуньялока, супруг мой, Нишады
 Царь богомудрый, глубоко постигнувший Ведду святую,
 Чистый и мыслью, и словом и делом, гонимых защитник,
 Зла истребитель, сеятель благ, мне данный богами
 Спутник, покинул меня, и, расставшись с ним, я рассталась
 930 С жизнью. Ныне к тебе прихожу, многоглавный властитель
 Гор, с высоты все объемлющий оком, скажи: не видал ли
 Наля? Ответствуй, могучий создания первенец; словом
 Сладкой надежды утешь сироту, как отец утешает
 Дочь сокрушенную: где мой возлюбленный? где мой желанный?
 Где мой прекрасный, мой более жизни мне милый сопутник?
 Где мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангел-хранитель?
 Рвется сердце к нему; по нем душа унывает;
 Очи ищут его, и голоса милого жаждет
 940 Слух, и грудь сгорает желаньем прижаться ко груди
 Жаркой его... О! когда же придется услышать мне снова
 Милое слово из сладостных Налевых уст: *Дамаянти!*»
 Так говорила в своем сокрушеньи с горою пустынной
 Бедная царская дочь, но гора не дала ей ответа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

К северу лесом пошла Дамаянти; три дня и три ночи
 Шла она; вдруг перед нею явилась чудесно-густая
 Роща из райских дубов; кругом живая ограда
 Вся в цвету, и исполнена тихим небесным сияньем
 Внутренность. Там обитали отшельники, мира отрекшись.
 Строгие постники, чувств обуздатели, помыслов светлых
 950 Полные, чистой душой на земле небожители, в этой
 Роще жили они, с собою розно, с одними богами

В тесном союзе; им пищей роса и воздух, одеждой
 Листья древесные были. Дивясь, смотрела на этот
 В дикой пустыне сокрытый эдем Дамаянти; там было
 Все благовонно; цветы и плоды сияли меж темных
 Листьев; сверкали ручьи; на их берегах антилопы
 С легкими сернами прыгали; ветви обвивши хвостами,
 С криком качались на них обезьяны; по сучьям деревьев
 Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
 960 Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
 Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
 Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, как будто
 Вея по воздуху, к старцам святым подошла Дамаянти;
 Ласково приняли старцы ее, и она им сказала:
 «Мир вам, угодники; трудное дело спасенья успешно ль
 Вы совершаете? Жарко ль пылает огонь покаенья?
 Звери и птицы спокойны ль в обители вашей? Самим вам
 Все ли во благо?» Они отвечали: «Все нам во благо;
 970 Будь равномерно во благо все и тебе. Но скажи нам,
 Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Нас светлый
 Образ твой всех изумил; успокойся у нас и открой нам,
 Кто ты? Богиня лесов, иль полей, иль потоков?» На то им,
 Тихо вздохнув, Дамаянти сказала в ответ: «Не богиня
 Я лесов, полей и потоков, но слабая, тяжким
 Горем гнетомая, смертная женщина; вам, благодушным
 Старцам, я все расскажу. Владыка Видарбы, могучий,
 Славнодержавный Бима отец мой; властитель Нишады,
 Грозный могуществом, в каждом бою победитель, великий,
 980 Светлый душою, неба достойный земли уроженец,
 Правды защитник, правды вещатель, божественно-царским
 Блеском сияющий, градохранитель, градорушитель,
 В светлых очах и солнца и месяца блеск совместивший,
 Наль, мой супруг, игроком коварно-искусным был вызван
 В кости играть; и ему все царство свое проиграл он.
 Имя мое Дамаянти; одна по лесам и пустыням
 Вслед за Налем скитаюсь, крушимая горем, и ныне,
 Старцы смиренные, к вам прихожу, чтоб узнать, не встречался ль
 Где-нибудь вам мой утраченный царь? Не видали ль в эдемской
 990 Роще своей вы его, за которым я следуя, этот
 Полный тиграми лес перешла? Скажите мне, старцы,

Встречу ль его? А ежели нет, то не лучше ль покинуть
 Жизнь? О! на что мне она? одно нестерпимое бремя
 Жизнь без него, усладителя жизни». На жалобы царской
 Дочери, с нежным об ней сожалением, так отвечали
 Старцы, читая пророчески в будущем: «Праведны боги!
 Веруя им, не смущайся душою, прекрасная; светлы,
 Тихи и чисты, как очи твои, невинности ясной
 Полные, будут грядущие дни для тебя; то являет
 Нам откровение свыше: ты снова увидишь супруга;
 1000 Снова он будет царем, от вины невольный чистый,
 Царски венчанный, грозный врагам, утешение ближним,
 Скорби твоей исцелитель, жизни твоей украшение,
 Препятствие твой друг, твой сопутник, советник, защитник — и все то
 Сбудется, если в тебе не ослабнет терпенье и верность...»
 То сказавши, тихо исчезли пустынноходы; с ними
 Вместе и утвари их, и жертвенный огонь, и молитвы
 Место, и свежесть эдемски сияющей рощи исчезли...
 В темном лесе одна Дамаянти осталась, и было
 1010 Все пустынно кругом. Дамаянти сказала: «Не сон ли
 Мне привиделся? Где святые отшельники? Где их
 Роща? Где их живые ключи, их птицы, их звери?
 Где их цветы благовонные?» Так в изумленье подумав,
 Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
 Призрак ее ободрил, и пошла с упованием дале.

II

По лесу долго скиталась в горе своем Дамаянти;
 Вдруг попадается ей деревцо, одаренное чудной
 Силою душу целить; у людей его называют
 Дерево *Гореуслаг*, у богов *Азока*. Царевна
 К этому дереву, лес оживлявшему запахом сладким,
 1020 Цветом покрытому, с сенью густою, проникнутой звонким
 Пенем птиц голосистых, тотчас подошла и заводит
 Речь с ним такую: «Блаженное дерево, чудный, прекрасный
Гореуслаг, благовонный *Гореуслаг*, услади ты
 Горе мое; цветущий *Азока*, скажи, не видал ли
 Ты моего супруга, царя нишадского Наля?
 Где он скитается? Помнит ли он обо мне? О! порадуй
 Сердце мое доброю вестью о нем, цветоносный *Азока*;

Да́й мне у́йти от те́бя с утешением; сам же в приюте
 Леса цветы, никем не обиженный, чистый, душистый,
 1030 Сладостный *Гореуслаг*, усладитель всякого горя».

Так говоря, сорвала Дамаянти с чудного древа
 Ветку; потом, с ним прощаясь, примолвила: «С этою веткой
 Скорбь, и печаль, и нужду, и заботу беру я с собою;
 Ты же, свободный от скорби, печали, нужды и заботы,
 Здесь оставайся, и если царя моего ты увидишь,
 Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
 Да́й ему тень и покой, чтоб под кровлей твоей беспечальной,
Гореуслаг, он мог, отдохнув, усладиться от горя».

1040 С сими словами прекрасная царская дочь удалилась;

Снова пустынным лесом пошла, и снова пред нею
 Стали являться деревья с широкою сенью, крутые
 Горы, скалы разнovidные, темные дебри, потоки;
 В ветвях деревьев гнездились, шумели, порхали и пели
 Птицы лесные, и всюду ей в дикой глуши попадались
 То кабан, то шакал, то буйвол, то рысь, то пантера.
 Так Дамаянти скиталася долго. Вдруг на широкой,
 Чистой поляне представился ей караван многолюдный;
 Лес оглашался криком людей, скрипением повозок,
 Ржанием конским, топотом тяжким слонов и верблюдов,
 1050 Вдоль широкой реки, густым тростником опушенной

(Где укрывались цапли и белые лебеди звучно
 Голос свой подавали, где светлая влага кипела
 Множеством рыб, черепах и змей), караван тот тянулся.
 Кинулась к людям навстречу царевна; ее появленье
 Всех поразило; полунагая, одним покрывалом
 Шелковых длинных волос, по плечам и грудям в беспорядке
 Вьющихся, чудно одетая, бледной подобная тени,
 С горя иссохшая, вся в пыли, но все как небесный
 Ангел прекрасная — так им явилась в лесу Дамаянти.
 1060 В страхе одни от нее убежали, другие безмолвно
 Ей смотрели в лицо, иные смеялись, иные,
 Боле имея рассудка, приблизились к ней с состраданием.
 «Кто ты, образ небесный? — спросили они. — Для чего ты
 В этом лесу? Земной ли ты человек иль создание
 Вышнее, горный могучий дух, иль дева потока,
 Или иная бессмертная? Будь нам встреча с тобою

Знаменьем добрым. Тебе мы себя предаем, чтоб дорогу
 Наш караван совершил безопасно». На это, вздохнувши,
 Царская дочь отвечала: «Не с неба сошла я; земная,
 1070 Бедная, жалкая странница я; мой отец — видарбинский
 Царь; мой супруг — обладатель Нишады, Наль знаменитый;
 С ним в разлуке, его я ищу и не ведаю, где он.
 Если что слышали вы о владыке моем, то скажите,
 Где мне с ним встретиться, где я найду прекрасного Наля,
 Наля, царя львиносердного, грозно-отважного в битвах?»
 Вождь каравана, богатый купец, по имени Зуччи,
 Ей отвечал: «Нигде на путях, по которым давно уж
 Странствуем мы, нам доныне никто не встречался, кто б имя
 1080 Наля имел; оленей, медведей, буйволов, тигров
 Много в этом лесу; но до сих пор еще человека,
 Кроме тебя, мы здесь не видали». — «Куда ж вы идете?» —
 Снова спросила его Дамаянти. «Идем в знаменитый
 Город Шедди, — отвечствовал Зуччи, — им ныне владеет
 Царь Сувегу, и в царском дворце его обитает
 Вместе с ним его благодущная мать, драгоценный
 Перл добродетели женской». Услышав о том, Дамаянти
 В город Шедди решила идти; пристать к каравану
 Зуччи ее пригласил. С караваном пошла Дамаянти.

III

Долго с печалью одна бродив по лесам, Дамаянти
 1090 Спутников много имела теперь, но была и меж ними
 Все, как и прежде, с печалью одна. По горам, по долинам
 Шумным потоком валил караван. Вот однажды с закатом
 Солнца они очутились у тихого озера; в темном
 Лесе скрывалось оно; берега облекались зеленым
 Бархатом свежей травы; как стекло, неподвижно-прозрачны
 Были воды; и в чистом зеркале их водяные
 Розы и лилии ярко сияли, и бисером пены
 Легкие струйки, ласкаясь к ним, осыпали их листья.
 Берег кругом был излучист, и воды в него то глубокой
 1100 Бухтой входили, то он в их широкое лоно зеленым
 Мысом вдавался. Усталые путники, в этом приятном
 Месте ночлег учредив и снявши с слонов и верблюдов
 Лишнее бремя, спокойно легли на траве под открытым

Небом и скоро заснули. Вдруг в полночь (когда в караване
 Все как мертвые были от сна) с горы прибежала
 С страшным храпением стая диких слонов, чтоб в потоке
 Жажду свою утолить, пылая томительным жаром.
 Но, почувявши близость слонов каравана, с свирепым
 Бешенством, пенясь и фыркая, кинулись все на заснувших
 110 Смирных врагов; никакою силою грозных чудовищ
 Было нельзя удержать; как в долину, сорвавшись с высокой
 Горной вершины, катятся скалы, так, ломая деревья,
 Вдруг слоны ворвались в караван и топтали лежащих
 Сонных людей. Со стоном и криком все поднялися,
 Все смешались — слуга, господин, старик и младенец;
 Ночью, страхом и сном обуянные, сами не зная,
 Что за беда и откуда, кто в лес, кто к воде побежали.
 Слыша храпенье и топот, видя во мраке мельканье
 1120 Черных огромных теней, давимые тяжкой ногою,
 Острым клыком пронзенные, сжатые хоботом сильным,
 В диком беспомоществе, люди, верблюды и кони бросались
 Друг на друга и сами в смятенье друг друга губили,
 Силясь спастись: те кучей на дерево лезли, цепляясь
 Низшие за ноги высших, и падали вместе, другие
 В яму свергались, или набегали на камень, иль в воду
 Слепо кидались: разом исчез караван многолюдный.
 Многих в минуту всеобщей беды корысть обуяла;
 Голос лукавый шепнул им: «Куда вы бежите? погибель
 1130 Общая — общим и всякое стало богатство; берите
 Все, что достанется в руки; вот куча рассыпанных перлов,
 Вот драгоценные камни, вот золото, смело хватайте;
 Нищий нынче — завтра будет богач...» И погибли
 Все, кто, предавшись корысти, замедлили бегством спастись.
 В это мгновенье, когда, как поток, разливалась повсюду
 Гибель, проснулась хранимая силой богов Дамаанти.
 Видя очами такой дотоле невиданный ужас,
 Видя и слыша, как мчалась смерть над ее головою,
 Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила
 Только о миллом, далеком, навек покидаемом друге.
 1140 Но когда миновалась буря и снова все стало
 Тихо в лесу, собрались понемногу спасенные. «Чем мы
 Гнет несказанный такой на себя от богов обратили? —

Так рассуждали они. — Позабыли ль почтить мы дарами
 Бога, сокровищ хранителя? Иль караваном был встречен
 Кто-нибудь, дерзкий хулитель бога торговли? Иль птицы,
 Нам враждебные, в эту ночь пролетели над нами?
 Или было влияние зловредных планет?..» Напоследок
 Вот что сказали они: «Вся беда нам от встречи
 С этой безумной, нагой, исчахлой и бледной бродягой.
 1150 Кто она? Чародейка, жена или дочь великана,
 Небом проклятая? Если опять на глаза попадется
 Эта волшебница нам, то ее мы не добрым приветом,
 Камнями встретим. Она своим колдовством погубила
 Наш караван». Такие слова в темноте Дамаянти
 Слыша, с печалью, стыдом и страхом в чашу лесную
 Скрылась. «О горькая участь моя! — она говорила,
 Тяжко рыдая. — О счастье, меня обманувшее! снова
 Целым светом покинута я. Какою виною
 Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я
 1160 Делом, или словом, или мыслию зло приключила? Знать, в прежней
 Жизни была я преступна; за то и в теперешней должно
 Мне до гроба страдать, за то и гоненье такое
 Мне от людей, за то и разлука с супругом, утрата
 Царства, от милых детей и от милых родных отлученье,
 Странствие по лесу, полному тигров и змей, неприютность
 В холод и зной, нищета, сиротство, и ужас, и горе».

Утро меж тем занялось; в небольшую толпу собралися
 Все, не погибшие в страшную прошлую ночь, и в дорогу
 Снова отправились, плача о горькой утрате богатства,
 1170 Плача о мертвых друзьях. Вот снова покинута ими
 В диком лесу Дамаянти, и горе ее превышало
 Все их страдания вместе. «О! чем же, чем (говорила,
 Плача, она) такую беду на себя навлекла я?
 Злая участь моя и словес приманила на гибель
 Этих несчастных, мне давших защиту; за то и должна я
 Долгим страданьем свой выплатить долг; я чувствую в тяжком
 Горе моем всю истину древнего слова: *без воли*
Неба никто не умрет, и моей истерзанной груди
 Хобот слона не коснулся. Так! без судьбы совершиться
 1180 С нами ничто не может на свете; я за собою
 С самых младенческих лет никакого не ведаю злого

Дела, не помню ни мысли худой, ни виновного слова —
 В том ли мое преступленье, что я для прекрасного Наля
 Светлых отвергла богов, и не мстят ли уж гневные боги
 Мне за земную любовь безотрадной земною печалью?»
 Так говоря, Дамаянти пошла по следам каравана
 Издали, в чаще таяся лесной, как в облаке месяц.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Вот наконец Дамаянти дошла до города Шедди.
 Грустно стояла она у ворот, не входя в них, стыдяся
 1190 Бедной одежды своей, обрезанной Налем, и смятых
 Долгих волос, в беспорядке ей грудь покрывавших.
 Жители города Шедди, встречаясь с ней, удивлялись
 Странному виду ее, а дети за нею бежали
 С криком; их шумной толпою следимая, скоро к палатам
 Царским пришла Дамаянти. Там, на площадке высокой
 Кровли, мать царева стояла. Увидя идущую, старой
 Мамке своей сказала она: «Поди пригласи к нам
 Эту жалкую странницу, чистый, дымом затменный
 1200 Огонь красоты, народом теснимую. Верно, приюта
 Ищет она. Я вижу в ней нечто высокое; дом наш
 Светом наполнит она благодатным». Представилась старой
 Матери царской младая царская дочь. И царица,
 Ласковым взором встретя ее, сказала приветно:
 «В самом затменье печали твой образ сияет, как в темной
 Туче яркая молния. Кто ты? Куда и откуда
 Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и покрыто
 Нищенским рубищем тело твое; одна, без защиты
 Странствуешь ты по земле и людей не страшись, как чистый
 1210 Ангел. Скажи ж мне, какое званье твое?» Дружелюбной
 Речью такой ободренная, так Дамаянти сказала:
 «Я не ангел, царица, я смертный простой человек; но породы
 Я не простой. Огорченная тяжкой разлукой с супругом,
 Вслед за ним, чтоб его отыскать, по земле я скитаюсь,
 Женским себя рукодельем питаю; плоды и коренья

Пища моя, а пристанище там, где укажут мне боги.
 Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцем избранный,
 Милый супруг мой расстался со мною; царица, несчастлив
 Был он; в игре роковой свои все богатства утратив,
 Нищим он дом свой покинул и в лес с одною одеждой
 1220 Скрылся; за ним я пошла, чтоб имел он в печали отраду.
 Там, изнуряемый голодом, он, на несчастье рожденный,
 Платье последнее с плеч потерял: кто богами назначен
 В жертву беде, у того похищает и ветер и птица
 Платье; и днем и ночью я шла за ним, беспокровным..
 Раз случилось, что я, утомленная, в лесе заснула..
 Ах! он скрылся, он бросил меня, он унес половину
 Бедной одежды моей. С той поры и денно и ночью
 Вслед за ним, весельем и светом души, я по темным
 1230 Диким лесам, по широким степям, по долинам
 Странствую; мне половину одежды моей возвратить он
 Должен или взять у меня мою половинную, сердцу
 Тяжкую жизнь; как одной половине одежды другая
 Надобна, так и мне другую себе половину
 Должно найти или жить перестать». С состраданием царица,
 Выслушав жалкую повесть ее, отвечала: «Останься
 С нами, блаженно-скорбящая; радовать будет мне сердце
 Светлая близость твоя. Не медля нисколько, повсюду
 Мы разошлем гонцов за супругом твоим; но случиться
 1240 Может, что он ненароком зайдет и сюда, где его ты
 Будешь ждать в безопасно-спокойном приюте». На то ей,
 Горе свое обуздав, сказала в ответ Дамаянти:
 «Здесь я охотно останусь, если ты мне обещаешь
 Дашь, царица, условие исполнить такое: чтоб низкой
 Должности я не имела, служа лишь тебе, чтоб объедков
 В пищу мне не давали, чтоб доступ ко мне запрещен был
 Всем мужчинам, чтоб каждый, кто мной овладеть пожелает,
 Смертью наказан немедленно был, — такую дала я
 Клятву богам, чтоб найти помогли мне супруга; видаться ж
 Только с одними браминами буду. Когда ты, царица,
 1250 Примешь такое условие мое, то здесь с благодарным
 Сердцем останусь». На то отвечала царица: «Исполню
 Все, и свят для меня твой обет». Потом приказала
 Вызвать из внутренних царских покоев царевну Суранду,

Дочь свою. Скоро царевна явилась, венком многоцветным
 Резвопрелестных подруг окруженная. «Видишь, Сунанда
 (Мать ей сказала), эту пришельцу в бедной одежде?
 Ей ты летами ровесница; но испытания жизни
 Дали ей раннюю зрелость. Люби ты ее как подругу;
 Ласково с ней обходись и ее уважай, чтоб с тобою
 1260 Сердце ее отдохнуло, чтоб ты в сообществе с нею
 Пользу нашла для души». Сунанда, с веселостью детской
 За руку взяв Дамаянти, ее увела. И осталась
 С той поры Дамаянти подругой царевны Суранды.

II

Наль, столь жестоко покинув свою Дамаянти, прискорбен,
 Сумрачен, шел по пустыне и, сам пустыня, с собою
 В горе расстаться желал. Когда раскаленное солнце
 Зноем пронзало его, он ему говорил: «Не за то ли,
 Солнце, ты жжешь так жестоко меня, что я Дамаянти
 Бросил?» Он горько плакал, когда на похищенный лоскут
 1270 Платья ее глаза обращал. Изнуряемый жаждой,
 Раз подошел он к ручью; но, в водах увидя свой образ,
 С ужасом кинулся прочь. «О! если б я мог различиться
 С этим лицом, чтоб быть и себе и другим незнакомым!» —
 Он воскликнул и в лес побежал; и вдруг там увидел
 Пламя — не пламя в лесу, а в пламени лес, — и оттуда
 Жалобный голос к нему вопиял: «Придешь ли, придешь ли
 С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
 Будь мой спаситель, и будешь мною спасен». Изумленный,
 Наль спросил: «Откуда твой голос? Чего ты желаешь?
 1280 Где ты и кто ты?» — «Я здесь, в огне, благородный, могучий
 Наль. Ты будешь ли столько бесстрашен, чтоб твердой ногою
 В пламя вступить и дойти до меня?» — «Ничего не страшусь я,
 Кроме себя самого, с той минуты, когда я неверен
 Стал моей Дамаянти». С сими словами он прямо
 В пламя пошел; оно подымалось, лилось из глубоких
 Трещин земли, вырастая в виде ветвистых деревьев,
 Густо сплетенных огнистыми сучьями, черно-багровый
 Дым венчал их вершины. В сем огненном лесе
 1290 Наль очутился один — со всех сторон устремлялись
 Жаркие ветви навстречу ему, и всюду, где шел он,

Частой травой из земли пробивалось острое пламя.
 Вдруг он увидел в самом пылу, на огромном горячем
 Камне змею: склубясь, дымяся, разинутой пастью
 Знойно дышала она под своей чешуей раскаленной.
 Голову, светлой короной венчанную, тяжело поднявши,
 Так простонало чудовище: «Я Керкóта, змеинный
 Царь; мне подвластны все змеи земные; смиренный пустынный
 Старец Нерада проклял меня и обрек на такую
 Муку за то, что его я хотел обмануть. Ты, рассказ мой
 1300 Слушая, стой здесь покойно; стой покойно под страшным
 Пламенем, жарко объявшим тебя, чтоб оно затушило
 Бурю души, чтоб душой овладевший Кали был наказан,
 Чтоб наконец ты, очищенный, снова нашел, что утратил».

III

«Слушай же повесть мою, — продолжал, задыхаясь от жару,
 Царь змеинный; и Наль, терпеливо снося нестерпимый
 Пламень, внимательно слушал. — Нерада, смиренный пустынный,
 Чудный сад насадил вокруг кельи своей; и в саду том
 Были все земные деревья и травы, и было
 Много там светлых ручьев и сеней прохладно-тенистых.
 1310 В этот сад пригласил он всех незловредных животных,
 Всех ходящих, летающих, скачущих, плавать иль ползать
 Созданных; всех же зловредных, терзающих зубом, когтями
 Рвущих иль жалом пронзающих проклял и вход запретил им
 В сад свой. Из змей, мне подвластных, в него проникать он дозволил
 Только одним, не имеющим жала, безвредно по травке
 Выющимся, рóсу собирая с цветов, иль из ягод сосущим
 Сок благовонный. Из этих красивых, незлобно-веселых
 Змеек одна, любопытно-отважная, резвая змейка,
 1320 Раз без всякого умысла злого в саду по деревьям
 Ползала, ярко блестя чешуею на солнце; вдруг видит
 Домик воздушный, сплетенный из тонких былинки и моха;
 Он на ветке висел и качался, как люлька; то было
 Гнездышко маленькой птички; самой же крылатой хозяйки
 Не было в нем; она улетела за пищей; яички,
 Легким прикрытые пухом, лежали в гнезде. Перегнувши
 Тонкую шейку свою через ветку, в гнездо опустила
 Головку змейка — и видит яйцо там лазурного цвета;

Каплей росы оно показалось, и змейке напиться
 Вдруг захотелось: лизнула яйцо; яйцо раскололось.
 1330 В эту минуту птичка в гнездо прилетела; увидя,
 Что там наделала змейка, бросилась с жалобным криком
 Прямо к Нераде она. Нерада во гневе ужасен.
 Тут же погибла бы змейка, когда б не успела проворно
 Из сада скрыться. Она спаслася ко мне. Но блаженный
 Старец потребовал строго, чтоб я преступницу выдал.
 Я не посмел отказать; я спросил: «Чего ты желаешь?
 Как повелишь ее мне казнить? Я царь; самому мне
 Должно виновных наказывать подданных». — «Видеть хочу я
 1340 Завтра ж ее на заборе сада висящую, — строго
 Мне отвечал Нерада, — потом, по прошествии трех дней,
 Сам я ее перед всеми сожгу, чтоб вперед опасался
 Кто бы то ни было сад мой тревожить зломышленным делом».

Был мне прискорбен такой приговор; как родную любил я
 Эту милую змейку; поспешней других и вернее
 Вести она приносила ко мне. Предо мной извиваясь
 В страхе, с молитвой она ко мне подымала головку.
 Я ей сказал: «Проворней вылезь из кожи». Не нужно
 Было того повторять; в минуту в новой одежде
 1350 Змейка явилась моя, на земле предо мною оставив
 Старую. Тотчас, двух сильных удавов призвав, я велел им
 Кожу пустую с приличным обрядом повесить на тыне
 Сада. Когда через три дня он снимет ее, то, конечно,
 Станет думать, что солнце ее иссушило, — так мыслил
 Я, уповая, что мой мне удастся обман. И доволен
 Был Нерада моим послушаньем, увидя на тыне
 Кожу висящую; ветер ее колыхал. «Как живая, —
 Молвил Нерада, — она гибка и вертлява; но краски
 Кожы потускли: бледная смерть ее обхватила».

Тем бы и кончилось все, когда б, на беду, не пропела
 1360 Птичка. Она недовольна была законною казнию:
 Собственным мщеньем себя ей хотелось потешить; к висящей
 Коже она подлетела, чтоб оба глаза у мертвой
 Выклевать, — что же? Их нет; сквозь пустые скважины также
 Видит она, что и внутренность кожи пуста. И к Нераде
 Тотчас она полетела. «Тебя обманули; змеинный
 Царь не змейку, а змейкину кожу повесил», — пропела

Птичка. Страшно Нерада разгневался; вдруг он явился
 Здесь, где тогда я на этом камне лежал и на солнце
 Грелся один — при мне ни ужа, ни змеи, ни дракона,
 1370 Стражей моих, тогда не случилось; я спал. На громовый
 Голос Нерады проснувшись, хотел я вскочить, но, могучим
 Взором его обессилен, не мог шевельнуться. «Предатель, —
 Старец сказал мне, — меня обмануть тебе удалось:
 Призрак за сущность я принял; змеиную кожу пустую
 Вместо змеи я предал огню, и виновную спас ты.
 Сам за нее наказание прими. Не сойдешь ты отныне
 С этого камня; но будешь здесь не на солнечном свете
 Греться — я пламя иное зажгу вокруг тебя; не сгорая,
 1380 Будешь гореть в нем, шипя и свистя от тоски и меняя
 Кожу за кожей в напрасной надежде, что жар утолится.
 Кончатся ж муки твои лишь тогда, как к тебе издалека
 Некто придет, самому себе ненавистный и образ
 Свой утратить желающий. Если его из середины
 Пламени ты позовешь и он бесстрашной стоюю
 В пламень войдет, чтоб избавить себя от мучений, сильнее
 Муки твоей его раздражающих; если достанет
 Твердости в нем, чтоб среди нестерпимого жара спокойно
 Выслушать повесть твою, — тогда ты спасен, прекратится
 1390 В ту же минуту твое наказание, и сам, по исходе
 Года со днем, он все возвратит, о чем сокрушается сердцем.
 Но чтоб в страданье своем ты мог к себе издалека
 Звать своего искупителя, имя его я открою:
 Он называется Налем». С сими словами Нерада
 Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
 Голая степь; вдруг слышал я шорох и треск; озираюсь —
 Всюду из трещин земли, как острые иглы, выходит
 Пламя, все гуще и гуще растет, все выше и выше
 Вьется, все ярче и ярче пылает; прикованный к камню,
 Чувствую я, как все подо мною, как все надо мною,
 1400 Камень, на коем лежал я, и воздух, коим дышал я,
 Мало-помалу в пронзительный жар обращалось; сначала
 Было то пламя как тонкая, гибкая травка; слилося
 Скоро оно в кустарник густой; напоследок воздвиглось
 Лесом широким, в котором каждое дерево было
 Все из огня; языками горящими листья шумели;

Ветви со всех сторон вились, как молнии; в вихорь
 Огненный слившись, качались вершины; и дым громового
 Тучей над ними клубился. Теперь на себе испытал ты,
 Наль бесстрашный, муку мою. Напрасно я жался,
 140 Пламень вытягивал тело мое до тех пор, покуда
 Кожа на нем не лопалась; снова потом на минуту
 Я сжимался, чтоб снова вытерпеть то же мученье.
 Целых семь лет протекло с той поры, как лежу я на этом
 Камне в огне, а времени медленный ход замечал я,
 Каждый час повторяя однажды: *придешь ли, придешь ли*
С мукой твоею к муже моему, о Наль благодатный?
 Вот наконец и пришел ты. Но знай, что здесь о тебе я
 Частые слухи имел; мне подвластные змеи, которым
 1420 Все на земле дороги известны, ко мне ежедневно
 Змеек-гонцов присылали, и каждая, верно исполнив
 Долг свой и весть передав мне, в огне предо мной умирала;
 Видишь, как много здесь собрано кож их истлевших. От них-то
 Мог я проведать о том, как ты полюбил Дамаанти;
 Как цари и царевичи созданы были в Видарбу;
 Как мой гонитель Нерада, пресытись земными плодами,
 Сад небесный богов посетил; как там он посеял
 Сладостных слов семена, от которых мгновенно желанье
 Выросло в сердце богов на землю сойти; как богами
 1430 Был ты послан в Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,
 Также и то, что тебе самому досель неизвестно:
 Как закрался Кали в твое непорочное сердце.
 Сведая, что царство свое ты утратил, что вместе с супругой
 Бродишь нагой по горам и степям, что ее, наконец, ты
 Сам покинул, я был утешен надеждой, что скоро
 Сбудется то, что теперь и сбылось. Благословляю,
 Наль, и тебя и приход твой; уже мучительный пламень,
 Жегший донныне меня, уступает сходящей от неба
 Сладостной свежести. Наль, не страшись, приступи и, на палец
 1440 Взявши меня, из пламени выдь». Керкота умолкнул,
 Свился проворно легким кольцом и повиснул на пальце
 Наля; и с ним побежал из пламени царь, и при каждом
 Шаге его оно слабело и гасло и скоро
 Все исчезло, как будто его никогда не бывало.
 Свежий почувствовал воздух, трепетом сладким спасенья

Весь проникнутый, быстро отвившись от Налева пальца,
 Змей бесконечной чешуйчатой лентою вдруг растянулся;
 С радостным свистом пополз к тому он ручью, где, увидев
 Образ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
 Всунул голову в воду и с жадностью долгую жажду
 1450 После толь долгого жара стал утолять — истощились
 Воды ручья, а змей по-прежнему сделался полон.
 Силы свои возвратив, он, блестя чешуею на солнце,
 Налью сказал: «Подойди; перед нашей разлукой ты должен
 Зубы мои перечесть; в таком долголетнем от муки
 Скрежете много зубов я мог потерять или испортить».
 Наль подошел; перед ним оскалились зубы; считать он
 Начал: первой, другой, четвертый. «Ошибся, ошибся, —
 С гневом царь змей зашипел, — ты не назвал третьего зуба».
 С этим словом кольнул он третьим, неназванным зубом
 1460 Наль в палец — и тут же почувствовал Наль, что с собою
 Он как будто растался; сперва свой собственный образ
 В зеркально-светлом щите, на царевой шее висевшем,
 Он увидел; потом тот образ мало-помалу
 Начал бледнеть и скоро пропал; и мало-помалу
 Место его заступил другой, некрасивый; и Налью
 Стало ясно, что это был образ его же, и боле
 Не был он страшен себе самому в таком превращенье.
 «Видишь, — Керкота сказал, — что желанье твое совершилось;
 Ты превращен, ты растался с собой, и отныне никем ты,
 1470 Даже своею женою не можешь быть узнан. Простимся;
 В путь свой с богами иди и не мысли, чтоб мог быть опасен
 Яд мой тебе; не в твое он чистое сердце проникнул,
 Нет! а в того, кто сердцем твоим обладает: отныне
 Будет он жить там и мучиться. Ты ж, превращенный, с надеждой
 Путь продолжай; ищи в чужих странах пропитанья;
 Но не забудь о стихийных дарах, от богов полученных
 В брачный день; они для тебя не потеряны; помни,
 Наль, об этом; и также твое искусство конями
 Править тебе сохранилось. В царство Айодское прямо
 1480 Путь свой теперь обрати; там увидишь царя Ритуперна;
 Нет на земле никого, кто с ним бы сравнился в искусстве
 Счета и так бы в кости играл. «Я Вагука, правитель
 Коней», — скажи ты ему про себя; и если он спросит,

Много ли можешь в день проскакать? «Сто миль», — отвечай ты.
 Он твоему научиться искусству захочет; за это
 Сам научит тебя искусству считать; без него ты
 В кости все царство свое проиграл. И как скоро искусство
 Это получишь, страдания твои прекратятся, следа не оставив;
 В ту же минуту, когда, и жену и детей отыскавши,
 1490 Прежний свой вид возвратить ты захочешь, лишь только об этом
 Часе вспомни и в этот щиток поглядишь; кто владеет
 Этим щитком, того на земле все змеи боятся.
 Так говоря, Керкота одну из зёркально-светлых,
 Шею его украшавших чешуек снял и, подавши
 Налю, примолвил: «Носи ее на груди; в роковое
 Время эта чешуйка тебе пригодится». Потом он
 Скрылся; а Наль остался в лесу один, превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Наль, разлучившись с змеем, пошел в Айодское царство
 Службы искать у царя Ритуперна, который давно уж
 1500 Принял к себе и Варшнею, прежде служившего Налю.
 Мудрый царь Ритуперн, великий конский охотник,
 Лучших искусников править конями собирал отовсюду.
 Наль, через десять дней пришедши в Айоду, к царю Ритуперну
 Тотчас явился. «Я конюх Вагука, — сказал он, — в искусстве
 Править конями мне равного нет; сто миль проскакать их
 В день я заставить могу. И во многом другом я искусен:
 Пищу никто так вкусно, как я, не умеет готовить.
 Всякое дело, для коего нужны и труд и умение,
 Взять на себя я готов и к тебе, царю Ритуперну,
 1510 В службу желаю вступить». Ритуперн отвечал благосклонно:
 «В службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отныне
 Главным конюшим моим; надзирай за моими конями,
 К скачке проворной их приучая; за службу же будешь
 Сто золотых получать. Товарищ твой будет Варшнея,
 Конюх искуснейший в деле своем, с ним старший Джевала,
 Мой заслуженный конюший, и много других; ты без скуки

Будешь с ними досуг свой делить; и свободен ты делать
 Что пожелаешь. Будь главным моим конюшим, Вагука».

Вот и служит конюшим Наль у царя Ритуерна,
 1520 Царь без царства, муж без жены, изгнанник, лишенный
 Даже лица своего, и Варшнея, ему так усердно
 Прежде служивший, теперь уж товарищ ему: под одною
 Кровлей они; но чужды друг другу, и вместе и розно,
 Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой
 Гибели Наля-царя сокрушаясь, а Наль по супруге,
 Брошенной им, ежечасно тоскуя. И было то каждый
 Вечер, что Наль, убравши коней, один затворялся
 В стойле и пел там все ту же и ту же печальную песню:
 «Где, светлоокая, ты одинокая странствуешь ныне?
 1530 Зноем и холодом, жаждой и голодом в дикой пустыне
 Ты, изнуренная, ты, обнаженная, вдовствуя бродишь.
 Где утешение, в чем утоление скорби находишь?»
 Так он пел. И однажды Джевала, подслушавши эту
 Песню, спросил у него: «По ком ты, Вагука, тоскуешь?
 Кто же та, о которой такую грустную песню
 Так заунывно поешь ты?» — «Пою про жену сумасброда,
 Ею избранного, ею любимого, ум и богатство
 Вдруг потерявшего, ей изменившего, клятву святую,
 Данную ей пред богами, забывшего. С ней разлученный,
 1540 Он уж давно в тоске, в раскаянье, в страхе, не зная
 Скорби своей утоленья ни днем, ни ночью, бездомным
 Странником бродит. Но каждую ночь, об ней помышляя,
 Эту песню поет он. Скитаясь, как нищий, с терпеньем
 Пьет он свою преступленьем налитую, горькую чашу,
 Чашу разлуки, и горе свое с одним лишь собою
 Делит. Она же, которая с ним и в беде не расталась,
 Им в пустыне забывая... Где она? Что с ней? Лишь чудо
 Жизнь могло сохранить ей, со всех сторон окруженной
 Смертью в лесах, где гнездится и дикий зверь и разбойник.
 1550 Эту повесть он сам рассказал мне. С тех пор и пою я
 Песню его, как сам он поет, и об нем сокрушаюсь».

II

Бима, царь Видарбы, узнав о бедствии Наля,
 Царство свое проигравшего в кости, немедленно созвал

Всех видарбинских брахманов и так им сказал: «Отыщите
 Дочь мою Дамаянти и Наля-царя; кто узнает,
 Где мои дети, и их ко мне приведет, тот получит
 Тысячу самых отборных быков и деревню, как людный
 Город богатую; тот же, кто, их не приведши, хоть с верной
 1560 Вестью об них ко мне возвратится, также получит
 Десять сотен быков». Брахманы поспешно на север,
 Полдень, восток и запад пошли отыскивать Наля;
 Всюду, по всем областям, городам, деревням, по безлюдным
 Диким лесам, по горам, по равнинам, по разным дорогам
 Долго ходили они; но напрасно — ни слуха, ни вести
 Нет ни о Нале-царе, ни о верной его Дамаянти.
 Вот наконец один из брахманов, Судэва, достигнул
 Города Шедди, и там во дворце, на празднике царском,
 Он Дамаянти увидел. Подле царевны Сунанды,
 1570 В платье печальной вдовы, на лице покрывало, близ светлой,
 Радостной девы она там стояла — жена, по супруге
 Мрачно скорбящая, тень близ света, алмаз без сиянья,
 День без солнца, краса, двойным покровом от взоров
 Скрытая — черным платьем и черным горем. Увидя
 Этот прекрасный, невидимо блещущий свет, догадался
 Тотчас Судева, кто перед ним. Про себя он подумал:
 «Тот же образ я вижу, который столь сладостно светел
 Был в то утро, когда все земные цари и владыки,
 С ними и вечные боги, в тревоге надежды смиренно
 Ждали, кому из них благодатную руку подаст Дамаянти.
 1580 Это она, полногрудая, темнокудрявая, райским
 Блеском очей веселящая душу, любовь и утеха
 Мира; она, молодая лилея, лишенная корня,
 Лотос, слоновой стопой сокрушенный, высокое в низком;
 Это она, по супруге скорбящая, вместе с супругом
 Всю потерявшая жизнь, как источник, ныне безводный,
 Некогда быстро бежавший, как лунная ночь по затменью
 Полном луны, поглощенной внезапно небесным драконом;
 Это она, достойная жить в перламутровом царском
 Доме, живущая ныне в чужом сиротою бездомной;
 1590 Славная царской породой в горьком бесславном изгнание;
 Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастьем,
 Чуждая сладкой любви. Ее измучено сердце

Страстным стремленьем к супругу, избранному сердцем; на свете
 Муж — украшение жены; потеряв сей небесно прекрасный
 Перл, и блестящая тратит свой блеск. Но где ж он, могучий
 Наль? Перенес ли разлуку с такою женою или мертвый
 Пал, утратив ее? И мне всю душу пронзает
 Горе при виде ее красоты сокрушенной, при встрече
 Огненно-темных ее, в слезах угасающих взоров.

1600 Скоро ль, скоро ль, весь мир исходив путем испытанья,
 К цели желанной достигнет она и с желанным супругом,
 С милым души, с властителем жизни встретится в мире
 Так, как звезда встречается с месяцем? Скоро ль
 С трона низверженный Наль возвратит Дамаянти и трон свой?
 О! какое блаженство тогда для обоих, друг другу
 Равных прелестью, доблестью, знатностью рода и славой
 Предков! Мне должно теперь подойти с утешительным словом
 К ней, сокрушенной». Так говорил многомудрый Судева

1610 Сам с собою; потом он к тому приблизился месту,
 Где одиноко стояла среди многолюдства с печальной
 Думой своей Дамаянти. «Здравствуй, роза Видарбы,-
 Ей он сказал, — я Судева, брахман видарбинский; царь Бима,
 Твой родитель, жив, и здоров, и царствует мирно;
 Здравствует с ним и твоя благодушная мать, управляя
 Домом; здравствуют братья твои, здравствуют дети,
 Мирно цветы под защитою деда и бабки. Но горе
 Всех по тебе сокрушило. И ныне по целому свету
 Ищут брамины тебя; отыскать же позволили боги
 Мне». Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;

1620 Стала потом о родных, о друзьях, знакомых и ближних
 Спрашивать. «Выросли ль дети?» — она напоследок спросила.
 С этим словом рыданье стеснило ей грудь, и с прекрасных
 Длинных ресниц покатались крупными каплями слезы.
 Видя, что плачет она в разговоре с брамином, Сунанда,
 Сильно встревожась, сказала немедленно матери: «Наша
 Гостыя плачет; какой-то брамин говорит с ней, и, верно,
 С ним знакома она, и его слова пробудили
 Эту печаль». Тогда из покоев внутренних вышла
 1630 Мать-царица; увидя брамина, она повелела
 К ней его привести; и его расспрашивать стала
 Так: «Расскажи мне об ней что ведаешь. Кто и какого

Рода она? Чья дочь? Чья жена? И с родными какою
Странной судьбою рассталась? И здесь ты ее по какому
Тайному признаку мог распознать? Обо всем откровенно
Мне расскажи». И, сев на ему указанном месте,
Так рассказывать начал Судева, брамин многомудрый.

III

«Царствует ныне в Видарбе царь Бима, до старости поздней
В славе доживший; а странница эта есть Дамаянти,
1640 Дочь видарбинского Бимы, жена нишадского Наля.
Наль же, сын Виразены, бывший владыка Нишады, безумно
В кости все царство свое проиграл недостойному брату.
С той поры, покинув Нишаду с женою, пропал он
Без вести. Бима послал нас отыскивать дочь. И случайно
В вашем царском дворце в печальной, таинственной гостье
Вашей узнал я ее... И кто не узнал бы? На свете
Нет Дамаянти другой, столь прекрасной душою и телом.
Есть притом и примета: на лбу под густыми
Кудрями светлая скрыта звезда, как за облаком месяц;
1650 С нею она родилась; ее сам Брама заметил
Знаком святым благодати; но знак сей одним лишь браминам,
Видящим здесь красоту неземную, служителям Брамы,
Может быть видим; и я очами брамина, как злато
В темной руде, как в пепле горячем огонь сокровенный,
Тотчас узнал Дамаянти, красы несказанной светило».
Кончив рассказ свой, Судева умолк. Тут царица Сунанда,
Тихо подкравшись к подруге, с ее головы покрывало
Вдруг сорвала и кудри волос, осенявших прекрасный
Лоб видарбинской царицы, откинула: ярко, как месяц,
Тучу пронзивший, блеснула оттуда звезда благодати.
1660 То увидя, Сунанда в слезах умиления припала
К сердцу ее; царица заплакала также; и все три,
Крепко обнявшись, слинные сердцем, стояли безмолвно,
Слезы сливая с слезами. Вот напоследок сказала
Мать-царица: «Ты дочь моей сестры, Дамаянти.
Наш знаменитый отец был владыка дафернский Судеман;
Бима выбрал сестру, меня избрал Виравáгу.
Я и тебя младенцем видала в то время, когда мы
Вместе с сестрой навестили в Даферне отца. И тогда уж

Эта звезда сияла на лбу у тебя. Догадалась
 1670 Тотчас я, кто ты, как скоро ты странницей грустной явилась
 Здесь, и дочьерю сердце тебя нарекло. Оставайся ж
 С нами, мой дом есть твой; и все подвластное сыну
 Царство также твое. Живи в любви и согласье
 С нами; будь дочьерю мне, будь нежной сестрою Сунанде». —
 «Долго я здесь незнакомкой в довольстве жила, — отвечала
 Тетке своей Дамаянти, — не знала нужды, под защитой
 Верной была и в горе встречала веселье; но будет
 Мне веселее в Видарбе с родным отцом и с родною
 Матерью. С миром меня отпусти; я давно уж с своими
 1680 Ближними розно; отсюда слышится мне, как сиротки
 Дети мои, по матери плача, ее издалека
 Кличут и ей говорят: *без отца мы; на что ж нам
 Быть и без матери?* Если свое благотворное дело
 Ты довершить надо мною желаешь, то дай мне скорее
 Средство в Видарбу к своим возвратиться». — «Исполнена будет
 Воля твоя, красота звездоносная», — так отвечала
 Мать-царица; потом, с позволения сына, владыки
 Царства шеддийского, в путь снарядила милую гостью;
 Пищу с питьем на дорогу сама царевна Сунанда
 1690 Ей приготовила; дали коней с колесницею; дали
 Также и стражей, дабы ее на пути охраняли;
 С плачем расстались потом. И вот наконец возвратилась
 К ближним своим Дамаянти. И много в Видарбе веселья
 Было при встрече ее. Когда ж Дамаянти со всеми
 Свиделась, с милою матерью, с добрым отцом и с родными
 Братьями, сродников всех и знакомых увидела, к сердцу
 В сладких слезах прижала детей, — то первой заботой
 Было ее принести благодарность богам и браминов
 Всех одарить. И Бима исполнил свое обещанье:
 1700 Тысячу жирных быков с селом, богатым как город,
 Дал он брамину Судеве. Награду такую сначала
 Он обещал лишь тому, кто найдет Дамаянти и Наля;
 Но, блаженный свиданием с дочьерю, он уж не думал
 Боле о Нале. Зато не забыла о нем Дамаянти.
 Ночь одну проведя в жилище отца, на другой день
 Матери так Дамаянти сказала: «Если ты хочешь
 Жизнь мне мою сохранить, возврати мне прекрасного Наля».

То услыша, царица заплакала горько и слова
 Ей отвечать не могла от слез и рыданья. И вместе
 1710 С нею домашние все сокрушались, и громким стенаньем
 Все жилище ее наполнялось. И вот что царица
 Биме, властителю многих народов, сказала: «Открыла
 Сердце свое мне наша дочь Дамаянти; по милом
 Нале тоскует она несказанно. А где он? Удастся ль
 Так же найти и его, как найти удалось Дамаянти?»
 Бима при этих словах опять вызывает браминов
 Новую службу ему сослужить. «Святые брамины, —
 Им говорит он, — идите по всем путям и дорогам
 1720 Наля отыскивать; с ним разлученная, гаснет от горя
 Дочь Дамаянти». Брамины, немедленно в путь изготовясь,
 Все собрались к Дамаянти услышать ее повеленье;
 Их приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и сказала
 Так: «Куда б ни пришли вы и где бы его ни искали —
 В городе ль, в царском дворце ли, в деревне ли, в хижине ль бедной —
 Всюду одно повторяйте, вытвердив то, что скажу вам:
 «Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
 В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,
 В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
 К ней ты пришел. По тебе лишь тоскует она и ни разу
 1730 Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
 В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
 Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
 Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
 Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
 Помните эти слова и их везде повторяйте.
 Если же кто вам на них отзовется, то знайте, что это
 Наль; и тогда немедля разведайте, кто он? Когда же
 Словом каким он вам возразит, то скорее, скорее
 Это слово мне передайте, брамины. Но будьте
 1740 С ним осторожны, чтоб он догадаться не мог, что за ним вы
 Посланы мной, и чтоб снова не скрылся. Идите с богами
 В путь свой, брамины, ищите Наля, везде повторяя
 Грустную песню мою, воздыханья любви сокрушенной».

Данные им наставленья принявши, по разным дорогам
 Все разошлись брамины отыскивать Наля; и всюду,
 В людных, больших городах, в богатых палатах, в убогих

Хижинах, в темных лесах, по горам, по полям, по долинам,
 Где только был человеческий след, неусыпно искали
 Наля они, везде повторяя слова Дамаянти,
 1750 Грустную песню ее, воздыханья любви сокрушенной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Вот по странствии долгом один из браминов, Парна́да
 Именем, с вестью такую пришел к Дамаянти: «Повсюду
 Наля искав безуспешно, пришел наконец я в Айоду.
 Там пред царем Ритуперном твои слова произнес я;
 Царь ничего не сказал мне в ответ, и никто из придворных
 Также мне не дал ответа. Когда ж я, простясь с Ритуперном,
 Вышел из царских покоев, со мной повстречался служитель
 Царский с руками короткими, малого роста, Вагука
 Именем; дело его смотреть за царевой конюшней;
 1760 Видом он некрасив; зато великий искусник готовить
 Пищу, так же чудесно правит конями: он может
 В сутки сто миль проскакать их заставить. И вот что с глубоким
 Вздохом, от слез задыхаясь, сказал мне этот Вагука:
 «В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
 Неба достойные, долгу супружества верные жены;
 Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду.
 Если в безумии все свои радости, свет и усладу
 Жизни, расставшись с верной подругою, жалкий преступник
 Сам уничтожить мог; если, отчаянный, платья лишенный
 1770 Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
 Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью
 Все утраченной плачет и сетует — доброй женою
 Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
 Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,
 Радость не радостью; будет лишь памятно бедствие мужа,
 Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
 Эти услышав слова, я решился немедля пуститься
 В путь обратный. Царевна, сама теперь ты рассудишь,
 С доброю ль вестью к тебе я пришел». Дамаянти, Парнаду

1780 Выслушав, тотчас к царице пошла и так ей сказала:
 «Слушай, родная; о том, что я сделать хочу, мой родитель
 Бима ведать не должен; хочу я брамина Судеву
 В царство Айоду послать; награды своей половину
 Он заслужил, вот случай ему заслужить и другую:
 Вам возвратил он меня, пускай возвратит вам и Наля».

1790 Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
 Всё учредили они, и царь не узнал ни о чем. Одаривши
 Щедро Парнаду, царевна сказала: «Когда возвратится
 Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
 След нам к нему указал». И доволен остался Парнада
 Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,
 Так сказала: «Судева, иди к царю Ритуперну
 В царство Айоду; явися ему, но так, чтоб подумал
 Царь Ритуперн, что зашел ты в Айоду случайно, и вот что
 Скажешь ему ты, как будто без всякого умысла: «Бима
 Снова сзывает в Видарбу царей и царевичей; снова
 Хочет супруга избрать Дамаянти: уж съехалось много
 К ней женихов». И ежели знать пожелает он, скоро ль
 Должен быть выбор, назначен ли день, отвечай ты: «Я вижу,
 1800 Царь, что тебе одному неведомо то, что известно
 Целому свету; день назначенный — завтра; и если
 Сам ты отведашь счастья намерен, то можешь в Видарбу
 Нынче же к ночи поспеть; у тебя есть конюх, искусный
 Править конями; он в сутки сто миль проскакать их заставит;
 Только не медли: завтра чем свет Дамаянти объявит
 Выбор; о Нале ж ни слуха, ни вести; и, верно, погиб он.
 Если же хочешь ты знать, от кого я о сказанном слышал,
 Знай, государь, что я слышал о том от самой Дамаянти».

II

1810 Вот и приходит Судева к царю Ритуперну. То было
 Рано поутру. И только что ложную повесть брамина
 Выслушал царь, как, с места вскочивши, воскликнул: «Скорее
 Кликнуть Вагуку сюда!» Когда же Вагука явился —
 «Верный конюший, — сказал Ритуперн, — мне должно в Видарбу
 Нынче ж поспеть; Дамаянти опять выбирает супруга;
 Завтра утром она объявит свой выбор. Искусство
 Ныне свое покажи мне, Вагука, на деле; посмотрим,

Можешь ли в сутки сто миль проскакать на конях, не кормивши?»

Царская речь наполнила ужасом Налеву душу.

«Что замышляет, — подумал он — сам про себя, — Дамаанти?

1220

Или она от скорби лишилась ума? Иль какую

Хитрость задумала? Может ли быть, чтоб она на такое

Дело решилась, она, непорочная, верная, светлый

Ангел любви? Неужель, оскорбленная мной так жестоко,

Хочет отомстить мне она, смиренно-незлобный эдемский

Голубь? Но женское сердце изменчиво; я же пред нею

Слишком виновен; прекрасную младость ее погубил я;

В долгой разлуке со мной разлучилась она и с любовью.

Но позабывши меня, как могла позабыть Дамаанти

Наших детей? Мне должно разведать, что ложь и что правда

1230

В этом слухе, и волю царя для себя я исполню».

Так он в мыслях решил и, покорно ко груди прижавши

Руки, царю отвечал: «Несомненно, исполнена будет

Царская воля твоя; мы нынче ж поспеем в Видарбу

К вечеру». Вот на конюшню Вагука пошел, чтоб надежных

Выбрать коней, и выбрал тощих, тяжелых, ноздристых,

Тонконогих, толстоголовых, с щетинистой шерстью,

С длинными шеями, с гривой встопорщенной, огненно-диких.

Выбор такой царя изумил. «Ты шутишь, Вагука, —

С гневом сказал он, — как будто в насмешку, из целой конюшни

1240

Выбрал ты самых негодных коней. В такую дорогу

Можно ль на клячах подобных пускаться?» — «То хорошие кони,

Царь-государь, — Вагука ответствовал, — вот и приметы:

Две на лбу, одна на груди и три на копытах;

Духом домчимся на этих конях до Видарбы; но если

Выбрать других ты желаешь, то сам укажи их; готов я

Волю исполнить твою». — «Пускай по-твоему будет, —

Царь отвечал, — тебя не учить мне; закладывай, едем».

Выбранных им четырех коней заложил в колесницу

Наль и сел в нее с Ритуперном: и с ними, по просьбе

1250

Налья, сел Варшнея. Собравши в могучую руку

Вожжи и ими тряхнув, как браздами излучистых молний,

Наль закричал: «Изготовьтесь вы, хорошие кони; чтоб нынче ж

Быть нам в Видарбе!» И, дрогнув, пред ним на колени упали

Кони; легким движеньем руки опять он их поднял

На ноги, голос смягчил и, ласковым словом придав им

Жару, крикнул: «Вперед!» Они понеслись как вихри.
 Царь Ритуперн на бег их смотрел с немым изумленьем.
 В то же время, расслушав, сколь был таинственно звучен
 Гром колесницы, и видя, что вожжи со свистом и треском
 1260 Били коней по бокам и, как молнии, быстро сверкали,
 Думу глубокую думал Варшней: «Откуда Вагука
 Мог получить такое искусство и кто он? Не сам ли
 Коней державного бога богов повелитель Метáлис?
 Или он Наль, сокрывший себя под личиной уroda?
 Налева образа нет здесь, но есть здесь Налева сила.
 Кто же мне правду откроет? Давно из древних преданий
 Ведаем мы, что земные цари, по воле судьбины
 Здесь, на земле, иногда превращенные, странствуют тайно.
 Этот уродливый конюх не может быть Налем великим;
 1270 Тот же, под кем, как гроза в небесах, гремит колесница,
 Кто он иной, как не Наль, мой великий владыка?» Так думал
 Молча Варшней и в бедном Вагуке угадывал Наля.

III

Коня, без крыльев крылатые, властью Наля как буря
 Мчались вперед по горам, по долам, через реки, потоки.
 Вдруг сорвалась с головы Ритуперна повязка. «Вагука,
 Стой! — он сказал. — Пускай Варшней подаст мне повязку». —
 «Поздно! — ответил Наль-Вагука, — уж мы отскакали
 Более мили; оставим повязку». Царь изумился;
 Вдруг он увидел вдали Вибитаку, ветвисто-густою
 1280 Сенью покрытое дерево. «Слушай, Вагука, — сказал он, —
 Здесь, на земле, никто не имеет всезнания; в искусстве
 Править конями ты первый; зато мне далось искусство
 Счета, и знаю я тайну играть *наверное* в кости.
 Видишь ли там, вдалеке, то ветвистое дерево? Много
 Листьев на нем и много плодов; но много их также,
 С ветвей упавших, лежит на земле. Так знай же: упало
 Листьев четыреста три, и с ними свалилось сто десять
 Спелых плодов; всех сучьев семьсот сорок девять; на сучьях
 Листьев осталось пять миллионов и восемь; плодов же
 1290 Тысяча триста пятнадцать созревших, восемьсот сорок
 Три созревающих, семьдесят восемь гнилых. Хоть поверку
 Сделай, мой счет без малейшей ошибки». В эту минуту

Были они уж близ дерева. «Стойте, — воскликнул Вагука, —
 Добрые кони; такому чудному счету нельзя мне
 Прежде поверить, пока плодов, и сучьев, и листьев
 Сам не сочту я на дереве этом. Варшнея подержит
 Вожжи, покуда я буду считать». Ритуперн ужаснулся.
 «Что ты задумал, Вагука? — сказал он. — Не время нам медлить».
 Но Вагука (был умысел свой у него) непременно
 1900 Счет поверить хотел. «Подожди, — царю отвечал он, —
 Или — если уж так ты поспешен, — прямо, все прямо
 Этой дорогой ступай; Варшнея будет конями
 Править». На то Ритуперн возразил, стараясь Вагуку
 Лаской смягчить: «Не упрямяся, добрый Вагука; в искусстве
 Править конями тебе подобного нет, и в Видарбу
 Только с тобою одним поспеть нам к вечеру можно.
 Я (сам видишь ты это) во власти твоей; не держи же
 Доле меня; я сделаю все в твое угождение,
 Если только в Видарбу доедем прежде, чем сядет
 1910 Солнце». Вагука вместо ответа, коней удержавши,
 С козел сошел и начал спокойно считать по порядку
 Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
 «Счет плодов без ошибки, — сказал он царю Ритуперну. —
 Вот поглядим, не ошибся ль ты в счете сучьев и листьев?»
 Царь кипел нетерпением. «Будь же доволен, Вагука,
 Разве мало тебе одного доказательства?» — «Мало,
 Царь-государь, — Вагука сказал, — но если ты хочешь
 Разом все кончить, то сам объясни мне, как мог ты так много
 Счесть в такое короткое время?» — «Знай же, — воскликнул
 1920 Царь (не от доброй души, а взбешенный упорством Вагуки), —
 Я одарен могуществом счета и тайным искусством
 В кости играть на верное». — «Ежели так, то теперь же
 То и другое мне передай; в замену искусство
 Править конями получишь», — сказал Вагука. «Согласен, —
 С гневом отвечал царь, — и могущество счета и тайну
 В кости играть я тебе отдаю; от тебя же, Вагука,
 Дар твой приму, как скоро приедем в Видарбу». Лишь только
 Вымолвил слово свое Ритуперн, как у Наля открылись
 1930 Очи, и он все ветви, плоды и листья Вибитак
 Разом мог перечесать; и в то же мгновенье, когда он
 Данную силу в себе ощутил, сокрытый дотоле

В сердце его искуситель Кали оттуда исторгся,
 Дымом и мглою своей обхватил Вибитаку. При первом
 Чувстве свободы Наль обеспамятел; скоро, однако,
 Он очнулся и, видя лицом к лицу пред собою
 Злого врага своего, хотел проклясть нечестивца;
 Но Кали возопил, поднявши руки смиренно:
 «Наль, воздержися от клятвы; уже довольно наказан
 Был я проклятием, в минуту страданья твоею женою
 1940 Против меня изреченным (хотя и был ей неведом
 Общий ваш враг). С тех пор я, замкнутый в тебе, как в темнице,
 Столь же был горем богат, сколь ты был радостью беден.
 Мучимый ядом царя Змеиного, денно и ночью
 Сам я себя проклинал. Пощади же меня, благодушный
 Наль; я отныне бессилен; отныне каждый, кто повесть
 Бедственной жизни твоей прочитает, тебя прославляя,
 Будет от козней моих огражден и власти подобных
 Мне зловредных духов недоступен». Смягченный молящим
 Словом врага побежденного, Наль воздержался от клятвы.
 1950 Сам же Кали в Вибитаку вселился, и полное жизни
 Дерево мигом засохло. При чуде таком изумился
 Царь Ритуперн (того ж, что с Налем в эту минуту
 Делалось, видеть и слышать не мог он). Едва искуситель
 Скрылся — от муки избавленный, радостно блещущий, новой
 Жизнью пламенный, вдвое могучий, сел в колесницу
 Наль, и кони помчались; а он, упредив их, душою
 Был уж в Видарбе, там, где была Дамаянти, куда он
 С сердцем свободным от зла, но все еще бедный, бездомный
 Царь, возвращался под видом чужим, никому не знакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

1960 Солнце еще не угасло, когда до Видарбы достигнул
 Царь Ритуперн. Немедля о госте неожиданном царь Бима
 Был извещен, и, им приглашенный, в сиянье вечернем
 Въехал в Видарбу владыка Айоды. Как гром отзывался
 Стук колесницы его с осьми сторон небосклона.

Налев стук и Налев скок почуяли тотчас
 Налевы кони (которых, еще до изгнанья царева,
 К Биме с детьми сама Дамайти прислала);
 Радостным ржаньем, как будто при Нале, они отвечали
 Дружно на звук, им знакомый; и, вслушавшись в звук сей, подобный
 1970 Гулу глубокому грома, сама Дамайти смутилась;
 Что-то родное, бывалое, Налеву в вешее сердце
 Вдруг проникло — так и жена и кони узнали
 Разом Наля по стуку его колесницы. И в стойлах
 Царских слоны и на кровле дворцовой павлины, расширив
 Радугой пышной хвосты, при этом неслыханном стуке
 Вдруг встрепенулись; подняли хобот слоны; закричали,
 Вытянув шею, в радостном страхе павлины, как будто
 Чужая грозы, обещающей дождь, приближенье. И с райским
 1980 Трепетом, вся обращенная в слух, про себя Дамайти
 Так говорила: «Мне этот стук колесницы и этот
 Топот, тревожащий небо и землю, насквозь проникают
 Душу. Это Наль, мой владыка, Наль, мой желанный!
 Если его я нынче ж лицом к лицу не увижу,
 Если нынче же в сладких объятиях Наля не буду,
 Если это не он, столь чудно гремящий, не светлый
 Наль, мой царь, мой спаситель; если меня обмануло
 Сердце, то более жить мне не должно; и в жаркое лоно
 Пламени брошусь, чтоб кончить тоску одинокия жизни.
 О! теперь позабыто все прошлое: жизнь обновилась;
 1990 Страх одиночества, стыд нищеты, неприютность, разлуки
 Тяжкая боль — из сердца изглажено все; я не помню
 Слова обидного, взгляда сурового; помню одно лишь
 Счастье святое любви, лишь его, избранного сердцем,
 Радость души, благородного, кроткого, сильного волей,
 Тихого нравом, разумом мудрого, сердцем младенца,
 Наля, мою надежду, спасение, жизнь. Непрестанно
 Думать о нем и о прошлых днях неразлучности сладкой,
 Думать о прелести взора его и улыбки, о сладком
 2000 Голосе, нежных речах, и, всею душой погружаясь
 В думу любви, быть розно с ним, несказанно любимым, —
 Вот страданье, которому имени нет». В сокрушенных
 Мыслях таких Дамайти сидела тогда на дворцовой
 Верхней площадке с служанкой своей, молодою Кезиной.

Вот и видят они, что на двор широкий влетели
 Кони, гремя и дымясь, с колесницей; и в той колеснице
 Были трое: царь Ритуперн, Вагука, Варшнея;
 Где же Наль?.. С томительным страхом глядит Дамаянти;
 Видит царя; Варшнею потом узнает; напоследок
 Смотрит на их безобразного спутника — ей незнаком он.
 2010 Тою порой Ритуперн сошел с колесницы; Варшнея
 Также; Вагука начал разнуздывать коней: и в это ж
 Время вышел и Бима гостю навстречу. Друг другу
 Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали,
 Что друг другу сказать. Ритуперн, осмотрясь, не приметил
 В царском дворце ничего, что б капун означало большого
 Праздника; он подумал: «Я был легковерно обманут
 Ложною вестью»; и Биме сказал он: «Здравья и долгих
 Лет тебе я желаю». Бима таким же приветным
 Словом ответствовал. «Что, — потом он спросил, — привело к нам
 2020 В нашу столицу Видарбу такого великого гостя?»
 Слыша этот вопрос и не видя нигде никакого
 Знака, чтоб были другие цари и царевичи в царском
 Доме, владыка Айоды ответствовал: «Видеть хотел я,
 Царь благодушный, тебя и, с тобой познакомясь, проведать,
 Все ли в твоём благоденствует царстве?» Мудрому Биме
 Станным ответ такой показался, и было ему непонятно,
 Как могло прийти на ум царю Ритуперну
 Путь такой предпринять лишь затем, чтоб проведать, здоров ли
 Царь Видарбы, ему незнакомый. «Тут есть, — он подумал, —
 2030 Верно, другая причина. Узнаем мы после». И, руку
 Ласково гостю подавши, сказал он: «Милости просим,
 Царь Ритуперн; мы рады весьма твоему посещенью.
 Но ты устал; войди к нам в палаты и там успокойся;
 Что ни прикажешь, все будет исполнено». Вместе с Варшнеей
 Царь Ритуперн вошел во дворец; а Вагука, отпрягши
 Добрых коней, отвел их в конюшню; потом, возвратясь,
 Сел на прежнее место свое в колеснице и скоро
 В грустную думу весь погрузился. Его Дамаянти
 Сверху увидя, вздохнула глубоко. «Ужель обманулось
 2040 Сердце мое? — сказала она. — Но стук колесницы
 Был мне знакомый, был подлинно Налев... А Наля не вижу.
 Или Варшнея искусство его перенял? Или открыли

Боги его царю Ритуперну?» Так Дамаянти
 Мучилась тяжким сомненьем; вот наконец, обратясь
 К верной Кезине, служанке своей, она ей сказала:

II

«Слушай, Кезина, поди и проведай, кто в колеснице
 Так угрюмо сидит один, лицом некрасивый,
 Руки короткие? С ним заведя разговор, постарайся
 Выспросить, кто он? Меня подозренье тревожит: не сам ли
 2050 Наль таится под этим уродливым видом? Ты вот что
 Сделай: с ним говоря, повтори, как будто случайно,
 Те слова, которые всюду браминам велела
 Я повторять; увидишь, не даст ли какого ответа
 Он на них, и ежели даст, то все, что ни скажет,
 Ты заметь и мне передай». Кезина к Вагуке
 Тотчас пошла; Дамаянти ж, на прежнем месте оставшись,
 Сверху смотрела на них. Кезина, приблизясь к Вагуке,
 Так сказала ему: «Благородные гости, будь в добрый
 Час вам приезд ваш в Видарбу; царская дочь Дамаянти
 2060 Мне приказала узнать, зачем вы здесь и откуда?»
 «Мы из Айоды, царю Ритуперну подвластного царства, —
 Так Вагука сказал. — Узнав от брамина, что будет
 Снова супруга себе выбирать Дамаянти, айодский
 Царь на своих быстроногих конях, которыми правлю
 Я, сюда присекал, чтоб явиться с другими на выбор.
 «Ты не один при царе; вас двое; кто твой товарищ?
 Кто ты сам, и откуда, и как к царю Ритуперну
 В службу вступишь?» — «Мой товарищ Варшнея, бывший конюший
 Наля; меня называют Вагука; что я не красавец,
 2070 Это ты видишь; служу у царя на конюшне, но мог бы
 Также служить и на кухне, ибо я столь же искусен
 Вкусную пищу готовить, как править конями». — «Скажи ж мне, —
 Снова спросила Кезина его, — не дошла ль до Варшнея
 Весть какая о Нале? И сам ты об нем не слыхал ли?»
 «Налевых бедных детей, — Вагука сказал, — проводивши
 К деду и царских коней оставив в Видарбе, Варшнея
 В службу вступил к царю Ритуперну. О участи Наля
 Он не знает, и нет на земле никого, кто о ней бы
 Что-нибудь знал; под видом чужим, в неведомом месте

2080 Царь укрывается. Наль один на свете о Нале
 Знает, да та лишь одна, кто с Налем *одно*; никому он,
 Кроме ее, не открыл своих таинственных знаков».

«Но (сказала Кезина) брамин, посетивший Айоду,
 Встретясь с тобою, тебе повторил слова Дамаянти:
 «Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
 В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,
 В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
 К ней ты пришел, о тебе лишь тоскует она и ни разу
 Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула

2090 В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
 Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
 Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
 Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
 Помнишь ли, что на эти слова отвечал, ты брамину?»
 Весь побледнев, неподвижно смотрел на Кезину Вагука;
 Долго, пронзенный незапною болью любви, не имел он
 Силы вымолвить слово; рыдающим голосом, очи,
 Полные слез, опутив, напоследок тихо сказал он:
 «В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной

2100 Неба достойные, долгу супружества верные жены;
 Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду;
 Если в безумии все свои радости, свет и усладу
 Жизни, расставшись с верной подругою, жалкий преступник
 Сам уничтожить мог; если, отчаянный, платья лишенный
 Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
 Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью
 Все по утраченной плачет и сетует — доброй женою
 Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
 Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,

2110 Радость не радостью — будет лишь памятно бедствие мужа,
 Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».

С этим словом вся Налева скорбь пробудилась в Вагуке;
 Он застонал, и слезы из глаз полилися. Кезина
 Тотчас ушла, спеша обо всем известить Дамаянти.

III

«Это Наль (Дамаянти сказала в слезах, с зампраньем
 Сердца Кезину выслушав), это мой царь, мой владыка,

В виде чужом. Ты должна к нему возвратиться, Кезина,
 Снова. Вблизи притаись и внимательно следуи за каждым
 Шагом и взглядом его, не откроется ль в том, что заметишь,
 2120 Признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро
 Ужин начнет он готовить царю Ритуперну — смотри же,
 Так устрой, чтоб он ни воды, ни огня для варенья
 Пищи не мог получить, и заметь потом, что начнет он
 Делать; и все другое что в нем покажется чудным,
 Также мне опиши». Кезина пошла и, исполнив
 Волю царицы, явилась к ней с своим донесеньем:
 «Нет! ни прежде видать не случилось, ни после увидеть
 Мне не случится того, что теперь предо мною сбылося:
 2130 Этот Вагука не просто земной человек; он с богами
 В явном союзе; ничто для него ни низко, ни тесно;
 К низким дверям подойдет — головы не наклонит, а сами
 Двери над ним приподымутся; тесное место просторным
 Вдруг при его приближенье становится. Всяких припасов
 Вместе с посудой царь Бима велел приготовить, чтоб ужин
 Он для царя Ритуперна сварил; но воды, как тобою
 Было приказано, не дали; он того не заметил,
 Только взглянул — и водой все сосуды наполнились; также
 Он и огня под дрова попросить не подумал, а только
 2140 Взял соломы — и мигом сама собою солома
 Вспыхнула. Много другого заметила я: без обжог
 Голой рукой разгребал он огонь; вода закипала,
 Только что к ней он касался. Но чудо последнее боле
 Всех других изумило меня: засохшую розу
 Он увидел; в пыли она без листьев лежала;
 Он ее поднял, взглянул на нее, и явилась живая
 Роза в руке у него на месте прежней, поблекшей.
 После такого неслыханно чудного дела, царица,
 Я побежала немедля к тебе». Но уже Дамаянти
 Боле сомненья иметь не могла: то явные были
 2150 Знаки Наля, то были дары, полученные в самый день брака
 Им от богов, и она, уж блаженствуя, видела сердцем
 Наля желанного там, где еще для очей был Вагука.
 «Сбегай опять ты к нему, — сказала Кезине царица, —
 Запах от пищи, им приготовленной, чудно приятен;
 Хочется знать мне, вкусна ли она? Попроси у Вагуки

Мяса жаркого кусок». Побежала Кезина к Вагуке
 Снова и скоро назад возвратилась с дымящимся мясом.
 Налев знакомый ей вкус Дамаянти узнала, отведав
 2160 Мяса. «Он здесь! он здесь! — в восхищенье она повторила
 Мысленно. — Боле сомнения нет. Но долго ль он будет
 Светлый свой образ таить от жаждущих взоров и мучить
 Бедное сердце мое нестерпимым желаньем свиданья?»
 Так сокрушаясь, она наконец приказала Кезине
 Взять детей и вывести их из дворца, чтоб Вагуке
 Их показать мимоходом. Лишь только Вагука увидел
 Двух малюток, цветущих детей Дамаянти и Наля,
 Столь давно потерявших отца, — в нем душа загорелась;
 Кинулся к ним он навстречу, по имени назвал обоих,
 2170 К сердцу прижал, и заплакал, и долго, долго, слезами
 Их обливая, от них оторваться не мог, но, опомнясь,
 Вдруг отскочил и Кезине сказал: «Я также имею
 Двух детей малолетних, сына и дочь; совершенно
 С этими сходны они, и давно я с ними в разлуке.
 Вот отчего я и был так сильно встревожен их встречей;
 Но, послушай, люди заметят, что часто ко мне ты
 Ходишь, и будет тебе оттого без вины нареканье;
 С миром отсюда поди и боле ко мне не являйся».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Все, что было ей нужно, узнав, Дамаянти решилась
 Сделать опыт последний и матери вот что сказала:
 2180 «Кликни Вагуку к себе; я тайну эту открою;
 Наль отыскан; он здесь, я знаю, я верю». Царица, согласно
 С просьбою дочери, кликнуть велела Вагуку, и сколько
 Волей, столько неволей царь с трепетанием тайным
 Стал наконец пред лицом своей Дамаянти. Безгласен
 Сделался он, увидя ее, прелестную в скорби,
 Чистого ангела радости в платье печальном вдовицы.
 Сердцу его несказанный упрек, перед ним Дамаянти
 Молча стояла, пронзительный взор на него устремивши.

«Дай ответ мне, Вагука, — она напоследок сказала, —
 2190 Знал ли ты верного мужа, который был бы способен
 Тайно покинуть жену и ее, заснувшую с твердой
 Верой в защиту его, в лесу беззащитную бросить,
 Бросить одну, без одежды, без крова, без пищи, дотоле
 Нежно любимую им и ничем, ни делом, ни словом,
 Ни же каким помышленьем пред ним не виновную? Вот что
 Сделал со мною, Вагука, супруг мой Наль Пуньялока.
 Чем я его оскорбила? Чем могла побудить я
 Сердце его на такое предательство? Он пред богами
 Выбран был мной, пред богами я с ним сочеталась, и боги
 2200 Слышали клятву, им данную мне, в любви неизменной.
 Как же, Вагука, он мог изменить своей Дамаянти,
 Радостным сердцем и горе, и бедность, и стыд, и изгнание
 С ним разделившей, той изменить, которой сказал он,
 Руку ей дав пред святым алтарем: «Тебя я отныне
 Буду чтить и любить, защищать и питать, и с тобою
 Горе и радость, богатство и бедность и все неизменно
 В жизни делить обещаюсь?» Вагука, скажи мне, как мог он
 Так измениться, так все позабыть?» Сокрушенный и бледный,
 Слышал в безмолвии Наль укоризны своей Дамаянти.
 2210 Очи ее, светозарные звезды, были покрыты
 Облаком скорби, и быстрым ручьем сквозь густые ресницы
 Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихим,
 Трепетным голосом Наль отвечал: «Что Нишадское царство
 Было проиграно Налем, не он в том, несчастный, виновен:
 Злобный Кали обезумил его, и им же, коварно
 Вкравшимся в сердце к нему, очарованный Наль в иступление
 Спящую бросил тебя; когда же в лесу ты — не зная,
 Кто он, — врага своего прокляла, твои поразили
 Клятвы Кали, спокойно владевшего Налевым сердцем; и с тех пор
 2220 Адски страдал он, как в пламени пламень горя, заключенный
 В страждущем Нале, как в мрачной тюрьме. От нечистого духа
 Наль избавлен, и будет от всякой он клятвы свободен,
 Если, увидясь с женою, найдет, что ему сохранила
 Верность она и любовь. Теперь отвечай, Дамаянти,
 Что он найдет? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты верность?
 По свету ходят гонцы от тебя и отвсюду сзывают
 Новых к тебе женихов в замену погибшего Наля.

Вот что сюда привело и царя Ритуперна, и сам я,
 2230 Бедный конюший Вагука, его конями был должен
 Править, чтоб мог он поспеть на счастливый выбор». Услышав
 Жалобы Наля, смиренно руки сложила и с чистым
 Взглядом небесного ангела, ангел земной, Дамаанти
 Так отвечала: «Тебе ль, мой избранный, тебе ль, предпочтенный
 Мною богам, меня оскорблять таким подозреньем?
 Ведай: сама я послала брамина к царю Ритуперну
 С ложною вестью о выборе новом в Видарбе. Узнало
 Сердце мое, что Вагука был ты, и невинный обман мой
 Был удачен — ты мне возвращен. И с клятвою правды
 2240 Здесь, государь, прикасаясь к коленам твоим, пред тобою
 Сердцем спокойным, как будто пред небом самим, говорю я:
 Верность к тебе и любовь я во всей чистоте сохранила.
 Ветер свободно играет, носясь по всему поднебесью;
 Ведает все он; пускай он моим обвинителем будет,
 Если я что не достойное верной жены сотворила;
 Солнце в высоком блаженстве сияет, горит над водами,
 Оком всевидящим ходит оно по всему поднебесью,
 Пусть же, все видя, оно моим обвинителем будет,
 Если я что не достойное верной жены сотворила;
 2250 Месяц, светило покоя, во мраке ночном замечает
 Тайное все в небесах и тайное все в поднебесье,
 Пусть же он, тайны все зная, моим обвинителем будет,
 Если я что не достойное верной жены сотворила.
 Пусть и небесные силы, хранящие небо и землю,
 Правду мою подтвердят иль смерть мне пошлют за неправду».

Так вызывала и небо и землю в свидетели чистой
 Жизни своей Дамаанти; и вот ей откликнулся с неба
 Ветер и так свой ответ из пространства лазурного свежим
 Словом провоял: «Как небо мое, чиста Дамаанти,
 Долгу верна, в любви неизменна, слова ее правда;
 2260 Верь ей и руку подай, как жене беспорочной; и будут
 Снова меж вами союз, и покой, и любовь, и согласие».

Ветер умолкнул, и райской прохладой отвсюду повеял
 Воздух весны, и упали цветы дождем благовонным
 С неба при звуке воздушных тимпанов. Таким несказанно
 Чудным свидетельством Наль, исцеленный от всех подозрений,
 Вспомнил о том, что ему сказал царь-змеи на прощанье,

В данный им зеркальный щит поглядел, и в минуту явился
 Прежним Налем, и руки простер к своей Дамаянти.
 С криком пронзительным кинулась в них Дамаянти, и этот
 2270 Миг единый стократ заплатил им за долгие муки.
 Голову Наля прижавши к своей целомудренной груди,
 В сладком забвеньи всего, в упоенье любви Дамаянти
 Долго безгласна была; она то сквозь слез улыбалась;
 То трепетала, пронзенная радостью; то от избытка
 Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
 Тайную брака завесу на них, сочетавшихся снова
 Дорого купленным браком. Так наконец отдохнули
 Вместе они, до блаженства достигнув дорогой печали.
 2280 Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
 Повесть о том, что розно друг с другом они претерпели,
 Мыслей и чувств поверенье, раздел и слиянье,
 Все в одном заключилося чувстве: *мы вместе*; и память
 Прошлых бед настоящею радостью, светом, от тени
 Более ярким, печальныя были веселым рассказом
 Сделалось. Так, по долгой в изгнанье тоске, возвратился
 Наль к Дамаянти, как солнце из зимнего, холодного знака
 В знак весны возвращается; так Дамаянти, приникнув
 К сердцу Наля, опять расцвела, как сияющий вешним
 Цветом сад живей расцветает, дождем орошенный.
 2290 Тут пропели два соловья им песню такую:
 «Снова Дамаянти с Налем неразлучна;
 Сердце вновь покойно, горе позабыто,
 Смолкнули желанья, так ликует в небе
 Ночь, когда ей светит друг, желанный месяц».

II

Рано, лишь только что день занялся на востоке, царица-
 Мать разбудила царя неожиданно-радостной вестью.
 «Наль возвратился, — Бима сказала она. — Дамаянти
 С мужем опять, и снова с ними согласие». Бима
 Поднял брови, незапною вестью такой изумленный.
 2300 Тут царица открыла ему, какой Дамаянти
 Хитростью Наля-царя заманила в Видарбу, какую
 Выдумкой царь Ритуперн был обманут. И ей, улыбаясь,
 Бима ответил кротко: «Я вашу женскую хитрость

Вам прощаю за то, что она удалась». Тут явился
 Наль с Дамаянти и с ними их дети. Приблизился к тестю
 Наль, Дамаянти приблизилась к матери. Зятя, как сына,
 Ласково принял царь благодушный Бима и нежным
 Взглядом поздравил дочь с возвратившимся счастьем.
 Скоро потом пришли и братья и подали руку
 2310 Налю и братски с сестрой обнялись; потом отовсюду
 Стали сходитьсь сродники, ближние; вот напоследок
 Вся Видарба наполнилась шумом торжественным; дома
 В пышные ткани оделись; на кровлях явились знамена;
 Площади, улицы все закипели народом, и в храмах
 Жертвы зажглися. И вот наконец до царя Ритуперна
 Слух дошел, что Вагука, конюх его, обратился
 В Наля, что мужа нашла Дамаянти, что нового делать
 Выбора ей не нужно. И царь Ритуперн дружелюбно,
 2320 К Налю пришедши, сказал: «Поздравляю тебя, благородный
 Царь нишадский, с благой переменой судьбы, с возвращением
 Прежнего вида и боле всего с обретением милой,
 Верной жены. И если я что неугодное сделал,
 Наль знаменитый, тебе тогда, как не в образе царском
 Жил ты слугой у меня, то в том виноват без вины я;
 Тайны твоей я не знал и прошу у тебя извиненья».
 «Царь Ритуперн, — отвечивал Наль, — оскорбленья и тени
 Я не видал от тебя; ко когда б и обижен тобою
 Был я, то Налю-царю обид, нанесенных Вагуке-
 2330 Конюху, брать на себя неприлично. Тебя же давно я,
 Царь Ритуперн, и чту и люблю как царского брата.
 Мне благосклонным ты был господином, когда под твоею
 Кровлею жил я слугою Вагукой, теперь благосклонным
 Другом будь мне, царю нишадскому Налю. Ты видишь
 Сам, что Вагуке конюшним твоим уж не быть; без сомненья,
 Также захочет в прежнюю службу вступить и Варшнея.
 Но в убытке ты, царь Ритуперн, не останешься; дар мой
 Править конями тебе отдаю я рукою и словом,
 Так же как сам от тебя могущество счета с искусством
 В кости играть получил, и ныне в Айоду ты столь же
 2340 Быстро приедешь один, сколь быстро приехал оттуда
 Вместе с Вагукой в Видарбу. А я посмотрю, что удастся
 Выиграть мне с искусством, тобою мне данным». Друг другу

Подали руку цари на любовь и союз; и в Айоду
Царь Ритуперн возвратился. Наль, горя нетерпением
Выиграть трон свой, также недолго остался в Видарбе.

III

Месяц проживши у тестя, с избранной дружиною храбрых
Наль пошел наконец на свое Нишадское царство;
Сам он сидел в колеснице блестящей; могучие кони
Бешено прыгали, твердой руке его покоряясь;
2360 Следом за ним шестнадцать слонов боевых с крепостными
Башнями, полными ратников, шли; за слонами скакали
Конные, легкий отряд, пятьдесят копьеносцев; за ними
Пеших дружина, пятьсот отборных стрелков. Не сражаться
Вел их Наль, а украсить свое вступление в Нишаду.
Так снарядившись, царь на прощанье сказал Дамаянти:
«Ты оставайся под кровлей отцовской, откуда не ввел я
Нового счастья в наш дом и его от врага не очистил,
Счастье прежнее в нем истребившего; с миром тогда ты
2370 В нашу столицу с детьми возвратишься, как на небо светлый
День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же
В радости здесь, ожидая блаженной минуты возврата
В дом семейный, на новое счастье, на новую славу».
Взором одним Дамаянти царю отвечала, но в этом
Взоре, полном небесной души, была уж победа.
Быстрою бурей Наль полетел, и скоро достиг он
В грозном величии царства, из коего некогда вышел
Бедным изгнанником. Брату Пушкаре, владевшему ныне
Бывшим престолом его, он сказал: «Я тебя вызываю
К новой игре; я поставлю на кости жену; ты поставишь
2380 Все Нишадское царство — довольно ль с тебя? Но сначала
Сделать мне должно с тобой уговор: когда проиграешь
Ты — то все, чем владеешь, будет моим, и над самой
Жизнью твоею буду я властен; когда ж проиграю
Я — то все, чем владею, возьмешь ты, ежели можешь:
Знай наперед, что тогда мы с тобою мечом разочтемся.
Полно же медлить; тебе по законам игры мне на вызов
К новой игре отказать невозможно; и властен теперь ты
Выбрать из двух любую игру: в железо или в кости.
Хочешь отвратить меча — выходи; я рад поединку;

2390 Царство, наследье отцов, должны сохранять мы, покуда
 Наше оно, когда же его мы утратили — силой
 Должны уметь нам его возвратить; так учили нас предки.
 Час наступил: принимайся, Пушкара, за меч иль за кости;
 Или тебе живому не быть, иль я Дамаянти
 С жизнью тебе уступлю». На этот вызов Пушкара
 Так отвечал, усмехнувшись: «Готов я еще раз с тобою
 В кости счастья отведасть; то будет игра роковая;
 Горя с тобой в нищете Дамаянти довольно терпела;
 2400 Власть и богатство со мною разделит она и забудет
 Прошлое скоро; а я и на троне нишадском всечасно
 Думал об ней и ждал, что придешь ты; и вот напоследок
 Ты пришел, и будет моей Дамаянти, и боле
 Мне ничего на земле желать не останется». Этим
 Дерзким ответом разгневанный, меч свой хулителю в сердце
 Чуть не вонзил в запальчивости Наль, но, собою овладевши,
 Он сказал, тренеща, и кипя, и сверкая: «Безумец,
 Полно хвастать, играй: проиграешь — заплатишь!» И кости
 Брошены — все решено: обратно Нишадское царство
 С первым ударом выиграл Наль у Пушкары. Со смехом
 2410 Он, победитель, взглянул на него, побежденного. «Что ты
 Скажешь теперь? Мое законное царство, которым
 Думал владеть ты, по-прежнему стало моим и отныне
 Будет в крепких руках; теперь меж царем и меж царством
 Третий никто не дерзнет протесниться. Мою ж Дамаянти
 Ты и во сне недостойн увидеть; ты раб мой отныне;
 Так решила судьба. Но слушай: не властью твоею
 Некогда был я низвержен с престола; Кали-искуситель,
 Враг мой, тебе помогал; ты об этом не знал, безрассудный;
 Знай же теперь, что отмщать на тебе преступленья чужого
 2420 Я не хочу. Живи, и будь милосердие неба
 Вечно с тобой, и вражды да не будет меж нами, Пушкара,
 Брат мой; живи, благоденствуя многие, многие годы».
 Весь уничтоженный благостью брата, пред ним на колена
 Бросился, плача, Пушкара: «О Наль Пуньялока, да будет
 Милость богов и всякое благо земное с тобою!
 В скромном уделе моем я, твой подданный, буду спокойней
 Жить, чем на троне твоём, где покой мой основан
 Был на ударе неверных костей; и своими отныне

2/30

Буду я столь же любим, сколь был ненавидим твоими.
Прежде, однако, очищу себя от вины омовением
В Гангесе грешного тела; в его благодатные волны
Брошу, прокляв их, враждебные кости, которыми злые
Властвуют духи. А ты, сюда возвратив Дамаянти
В блеске прекрасного солнца, скажи ей, чтоб гнева
В сердце ко мне не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищенным в опыте счастьем».

РУСТЕМ И ЗОРАБ

Персидская повесть, заимствованная
из царственной книги Ирана (Шах-Намэ)

К н и г а п е р в а я

РУСТЕМ НА ОХОТЕ

I

Из книги царственной Ирана
Я повесть выпишу для вас
О подвигах Рустема и Зораба.

Заря едва на небе занялася,
Когда Рустем, Ирана богатырь,
Проснулся. Встав с постели, он сказал:
«Мы на царя Афразиаба
Опять идем войною;
Мои сабульские дружины
10 Готовы; завтра поведу
Их в Истахар, где силы все Ирана
Шах Кейкавус для грозного набега
Соединил. Но чем же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой меч,
Могучий конь мой Гром
Без дела; мне ж безделье нестерпимо».
И на охоту собрался

Рустем; себя стянул широким кушаком,
 Колчан с стрелами калеными
 20 Закинул за спину, взял лук огромный,
 Кинжал засунул за кушак
 И Грома, сильного коня,
 Из стойла вывел. Конь, наскучив
 Покоем, бешено от радости заржал;
 Рустем сел на коня и, не простившись дома
 Ни с кем, ни с матерью, ни с братом,
 Поехал в путь, оборотив
 Глаза, как лев, почуявший добычу,
 В ту сторону, где за горами
 30 Лежал Туран.
 И, за горы перескакав, увидел
 Он множество гуляющих онагрей;
 От радости его зарделись щеки;
 И начал он
 Стрелами, дротиком, арканом
 С зверями дикими войну;
 И, повалив их боле десяти,
 Сложил из хвороста костер,
 40 Зажег его, потом, когда
 Он в жаркий уголь превратился,
 Переломил большую ель
 И насадил
 Огромнейшего из онагрей
 На этот вертел,
 Который был в его руке
 Как легкая лоза, и над огнем
 Стал поворачивать его тихонько,
 Чтоб мясо жирное со всех сторон
 50 Равно обжарилось. Когда же был
 Онагрь изжарен, на траву
 У светлого потока сел Рустем
 И начал голод утолять,
 Свою роскошную еду
 Водой потока запивая.
 Насытившись, он лег и скоро,
 При говоре струистых вод,
 Под ветвями густого

Широкотенного чинара
Глубоким сном заснул;
60 А конь его, могучий Гром,
Тем временем, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

II

Но вот, покуда спал
Глубоким сном Рустем,
А Гром по бархатному полю
Гулял, травой медвяною питаюсь, —
Увидя, что такой могучий конь
На пажити заповедной Турана
70 Без седока по воле бродит,
Толпой сбежались турки.
Замысля овладеть конем,
С арканами к нему они
Подкрались осторожно;
Но конь, аркан почуя,
Как лев, озлился
И не заржал, а зарвел;
И первому, кто руку на него
Осмелился поднять с арканом,
80 Зубами голову от шеи оторвал,
А двух других одним ударом
Копыта мертвых повалил.
Но наконец его
Отвсюду обступили;
И метко был аркан ему на шею
Издалека накинут, и его
Опутали, и был он пересилен.
Но хищники, страшась, что в их руках
Он не останется, немедленно вогнали
90 Его в табун туранских кобылиц,
И разом был припущен Гром
К двенадцати отборным кобылицам;
Но лишь одна из них
Плод от него желанный принесла.

III

Рустем, проснувшись, тотчас о своем
 Коня подумал; смотрит, но коня
 Нигде не видит. Никогда
 Он от него не убегал
 В такую даль. Он свистнул, но на свист
 100 Могучий не примчался конь
 И не заржал издалека.
 Рустем, как бешеный, вскочил;
 Весь луг широкий, вдоль и поперек,
 Весь темный лес, кругом и напролет,
 Он обежал — напрасно; нет коня.
 И в горе возопил Рустем:
 «Мой верный конь, мой славный Гром,
 Что без тебя начну я делать?
 Скакать, летать привыкши на тебе,
 110 Пойду ль пешком, тащась под грузом лат,
 Как черепаха? Что же скажут турки,
 Не на седле, а под седлом меня увидя?
 Не может быть, чтоб ты, мой Гром, меня
 Покинул волею; тебя украли.
 Конечно, хищники здесь целым войском
 Напали на тебя; никто один
 С тобой не совладел бы. Но не время охать,
 Рустем; иди пешком, когда умел проспать
 Коня». И, конскую с досадой сбрую
 120 С доспехами своими на плеча
 Взваливши, он пошел, и скоро
 Напал на свежий след, и этот след
 Его привел перед закатом солнца
 Ко граду Семенгаму,
 Который вдруг явился вдалеке
 Среди равнины пышной,
 Сияющий в лучах зари вечерней.

IV

Рустем подумал: «В этом Семенгаме
 Владычествует царь, попеременно друг
 130 Иль враг Ирана иль Турана;

Конечно, он бы и вдали
 Рустема на коне узнал;
 Но где мой конь? Я пеший
 Теперь иду к его столице. Так и быть;
 Они коня мне волей или неволей
 Отыщут и меня почтут
 Роскошным угощением».

Так рассуждал с собой он, подходя
 К стенам высоким Семенгама;
 140 А между тем из глаз не выпускал
 Следов замеченных; но скоро
 Они, к реке приблизившись, пропали
 В густом прибрежном камыше.
 Тем временем молва достигла до царя,
 Что в Семенгам великий богатырь
 Рустем идет, что он в лесу царевом
 Охотничал, и что, утратив
 На их земле коня, идет он пеший.
 Услыша то, царь повелел,
 150 Чтоб гость великий с почестью великой
 Был принят. Все его вельможи,
 И все вожди, и всякий, у кого
 На голове был шлем, а сбоку меч,
 Толпой из Семенгама вышли
 Встречать Рустема.
 И витязь, витязей светило,
 Был ими окружен,
 Как солнце пламенным венцом
 Вечерних, им блестящих облаков;
 160 С такою свитой в город он вступил
 И к царским подошел палатам.

V

И царь сошел с крыльца принять Рустема.
 Он поклонился и сказал:
 «Откуда ты, могучий богатырь,
 Без провожатых, пеший,
 Пришел к нам? Забавлялся ль ловлей
 В моих заповедных лесах?

Ночлега ли покойного теперь
 Здесь ищешь? Рады мы такому гостю;
 170 Весь Семенгам теперь к твоим услугам;
 Весь мой народ и все мои богатства
 Теперь твои; что повелишь,
 То мы и сделаем». Рустему
 Смирренная понравилась речь;
 «Они, — подумал он, —
 Передо мной робеют».
 И он сказал: «Украден конь мой Гром
 Тогда, как на твоём лугу
 Я спал, охотой утомленный;
 180 Но след его привел меня сюда;
 Он здесь; когда его
 Отыщете мне к ночи вы,
 Я отплату сторицей за услугу;
 Когда ж мой конь пропал,
 Беда и вам и Семенгаму!
 Мой меч прорубит мне
 К нему широкую дорогу».
 Царь, испугавшись, отвечал:
 «Не может быть, чтоб на коня
 190 Рустемова кто здесь аркан
 Разбойничий дерзнул накинуть.
 Будь терпелив, могучий витязь,
 Твой Гром найдется; конь Рустемов
 Укрыться от молвы не может.
 А ты пока будь нашим мирным гостем;
 Войди в мой дом, и ночь за чашей
 Благоуханного вина
 В веселье с нами проведи.
 Твой конь здесь будет прежде,
 200 Чем свет зари проникнет в пировую
 Палату; а теперь пускай она
 Одним вином осветится блестящим».

VI

Лев мужества, Рустем доволен был
 Царя приветственной речью,

И гнев заснул в его груди.
 Он во дворец вступил с лицом веселым,
 И, посадив его на царском месте,
 Хозяин-царь не сел с ним рядом;
 Он, стоя, потчевал его.
 210 Соединясь в блестящий полукруг,
 Сановники, вожди, придворные вельможи
 В почтительном молчанье за царем
 Стояли, очи устремив
 На светлое лицо Рустема;
 Роскошно-лакомой едою
 В серебряных богатых блюдах
 Был стол уставлен;
 В сосудах золотых
 220 Вино сверкало золотое,
 И были хинские кувшины
 Питьем благоуханным полны.
 При звуках струн, при сладком пенье
 Младые девы
 С очами нежными газел
 Напитки гостю подносили,
 И он в вине душистом
 Души веселье пил,
 И было светлого лица его сиянье
 Сияньем радости для всех, пред ним стоявших.
 230 За кубком кубок он проворно осушал;
 Когда ж едою и питьем
 Он вдоволь наслаждался,
 Его в покой, благоухавший муском
 И розовой водой опрысканный, ввели;
 И на подушках пуховых,
 Под тонкой шелковою тканью,
 В глубокий сон там погрузился
 Рустем, врагов гроза и трепет.

VII

Но в тихий полуночный час,
 240 При легком шорохе шагов,
 Послышался речей приятный шорох;

По имени Рустема кто-то назвал;
 Без шума отворилась дверь,
 И факелов душистых
 Сияньем спальня озарилась;
 Рустем открыл глаза:
 Темина, дочь царя, владыки Семенгама,
 Блистая золотом и жемчугами,
 Стояла перед ним,
 250 Прекрасная, как дева рая;
 За ней, держа в руках
 Светильники, стояли
 Ее рабыни молодые;
 Краса живая легкой Пери
 С краснеющей стыдливостью девы
 Сливались на ее лице,
 Где лилий белизну
 Животворил прекрасный пурпур розы.
 Но было на ее
 260 Застенчиво потупленные очи
 Опущено ресниц густое покрывало,
 И за рубиновым замком
 Ее цветущих, свежих уст
 Скрывалась девственная тайна.
 Рустем вскочил, неожиданным изумленный
 Виденьем. «Кто ты? — он спросил. —
 Зачем ко мне пришла ночной порою?»
 «Я дочь царя, меня зовут Темина, —
 Пришлица ночная отвечала. —
 270 Легка я на бегу; ни лань, ни антилопа,
 Ни быстрый ветер горный
 Меня догнать не могут;
 Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
 Она меня во тьме глубокой ночи
 Перед тебя, мой витязь, привела.
 Как чудное преданье старины,
 Всегда, везде, от всех я слышу повесть
 О храбрости твоей великой;
 О том, как не страшишься ты
 280 Ни льва, ни тигра, ни слона,

Ни крокодила, как всего
 Ирана ты надежная твердыня,
 Как весь Туран дрожит перед тобою,
 Как на Туранскую ты землю
 Ночной порою выезжаешь
 На боевом своем коне
 И, обскакав ее и вдоль и поперек,
 Без страха спишь один, и как никто
 Не смеет сон глубокий твой нарушить.
 290 Такую повесть о тебе
 Всечасно слыша, я давно
 Томилася тоской тебя увидеть;
 Теперь увидела, и быть твоей женой
 Готова, если сам, мой храбрый витязь,
 Того потребуешь. Доселе
 Ни тайный месяца, ни яркий солнца луч
 До моего не прикасались тела;
 Здесь в целомудрии, в девичьей простоте
 Я расцвела; и только в этот миг
 300 Сказала первую любви глубокой тайну.
 Возьми, возьми меня, Рустем;
 В приданое твердынный этот замок
 Тебе я принесу; а утренним подарком
 Моим твой конь, твой Гром могучий будет».

Так светлоликая царевна говорила,
 И витязь слушал со вниманьем,
 И не сводил с нее очей;
 Он разумом ее высоким,
 И голосом, как флейта сладким,
 310 И красотой полувоздушной
 Во глубине души пленялся.
 Когда ж царевна замолчала,
 Он повелел, чтобы немедля
 Один из многомудрых
 Мобедов царских
 Пошел к царю и от Рустема
 Потребовал согласия на брак
 Его с царвеною Теминной.
 Был изумлен владыка Семенгама

320 Таким неожиданным предложеньем,
 И голову от радости высокой
 Высоким кедром поднял;
 Он не замедлил согласиться;
 И тут же браком сочетался
 Рустем с царевною Теминной;
 Но брак их совершен был тайно:
 Страшился царь, чтобы, воюя
 С Ираном, в злобе на Рустема,
 Афразиаб не сокрушил
 330 Его столицы Семенгама.

VIII

Ночь краткая блаженства миновалась;
 Настало утро. Из объятий
 Младой супруги вырвался Рустем.
 Он снял с руки повязку золотую,
 И, дав ее Темине,
 Сказал: «Теперь нам должно разлучиться;
 Меня в Сабуде ждут
 Готовые в поход мои дружины;
 А ты храни мой дар заветный;
 340 И если в этот год тебе родится дочь,
 Укрась ее моей повязкой;
 И будет ведать целый мир,
 Что ей отец Рустем.
 Но если небо даст нам сына,
 Пусть носит он, как я носил,
 Мою повязку на руке;
 Когда ж он возмужает,
 Пришли его ко мне в Сабулистан;
 Но ведай наперед, что он
 350 Не иначе явиться может
 Мне на глаза, как уж прославясь
 Великим делом богатырства;
 Его неславного ни знать,
 Ни видеть не хочу я —
 Пускай в толпе исчезнет,
 Покрытый тьмой забвенья,

И не примеченный отцом.
 Не по его породе знаменитой,
 Не по моей повязке золотой
 360 Он будет мной за сына признан —
 Нас породнит одна лишь только слава;
 С ее свидетельством он должен
 Мне от тебя принести мой дар заветный;
 Лишь ею он получит право
 Сказать в глаза мне: я твой сын.
 Но близко день; прости». — И он, к горячей груди
 Прижав супругу молодую,
 Ее с любовью лобызал
 В ланиты, очи и уста,
 370 И долго от нее не в силах
 Был оторваться. Обливаясь
 Слезами, от него она
 Пошла, и для нее, в час брака овдовевшей,
 Блаженство краткое печалью долгой стало.
 Тут царь пришел спросить у зятя:
 Приятно ль он провел ту ночь?
 И объявил, что Гром отыскан.
 Обрадован той вестью был Рустем;
 Он подошел к коню, его погладил
 380 И оседлал; потом из Семенгама
 Поехал, светлый, бодрый духом,
 Сперва в Систан, потом в Сабулистан;
 И много о своем он думал приключенье,
 Но дома никому о нем не говорил.

Книга вторая

ЗОРАБ

I

Пора пришла — и у Темины
 Родился сын, прекрасный
 Как месяц. Радостно и горестно его
 Прижала к сердцу мать и со слезами

Им любовалась: он был вылитый Рустем.
 390 Она его Зорабом назвала,
 Его сама кормила грудью,
 О нем и день и ночь пеклася.
 И дивное созданье был Зораб:
 Он родился с улыбкой на устах;
 Ни от чего и никогда не плакал; рос так чудно,
 Что в первый месяц уж казался годовым;
 Трех лет скакал отважно на коне;
 Шести лет был могуч, как лев;
 Когда ж ему двенадцать лет свершилось,
 400 Никто не мог с ним сладить; ростом был
 Он великан, и все блистало
 В нем мужеством и красотою:
 Глубоко-темные глаза,
 Румянец пламенный на свежих
 Щеках, широкие плеча, крутая грудь,
 Железно-жилстые руки
 И ноги крепкие, как кедр.
 Бороться ль кто с ним покушался —
 Его он вмиг сгибал в дугу;
 410 На львиную ль охоту выходил —
 Со львом он ладил, как с лисицей;
 Шатал ли дуб иль кедр —
 В его руках они, как хлыстья, гнулись;
 Гнался ли за конем — его,
 Догнав, хватал за гриву,
 И падал на колена конь:
 Таков был в отроческих летах
 Зораб, достойный сын Рустема.

II

Однажды к матери приходит отрок
 420 И так ей дерзко говорит:
 «На сверстников своих гляжу я свысока;
 Никто из них передо мною
 Поднять не смеет головы;
 Но никому из них досель не мог я
 Ответствовать, когда он знать хотел,

Кто мой отец. Скажи же: кто отец мой?
 Когда не скажешь, на себя
 Я руку наложу,
 Да и тебе добра не будет».

430 Темина с гордостью и страхом отвечала:
 «Мой сын, твое рожденье
 Досье было тайной;
 Теперь узнай: ты сын Рустема;
 Ты дедов знаменитых внук;
 И нет земных величий,
 Которых бы отец твой не затмил
 Сияньем дел своих великих.
 Возьми теперь повязку эту;
 Носи ее и береги,

440 Как свет своих очей: ее мне дал
 Отец твой на прощанье.
 Когда к нему дойдет молва,
 Что ты достоин быть им признан,
 Он позовет тебя в Иран
 И по своей повязке там узнает.
 Но ведай наперед, Зораб,
 Что на глаза ему явиться
 Не иначе ты можешь, как прославясь
 Великим делом богатырства;

450 Тебя неславного ни знать,
 Ни видеть твой отец не хочет;
 Не по своей породе знаменитой,
 Не по его повязке золотой
 Ты будешь им за сына признан;
 Вас породнит одна лишь только слава;
 С ее свидетельством ты должен от меня
 Принести отцу его залог заветный,
 Лишь ею ты получишь право
 Сказать в лицо Рустему: «Я твой сын».

460 Гордися ж, друг, своей породой славной,
 Но до поры храни о ней молчанье».

III

На то Зораб ей дал такой ответ:
 «Кто скроет в небесах

Сияющее солнце?
 Кто скроет на земле
 Своей породы славу?
 Зачем о ней так поздно сведал я?
 До сих пор ежечасно
 И встречный мне и поперечный,
 470 И старики и молодые
 Твердили о Рустеме.
 Кто исполина одолел?
 Кто замок разорил волшебный?
 Кто войско разогнал один?
 На каждый мне такой вопрос
 Все тот же был ответ: Рустем.
 Во мне от изумленья
 И ревности кипело сердце;
 А он был мой отец, и я о том не ведал.
 480 Но знай теперь: из Семенгама
 И из туранских областей
 Храбрейших вызывать я намерен:
 И мы пойдем войною на Иран;
 И битва будет там такая,
 Что пылью месяц в высоте
 Задернется, как темной тучей;
 С иранского престола
 Сгоню я шаха Кейкавуса
 И подарю Иран Рустему;
 490 Потом пойду войною на Туран,
 И будешь ты царицею Турана».

Так он сказал и гордо удалился.
 И никому он своего
 Рожденья не открыл:
 Неведомая сила
 Ему уста сжимала всякий раз,
 Когда была готова
 Слететь с них тайна роковая;
 Как будто сам отец ему шептал:
 500 «Лишь славой ты получишь право
 Сказать в лицо мне: я твой сын».

IV

И скоро, к матери опять пришедши,
 Сказал Зораб: «Я сам готов,
 Но у меня коня нет боевого;
 Мне нужен конь, со мною равный силой,
 Такой, чтоб камни мог одним ударом
 Копыта в крошки разбивать,
 Чтоб был могуч, как слон, легок, как птица,
 Чтобы в воде проворной рыбой плавал
 510 И серной прыгал по горам,
 Чтоб и коня и седока
 Мог опрокидывать напором крепкой груди
 И чтоб, сидя на нем,
 Я не лицом к лицу,
 А свысока смотрел в глаза врагу».

При этом слове радостная гордость
 Зажглася в материнском сердце;
 Она немедленно велела
 Пригнать из табунов Турана
 520 Коней отборнейших, чтоб мог Зораб
 Найти желанного меж ними.
 И было пригнано их много;
 И всех их на поле широком
 Перед стенами Семенгама
 Свели в один бесчисленный табун;
 Все были дикие, как вихри.
 И начал их Зораб перебирать:
 Он каждого, который меж другими
 Казался легче и сильнее,
 530 К себе притягивал арканом
 И на спину ему клал руку — и одним
 Руки железныя давленьем
 Был каждый вмиг к земле притиснут;
 И в целом табуне Зораб
 Ни одного не выбрал по желанью.

V

Тут подошел к Зорабу старый витязь
 И так сказал: «Я дам тебе коня,

Какого не бывало
 До сей поры нигде.
 540 Он родился от Грома,
 Коня Рустемова; как буря силен;
 Как молния, летуч;
 Нет на него ни зноя, ни мороза;
 Широкий дол, высокий холм
 Он тенью облака перебегаёт;
 Бескрылой птицею по воздуху летит;
 В стыде павлин сжимает пышный хвост,
 Когда густую он разбрасывает гриву;
 Он пряткий лев — когда на круть бежит;
 550 Он сильный кит — когда в воде плывёт;
 Ездок, пустив стрелу, своей стрелы скорее
 На нем домчится до врага;
 Его ж бегущего быстрее
 Стрелою не догонит враг;
 Он чудо-конь; но есть в нем и великий
 Порок: он в руки не дается.
 Кому ж его удастся укротить,
 Тот выезжай на нем хоть на Рустема».

Такой находкою неожиданной
 560 Обрадован Зораб был несказанно.
 «Скорей, скорей, — он закричал, — ведите
 Ко мне коня!» И конь был приведен.
 Ему Зораб давнул рукою спину
 И грянул в голову его
 Своим тяжелым кулаком —
 Могучий конь не пошатнулся,
 Лишь, шею вытянув, сверкнул
 Глазами, прынул на дыбы
 И так заржал,
 570 Что с ним окрестность вся заржала.
 Зораб стал гладить и трепать
 Его, как шелк, блистающую спину —
 И конь недвижимо стоял,
 Лишь оком огненным на витязя косился.
 И на него вскочил Зораб,
 И конь, легчайшему узды его движенью

Покорный, вихрем полетел;
 Зораб же на его спине сидел так крепко,
 Как на коне сидит железном
 520 С ним вместе вылитый железный истукан.
 Конь наконец под сильным седоком
 Устал; его дымились поздри,
 С него катился пенный пот.
 Тогда Зораб сказал ему, разгладив
 Его разбросанную гриву:
 «Мой добрый конь, теперь нам мир открыт:
 Теперь не будет стыдно
 И на глаза Рустему нам явиться».

VI

И стал Зораб к войне с Ираном снаряжаться.
 590 Когда ж о том проведали в Туране,
 Бесчисленно к нему сходитья стали
 Охотники; для них его желанье было,
 Как солнечный восход для темной ночи:
 Давно Туран не враждовал с Ираном,
 Давно для всех мученьем был покой,
 И все кипели жаркой жаждой
 Войны, победы и добычи;
 Из пещла вдруг великий вспыхнул пламень.
 Зораб приходит к деду своему
 600 И говорит: «Есть люди у меня —
 Но нет у них оружий;
 Коня я доброго нашел —
 Мои же люди все бесконны;
 Идти в поход готовы мы —
 Но вьючных нет у нас верблюдов,
 Чтоб тяжкий груз нести за нами;
 Хотим мы сытно есть и пить
 В досужное от боя время —
 Но нет у нас запаса пищи;
 610 Благоволи твои нам отпереть
 Конюшни, хлебные анбары
 И оружейную палату, где напрасно
 Съедает ржа мечи и брони».

И деду старому по сердцу
 Была такая речь от внука;
 Охолодевшая в нем кровь разгорячилась,
 И он сказал с усмешкой про себя:
 «Необычайный выбрал способ
 Отца отыскивать мой внук!
 620 Его он взять намерен с боя».

И всем снабдить Зораба царь спешит:
 Анбары хлебные отворены;
 Для ратников, верблюдов и коней
 Запас пшена, ячменя и овса
 Огромный собран; дед не поспешил также
 Своей серебряной и золотой казною
 Со внуком поделиться;
 И оружейную палату отпер он,
 И дал на волю братья оттуда
 630 Мечи, кольчуги, шлемы,
 Стрелами полные колчаны,
 Тугие луки, топоры,
 В серебряной оправе ятаганы,
 Кривые сабли с золотой насечкой,
 И палицы с железными шипами,
 И копыя длинные с булатным острием.
 Сподвижникам раздав доспехи и казну,
 Зораб сказал: «Вот все, что я теперь имею;
 Чего ж недостает,
 640 То мы дополним скоро
 Добычей боевою;
 Когда возьмем Иран,
 Я всех вас с ног до головы
 Иранским золотом и серебром осыплю».

VII

Турана царь Афразиаб
 Услышал, что с гнезда слетел орленок смелый,
 Что отроку-богатырю наскучил
 Покой беспечный детских лет,
 Что первый пух едва пробился
 650 На подбородке у него —

А уж ему в просторном мире тесно;
 Что молоко обсохнуть не успело
 На молодых его губах —
 А уж на них звучит, как в небе гром,
 Тревожный крик, зовущий на войну;
 Что он замыслил Кейкавусов
 Трон опрокинуть и Иран
 Своим толпам предать на разграбление;
 Что стоило ему ногой лишь в землю топнуть,
 660 И из земли вдруг выскочило войско;
 Что наконец молва есть, будто он
 Рустемов сын, и будто от коня
 Рустемова и конь его родился.
 Афразиаб, Турана царь, бровей
 От этих слухов не нахмурил;
 Он долго сам с собою размышлял,
 И, размышляя, улыбался;
 И напоследок повелел,
 670 Чтоб Баруман, его верховный вождь,
 К нему явился. Баруману
 Он так сказал: «Возьми двенадцать тысяч
 Отборных ратников моих
 И отведи их в Семенгам к Зорабу.
 Но слушай (что ж услышишь,
 То пусть в твоей душе, как мертвый труп
 Во гробе, тайное лежит),
 Отдав ему мое письмо,
 Его уверь, что с ним Афразиаб
 680 На жизнь и смерть в союз вступает;
 Раздуй в нем пламень боя,
 Чтоб бешено, как лев голодный,
 Он устремился на Иран:
 Но берегись — отнюдь не допускай
 Его увидеться с Рустемом;
 Чтобы никто и имени Рустема
 При нем не смел произнести.
 Не знаю я, отец ли
 Ему Рустем или нет, но оба
 Они мне злейшие враги;

690 И их сравить нам должно, как зверей.
 Легко случиться может,
 Что грозный, устарелый лев
 Под сильной лапой молодого,
 Растерзанный, издохнет —
 Тогда Иран смирится перед нами
 И Кейкавус не усидит на троне;
 Тогда найдем мы средство и Зорабу
 Зажать глаза, чтоб перестал
 Он с жадностью звериной
 700 Смотреть на царские престолы.
 Известно мне: ему Ирана мало;
 И на Туран свои острит он когти.
 И если подлинно он сын Рустема,
 То пусть волчонок молодой
 Заеден будет старым волком;
 Тогда и старый пропадет,
 Как пропадает, иссыхая
 И тяжким илом застилаясь,
 Вода в степном, оставленном колоде».

710 Так говорил Афразиаб;
 Потом он Баруману
 Вручил письмо к Зорабу,
 Предательской исполненное лестью.
 Но то письмо не с легким сердцем,
 А с тяжким горем принял Баруман:
 Не славы, а бесславья ждал
 Он от войны, в которой принужден
 Был сына храброго на храброго отца
 Обманом хитрым наводить,
 720 Чтоб разом погубить обоих.

VIII

Когда узнал Зораб, что Баруман
 К нему с письмом, с дарами, с войском
 Афразиабом посланный, идет,
 Немедленно вооружась,
 К нему он выехал навстречу.
 Как удивился витязь молодой,

Когда такое множество народа,
 Оружием блестящего, увидел!
 Как удивился Баруман,
 730 Когда предстал глазам его такой
 Красавец с ростом великана,
 С весенней свежестью младенца,
 С горячим юноши кипеньем,
 С железной твердостью мужа!
 Он на него внимательно смотрел:
 Он изумлен был несказанно,
 Он чувствовал невольный трепет,
 В нем громко вопияла жалость
 При виде красоты, столь бодрой и цветущей,
 740 И про себя подумал старый витязь:
 «О ты, прекрасная звезда,
 Тебе сиять бы в чистом небе,
 Не заходя, не померкая;
 Достоин ты, мой светлый воин,
 Чтоб был орлиный твой полет
 Советом мудрости направлен,
 А не предательством змеиным».
 И, подошед к Зорабу, он вручил
 Ему письмо Афразиаба.
 750 Прочтя письмо, Зораб поспешно собрал
 Свои туранские дружины
 И, Баруману повелев
 Для отдыха остаться
 Дни на два в Семенгаме,
 Простился с матерью и с дедом
 И поскакал, воскликнув громозвучно:
 «Туран, за мной!» При этом клике
 Всё разом всколебалось,
 Знамена развернулись,
 760 Задребезжали трубы,
 Тимпаны загремели,
 Заржали грозно кони,
 Пошли вперед дружины;
 И быстро полилась война
 С убийством, грабежом, пожаром
 На мирные поля Ирана.

Книга третья
ХЕДЖИР И ГУРДАФЕРИД

I

На самом рубеже Ирана
Стояла крепость *Белый Замок*;
Она Иран хранила от набегов
770 Соседнего врага,
И ею два повелевали
Вождя; один из тех вождей
Был старый Гездехём,
Правитель опытно-разумный,
Другой Хеджир, наездник молодой,
Рачитель дела боевого.
И с Гездехемом находилась в замке
Его младая дочь,
780 По имени Гурдаферид,
Что значит: *витязь без порока*;
И на такое имя
Она имела право:
Прекрасная, как девственная пери,
Она была сильна, как богатырь;
Хеджир напрасно
Ей рыцарством понравиться хотел —
Она ему ристаньем на коне,
И меткою стрельбой из лука,
И ловкостью владеть мечом
790 Была равна; а мужественным делом
Против врага пред нею отличиться
Не мог он — не было врага.
Но вдруг с высокой башни замка
Увидели на крае небосклона
Идущее в густой пыли, как в дыме
Великого пожара,
Туранское бесчисленное войско.
Затрепетал от радости Хеджир.
«Двойная будет мне победа, —

²⁰⁰ Подумал он, — одна — там, в поле над врагом,
Другая — здесь, над девою надменной».
И он, надев свои доспехи,
Несется быстро на коне,
Любовию и мужеством стремимый,
На подходящие туранские дружины;
И вслед за ним с ограды замка
Завистливым стремится оком
Звезда красы Гурдаферид.

II

²¹⁰ И, быстро подскакав к туранским
Дружинам, грозно закричал
Хеджир им: «Кто вы? Кто из вас
Храбрейший? Пусть отведает со мною
Меча, копыя иль булавы;
Он будет нынче же с высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленною головою
На всех вас ужас наводить».
На этот вызов ни один из турков
Не отвечал: никто из них не смел
²²⁰ На рубеже Ирана первый
В сражение выступить. Увидя,
Что все его сподвижники робеют,
Зораб, разгневанный, схватил
Свой меч и поскакал
Один за всех на смертный поединок.
Как тигр из камышей прибрежных,
Так из густой толпы своих он прынул
И закричал Хеджиру: «Выходи;
Твои слова хвастливые не страшны;
²³⁰ Не на лисиц ты выехал, на львов;
Знать хочешь: кто мы и зачем
Пришли в Иран? Узнай же: я Зораб,
Сын царской дочери Темины
И многославного Рустема;
Пришел в Иран знакомиться с отцом;
По славе дел Рустем узнает сына.

Теперь скажи мне, кто ты сам?
 Но ведать наперед ты должен,
 Что в замок свой уж ты не возвратишься:
 240 Тебя оплатит скоро мать,
 Или жена, или невеста».

III

«Не хвастай, подождем конца, —
 Хеджир ответственал Зорабу. —
 Мое ты спрашиваешь имя? Я
 Хеджир; повелеваю Белым Замок,
 И мне товарищ мудрый Гездехем.
 А ты смотри, там в высоте
 Два черных ворона кружатся;
 Они почуяли добычу,
 250 И будет им добыча;
 Тобой насытив жадный голод,
 На север полетит один,
 На полдень полетит другой,
 На север к твоему отцу,
 На полдень к матери твоей,
 И им они за угощенье
 Свое прокаркают спасибо;
 Не догадается отец,
 А мать начнет рыдать и плакать;
 260 А обо мне моя невеста
 Не будет ни рыдать, ни плакать;
 На нас теперь с ограды замка
 Она глядит; моя победа
 Ей славой и утехой будет».
 Так говоря, на Белый Замок
 Хеджир Зорабу указал:
 Звездою утренней прекрасной
 Сияла там Гурдаферид;
 Хеджир, обманутый любовью,
 270 Подумал, что ему она
 Издалека приветно улыбалась,
 И он на миг забыл о поединке.
 Зораб, красавицу, какой никто подобной

Не видывал, увидя, обомлел,
 И вся душа в нем закипела;
 И он подумал: «Если в Белом Замке
 Сокровище такое бережется,
 То взять его во что бы то ни стало;
 А ты, жених, простиись с своей невестой,
 280 Ее теперь ты с жизнью мне уступишь».

IV

Опомнясь, друг на друга очи
 Соперники оборотили,
 Схватились бешено за конья
 И, расскаввшись, с быстротою
 Двух страшных молний полетели
 Один против другого. Острый
 Конец конья Хеджир направил
 На грудь Зораба, чтоб ее
 Насквозь им проколоть;
 290 Но острие переломилось,
 Ударясь в твердую кольчугу;
 Зораб не пошатнулся.
 Тогда, свое копые
 Тупым концом оборотив,
 Его он, как рычаг,
 Между конем и всадником просунул,
 Им сильно двинул — и Хеджир,
 Вдруг сорванный с седла, был взброшен
 На воздух; грянулся на землю,
 900 Как камень, и паденьем был
 Так сильно оглушен,
 Что на земле, как мертвый,
 Лежал недвижимо, утратив
 Из памяти и бой, и замок, и Зораба,
 И самое Гурдаферид.
 Зораб скочил с коня и обнажил
 Свою кривую саблю,
 Чтоб голову отсечь врагу;
 Но тот, опомнясь, приподнялся,
 910 И, на руку опершись слабо,

К сопернику другую протянул
 И так сказал:
 «Будь жалостлив, не убивай;
 Уж я убит довольно
 Стыдом, которым ты меня
 Сразил перед стенами замка.
 Как будет над моим паденьем
 Надменная торжествовать!
 Вот смерть моя; тебе не нужно
 920 Своею саблей отсекать
 Мне голову — ты жизнь мою пресек:
 Гурдаферид уж боле не моя;
 Отныне ты мой повелитель».

V

Умолкнув, ждал он жизни или смерти.
 Но билось кроткое в груди Зораба сердце:
 Молящего о милости врага
 Он был не в силах умертвить;
 И он подумал: «Этот пленник
 Мне пленников других добыть поможет;
 930 Он в замок мне отворит вход;
 Укажет в поле мне Рустема».
 И он, связав Хеджира,
 Его с собой повел в туранский стан,
 Куда в тот самый час вводил
 Свои дружины Баруман,
 Поспешно вышедший из Семенгама,
 Чтоб, волю шаха исполняя,
 Не выпускать из глаз Зораба.
 И первой встречей Баруману
 940 Был схваченный Хеджир; при виде
 Огромности и крепости врага,
 Обрадован и изумлен
 Был несказанно старый воин;
 Но он глаза потупил в землю,
 Почувствовав и стыд и угрызенье
 При мысли, что назначен был
 Прекрасной доблести такой

Предательством готовить гибель.
 А между тем, при громких кликах
 950 Всего собравшегося войска,
 Которое, увидя, как могуч
 Был витязь побежденный,
 С рукоплесканием встречало
 Победоносца молодого,
 Зораб задумчиво-безмолвный
 На боевом своем коне,
 Не слыша плесков, ехал шагом:
 Он думал об отце Рустеме,
 Он думал о чудесной деве,
 960 Он думал сладостно о многом, многом,
 Чего ему не назначало небо.

VI

Турецкий стан был полон ликованья,
 А в Белом Замке вопли раздавались;
 Одна Гурдаферид безмолвно
 Стояла на стене высокой;
 Она с прискорбием смотрела
 На место, где иранский витязь
 Был осрамлен копьем Турана.
 «О стыд! — воскликнула она. —
 970 Хеджир, ты мнил быть твердым мужем —
 И первый встречный сбил тебя с седла;
 Конечно, своего копья
 Не отточил ты, своему
 Коню подруг не подтянул.
 Могла довольно бы теперь
 Я над тобою посмеяться;
 Но вытерпеть я не могу,
 Чтоб враг смеялся над тобою.
 Не допущу хвалиться турку,
 980 Что был им с одного удара
 Наш первый витязь опрокинут.
 За женщин он сочтет мужей Ирана —
 Пускай же в женщине теперь узнает мужа.
 Я видела отсюда,

Как улетел он с места боевого,
 Победой светел, красотою
 Светлее утренней звезды;
 На замок он пленительным лицом
 Оборотился; на меня
 990 Орлиными глазами посмотрел...
 Хочу я знать, таков ли он вблизи,
 Каким вдали мне показался».

И со стены Гурдаферид
 Сошла поспешным шагом
 И выбрала в отцовской оружейной
 Доспехи: локоны густые
 Покрыла крепким шлемом,
 Индейское забрало на лицо
 Надвинула, свой стройный стан
 1000 Перетянула кушаком,
 И, с головы до ног
 Вооруженная, вскочила
 На легкого коня,
 И, не простясь с отцом,
 Из замка в поле поскакала.

VII

С копьём в руке наездница молодая,
 Перед туранский стан примчавшись,
 Воскликнула: «Пришельцы, кто вы?
 Кто вождь ваш? Я хочу отместить
 1010 За обеславленного друга;
 Я в бой зову того, кто в плен увел Хеджира;
 А если он робеет, пусть выходят
 Другие за него. Туран, не думай,
 Что, одолев случайно одного,
 Уж всех он одолел в Иране.
 Сюда, обидчик нашей чести!
 Своею кровью обогреть
 Ты должен бледный стыд Хеджира;
 Я жду тебя». — Услышан был
 1020 В туранском стане вызов гордый,
 И кинулись охотники толпою

К коням, но их Зораб предупредил;
 Он, выскакав вперед, воскликнул:
 «Не трогайся никто; я начал, я и кончу».
 И быстро он вперед помчался
 При кликах громозвучных стана.
 На выстрел из лука приближась
 К противнику, Зораб остановился
 И взор на крепость устремил:
¹⁰³⁰ Он уповал, что дева замка
 Опять увидит на ограде;
 Но он ошибся, на ограде
 Ее уж не было — она
 Стояла перед ним,
 И он того не ведал.
 Гурдаферид, его вблизи увидя,
 Подумала: «Мой враг опасен:
 Он сильного Хеджира одолел».
 И на своем коне летучем
¹⁰⁴⁰ Она кружить проворно начала;
 Соперника маня и раздражая,
 Она пред ним, как ласточка, летала,
 Была и там и тут, и всюду и нигде;
 А той порою с тетивы
 Ее тугого лука
 Стрела слетала за стрелою,
 И ими был весь твердый панцирь
 Зорабов исцарапан,
 И много их в щите его торчало.
¹⁰⁵⁰ С усмешкой он их стряхивал на землю;
 Но, мнилось, был неистощим
 Колчан наездницы; как частый дождик,
 Ее лилися стрелы;
 И наконец Зораб, терпенье потеряв,
 Воскликнул: «Скоро ль детскую игрушку
 Оставишь ты? Пора приняться нам
 За мужеское дело.
 Я вижу, что своим досугом
¹⁰⁶⁰ Умели вы воспользоваться, персы;
 Остро свои вы стрелы наточили —

Но об туранский крепкий панцирь
 Ломается их острие.
 Оставь же, друг, напрасную заботу —
 Из своего улья довольно
 Ты пчелок выслал на меня,
 Но меду здесь они не соберут;
 Убить своей стрелой ты можешь
 Лесную пташку, много цаплю;
 Но грифа сильного тебе не застрелить;
 1070 Итак, уймись, и если ты
 Не женщина, то подъезжай
 И бейся мужески со мною».

VIII

При этом вызове через плечо
 Закинула свой лук Гурдаферид
 И поскакала на Зораба
 С направленным на грудь его копьем;
 Не девичий удар почувствовал бы витязь,
 Когда б с конем не отшатнулся —
 Копье пронзило воздух.
 1080 Тогда, свое копьё оборотив,
 Зораб его тупой конец
 (К которому привинчен
 Был крепкий крюк железный)
 За пояс всадницы проворно запустил,
 И вмиг, как легкий пух,
 Она слетела бы с седла,
 Когда бы выхватить свой меч
 И им перерубить копьё
 Одним ударом не успела;
 1090 И снова на седло упала
 Она так плотно, что с него
 Взвилась густая пыль: тут поняла
 Гурдаферид, что не по силе ей
 Соперник, стиснула коленами коня
 И поскакала к замку.
 Зораб за ней; уж был он близко;
 Уж слышала Гурдаферид

Вблизи коня железный топот,
 Уж обдавало ей плеча
 1100 Его горячее дыханье;
 Тут вдруг она оборотилась
 И сбросила с прекрасной головы
 Железный шлем в надежде победить вернее
 Не силой мужеской меча,
 А девственным волшебством красоты.
 И на лицо ее волнами
 Густые полилися кудри;
 Зораб остолбенел, узнав в ней деву замка;
 И он воскликнул: «Трудно ж будет нам
 1110 Одолевать мужей Ирана,
 Когда иранские так мужественны девы.
 Зачем, красавица, ты выехала в поле?
 Со мною ль биться, за Хеджира ль
 Мне отомстить хотела?
 И что тебя, любовь иль жажда славы
 Из замка выйти побудило?
 Прекрасною звездой небес
 Издалека ты мне явилась —
 1120 Теперь тебя увидел я вблизи,
 И знаю, что краса
 Небесных звезд ничто перед твоею.
 Но я тебя не выпущу из рук;
 Ни одному ловцу еще такая
 Добыча в сети не давалась;
 Ты от меня не убежишь».
 При этом слове бросил он
 Аркан, и миг была Гурдаферид
 Опутана могучей петлей.
 Увидя, что к спасенью
 1130 Ей средства нет, красавица прибегла
 К коварству женскому; чтоб самого
 Пленителя пленить, она
 Приподняла свои густые кудри
 И месяц светлого лица
 От черной их освободила тучи.
 Оборотясь с улыбкой на Зораба,

Она сказала голосом волшебным:
 «Ты, витязь смелый, столь же сильный
 Между людьми, как лев между зверями,
 1140 Не жажда славь
 И не любовь к Хеджиру (что Хеджир
 Перед тобой!) меня из замка
 К тебе навстречу привели.
 Издалека тебя увидя
 Столь мужески прекрасным,
 Хотела я узнать, таков ли
 Ты и вблизи — меня не обманули
 Мои глаза; но в мысли не входило
 Мне никогда, чтоб мог в Туране
 1150 Такой, как ты, родиться витязь.
 Иди же смело на Иран,
 Ты там пленишь
 Не дев одних, но и мужей могучих;
 А если сам, как я, того желаешь,
 Чтоб был между тобой и мною
 Союз любви, то наперед
 Мне возврати мою свободу».

IX

Так сладостным напитком льстивой речи
 Коварная хотела упоить
 1160 Зораба. Он, почти уж охмеленный,
 Спросил: «Но что же будет,
 Красавица, порукой за тебя,
 Когда свою получишь ты свободу?»
 «Мое святое слово
 И имя чистое мое:
 Меня зовут Гурдаферид;
 А мой родитель Гездехем
 Повелевает Белым Замком;
 Я обещаюсь, если сам
 1170 Того желаешь ты и если
 Согласен будет Гездехем
 (А он согласен будет, верно),
 Тебе отдать и замок и себя.

Ступай же на гору за мною;
 Ключ от ворот я вынести не замедлю;
 Но прежде требую свободы».

И с этим словом на Зораба
 Она так нежно, сладко поглядела,
 Что в этом взгляде мигом на него

1180 С нее перелетела петля.
 Доверчиво он снял с нее аркан;
 Она ударила коня
 И поскакала к замку;
 За нею поскакал Зораб.
 Тем временем, встревоженный, печальный,
 Стоял в воротах Гездехем;
 Он в поле с ужасом смотрел
 И ждал, какой возьмет конец

1190 Безумно-бешеное дело
 Бесстрашной дочери его.
 Он, раздраженный, осыпал
 Ее упреками, но в сердце
 Ее отважностью гордился.
 Вдруг шум послышался — он смотрит
 И видит: скачет к воротам
 Гурдаферид, и вслед за нею,
 Отстав немного, скачет витязь,
 Хеджира в поле одолевший.
 Вмиг полворот он отворил;

1200 Она в них молнией вскользнула;
 Растворы схлопнулись — один
 Зораб остался перед замком
 В сиянье вечера багряном.

X

И ждал Зораб, что дева замка
 Свое святое сдержит слово —
 Напрасно! Вдруг она явилась на ограде
 И, наклонясь к нему, сказала так:
 «Чего ты ждешь, мой храбрый победитель?
 Уж поздно; возвратись в туранский стан;
 1210 Сегодня твой набег на Белый Замок

Не удался — будь терпелив,
 Удастся завтра. Доброй ночи;
 Прости». Зораб, прискорбно посмотрев
 На деву, так ей отвечал:
 «О ты, красавица Ирана,
 Как жаль мне, что своим коварством
 Свою ты прелесть превзошла;
 Я не о том тужу, что Белый Замок
 И с ним прекрасную невесту,
 1220 В обман поддавшись, выпустил из рук;
 Тужу о том, что был *тобой* обманут.
 А замок твой не выше неба;
 Но будь и выше неба он —
 Войду в него; на это
 Ключ от ворот не нужен — завтра
 И замок и тебя возьму я с бою».
 «Не горячись, мой светлый, храбрый витязь, —
 Гурдаферид сказала усмехаясь, —
 Тебе ключа я выдать не могла:
 1230 Его отец из рук не выпускает;
 Когда же о твоём за тайну сватовстве
 Ему я объявила,
 Он отвечал: «Невесты нет в Иране
 Для турка». Друг, исполни мой совет,
 Не медли здесь и возвратись в Туран;
 Прекраснейшей из всех невест прекрасных
 Достоин ты... но возвратись;
 Царь Кейкавус, услышав о твоём
 Набеге, вышлет на тебя
 1240 Своих вождей — ты их не одолеешь;
 А если вышлет он Рустема,
 Тогда... тогда, мой витязь, честь Турана,
 Твоя гибель неизбежна.
 О, возвратися, возвратися
 В твоей молодой, несокрушенной силе!
 Ты здесь стоишь на рубеже судьбы;
 Как будет жаль, когда твой цвет она
 Безжалостно сорвет своею бурей!
 Я буду горько, горько плакать;

Я ничего подобного тебе
 1250 И более по сердцу моему
 На свете не видала,
 И ничего, подобного тебе
 На свете не увижу».

Гурдаферид, умолкнув, поглядела
 Печальным оком на Зораба;
 Потом сошла с ограды; а Зораб,
 Оставшись один перед оградой,
 Задумчиво глазами
 1260 За нею следовал; когда ж она
 Из глаз его пропала,
 Коня оборотил и в стан
 Поехал медленно, с нахмуренным лицом,
 Надвинув брови
 На гневно-огненные очи.

XI

Близ замка находились пашни,
 Сады и огороды, хлебом,
 Плодами, зеленью и овощами
 Богатые: они питали замок.
 1270 На них Зораб свой гнев оборотил;
 Подъехав к стану, он воскликнул:
 «Сюда, мои туранцы: разорите
 Здесь все, огню предайте нивы;
 Сожгите все деревья;
 С землей сравняйте огороды;
 Весь истребите виноград;
 Чтоб прахом все и дымом разлетелось;
 Чтоб все затрепетали в замке!
 С его ограды любит
 1280 Дочь Гездехемова смотреть — пускай же
 Она порадуетя, видя,
 Как мы в ее работаем саду;
 Разройте гряды все, где розы
 Ее цветут, и все засыпьте
 Ключи, которые питают
 Ее лугов густую зелень.

Когда ж наступит день,
И замок мы вверх дном поставим». —
Так повелел он, и упало,
1290 Как с неба град,
На всю окрестность
Его неистовое войско —
И стала вмиг пустынею окрестность.
Когда же все исчезло, он
Поехал в стан обратно;
За ним туда все войско возвратилось.

ХII

Тем временем, как в стане вражем
Гроза собиралась, Гездехем,
Беду почуя, написал
1300 Письмо такое Кейкавусу:
«Бесчисленной толпою
Нахлынули на нас
Соседственные турки.
Их войско нам не страшно;
Но страшен молодой
Их войска предводитель.
Он ростом великан;
Когда на боевом он
Коне, вооруженный
1310 Железной булавою,
Сидит в железной силе,
Он все земные силы
Считает за ничто.
Противника ему
Не сыщется в Иране;
Один по силе будет
Ему Рустем; зовут
Его Зорабом; он
Родился в Семенгаме.
1320 Хеджир, его увидя,
Из замка с ним сразиться
Пустился на коне;
Но в замок конь обратно

Хеджира не принес.
 Когда бы не успел я
 Моих ворот проворно
 Захлопнуть перед ним,
 Как вихорь бы влетел он
 Один в мой крепкий замок.
 1330 Уж нашу всю окрестность
 Огонь опустошил;
 Хеджир в плену, и замку
 Не устоять; и ныне,
 Как скоро ночь наступит,
 Со всей моей дружиной
 спасаюсь бегством я.
 Тебя же, царь, молю:
 Сбери скорее войско,
 1340 Чтоб царство защитить
 Могучею плотинной
 От злого наводнения.
 Всего ж необходимей,
 Чтоб в войске был Рустем:
 Лишь сильному Рустему
 Возможно пересилить
 Такого великана».

XIII

Письмо с нарочным Гездехем
 Отправил в ту же ночь к царю;
 Потом созвал свою дружину;
 1350 Свою казну, свои богатства собрал
 И тайным подземельным ходом,
 Который вел далеко в поле,
 Из замка вышел.
 Гурдаферид пошла за ним;
 Но шла она, казалось, поневоле;
 Была задумчива, как будто ей
 Какой-то голос тайно
 Шептал: не уходи;
 Как будто с кем, ей милым,
 1360 Навек она прощалась.

И все ушли... и замок опустел.
 В тумане занялся утро;
 Зораб повел свои дружины к замку:
 И на гору они взбежали с криком;
 И кинулся, как бешеный, Зораб
 К тяжелым воротам.
 Он ждал отпора, но отпора
 Не дождался — все было в замке,
 Как в гробе, тихо; на стенах
 1370 Никто не шевелился. В нетерпенье
 Зораб схватил огромный камень
 И им ударил в ворота —
 Они свободно растворились:
 Ушедшие нарочно их
 Оставили незапертыми.
 Как молния, Зораб их пролетел —
 Их своды громко повторили
 Его коня гремучий топот;
 И все умолкло.
 1380 Сквозь сумрак утренний Зораб
 Очами ищет
 Людей — но все пред ним
 И пусто, и безмолвно;
 В его груди предчувствием тяжелым
 Стеснилось сердце;
 И стены он немые вопрошал:
 «Куда ушла моя невеста? Буря ль
 Ее отсюда унесла?
 1390 Сама ль на крыльях улетела?
 Иль призраком пропала, не оставив
 Следа? О, где же ты?
 На миг один была
 Ты мне виденьем чудным...
 И нет тебя;
 И где найти тебя, не знаю».
 И начал он прилежно замок
 Обыскивать: как иступленный,
 Он бегал по стенам,
 На башни лазил, проникал

1/00 В глубокие подвалы
 И беспрестанно возвращался
 На место, где она ему
 Явилась накануне,
 В надежде, что опять
 Там с нею встретится; и с высоты
 На беспредельную окрестность он смотрел
 И звал свою невесту
 Со всех концов пустого небосклона;
 И посылал за нею ветер горный,
 1/10 И птиц воздушных,
 И облака лазоревого неба.
 А между тем окрест него
 Все падало, все разрушалось;
 Как коршуны расклеивают труп,
 Так ратники Зораба
 Крушили замок;
 Не находя нигде
 Ожиданных сокровищ,
 Они за то наказывали стены.
 1/20 Что делалось, Зораб не замечал:
 Его душа была далёко.

XIV

И к витязю, невольнику любви,
 С упреком строгим обратился
 Суровый пестун Баруман:
 «Для ярких глаз и для густых кудрей
 Ты целый свет и долг свой забываешь.
 Не таковы бывают те, которым
 При них и долго после них
 В награду дел великих
 1/30 Отечество и все народы
 Дань славы и любви приносят.
 Самих себя они не отдают
 Мгновению ничтожному на жертву;
 Не отдают безумно и беспечно
 Во власть любви они ума и сердца.
 И им случается поймать

Свою сеть легкую газелу,
 Но с нею в сеть самих себя
 Не путают ребячески они;
 1440 Орел, влюбленный в солнце,
 Как соловей, по розе не вздыхает.
 Теперь твоя добыча трон Ирана;
 Возьми его — тогда венец любви
 Наградю получишь от победы.
 Не обнажив меча, такую крепость
 Ты захватил — но цель твоя еще далеко;
 На нас свои все силы вышлет
 Царь Кейкавус, тогда...
 1450 Но выслушай, Зораб, совет,
 Внушенный опытностью трезвой:
 Дождися здесь врагов; с твердынной
 Вершины этой всем Ираном
 Ты будешь властвовать; с нее
 Губящие набег можешь
 Повсюду посылать и здесь
 Могучее их войско встретишь,
 Могучий сам, — не разорь же
 Безумно замка; нет, его, напротив, в честь
 Красавицы, в нем жившей, укрепи;
 1460 Но в честь ее и духом укрепи.
 Когда тебе звездами
 Назначено Иран завоевать —
 С ним и она твоею будет.
 Пускай перед тобой Ирана первый витязь
 Слетит с коня — тогда ты смело можешь
 Потребовать, чтоб выкупом свободы
 Его была Гурдаферид».

От этих слов Зораб очнулся;
 Они, как солнца луч, пронзили
 1470 Туман его души;
 И он воскликнул: «Так!
 Передо мной Ирана первый витязь
 Слетит с коня, и за его свободу
 Заплатит мне Гурдаферид».

Тут на грабителей он крикнул;

И во мгновенье грозным криком
Был усмирен неистовый грабеж;
И стал, как гроб, спокоен Белый Замок.

Книга четвертая

РУСТЕМ И КЕЙКАВУС *Ссора, примирение, поход*

I

1480 Когда письмо от Гездехема
Гонец поспешный Кейкавусу
В его столице Истахаре
Вручил, и сделалось известно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана, —
Он ужаснулся и немедля
Созвал верховный свой совет.
И собралися к Кейкавусу
Его вельможи: Ферабор
(Сын царский и наследник трона),
1490 Гудерс, Кешвад, Шехэдем, Тус, Рохам,
Гургин, Милат, Фергас, Бехрем и Геф.
И, Гездехемово письмо прочтя им, царь
Сказал: «Зораб мне этот страшен;
Он овладел без боя Белым Замок,
Твердейшею защитой наших граней;
Там двух вождей надежных мы имели —
Но старый убежал,
А молодой врагу отдался в руки:
Гудерс, не можешь похвалиться ты
1500 Своим Хеджиром; у тебя
Так много сыновей — зачем же
Из них мы выбрали такого,
Который был не в силах одолеть
Туранского молокососа?
Но, правда, пишет Гездехем,
Что этого молокососа

Один Рустем лишь одолеет;
Скажите ж, верные вельможи,
Что делать нам? Послать ли за Рустемом?»
1510 И в голос все воскликнули: «Послать!»
И было решено, чтоб царь
Письмо к Рустему написал,
И чтоб с письмом без замедленья
Был Геф, Рустемов зять, отправлен.

II

И Кейкавус письмо такое
К Рустему написал:
«Ирана щит, Сабула обладатель,
Великий царский пехлеван,
На нас гроза с Турана поднялася;
1520 Врагами схвачен Белый Замок;
Их вождь, по имени Зораб,
Летами юноша, а силой
Пожар, землетрясенье, гром,
От семенгамских происходит,
В народе говорят, царей.
И пишет вождь наш Гездехем,
Что этого богатыря
Не одолеть нам, что один
1530 Лишь ты с ним силою сравнишься.
Я свой совет верховный собрал,
И все советники мои
Со мной согласны, что тебя
Нам должно вызвать из Сабула,
Что лишь твоя рука от царства
Такую гибель отразит.
Итак, зову тебя, Рустем,
Венец, убранство, щит царя,
Спасительная пристань царства,
Твердыня трона, войска слава,
1540 Ирана жизнь, Турана смерть;
Спеши, спеши; когда получишь
Мое письмо, сидишь ли — встань,
Стоишь ли — не садись;

Идешь ли в замок — не входи;
Но в тот же миг вели подать
Доспехи, бросься на коня,
И пусть с тобою конь твой славный,
Твой Гром, летит небесным громом,
И ты, Ирана гром защитный,
1550 Будь громом бедствия Турану».

III

Царь Кейкавус, окончив
И запечатав пестрым воском
Свое письмо, послал с ним Гефа;
И Геф, как из лука стрела,
Помчался; день и ночь скакал он;
Забыв о пище и ночлеге,
Не думая о том, куда вела
Дорога, под гору иль в гору,
И было ль ведро иль ненастье;
1560 И бодрый конь его не уставал,
Как будто чуял он,
Куда, к кому и с чем
Спешит седок неутомимый.
Гонца увидя вдалеке,
Рустем послал к нему навстречу
Зевара, брата своего,
И был обрадован, когда
Зевар к нему явился с Гефом.
«Зачем ты, зять мой дорогой, —
1570 Спросил Рустем, — пожаловал в Сабул?
Что мне привез? Письмо от Кейкавуса?
Подай». И, прочитав письмо,
Рустем задумался; он долго, долго
Сидел в молчанье грустном,
Потупив голову и неподвижно
Глаза уперши в землю.
И так с собой он говорил:
«Я думаю о днях прошедших;
Все, бывшее давно, воспоминаю;
1580 Как настоящее, опять

Оно передо мною ныне
 Свершается... Невероятно,
 Чтоб этот чудный воин был
 Мой сын; и если подлинно имею
 Я в Семенгаме сына, он
 Еще теперь дитя, еще его
 Игрушки забавляют.
 Конечно, быть орлом орленку суждено;
 Но мой орленок испытать
 1590 Еще не мог своих орлиных крыльев,
 Еще теперь сидит он на гнезде,
 И ждет своей поры;
 Когда ж его пора наступит,
 Взлетит он высоко,
 Второго в нем Рустема
 Увидит свет. Так, если вправду
 Родился сын Темине от Рустема,
 То скоро громкая о нем
 По всей земле молва раздастся,
 1600 И он придет по праву славы
 Сказать мне: «Я твой сын». И не врагом
 Он встретится со мною в поле,
 А жданным гостем постучится в двери
 Отцовского жилища; и ему
 Отворятся они гостеприимно;
 И будет праздновать отец,
 Созвавши сродников, друзей и ближних,
 Свое свиданье с милым сыном;
 И в нем моя помолодеет старость».

IV

1610 Так рассуждал с собою грозный воин,
 И мысли черные теснили
 Его взволнованную душу;
 Но что ее волненья было
 Причиной — он того не ведал.
 Вдруг он очнулся, и гонцу,
 Который, вовсе им забытый,
 В молчанье ждал его ответа,

Сказал: «Спешить нам нужды нет;
 Ты нынче гость мой; прежде
 1620 С тобой мы здесь, как должно, попируем;
 Потом и в путь. Еще большой беды я
 В случившемся для них не вижу;
 Что страшно им, то мне смешно;
 И оттого, что старый сумасброд,
 Испуганный турецким смельчаком,
 Без боя сдал наш замок порубежный,
 Им чудится, что враг
 Уже стоит перед столицей,
 И должен я, встревоженный их бредом,
 1630 Скакать к ним, голову сломя.
 Пусть подождет премудрый Кейкаvus;
 Мне нынче нет охоты воевать:
 Нежданный гость пожаловал ко мне;
 Хочу его я на просторе
 Повеселить, и сам повеселиться
 С ним заодно. Забудем, милый зять,
 За пенной чашею на время
 Военные тревоги; расскажи
 Поболе мне теперь
 1640 О дочери и внучатах моих
 И жизни дерево зеленое со мной
 Полей вином животворящим.
 А ты, Зевар, пойди и учреди
 Скорее пир богатый;
 Земное все уходит легкой тенью —
 Хочу с тобой и с нашим Гефом
 Упиться сладостным вином
 До полного забвенья
 О скоротечности земного счастья».

V

1650 Так старый воин говорил;
 На языке его был пир веселый;
 А на душе лежал тяжелый камень
 Предчувствия, похожего на робость.
 Зевар пошел готовить пир;

А Геф пошел за тестем
 В его великолепный замок;
 И заикнуться не посмел он
 О строгом повеленье шаха:
 Он знал, как было плохо
¹⁶⁶⁰ Ломать копы с упрямым стариком,
 И думал: «Сам, как знаешь, после
 Ты разочтешься с Кейкавусом;
 С тобою пировать я рад;
 Твоим вином мой запыленный
 Язык я промочу, а завтра
 Коням мы прыти придадим,
 И быстрота нам возвратит
 Часы, потерянные ленью».
¹⁶⁷⁰ Весь день роскошный длился пир
 В богато-убранных палатах;
 Как розы, пламенно сияя
 На темной зелени кустов,
 Благоуханно угощают
 Звонко-поющих соловьев,
 Так и хозяина и гостя
 Младые девы сладкопеньем
 И сладкой пищей угощали;
 Враги, война и Кейкавус
 Забыты были в шуме пира;
¹⁶⁸⁰ Одни лишь пламенные щеки,
 Одни лишь свежие уста
 Являлись их очам, и не потоки
 Лющейся в сраженье крови,
 А пурпур благовонный
 Вина сверкал пред ними в драгоценных,
 Лилейною рукой молодых
 Невольниц подносимых чашах.
 В веселье шумном день и вечер,
 Вином запитые, исчезли;
¹⁶⁹⁰ Запскрилась звездами ночи
 Глубокая пучина неба,
 Запскрились кипучей пеной
 Вина последнего фиалы;

И наконец могучий хмель
 На мягком ложе сладкой силе
 Сна миротворного их предал.

VI

И рано на другое утро
 Явился Геф, готовый в путь.
 Но в путь еще Руستم не собирался.
 1700 «На что спешить, — сказал он, — добрый гость;
 И этот день с тобою мы,
 Откинув всякую заботу,
 В веселье проведем.
 Кто знает, близко ль, далеко ли
 Беда и где ее мы встретим?
 Пока под кровлей мы домашней —
 Не станем помышлять
 О буре, воющей кругом.
 Быть может, что уж в этом доме боле
 1710 Мы никогда так веселы не будем;
 Сдается мне, что здесь в последний раз
 Моих родных и милых ближних
 Я угощаю. Подойдите ж,
 Мой брат Зевар и зять мой Геф, ко мне;
 Ты, Геф, садися с правой,
 А ты, Зевар, садися с левой
 Моей руки; и помогите пить мне
 Душеусладное вино.
 Мне в эту ночь все снилось
 1720 О сыне, снилось, будто сын
 Нашелся у меня; и это мне
 Напомнило, что о Зорабе я
 Тебя еще не расспросил подробно;
 Садися ж, Геф, и расскажи
 За чашею вина
 Мне сказку о Зорабе».
 Он сел; по правую с ним руку
 Сел Геф, по левую Зевар;
 Вино запенилося в кубках,
 1730 И пир с музыкой, пеньем, пляской,

Как накануне, закипел.
 Под шум его задумчиво Рустем
 Рассказы слушал о Зорабе,
 И думы черные свои
 Вином огнистым запивал.
 Так день прошел, и вечер миновался,
 И наступила ночь, и хмель могучий
 Опять их предал тихой власти
 Миротворительного сна.

VII

¹⁷⁴⁰ Наутро так же рано,
 Готовый в путь, пришел
 К Рустему Геф; но, видя, что Рустем
 По-прежнему не торопился в путь,
 Ему сказал он: «Выслушай без гнева
 Меня, отец; не раздражай царя;
 Ты ведаешь, как бешено он вспылчив;
 Ты ведаешь, в каком он страхе
 С тех пор, как враг ворвался в наши грани:
 Не ест, не пьет, не спит, не видит и не слышит
¹⁷⁵⁰ Наш Кейкаvus; ему везде
 Мерещится Зораб. Поедем,
 Рустем; позволь мне Грома оседлать;
 Твоим упорным замедленьем
 Жестоко будет шах прогневан».
 «Не бойся, Геф, — отвечивал Рустем, —
 Никто мне в свете не указчик;
 И твердо знает Кейкаvus,
 Что царствует в Иране он
 По милости Рустема;
¹⁷⁶⁰ Он знает, что моя рука
 Всегда его вытаскивать умела
 Из ям, в которые своей виною
 Он безрассудно попадал.
 Но я согласен; нам пора
 Отправиться в дорогу;
 Вели мне Грома оседлать,
 И едем». Так сказав, Рустем

1770 Вином наполнил кубок,
 Окинул мрачными глазами
 Палату пировую
 И всех своих домашних,
 Вино все разом выпил
 И, кубок вдребезги разбив,
 Велем трубить поход.
 На громкий зов Рустемовой трубы
 Вмиг собрались Рустемовы дружины.
 Окинув их железный строй глазами,
 Рустем подумал: «С ними
 1780 На целый свет могу войною выйти».
 И, за себя Зевару поручив
 Начальство над сабульской ратью,
 Он сел на Грома
 И поскакал вперед
 Сам-друг с отважным Гефом.
 И трубы загремели,
 Знамена развернулись,
 Заржали грозно кони,
 Пошли вперед дружины.

VIII

1790 Когда молва достигла в Истахар
 О приближении Рустема,
 Все первые вельможи: Ферабор,
 Гудерс, Кешвад, Шехэдем, Тус, Рохам,
 Гераз, Гургин, Милат, Ферхаб, Бехрем —
 На день пути к нему навстречу вышли.
 Сын шахов Ферабор и вождь верховный Тус
 Сошли с коней, его увидя;
 Сошел с коня, увидя их, Рустем;
 И сделали приветствие друг другу.
 Блестящей их толпою окруженный,
 1800 Рустем в столицу въехал,
 И с торжеством его ввели они
 В палату, где великий царь
 Их ждал, сидя на троне.
 Но было сумрачно и гневно

Его лицо; не отвечав ни слова
 На поздравительные клики
 Своих вельмож, он грозно закричал,
 Оборотясь на Гефа и Рустема:
 «Кто ты, Рустем,
 1210 Чтоб с дерзостью такую
 Топтать ногами
 Святые царские слова?
 Когда б в моей руке был меч,
 К моим ногам бы во мгновение
 Твоя упала голова.
 Ты, вождь мой Тус, закуй их в цепи,
 И чтоб теперь же тесть и зять
 На виселице оба
 Перед народом заплясали».
 1220 Так в исступленье гнева
 Кричал на троне Кейкавус;
 И все кругом его вельможи
 В оцепенении стояли.
 Когда ж увидел шах,
 Что повеленье медлил
 Его исполнить Тус,
 Он крикнул с трона, как орел
 Кричит с высокого утеса:
 «Предатель сам, кто руку наложить
 1230 На дерзкого предателя не смеет!
 Бери их, Тус, я повторяю;
 И с ними с глаз моих долой;
 Чтоб мигом не было их духу!
 И чтоб никто не смел мне прекословить!»

IX

Так он вопил; и было горько Тусу
 Его исполнить повеленье;
 Он за руку Рустема взял,
 Чтоб из очей озлобленного шаха
 Его увести и дать свободу
 1240 Утихнуть бешенству царя, —
 При этом виде все вельможи

Затрепетали. Но Рустем,
 Не замечая ничего,
 Смотрел горящими глазами,
 Как лев, увидевший змею,
 На шаха; он, казалось, вдруг
 Стал целой головою выше,
 Стал вдвое шире грудью и плечами;
 И он сказал: «А ты кто, чтоб меня
 1250 Так дерзостно позорить?
 Ты шах, но шах но милости моей.
 Гроби же петлею не мне,
 А своему Зорабу. Разве я
 Твой подданный? Я царства пехлеван;
 Я князь Сабулистана вольный;
 Иль ты не знаешь, что, когда
 Я топаю ногою — подо мной
 Дрожит земля; когда мой скачет конь —
 От топота его шумит все небо
 1260 И, быстроте его чужая,
 Поток бежать перестает?
 Иль ты забыл, что я Рустем,
 Что мой престол — седло, что шлем — моя корона?
 И кто же ты, чтоб петлей мне грозить?
 И кто твой Тус, чтоб руку на Рустема
 Поднять в повиновенье
 Безумной ярости твоей?»
 При этом слове он так сильно
 Ударил Туса по руке,
 1270 Что тот упал на землю, оглушенный.
 Через лежачего Рустем
 Перешагнул, толпу раздвинул
 И вышел с Гефом из палаты.
 И все вельможи, Кейкавуса
 Оставив одного на троне,
 Пошли поспешно за Рустемом.
 Они его нашли перед крыльцом
 Сидящего на Громе. Он с седла
 Им закричал: «Простите все: прости,
 1280 Иран. В Сабул я возвращаюсь;

В Сабуле я такой же царь,
 Как здесь, в Иране, Кейкавус.
 Теперь, как знаете с Тураном сами
 Ведите свой расчет; Сабул
 Я отстою. А если здесь с царем Ирана
 Случится то же, что с Хеджиром,
 И если царский Истахар,
 Как Белый Замок, будет схвачен
 Врагами, в том не обвиняйте
 1290 Рустема. Горе, горе царству,
 Когда царем владеет нетерпенье
 И необузданная ярость!»
 Сказав, он крикнул — Гром помчался;
 Рустем исчез как привиденье.
 Недалеко отъехав по дороге
 В Сабул, остановился он
 В гостинице, чтоб на покое там
 Дождаться брата
 С дружинами Сабулистана.

X

1900 Из глаз Рустема потеряв,
 Вельможи — без него, как стадо
 Без пастуха оставшись — обратились
 К Гудеру и ему сказали:
 «Теперь лишь ты один, Гудерс,
 Помочь в беде великой можешь;
 Твои советы любит шах;
 Пойди к нему и в волны
 Его погибельного гнева
 Пролей твоих советов
 1910 Мирительное масло.
 А ты скачи за тестем, Геф,
 И догони его, пока Сабула
 Он не достиг». И Геф пустился в путь.
 Гудерс пошел к царю.
 Его увидел он, уединенно
 Сидящего на троне;
 Он был угрюм, но тих; он был

Подобен туче громовой,
 Готовой, отблестав и отгремев,
 1920 Дождем свежительным пролиться.
 И так ему дерзнул сказать Гудерс:
 «Могучий повелитель,
 Царь — голова, а царство — тело;
 Но в голове для тела должен быть
 Советником рассудок; у кого же
 Советник свой молчит,
 Тот слушайся чужого,
 И не стыдись исправить зло,
 Поспешно сделанное в гнев;
 1930 Из уст неосторожно бросил
 Ты оскорбительное слово —
 Пошли за ним мирительное вслед;
 Обиду ты нанес строптивой речью
 Тому, кого щадить велит рассудок, —
 И ею был не он один обижен:
 Ты пристыдил нас всех его стыдом;
 Рустема в петлю! А Рустем
 Тебя на трон отцовский посадил,
 И он же трона
 1940 Твердейшая опора;
 Что ж будет нам, когда Рустема в петлю?
 И что же с царством будет без Рустема?
 Теперь изломан меч Ирана,
 Иссохла мужества рука,
 Плотины нет на вражье наводнение.
 Все наши витязи известны Гездехему —
 А что нам пишет Гездехем? —
 Что ни один из нас против Зораба
 Не устоит, что на него
 1950 Одна гроза — Рустем. Но где же
 Теперь Рустем? За промедленье
 Двух дней тобой он изгнан навсегда.
 Меня к тебе твои вельможи
 И с ними сын твой Ферабор
 Прислали умолять, чтоб ты
 Благоволил с Рустемом примириться.

Никто, ни Ферабор, твой сын, —
 Сколь он ни силен, ни отважен, —
 Ни бодрый твой военачальник Тус,
 1960 Ни я с осьмидесятью сыновьями
 Тебя не защитим. Один Рустем
 Твоя надежная защита».
 Сказавши так, Гудерс умолкнул.

XI

И к сердцу принял Кейкавус
 От сердца сказанное слово;
 Он отвечал: «Пословица святую
 Нам правду говорит, что стариков
 Совета полные уста —
 1970 Вернейшие хранители царей.
 Я сам теперь раскаиваюсь горько,
 Что оскорбительное слово
 В кипенье гнева произнес.
 Ступайте ж все к Рустему и зовите
 Его обратно в Истахар
 На мир и доброе согласие
 С своим царем». — «Хвала царю!» — воскликнул
 Гудерс. И возвратиться
 Он поспешил к вельможам, ожидавшим
 Его с великим нетерпением.
 1980 Царево сердце ненадежно
 (Так рассуждали меж собою
 Они в неведение, смирится ль шах иль нет);
 Одно и то же слово может
 В нем гнев и милость возбудить.
 Подобно маслу наше слово;
 Царево ж сердце то огонь,
 То море бурное — огню
 Дает двойную силу масло,
 А море бурное оно покоит.
 1990 Так царские вельможи говорили;
 Но мрачные печалью лица их
 Вдруг стали радостью светлы,
 Когда принес им весть благую

Гудерс. «Теперь Иран спасен! —
Они воскликнули. — Поедем
Скорей все вместе за Рустемом;
Его догнать нам должно прежде,
Чем он достигнет до Сабула».

ХП

И все они отправилися в путь;
2000 И ехали весь день, всю ночь;
И той гостиницы достигли,
Где выбрал свой ночлег Рустем,
Где Геф его нагнал и где
Он на покое ждал Зевара
С дружинами Сабулистана,
Решась упорно, вопреки
Всем убеждениям Гефа,
Не возвращаться в Истахар.
Но вместо брата он увидел
2010 Перед собой вельмож Ирана.
Они к нему смиренно подошли;
Почтительно он встал, чтоб их принять.
И, выступя вперед, сказал ему Гудерс:
«Рустем, мы присланы от шаха
Тебя просить, Ирана пехлеван,
Чтоб ты с ним примирился.
О том же просим мы
И именем всего Ирана, просим
За наших юношей, в бою
2020 Себя еще не испытавших;
За наших опытных мужей,
С тобой ходивших на врага
За славою, победой и добычей;
За наших хилых стариков;
За наших жен, детей и внучат;
За весь народ, за весь Иран;
Ты их твердыня, их надежда;
Не отдавай же царства в жертву
2030 Свирепому Турану за одно
Тебя обидевшее слово.

Ты ведаешь, как опрометчив,
 Как безрассудно гневен шах:
 На слово он ругательное скор,
 Но так же скор и на признание
 Своей вины; с раскаянием он
 Свою тебе протягивает руку;
 Не отвергай ее, Рустем.
 Тебя ужалившее слово
 Не ядом напоенный меч,
 2040 А легкий звук — забудь, Рустем,
 О легкой, несмертельной ране
 И возвратися в Истахар,
 Где ждет тебя нетерпеливо
 С удвоенным благоволеньем шах».

ХIII

Рустем отвечал угрюмо:
 «Скажите шаху Кейкавусу,
 Что мне ни виселищ его,
 Ни царских милостей не нужно.
 В Сабул я еду; там я царь,
 2050 Такой же царь, как он в Иране.
 Мне надоело воевать:
 Довольно я играл
 Своею жизнью и чужою
 На службе шаха — он меня
 И наградил по милости своей.
 Спасибо. Мы с ним кончили расчет.
 К тому же в этот раз мне было
 Невесело с Сабулом расставаться;
 Мой Гром на самом рубеже
 2060 Ирана спотыкнулся; я впервые
 Почувствовал, что шлем и панцирь
 Мне тяжелы, — когда ж обратно
 Поехал я, мой конь запрыгал
 И радостно заржал. Простите ж, добрый
 Вам путь, но я вам не попутчик». —
 «Рустем, — сказал Гудерс, — не может быть,
 Чтоб это был последний твой ответ.

Тебя твой царь обидел, правда;
 Но руку он на примиренье сам,
 2070 Призвав себя виновным, подает —
 Чего ж еще желаешь боле?
 И что подумает Иран,
 Такой ответ услышав?
 Не скажут ли: Рустем,
 Состарившийся лев, бежит
 От львенка молодого;
 Рустем Зораба испугался;
 Орел наш крылья опустил;
 Не смеет он лететь на высоту:
 2080 Там носится другой орел,
 Его моложе и отважней;
 Вот отчего ему так было
 Невесело с Сабулом расставаться;
 Вот отчего и Гром на рубеже
 Ирана спотыкнулся, и впервые
 Рустему шлем и панцирь стали
 Так тяжелы. Потерпишь ли, Рустем,
 Чтоб про тебя молва такая
 Вдруг по всему Ирану разнеслася
 2090 И чтоб она постыдным о тебе
 Преданьем перешла к потомкам?»
 Рустем, сверкнув глазами тигра,
 Воскликнул: «Геф, подай мне Грома».
 И, слова не сказав Гудерсу,
 Он на кипучего коня
 Вскочил и поскакал путем обратным;
 И все за ним вослед
 Толпою шумною помчались.

XIV

С Рустемом примирившись,
 2100 На пир веселый Кейкавус
 Созвал своих вельмож. И длился
 Их пир до самой поздней ночи.
 А той порой, когда в царевых
 Палатах праздновали гости,

Веселая Молва
 По городу гуляла,
 Во все входила дома,
 Неспящим улыбалась,
 Заснувших пробуждала,
²¹¹⁰ Разглаживала всем
 Приятной вестью лица.
 Вдруг ей попался кто-то
 Навстречу, столь же грустный
 И мрачный, сколь она
 Была в своем полете
 Светла и весела.
 И, громко засмеявшись,
 Летунья у него
 Спросила: «Кто ты, плакса?»
²¹²⁰ «Меня, — он отвечал ей, —
 Зовут Печальным Слухом;
 Я по всему разнес Ирану,
 Что шах поссорился с Рустемом
 И что Рустем оставил Истахар;
 И всех мои тревожат вести».

«Зажми же рот, — сказала
 Веселая Молва, —
 С Рустемом примирился
 Твой гневный Кейкавус;
²¹³⁰ Они теперь пируют
 И ссору запивают
 Вином благоуханным».

Печальный Слух с сомнением покачал
 Своей косматой головою;
 За это рассердилась
 Веселая Молва,
 И началась драка.
 Печальный Слух был неуклюж,
 Веселая Молва
²¹⁴⁰ Была легка, проворна;
 И мигом был Печальный Слух,
 Прибитый, из города выгнан;
 И снова начала она

По улицам летать,
 И где ни пролетала,
 Воздушную летунью
 Старик и молодой,
 Здоровый и недужный,
 И бедный и богатый —
 2150 Ласкали, миловали;
 Кому ж на сон грядущий
 Услышать удавалось
 Ее живое слово,
 Тот сладко засыпал,
 Обвеянный толпою
 Веселых сновидений.

XV

Когда на следующий день
 Явилось солнце, и, раздёрнув
 Востока занавес пурпурный,
 2160 Среди лазоревого неба
 Свое воздвигло золотое
 Всеосеняющее знамя,
 Когда на пажитях земли
 Под песню жаворонков звонких
 Стада пространно зашумели, —
 Труба военная столицу огласила,
 И весь народ на площадь Истахара
 Шумящею толпою побежал:
 Там, разделяясь на дружины,
 2170 Шло войско мимо Кейкавуса;
 И перед каждою дружиной
 Был вожьд ее; а позади
 Всей рати, отделясь от прочих,
 Великий царства пехлеван,
 На грозном Громе ехал
 Рустем один. Не вел дружины он;
 Но в нем одном была душа
 Всего бесчисленного войска.
 Его сабульскою дружиной
 2180 Военачальствовал Зевар;

А главным воеводой рати
Был Тус, испытанный боями.
Когда же царь всё войско осмотрел —
Знамена заиграли,
Тимпаны загремели,
Задрезжали трубы,
Заржали грозно кони,
Пошли вперед дружины.
И, разлиясь широким наводненьем,
2190 Шло войско к рубежам Ирана;
Под ним земля стонала и тряслася;
От топа конского дрожали горы;
От кликов тучи расшибались;
Стотысячно лик солнца отражался
На панцирях, на конских сбруях;
Как на пригорках в бурю
Волнуются вершины сосен,
Так волновались перья и султаны
На шишаках и на тюрбанах;
2200 И там земля, как пестрый луг, сияла,
Где войско шло; но где оно прошло,
Там все являлось голой степью,
Там были все ключи иссушены
И в пыль растоптаны все нивы.
И скоро войско на границе
Ирана стан свой утвердило
В виду горы, на высоте которой,
Окрестности владыка, Белый Замок
2210 Стоял, как туча громовая,
И в глубине той тучи громовой
Таилась молния Зораб.

Книга пятая

ПИР В БЕЛОМ ЗАМКЕ

I

Зораб обрадован был вестью
О приближенье к замку персов;

Ему наскучило давно
 Сидеть без дела за стенами
 И ждать прибытия гостей...
 Вот наконец пожаловали гости.
 И было все готово к их приему:
 И замок, снова укрепленный,
 2220 И рать, и мужество Зораба.
 И вместе с Баруманом
 Зораб, взошел на башню,
 Окинул, как орел,
 Очами всю окрестность —
 Очам его открылось
 Идущее вдали,
 Дружина за дружиной,
 Бесчисленное войско.
 Как смелый радуется ястреб,
 2230 Увидя стадо голубей,
 В котором он любого
 Из множества в добычу выбрать может,
 Так храброго Зораба
 Обрадовала сила
 Идущего против него врага.
 Но Баруман от страха побледнел;
 И, страх его заметя,
 Зораб сказал с улыбкой:
 «Не бойся, наведи
 2240 На щеки прежний их румянец.
 Смотри, какой огромный ряд дружин!
 Как он оружием сверкает!
 Как много их сюда пришло,
 Чтоб здесь мне дать победы славу!
 И слава та навек моею будет!
 Но если б я и гибель встретил
 В борьбе с такой великой силой —
 Все будет мне хвалою от людей,
 Что я дерзнул надеяться победы.
 2250 Против утеса одного
 Их море целое стеклося;
 При имени моем затрепетал

В своей столице Кейкавус;
 Все витязи Ирана,
 Которых множество и силу
 Повсюду славят в громких песнях,
 Сошлись здесь против Зораба.
 Скажи, о Баруман,
 Не видишь ли в толпе
 2260 Там витязя такого,
 С которым было б славно
 И радостно сразиться,
 Который лишь на сильных
 И славных подымает
 Прославленный свой меч,
 Которому в бою не уступить
 Великой честью озарило б
 Мои молодые годы?
 Скажи, о Баруман,
 2270 Не видишь ли в толпе
 Там витязя такого?»
 Так спрашивал Зораб;
 Но он не смел
 По имени того назвать,
 От чьей руки так скоро
 Ему судьба назначила погибнуть.

II

И Баруман отвечивал Зорабу:
 «Там много витязей, с которыми сразиться
 Тебе великой было б славой;
 2280 Но знать хочу, о ком ты мыслишь сам?
 О! благородно пламенеет,
 Как факел, ночи озаритель,
 Твоей души отважность молодая!
 Но берегись, чтоб не упал
 Твой факел в воду, — в холодной влаге
 Он заклокочет, зашипит
 И, задымяся, вдруг погаснет;
 Не ведай страха, но врага
 Не презирай: непостоянно счастье:

2290 За ним твой конь летит, как на крылах,
 Но миг один — во рву и конь и всадник.
 Был мир, война спала —
 Ее теперь ты разбудил;
 Но знаешь ли, какую схватит
 Она добычу жадными когтями?
 Не удивляйся ж, примечая,
 Что я дрожу, — не за себя дрожу я,
 Дрожу за всех, чей будет вынут жребий,
 И за тебя — судьбина прихотлива,
 2300 Она всегда бросается на лучших.
 Иди же в бой, Зораб,
 Не опрометчивым ребенком,
 А твердо-осторожным мужем.
 Благодарю Афразиба,
 Что сильною тебя снабдил он ратью;
 Стой с нею здесь, прикрытый крепким замком,
 Унершился в него ее крылом, —
 И враг тебя не одолеет; если ж
 Захочешь славы — пусть тобой
 2310 На поединок вызван будет
 Тот витязь, кем стоит Иран,
 И кто, сраженный, увлечет
 В свое падение всю силу
 И все величие Ирана».
 Так говорил Зорабу,
 Мешая мед совета
 С отравою измены,
 Коварный Баруман;
 Но не посмел и он назвать
 2320 По имени Рустема: он бледнел
 При этом имени — измена,
 Как тайная змея,
 Его сосала сердце.
 Без подозренья, без тревоги,
 Полюбовавшись на блестящий,
 Равнину всю покрывший стан,
 Зораб пошел с подозрною башни
 И пир велел роскошный приготовить,

Чтоб весело, при звуке флейт и арф,
2330 При звоне кубков, при шипенье
Злато-пурпурного вина,
Отпраздновать с друзьями
Врагов желанное явленье.

III

Тем временем в широкий стан
Иранское сдвигалось войско;
Сперва казалось, что коням,
Слонам, верблюдам будет тесно
Все беспредельное пространство;
2340 Но наконец — когда разросся
Огромный лес шатров и протянулись
Рядами улицы, и на широких
Меж ними площадях
Живая разлилась торговля —
В спокойное пришел устройство
Кипевший бурно беспорядок.
Когда ж на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли — утихло все,
И каждый ратник под своим
2350 Заснул шатром, и в высоте
Один раскинулся над всеми
Шатер небес, звездами ночи
Усыпанный необозримо.
И в этот час, пришедши к шаху,
Ему сказал Рустем:
«Я не могу без дела оставаться;
Хочу идти к Зорабу в гости;
Хочу увидеть, кто навел
На вас такой незапный ужас;
2360 Хочу взглянуть в лицо богатыря,
Перед которым весь Иран
Так задрожал; хочу своими
Глазами видеть, стоило ль труда
Седлать мне Грома, надевать
Свой старый шлем, и будет ли какая

Мне честь его убить моей рукою.
 Туран я часто посещал;
 Я знаю их язык и их обычай:
 Турецкое надевши платье,
 2370 Прокрасться я намерен в Белый Замок
 И все там осмотреть. Я у тебя,
 Державный шах, пришел просить
 На то соизволения». Кейкаvus
 С улыбкой отвечал: «Рустем,
 Ты и в турецком платье будешь
 Красой и славою Ирана.
 Рука всей рати в день сраженья,
 Ты хочешь быть и зорким оком
 Ее во тьме ночной. Иди,
 2380 И будь тебе проводником Всевышний».

IV

Одевшись турком, осторожно
 Отправился в свой путь Рустем.
 Хотя в шатре он все свои доспехи,
 Свой панцирь, шлем и даже меч покинул —
 Но безоружен не остался:
 Его рука была, как булава
 Железная, крепка. Во мраке ночи
 Он к Белому подходит Замку —
 Там были слышны крики пированья;
 2390 И близ ворот незатворенных
 На страже не стоял никто. Как лев голодный,
 В тот час, когда, забыв
 Заграду затворить, беспечно пастухи
 Шумят на празднике ночном,
 Врывается в средину стада
 И из него сильнеешего быка
 Уносит, — рев услыша, пастухи
 Бегут за хищником; но он
 С добычею, погони не страшая,
 2400 Медлительно идет в свой страшный лог,
 А пастухи назад приходят в горе,
 И вовсе их ночной расстроен праздник, —

Так в замок грозный лев Рустем
 Прокрался шир расстроить турков.
 Там двор широкий весь был озарен
 Огнями; он шумел
 От говора пирующих, от звона
 Вином кипящих чаш,
 От пенья, от бряцанья струн,
 2/40 От бешено-веселой пляски:
 Врагов явленье праздновал Зораб,
 И все с ним праздновало войско.
 И, притаившись в темном
 Углу, на все смотрел
 И видел все из темноты
 Никем не видимый Рустем.

V

На пиршестве беспечно
 При факелах зажженных
 Зораб сидел с гостями;
 2/20 На нем не шлем железный,
 А праздничный из свежих
 Цветов сиял венки,
 И он, сам яркий блеск,
 Был ярким окружен
 Блистаньем, был прекрасен,
 Как цвет благоуханный
 Надежды, и в его
 Грудь кипела младость;
 И голову младую
 2/30 Он бодро подымал
 И, обегая оком
 Воспламененным праздник,
 С весельем горделивым
 Считал с ним пировавших
 Сподвижников. И, видя
 Его перед собою
 Прекрасного так чудно,
 Они забывали
 Вино, и клики их

240 До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой из неба
С благоволеньем звезды
Смотрели на него,
И на небе о нем,
Земной звезде прекрасной,
Назначенной так скоро
В своей красе угаснуть,
Печалились звезды.

2450 Тогда одна из них
Своим сестрам небесным,
Печальная, сказала:
«Как жаль, что этот цвет
Так скоро, скоро должен
Увянуть! На земле
Прекрасного являлось
Нам много... но очей мы
Отвесь не успевали,
Как уж с земли оно

2460 Скрывалось, — но доселе
Еще нам не случилось
Там видеть ничего
Прекрасней и мгновенней
Той прелести, какая
Так сладко в этот миг
Собой нас утешает
И так своею быстрой
Кончиною печалит.
О, как он мил! Как весел!

2470 Пошлем в сиянье наших
Очей, им веселимых,
Видение туда,
Где мать о нем тоскует,
Куда уже к ней он
Не возвратится вечно;
Пускай его она
Хоть раз еще увидит
Живым, цветущим, полным

Отваги и надежды...
2/20 Его, быть может, завтра
Придет схватить судьбина».

VI

Так говорили звезды неба
О милой праздника звезде.
И вот они паров и блеска —
В пространстве воздуха разлитых
Меж небом и землею — взяли
И свили сон...
И этот сон подобен
2/90 Был разноцветному ковру,
Блестящему шелками,
Какой жених издалика
Невесте милой посылает;
На нем она в земле своей
Все видит, что в земле далекой
Ее возлюбленного очи
Встречают: горы снеговые,
И многоводные потоки,
И чудных птиц на неизвестных
Деревьях. И когда
2500 На тот ковер невеста
Глядит — ей мнится, что сама
Она с ним странствует, что близ нее
Он, возвратясь, отдыхает.
Такую ткань видений
Из блеска и паров
Соткали звезды в высоте;
И дали воздуху они
Ее нести и с нею тихо
Лететь в Туран,
2510 Чтоб спящей матери лицо
Она неслышимо покрыла;
И воздух полетел;
И матери привиделся прекрасный,
Как утро светлый сон;
И в этом сне увидела она

Сидящего на пиршестве ночном
 За полным кубком сына;
 Его горели щеки,
 Его уста цвели,
 2520 Его сверкали очи,
 Он полон был отваги;
 И таяло от радости в ней сердце;
 Казалось ей, что он
 В немногие разлуки дни
 Из отрока созрел
 Могущественным мужем;
 И вокруг него, казалось, много
 Знакомых ей и незнакомых
 Сидело витязей. Но в стороне,
 2530 Она увидела, стоял Рустем
 Один; и, притаясь, из темноты
 Смотрел на праздник он сурово;
 Ей стало чудно и прискорбно,
 Что к сыну выйти не хотел
 Отец на свет; но горе скоро
 Провеяло, как легкий воздух;
 Ей стало весело, что к сыну
 Отец так близко и что он,
 2540 Свою узнав повязку,
 Из мрака выйдет и ему
 С любовию протянет руку.

VII

Тем временем, как матери душа
 Была таким прекрасным сновиденьем
 Лелеема, Зораб
 С гостями праздновал беспечно;
 И пили все кипучее вино.
 И два из них сидели рядом,
 Один по правую, другой
 По левую с ним руку:
 2550 Был слева Баруман,
 К нему не из любви, не для хранения
 Приставленный Афразиабом;

А справа Синд; его
 Послала вслед за сыном мать,
 Чтоб, с глаз Зораба не спуская,
 Он был ему в чужой земле
 Хранителем и верным другом.
 Он был из рода семенгамских
 Царей, был крепок силой, ростом
 2560 Высок; был чуток слухом
 И так очами зорок,
 Что ночью видеть мог как днем;
 И это побудило мать
 Ему надзор за сыном вверить,
 Дабы, когда им встретится Рустем,
 Он мог немедля
 Его Зорабу указать
 (Остались в памяти у Синда
 Черты Рустема с той поры,
 2570 Когда царем он в Семенгаме
 Был так роскошно угощен
 И браком сочетался
 С царевною Темниной).
 И Синд на празднике Зораба
 Сидел, вино из кубка пил
 И молча думал: «Завтра
 Ему я укажу Рустема».

VIII

Но рысьими глазами Синд
 Увидел вдруг, что кто-то в темноте
 2580 Стоял и прятался. Он встал
 И к месту темному пошел
 Поспешным шагом, чтоб своими
 Его глазами осмотреть.
 Он там увидел великана,
 Огромного, как слон;
 Не помнилось ему, чтоб кто подобный
 Его глазам когда встречался;
 Таким он видел одного Рустема:
 Но этот был в турецком платье,

2590 Хотя и замечал
 В нем Синд как будто что чужое.
 «Кто ты? — воскликнул Синд. — Зачем
 Здесь спрятался и выступить на свет
 Не хочешь? Покажи свое лицо
 И дай ответ». Но не дал
 Ему Рустем ответа.
 Тогда могучею рукою
 Его за платье Синд схватил,
 Чтоб вытянуть на свет из темноты;
 2600 Но булаву руки тяжелой
 Рустем взмахнул
 И грянул Синда кулаком
 По голове — и Синд упал,
 Не крикнув, мертвый. Той порой
 Зораб, приметив, что ушедший
 Не возвращался долго Синд,
 Послал проведать, где он;
 И посланный, его увидя
 Бездыханно лежащего, обратно
 2610 Как иступленный, прибежал,
 Крича: «Убили Синда! Синд
 Убит!» Затрепетав, Зораб
 Вскочил; вскочили с ним все гости
 И с факелами побежали
 Толпою к месту роковому.
 Там на земле недвижим Синд лежал;
 Он был убит — но кем?
 Никто того не ведал.

IX

2620 «О горе! — возопил Зораб. —
 В заграду волк ворвался
 И лучшего зарезал в стаде
 Овна; а пастухи
 С собаками дремали.
 Скорее все в погоню за убийцей!..»
 Но некого уж было догонять.
 Исчез ночной убийца. Возвратись,

Зораб печально сел за стол;
 Кругом его печально сели гости;
 И он сказал: «Не радует меня
 2630 Теперь мое на этом пире место;
 Направо от меня моим
 Ближайшим другом занято
 Вдруг стало пусто. Был мне дан
 Он милой матерью моею:
 И мог один в Иране указать мне
 Рустема; он один из нас
 Его видал. Кто мне теперь
 Его укажет?» — То услыша, покраснел
 Сидевший слева — покраснел
 2640 Предатель Баруман,
 Не из любви, не для хранения
 Приставленный к нему Афразиабом;
 Как Синд, Зорабу
 Он мог бы указать Рустема;
 Но было то ему запрещено,
 И рабски он служил измене.
 Зораб, подняв высоко
 Вином наполненную чашу,
 Воскликнул: «Пью последний кубок пира;
 2650 Он не вином, а клятвою кровавой
 Наполнен, клятвою отмстить
 Убийце Синда. Кто б он ни был, я
 Его найду, и будет от меня
 Ему убийство за убийство.
 Когда ж моей я клятвы не исполню,
 Пускай в отраву обратится
 И в жилах кровь мою сожжет
 Вино в последней этой чаше,
 Мной осушаемой до дна».
 2660 С такою клятвой мщенья
 (Против кого? о том не ведал он)
 Зораб вино из кубка выпил
 И вдребезги расшиб, ударив оземь, кубок.
 Потом все гости встали с мест,
 Чтоб Синда в землю опустить;

И светлый пир стал мрачным погребеньем.

Х

Тем временем Рустем достигнул стана
 В том месте, где стоял на страже Геф.
 При виде турка Геф его окликнул,
 И вся его дружина стала в строй;
 2670 Рустем, узнав по клику зятя,
 Ему знакомый подал голос;
 И Геф, его впустив в заграду стана,
 Спросил с великим изумленьем:
 «Где был ты, старый богатырь?
 Зачем один в такую пору бродишь?
 С духами ль темными ночную
 Беседу ты завел? в союз ли с ними
 Вступил, чтоб чародейством
 2680 Себе придать перед сраженьем силы?
 Мы знаем, с демонами тьмы
 Давно ты водишься; и, верно,
 От них ты занял черное искусство
 Быть невредимым, что теперь
 Так беззаботно, безоружный,
 Один, переодетый турком, ходишь
 Ночной порой между шатров Ирана».
 Рустем сказал: «Не в этом дело;
 Я был в гостях, я навестил Зораба;
 2690 Издалека его увидел я
 И буду рад, когда вблизи увижу.
 Но мне, лазутчику, другой лазутчик
 Нежданный помешал; насильно
 Меня хотел он вытащить на свет;
 Я в темноте ударом кулака
 Его убил — себе иначе
 Помочь не мог я, — но о нем
 Непостижимо грустно мне, и я готов
 Почти заплакать. Геф, найди скорее
 2700 Персидский для меня убор;
 Замаранное кровью это платье
 Несносно мне; да и собаки здесь

Со всех сторон сбегутся с лаем
На турка, вокруг шатров персидских
Ходящего ночным дозором». —
Вздыхнув глубоко, снял с себя
Рустем турецкую одежду.
Какой-то жалобный в нем голос
Против ночного дела вопиал;
2710 Невольно он жалел о Синде;
Как будто чувствовал, что в нем убил
Свое спасенье от чего-то,
Неизбежного теперь.
И не пошел он к шаху с донесеньем;
К себе в шатер он возвратился,
И лег, и тяжело спал всю ночь.

К н и г а ш е с т а я

ЗОРАБ И ХЕДЖИР

I

Когда взошла заря на небо,
Зораб взошел на башню замка;
С ее площадки мог он весь
2720 Иранский стан, как на ладони видеть.
И он велел позвать Хеджира.
Он думал: «Синда нет; Хеджир
Рустема, верно, знает; мне
Его укажет он». Хеджир
Окованный был приведен. Оковы
С него своей рукою сняв, Зораб
Сказал: «Хеджир, железа плена
Я золотом свободы заменю,
Когда ты мне по правде дашь ответ
2730 На все, о чем тебя спрашивать я стану;
Будь откровенен; с чистым,
А не с подмешанным вином
Поддай теперь свою мне чашу». —
«Я не солгу, — отвечивал Хеджир, —

Готов я на твои вопросы
 Все объявить, что самому
 Известно мне». — «Богатые шатры
 Я в стане вижу, — продолжал Зораб. —
 Какому витязю, скажи мне, каждый
 2740 Из тех шатров принадлежит?
 Когда о том по истине мне скажешь,
 Тебя осыплю золотом и честью;
 Когда же нет, не усидит
 Твоя на шее голова». —
 «Чего же медлишь? — возразил
 Хеджир. — Расспрашивай, я буду
 По правде отвечать; лжецом
 Я не бывал, а смерти не страшуся».

II

И начал спрашивать Зораб:
 2750 «Там, в середине самой стана,
 Я вижу золотой шатер;
 И от него идут во все концы
 Дороги; и по тем дорогам
 Одни к шатру медлительно подходят,
 Как будто с робким ожиданьем;
 Другие весело отходят от шатра,
 Как бы с исполненной надеждой.
 И весь он от подошвы
 До маковки сияет,
 2760 Как солнце, золотом; у входа
 Лежат, как две ручные
 Собаки, лев и тигр; а на вершине
 Сидит орел; и держит он
 В когтях распушенное знамя
 С изображеньем солнца.
 Такой шатер не витязю простому
 Принадлежит; скажи мне, чей он?» — Гордо
 Поднявши голову, сказал Хеджир:
 «В нем шах Ирана обитает.
 2770 Перед его престолом день и ночь
 Дружина верная стоит

Телохранителей. И никакой
 Не страшен враг великому царю». —
 «Налево, — продолжал Зораб, —
 Разбит серебряный шатер;
 Он к золотому обращен
 Своим открытым входом;
 У входа барс и леопард;
 А наверху я вижу грифа:
 Широко веющее знамя
 С изображением луны
 В когтях серебряных он держит». —
 «Там обитает, — отвечал
 Хеджир, — сын шаха Ферабор, ближайший
 К престолу и к царице сердцу». —
 На то Зораб сказал: «Им честь и слава!
 Когда одна душа в отце и в сыне,
 Они всю землю завоюют».

III

И продолжал расспрашивать Зораб:
 «Направо там от золотого
 Шатра стоит, я вижу, черный;
 Он окружен бесчисленною стражей;
 И беспрестанно скачут
 К нему и от него гонцы.
 У входа слон, покрытый пыльным
 Ковром, и на его спине
 Огромные тимпаны войска;
 А на вершине шатра сияет
 Дракон; в его разинутую пасть
 Водружено распущенное знамя;
 Оно усыпано звездами
 И расстилается, как небо,
 Широко вея, над шатрами.
 Кому такая почесть?
 Кто разделяет власть с державным шахом?» —
 «Его военачальник Тус, —
 Ответствовал Хеджир, — он сродник шаха,
 И право он имеет родовое

В сражение место заступать царя;
 2210 На зов его сошлось это войско,
 Грозящее гибелью тебе.
 А над шатром воздвигнутое знамя
 Есть наша царская хоругвь.
 Его воздвиг великий Феридун,
 Убив Согака, на плечах
 Носившего живых, приросших к ним драконов;
 К святой хоругви этой
 Прикована победа:
 Она в союзника отважность проливает,
 2220 Бледнеет враг, ее увидя».
 Зораб при этом слове улыбнулся
 И продолжал: «А этот пурпуровый
 Шатер кому принадлежит?
 И кто седой, могучий воин,
 Перед его сидящий входом?
 Толпою ратников он окружен;
 Одни из них уж в годах зрелых,
 Другие молоды, и все
 К нему лицом обращены
 2230 И перед ним стоят благоговейно,
 Как сыновья перед отцом?» Из сердца
 Хеджирова, как острый
 Кинжал, в нем глубоко сидевший,
 Исторгся вздох, когда он отвечал
 Зорабу: «Это старец
 Гудерс; он мудр и кроток речью,
 Мечом пронзителен и крепок,
 Он сильный царь в своей семье
 И может царство защитить
 2240 Один, собрав своих домашних;
 С семидесятью девятью
 Он сыновьями в войско шаха
 Пришел против тебя... а я
 Осьмидесятый; и меня
 В строю их нет». — «Зачем дался ты в плен? —
 Сказал Зораб. — Открой мне правду
 И нынче ж будешь вместе с ними».

IV

«Но чей, скажи, зеленый тот шатер,
 Который, как дремучим лесом
 2250 Покрытая гора, меж невысоких
 Холмов стоящая, над всеми
 Шатрами поднялся? И так же тверд он,
 Как та гора: на ней растущий лес
 Дрожит, шатаем бурей,
 Она ж не двинется, и шаткий лес
 За корни, в грудь ее вонзившиеся, держит.
 Конечно, тот шатер великий
 Сильнейшему в иранском войске
 Принадлежит? Перед шатром
 2260 Сидит, я вижу, воин; близ него
 Стоит, я вижу, конь,
 Тот воин великан;
 Тот конь чудовище; и воин
 Сидит не на высоком месте,
 А всех, кругом стоящих,
 Он перевысил головой;
 Все на него почтительно глядят;
 А он глядит с любовью на коня,
 Товарища испытанного в битвах;
 2270 Копытом конь нетерпеливым
 Разбрасывает землю, а когда
 К нему протягивает руку
 Его могучий господин —
 Он чутко уши подымает
 И фыркает; когда же
 Его волнистую он треплет гриву —
 Конь бесится, кругом
 Стоящие приходят в ужас,
 А господину весело и любо.
 2280 К его бедру привешен меч,
 Прислонена к его колену
 Дубина; их никто другой не сможет
 Поднять; когда дубиной он
 Над головою конской машет
 Иль из ножен до половины

Выхватывает меч —
 Конь прыгает, послыша свист дубины,
 И громко ржет, увидя блеск меча.
 Мне никогда такой седок,
 2890 Мне никогда подобный конь
 Не попадался — конь, который
 Одним таким лишь седоком
 Обуздан может быть; седок,
 Которого такому лишь коню
 Поднять и вынести можно. Верно,
 О седоке и о коне
 И стар и мал в Иране знает.
 Скажи, Хеджир, их имена».

Он замолчал, как будто убежденный,
 2900 Что эти имена: Рустем и Гром;
 Но он услышать их
 Хотел из уст Хеджира.

V

Хеджир задумался; ему пришло на память,
 Что, с ним вступая в бой, Зораб
 Своим отцом назвал Рустема;
 И про себя Хеджир подумал:
 «Когда тебе Рустем отец,
 Не мною с ним ты будешь познакомлен;
 Его узнав, с ним в бой ты не пойдешь;
 2910 Тебя узнав, не булаву
 Железную он на врага подымет,
 А нежною прижмет рукою
 К отеческому сердцу сына.
 Нет! От Рустемовой руки
 Тебя спасти я не намерен».

Так рассуждал с самим собой Хеджир.
 «Что ж ты умолк? — спросил его Зораб. —
 О чем бормочешь сам с собою?
 Со мною говори». — «Я думаю, — сказал
 2920 Хеджир, — и не могу придумать,
 Кто этот чудный витязь.
 Его мне знаки неизвестны;

Конечно, он в отсутствие мое
 В столицу шаха прибыл:
 К нам слух дошел, что сильный богатырь
 Из Индии далекой
 Царем на помощь вызван, —
 Быть может, это он.
 И подлинно, в нем что-то есть чужое». —
 2930 «Но как зовут его?» — спросил Зораб.
 «Не знаю», — отвечал Хеджир.
 «Не может быть! ты должен знать;
 Скажи, я требую». — «Не знаю», —
 Твердил Хеджир упорно.
 И в тяжком был Зораб недоуменье;
 Рустемовы все признаки он видел,
 Ему и сердце говорило,
 Что был в глазах его Рустем, —
 Но имени желанного не мог он
 2940 Ни просьбой, ни угрозой вырвать
 Из непреклонного Хеджира.
 И снова стал расспрашивать его
 Зораб: «Кому принадлежит
 Тот светло-розовый шатер?»
 «Его назвать могу я, — отвечал
 Хеджир, — могучему Гуразу».
 «А этот желтый чай?» — «Гургинов».
 «А этот голубой?» — «В нем Геф живет,
 Рустемов зять». При этом на Хеджира
 2950 Зораб разгневанные очи
 Оборотил: «Теперь мне явно,
 Что ты бесстыдный лжец; мне всех
 Назвал ты, об одном Рустеме
 Ни слова. А Рустем — душа Ирана,
 И без него сражений не бывает.
 Между шатров там нет ни одного,
 Принадлежащего Рустему; где же
 Рустем? Его с намереньем скрываешь
 Ты от меня. Но чудный воин тот
 2960 Перед шатром зеленым — он, конечно,
 Рустем. Скажи, Хеджир; скажи, что это он!
 Все признаки Рустемовы я вижу;

Недостает мне только убежденья;
 Но я из всех, кого там видел,
 Желал бы, чтоб Рустемом был
 Один лишь этот. О! скажи,
 Скажи, Хеджир, что это он! и ты
 Немедя в стан к отцу и братьям будешь
 Отпущен с честью и дарами». —
 2970 «Зачем, — спросил Хеджир, —
 Ты так, Зораб, нетерпеливо
 Узнать Рустема хочешь? Мой совет:
 Не выходи против него. Тебе
 Перед Рустемовой ужасной силой
 Не устоять; когда Рустем
 На Громе в поле выезжает,
 И лев и крокодил приходят в трепет;
 Он взглядом посылает смерть;
 Его дыханье — буря; он, как прутья,
 2980 Ломает крепкие деревья;
 И кто б его противник ни был,
 Хотя б он тверже был кремнистой
 Горы, его Рустем растопчет,
 Как слон траву сухую, в пыль.
 Но, к счастью своему, грозы
 Ты избежал: Рустема в войске нет;
 С царем поссорясь, он
 В Сабулистан свой возвратился
 И там, о битвах позабыв,
 2990 В роскошном розовом саду
 Пирует весело с гостями
 И ждет спокойно за вином,
 Чем кончится набег на нас Турана».

Так говорил Хеджир Зорабу:
 Его хотел он обмануть,
 Придумавши вражду царя с Рустемом;
 Но вместо лжи сказал случайно правду.

VI

«Ты надо мной ругаешься, — воскликнул
 С негодованием Зораб. —

3000 Молчи, презреннейший из всех
 Гудерсовых осьмидесяти сыновей!
 Поверю ли, чтоб пехлеван Ирана,
 Чтобы Рустем, властитель боя,
 От боя убежав, лениво
 Под кровлею домашней пировал?
 Тогда б и женщины и дети
 Его достойно осмеяли.
 Поссориться он мог, конечно, с шахом,
 Когда, забывшись, шах его,
 3010 Завоевавшего ему отцовский
 Престол, чем оскорбил; но Кейкавус
 Еще не потерял рассудка;
 И если подлинно он в ссоре был с Рустемом,
 То уж они, наверно, примирились:
 Кто заменит Рустема Кейкавусу?
 Что значит туча громовая
 Без молнии и грома? Без Рустема
 Что ваше войско, что и весь
 Иран ваш значит? Говори ж
 3020 Немедля, кто Рустем? Иль вмиг твоя
 Перелетит через ограду замка
 К шатрам иранским голова».

Хеджир от злости побледнел.
 «Ты из меня, — подумал про себя он, —
 Насилием не вырвешь слова,
 Которого сказать я не хочу.
 Не страшны мне твои угрозы;
 Меня убьешь ты — от того
 Не потемнеет день и в кровь
 3030 Вода не превратится;
 Гудерсу только из своих
 Осьмидесяти сыновей
 Придется вычесть одного;
 Зато с семидесятью девятью
 Он выйдет мстителем кровавым
 Против Хеджирова убийцы».

И он сказал: «Зачем, Зораб,
 Ты так беснуешься напрасно?

3040 Меня убить грозишься ты —
 Убей, ты властен; имя ж,
 Которое так жадно хочешь слышать,
 Останется во мне, как запертое
 В могиле; я не вымолвлю его,
 Хотя б и знал стократно, кто и где
 Рустем. Убей меня — пусть кровью заплачу
 За стыд, что был ничтожнейшим из всех
 Гудерсовых осмидесяти сыновей».

Так он сказал. Зораб в кипенье гнева
 Схватил свой меч, чтоб грудь пронзить Хеджиру;

3050 Но он одумался, и только по щеке
 Его с такой ударил силой,
 Что он без чувств упал на землю.
 «Когда никто, — воскликнул он, —
 Не хочет мне Рустема указать,
 Мой меч к нему прочистит мне дорогу».

VII

Зораб сбежал, пылая гневом, с башни,
 Вооружился, на коня,
 Крылатого дракона, прынул
 И поскакал, как буря, к стану.

3060 Он страшен был — кругом его
 Клубился, выбитый конем
 Из недр земли, кипучий вихорь пыли;
 И в этой черной туче,
 Как молния, броня его сверкала,
 И громом в ней тяжелым раздавалось
 Коня топчущего ржанье.
 И прямо на шатры Ирана
 Летела туча громовая;

3070 И все, покинувшие стан,
 Чтоб подышать свободно в поле,
 В испуге бросились назад,
 Спеша укрыться за окопом.
 Так на лугу, заграду табуна
 Покинув, скачут жеребята;
 Но вдруг, бегущего увидя льва,

Пугаются его косматой гривы
 И шумно ломаются в заграду;
 Так, ужасом объятые, к шатрам
 Все кинулись, увидевши Зораба.
 3080 Но, мелкого врага не замечая,
 Он вихрем мчался к валу стана,
 Чтоб, на него взлетев с конем,
 Храбрейшего из витязей Ирана
 На смертный вызвать поединок;
 И с высоты окопа закричал
 Зораб таким гремящим кликом,
 Что от него и мертвый бы в могиле
 Перевернулся: «Шах великоленный,
 Ты чудной пышностью блистаешь
 3090 За крепкою оградой стана;
 Но покажись, каков ты в чистом поле.
 Зачем с своим могучим войском
 Ты спрятался там от меня,
 Как за плетнем от волка
 С овцами прячется пастух?
 С моим копьем против тебя
 Я выезжаю; в Белом Замке
 Был умерщвлен разбойнически Синд;
 Я за вином кровавую дал клятву
 3100 Разбойнику за друга отомстить
 И в ясный день убить убийцу,
 Столь храброго лишь темной ночью.
 Когда его ты знаешь, повели,
 Чтоб шел со мной сразиться;
 Когда ж тебе неведом он, то вышли
 Иного — лучшего в смертельном деле боя.
 Но если из твоей заграды
 Никто против меня не выйдет, сам я
 В твой стан проникну и к шатру,
 3110 Где ты таишься недоступно,
 Себе мечом прочищу доступ.
 Не устрашат меня твои два стража,
 Твой лев и тигр; до солнца твоего
 Мое копье крылатое допрянет;

И выронит орел твой из когтей
 Ирана царственное знамя;
 Я на тебя шатер твой повалю,
 И ты от сна беспечного проснешься».

VIII

При этом клике шах в испуге
 Вскочил. «Бегите за Рустемом! —
 Он закричал. — Как этот зверь проведет,
 Что в золотом шатре я пребываю?
 Скорей, скорей позвать Рустема!»
 Рустем сидел перед шатром зеленым,
 Когда гонец пред ним явился
 И, задыхаясь, возопил:
 «Зораб ворвался в стан; на царский
 Шатер напасть грозитя он;
 Спеши, Рустем; на помощь царь зовет».
 3130 Рустем, не покидая места,
 Сказал: «Служить накладно Кейкавусу;
 Покоя нет ни днем, ни ночью;
 Я прошлую провел в работе ночь,
 Теперь хочу день целый отдыхать».
 Но вот второй гонец примчался
 За первым, третий за вторым, четвертый
 За третьим; быстро,
 Как за стрелою из лука стрела,
 Они летели друг за другом,
 3140 И каждый повторял: «Рустем!
 Зораб ворваться хочет в стан;
 Беги скорей к царю на помощь».
 Увидя общую тревогу,
 Рустем сказал: «Да разве небо
 Упало? Все дрожат перед одним!
 От одного такой пожар всемирный!»
 Но вдруг пред ним явились
 Вельможи, посланные шахом,
 Верховный воевода Тус
 3150 И сам царев наследник Ферабор;
 И все его доспехи принесли

Они с собой. В молчании угрюмом
Он дал им волю; Тус надел
Тяжелый панцирь на него,
Гургин поножья; шлем
Был подан Ферабором;
Гураз принес колчан и лук;
С копьём, мечом и булавой пришли
Три сына старого Гудерса;
3160 И, наконец, с могучим Громом,
Совсем оседланным, явился зять
Рустемов Геф. Увидя,
Как бешено, почуя бой, кипел
И прыдал Гром, его товарищ верный,
Рустем воспламенился;
На Грома он вскочил
И, грозно крикнув, поскакал...
И все очами вслед за ним
В глубоком страхе устремились.

Книга седьмая

РУСТЕМ И ЗОРАБ

Первый бой

I

3170 Он поскакал туда, где богатырь,
С ним однокровный, ждал, где сын его родной
Стоял, против отца вооруженный.
Завидевши один другого, оба
Заржали громко пламенные кони,
Рустемов Гром и конь Зорабов,
Сын Грома, — тот, отца принесший
На убиенье сына; этот,
Принесший сына, чтоб погиб
3180 Рукой отца: но как родные
Они приветственным друг друга ржаньем
Окликнули... о горе! неразумным
Зверям был внятен голос крови,

А в глубину души отца и сына
 Он не проник — так бедный человек
 В безумии страстей своих и зверя
 Слепорожденного слепей бывает, —
 Для витязей то родственное ржанье
 Призывом было в бой свирепый,
 И в них зажглось удвоенное пламя.
 3190 Остановясь один против другого,
 Отец и сын издалека друг друга
 Смертельным оком, молча, озирали.
 А той порой две рати с двух сторон,
 Свидетелями поединка,
 В порядке вышли боевом;
 Ведомые могучим Тусом,
 Полки блестящие Ирана
 Построились перед шатрами;
 А Баруман туранские дружины
 3200 По склону вытянул горы,
 Одним крылом их к замку приклонивши.
 И тихим рати строем
 Одна против другой стояли,
 Как две на двух концах противных неба
 Стоят грозой чернеющие тучи;
 Желанье боя только в двух
 Избранных витязях горело;
 А вокруг их все молчало, рокового
 События со страхом ожидая.

II

3210 И начали богатыри съезжаться,
 И сблизились, и видели друг друга
 Уже в лицо. Зораб,
 К отцу влекомый тайной силой,
 С весельем руки потирая,
 Воскликнул: «Здравствуй, старый богатырь,
 Какому я подобного и сонный
 Не видывал! моя завидна участь:
 Я лѣтами еще полуребенок,
 А мне с таким обдержанным в бою,

3220 Железным воинном досталось
 Впервые силу испытать.
 Велик твой рост, плечами ты широк;
 Но много взяли сил твоих
 И годы и сраженья;
 С моею молодостью крепкой,
 Седой боец, твоя не сладит старость».

На щеки розовые сына
 Взглянув, Рустем сказал: «Не горячись,
 Прекрасный огненный младенец;
 3230 Земля тверда, хотя и холодна;
 А воздух тепел, но уступчив.
 Я на своем веку немало
 Полей сраженья перешел,
 И многим войскам, гордым силой,
 Помог в сырую землю лечь;
 Их много спит, в ее глубоком лоне
 Моей рукою погребенных;
 Ты скоро сам то испытаешь,
 Когда тебя с другими положу я,
 3240 Убитого, во глубь земли холодной.
 Когда же, паче ожидания,
 Моей руки ты избежишь,
 То уж тебе никто — ни человек,
 Ни крокодил, ни лев не будут страшны.
 Но слушай, милое дитя,
 Мне жаль тебя, мне жаль такую
 Младую душу из такого
 Прекрасного исторгнуть тела;
 Ты с турком, пальма красоты,
 3250 Не сходен; я подобного тебе
 Не знаю и в самом Иране;
 Мне жаль тебя». Такую речь
 Приветно-нежную услышав,
 Зораб почувствовал, что в нем
 Вся внутренность затрепетала.
 И он сказал: «О бодрый старец мой,
 Я об одном спрошу тебя смиренно:
 Ответствуй мне по правде: кто ты?

У наших праотцев благой
 3260 Обычай был себя перед сраженьем
 Именовать... какой-то голос
 Мне тайно говорит, что ты
 Рустем, зеленого шатра
 Владетель». Так сказал Зораб...
 И так над ними близко,
 Неузнанное, пролетело
 Мгновение, которым гибель
 Могла б в спасенье обратиться
 И злоба в нежную любовь...
 3270 Но темный дух нашел тут на Рустема;
 Он отвечал: «Я не Рустем;
 И знать тебе нет нужды о Рустеме.
 Я подданный, а он державный князь;
 Тебе ж не с ним считаться, а со мною;
 Я у тебя в долгу: вчера я, ведай,
 Во время пира в Белом Замке
 Ночное совершил убийство».

III

При этом слове гневом вспыхнул,
 Как туча молнией, Зораб,
 3280 И разом оба поскакали,
 Зораб направо от Рустема,
 Рустем направо от Зораба;
 И, отскакав во весь опор
 На выстрел из лука, оборотили
 Коней; и быстро полетели
 Друг против друга две грозы.
 И начался меж сыном и отцом
 Упорный бой. Сперва на всем скаку
 Они пустили копья —
 3290 Со свистом пронизали
 Они щиты, подставленные им,
 И, пролетев сквозь них, воткнулись в землю.
 Тут обнаженными мечами
 Они разить друг друга принялись —
 Мечи, скрестясь на ударе,

Переломились разом оба:
 Они, мечей обломки бросив,
 Железные схватили булавы.
 Чего копьё не тронуло, то меч
 3300 Рассек; чего не тронул меч,
 То раздробила булава —
 Так бились витязи, упорством
 И силою один другого стоя;
 И оба тягостно стонали;
 На шлемах блеска не осталось,
 Все перья с гребней облетели,
 И ни одно кольцо на их кольчугах
 Не уцелело; все избиты
 Их были члены; пот ручьями
 3310 Бежал с их жарких лиц;
 Под ними кони их дымилась.
 Так на небе две тучи громовые,
 Сшибаясь, блистают и гремят
 И молнии на молнии бросают;
 Они друг друга истребить
 Не могут, но под их войною
 Земля приходит в трепет,
 Их град тяжелый губит жатву,
 И вся под ними сторона
 3320 Становится пустынна, как великим
 Сражением растоптанная нива;
 Когда ж их силы истощатся,
 Они расходятся и грозно
 Издалека друг на друга сверкают
 И глухо, ропотно гремят.
 Так витязи, истратив силы,
 На время бой упорный прекратили.

IV

Отец и сын избиты были оба.
 Сошел с коней, они им дали волю
 3330 Вздохнуть; а сами разошлись
 И издали дивилися друг другу.
 Так говорил с самим собой Зораб:

«Не может быть, чтоб этот зверь,
 Столь яростно меня терзавший,
 Был мой отец; хотя и вижу в нем
 Все признаки, описанные мне,
 Но о такой неимоверной злости
 Мне мать не говорила; в ней
 3340 Любовь к нему родиться не могла бы,
 Когда б ее очам явился он
 С таким лицом чудовищного тигра.
 Но он и сам назвал себя
 Убийцей Синда... нет! он не Рустем;
 Я клятвы долг святой исполню
 И отомщу убийством за убийство».

В то время и Рустем с собою
 Так рассуждал: «Не от простой
 Он матери; она, конечно,
 Не человеческой, а великанской
 3350 Породы: в возрасте его
 Подобной силы не имел я.
 Рустем, Рустем, остерегись;
 Сбери всю крепость, старый богатырь;
 Два войска смотрят на тебя;
 Беда и стыд, когда с тобою
 Турчонок безбородый сладит
 И, возвратясь в Семенгам,
 Расскажет сыну твоему
 О поношении отца его, Рустема».

3360 Так, отдыхая, размышляли
 Отец и сын. Тем временем их кони,
 Усталые от жаркой схватки,
 Но пощаженные в бою,
 Проветрились, остыли, освежились
 И приготовились снова
 Своих могучих седоков
 Нести на смертный поединок.

V

Еще усталые, чтоб силы обновить,
 Они за луки и за стрелы

3370 Схватилися. Две первые стрелы
 На воздухе слетелись остриями
 И, обессиленные, пали
 На землю; вслед за ними частым
 Дождем другие зашумели;
 Так вихрем сыплются сухие
 С деревьев листья при осеннем
 Свистящем ветре; так
 Кругом ульев, когда согреет их
 Лучом весенним солнце,
 3380 Сверкают и жужжат, рояся, пчелы.
 И непрестанно в их руках
 Сгибались и разгибались луки,
 Визжали резко тетивы;
 И с них стрела слетала за стрелою;
 И вслед за каждой из очей
 Взор смертоносный вырывался.
 Но то была лишь шутка боевая:
 От панцирей отпрыгивали стрелы,
 Их острие ломалось об шлемы,
 3390 В щиты вонзаяся, на них
 Они густой щетиною торчали;
 Так солнца острые лучи,
 Гранит могучий осыпая,
 Ему пронзить не могут твердой груди
 И лишь ее поверхность разжигают.
 Истратив стрелы, наконец
 Противники свои пустые
 Колчаны бросили и на коней
 Вскочили оба, чтоб начать
 3400 Войну губительную снова.

VI

Слетевшись на конях, они
 Вцепились крепкими руками
 Друг другу в кушаки. Руستم
 Сидел на Громе как железный;
 Что он ни схватывал рукою,
 Сжималось в ней, как мягкий воск;

Но он, схватив Зораба за кушак,
 Был изумлен его сопротивленьем:
 Как не колеблется утес.
 340 Обвитый кольцами удава,
 Так был Зораб неколебим,
 Обхваченный Рустемовой рукою.
 Но и Зораб напрасно мышцы
 Напряг, чтоб пошатнуть Рустема:
 Как не колеблется земля,
 Обвитая струей воздушной,
 Так был Рустем неколебим,
 Обхваченный Зорабовой рукою.
 3420 И вдруг, кушак отцов покинув,
 Как бешеный, Зораб впился руками
 В его серебряные кудри,
 Рассыпанные по плечам,
 В сраженье выпав из-под шлема:
 Он мнил, что вдруг сорвет его с седла;
 Но он на нем, как вылитый из меди,
 Не покачнувшись, усидел;
 Один лишь клочок серебряных седин
 В своих руках Зораб увидел:
 Он задрожал при этом виде.
 3430 «Ты, богатырь неодолимый
 Под сединами старика! —
 Воскликнул он. — Зачем, зачем
 С моею молодостью сильной
 Свою выводил старость в бой?
 О! сердце у меня в груди поворотилось,
 Когда в моей руке остались
 Твои седые волоса!
 Мне показалось, что обидел
 Богопреступною рукою
 3440 Я голову отца святую!
 О! для чего же мы друг друга
 Должны так яростно губить?
 Ужель других здесь не найдется
 Противников, чтоб успокоить
 В нас жажду огненную боя?»

Так воин молодой сказал;
 А старый мрачно и безмолвно
 Отворотил грозящее лицо.

VII

И вдруг, как волк, врывающийся в стадо
 3/50 Овец, он кинулся с мечом
 На рать туранскую. Зораб
 При этом виде повернул
 Коня и яростный, как тигр,
 Из тростника в табун коней
 Одним влетающий прыжком,
 Явился меж дружин Ирана;
 И начал меч его сверкать,
 Как молния, направо и налево;
 И люди вокруг меча валялись,
 3/60 Кто безголовый, кто пронзенный
 Насквозь, кто пополам
 Пересеченный. Той порой
 Руستم, уже достигший строя
 Дружин туранских, вдруг остановился
 И, обратив глаза на рать Ирана,
 Увидел, что в ее рядах
 Расстроенных происходило;
 Подумал он о бешенстве Зораба,
 Подумал он о страхе Кейкавуса
 3/70 И быстро, не взглянув на турков,
 К своим на помощь поскакал.
 Он там в толпе густой увидел,
 Как рассыпал рубины крови
 На яркий поля изумруд
 Своим мечом Зораб. И он воскликнул:
 «Остановись! зачем на слабых
 Так бешено ты нападаешь?
 Чем провинилися они перед тобою,
 Что вдруг на них ты кинулся, неожиданный,
 3/80 Как зверь голодный на добычу?»
 Зораб, его увидя, изумился.
 «А ты, мой старый богатырь, —

Воскликнул он, — за что на бедных турков
 Так яростно ударил? Чем они
 Тебя обидели? Но вижу,
 Что снова ты в сраженье вызвать
 Меня желаешь — я готов».

На то Рустем ответствовал: «Уж день
 Сменила ночь; она покою
 3490 Принадлежит, а не сраженью.
 Послушаемся ночи; завтра,
 Лишь на востоке солнце, витязь неба,
 Свой меч подымет золотой и землю
 Им облеснет, мы бой возобновим;
 Будь здесь, а я здесь буду:
 Мы, пешие, борьбою
 И боем рукопашным дело
 Начатое окончим; оба войска
 Сражения свидетелями будут;
 3500 Увидим мы, которое из двух
 Богатыря оплачет своего».

VIII

Они расстались; сумрачен был вечер,
 И темное тревожилось небо:
 Оно как будто в погребальный
 Покров заране облекалось.
 Но весело Зораб вводил
 Свои дружины в Белый Замок.
 Он на пути спросил у Барумана:
 «Что этот лев, который так измял
 3510 Мои бока тяжелой лапой,
 Наделал здесь своим набегом? Много ль
 Погибло от него народа?»
 «Ты повелед, чтоб войско было тихо
 (Так Баруман ответствовал); и войско
 Стояло строем неподвижным,
 Готовое к сраженью; вдруг
 Мы видим, кто-то чудный, грозный,
 Неведомый, как будто из земли
 Родившийся, незапно

3520 Ударил в самую средину
 Испуганной таким явлением рати;
 Все приготовились к отпору;
 Но он, как будто уstraшенный,
 Коня поворотил, назад
 Помчался вихрем и пропал,
 Как привиденье». Громко засмеявшись,
 Сказал Зораб: «Итак, он только
 Вас навел по милости своей;
 Напрасно ж он коня тревожил.
 3530 А я тем временем мой меч
 Полакомил иранской кровью;
 Нас темнота ночная развела;
 Но завтра на рассвете
 Опять начнется бой наш; завтра
 Увидим мы, который устоит
 Из нас двоих, который ляжет мертвый.
 И обе рати станут в строй,
 Чтоб быть свидетелями битвы.
 Придется ль вам меня похоронить
 3540 Иль встретить с ликованием — это
 Нам скажет завтрашнее утро;
 А нынче нам приличней, все забыв
 Тревоги, влить вином душистым силу
 В усталые от боя члены
 И освежить язык, сожженный зноем.
 Скорей, премудрый Баруман,
 Вели нам пир обильный приготовить».

IX

Тем временем, достигнув стана,
 Рустан в шатре царя
 3550 С ним и с его вождями
 За освежительным вином
 О жарком бое вспоминал.
 Была там речь лишь только о Зорабе.
 «Зачем ему, — спросил Рустана царь, —
 Ты волю дал напасть на наше войско?
 Когда бы к нам на помощь

Ты вовремя не подоспел,
 Беда великая могла бы нас постигнуть.
 Но что же сам, скажи, о нем ты мыслишь?»
 3560 И, зависти не ведая, Рустем
 Сказал: «Такого богатырства,
 Такого льва в таком младенце
 Еще я в жизни не встречал;
 Он бог войны, не человек,
 И не уступит мне ни в силе, ни в искусстве;
 А свежей младостью своей
 Мою он старость превосходит.
 Мне предстоит с ним завтра тяжкий бой.
 Я испытал сперва мое копьё,
 3570 Потом мой меч, потом и булаву —
 Все отразил он; напоследок, вспомнив,
 Что в старину я многих силачей
 Одной рукою схватывал с седла,
 Ему в кушак я руку запустил
 И силой всей его рванул, но он
 Не пошатнулся. Нас теперь
 Ночная тьма с ним разлучила —
 Не знаю, мной остался ль он доволен?
 А я доволен через меру им.
 3580 Когда же завтра мы сойдемся,
 Я постою за честь Ирана
 И за свою, до сих пор без пятна
 Мне сохранившуюся славу.
 Как ныне, завтра оба войска
 Свидетелями боя станут в строй;
 И в этот час уж будет завтра всем
 Известно, кто из нас двоих
 Лежит убитый, кто живой остался;
 Теперь же здесь, куда мы еще
 3590 Все налицо, озолотим
 Беспечным пированьем
 Канун спокойный рокового,
 Быть может, бедственного дня.
 Державный шах, благоволи
 Нас угостить твоим вином душистым».

X

Так говорил Рустем; и речь его
 Задумчивость мгновенную на сердце
 С ним пировавших навела.
 Но снова с блеском зашипело
 3600 Вино; за славу и победу
 Рустема сдвинулися чаши,
 И наконец по долгом пиrowанье
 Все по шатрам на сон и на покой
 Полухмельные разошлись.
 В зеленый свой шатер вошедши,
 Рустем Зевару так сказал:
 «Зевар, мой брат, ты видел ныне,
 Каков был этот бой; что будет завтра,
 О том из нас не ведает никто.
 3610 Я завтра рано выйду в бой,
 А ты, мой брат, меня предав
 Во власть Всевышнему, останься здесь
 И стражем будь моей сабульской рати.
 Когда из рук судьбы мне выпадет победа,
 Не стану я на месте крови медлить,
 И ты меня в шатре увидишь скоро.
 Но если мне иное суждено
 От неба, не скорби, не покушайся
 Отмщать врагу, но рать мою немедля
 3620 Веди в Сабул; дорогой же и дома
 Всем говори: ему был рок погибнуть
 От юноши. А матери скажи:
 «Не сокрушай себя; достигла ты
 До старости глубокой; на твоих
 Глазах состарился и он;
 И ты его пережила;
 Живи же долго, но о нем
 Не сетуй; он великих дел
 Довольно совершил; немало им
 3630 Истреблено чудовищ, великанов;
 Немало крепких замков он
 Разрушил и сравнял с землею;
 Немало войск пред ним погибло —

Теперь настал черед и для него.
К железным смерти воротам
Конь жизни рано или поздно
Со всадником своим — кто б ни был он,
Могучий, слабый, храбрый, робкий, —
Примчится; каждому из нас
3640 В те ворота в свой час придется стукнуть,
И каждому отворятся они;
На увольнение здесь от смерти
Он записи от неба не имел;
На вечное подданство ей
Мы все укреплены судьбою». —
Так матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина последнюю мне чашу
На сон грядущий, брат Зевар,
И спи спокойно; остальное
3650 Звездам на волю отдадим». —
Рустем умолкнул, поданное выпил
Вино, разделся, лег
И в сон глубокий погрузился.

Книга восьмая

РУСТЕМ И ЗОРАБ

Второй бой

I

Когда павлин денницы распустил
Широко хвост свой разноцветный,
И голову под черное крыло
Угрюмый ворон ночи спрятал,
Рустем проснулся, опоясал
Губительный свой меч
3660 И, боем дышащий, вскочил
На огнедышащего Грома;
И бурею на избранное место он
Помчался. Как звезда, пророк
Великих бедствий, пламенным хвостом

На небесах блистает ночью темной,
 Так бедоносно шлем косматый
 Блистал на голове Рустема;
 Прибыв на место, с изумленьем
 Он озирался, но Зораба
 3670 Там не было: Зораб, в то время
 Как гибельный его отец
 Ждал в поле, утренним вином,
 При звуке лютнь, беспечно утешался.
 И так сказал он Баруману:
 «Со мною этот старый лев
 И крепостию мышц, и ростом,
 И храбростию равен;
 Когда смотрю на грудь его, на руки
 И на плеча, мне кажется, что вижу
 3680 Я в зеркале себя; невольно
 Приходит в мысли мне, что сам
 Таким я буду, если звезды
 Мне столько ж лет отчислят в жизни.
 Взглянув ему в геройское лицо,
 Я чувствую какую-то тревогу,
 Мне стыдно, я краснею, в грудь мою
 Втесняется глубоко
 Неодолимая тоска.
 О Баруман, уж не Рустем ли он? Скажи
 3690 Мне правду; Баруман, спаси
 Меня; не дай мне быть отцеубийцей
 На ужас всей земле. Что, возвратясь,
 Скажу я матери? Скажу ли,
 Что руки я свои умыл
 В крови отца? Все знаки, ею
 Мне данные, согласны с тем, что видят
 Мои глаза, недостает
 Лишь одного мне убежденья. Если он
 Рустем, то я еще ему в глаза
 3700 Сказать не смею: я твой сын!
 То им самим запрещено;
 Лишь слава даст на то мне право.
 Когда же не Рустем он... О! какая

Была б мне честь явиться пред отцом,
 Богатыря такого одолевши!
 Кто разрешит мое недоуменье?
 Когда вчера так зверски
 Со мной он бился, мысль, что он
 Отец мой, показалась мне
 3710 Мечтой несбыточной; но в эту ночь
 Я видел сон... я видел, что лежу
 В его объятиях, так нежно,
 Так весело, с такой любовью детской...
 Нет! Не могу и не хочу с ним биться».

II

Покорствуя тому, что повелел
 Афразиаб, коварный Баруман
 Ответствовал: «Ты видел сон,
 Проснулся — вот и все. Ужель, поверя
 Мечте, начатого так славно
 3720 Не довершить? Ты слово дал
 И должен выручить его, иль вечным
 Стыдом себя покроешь. В поле
 Тебя он ждет и, верно, торжествуя,
 Уж думает: «Передо мной робеет
 Мой незрелый богатырь».
 Так и Иран с ним вместе скажет;
 То повторится и в Туране.
 Тогда с каким покажешься лицом
 Ты на глаза Рустему? Не забудь.
 3730 Что на тебе лежит святая клятва
 Отмстить за Синда; сам же он сказал
 Тебе, что Синд убит его рукою.
 А для чего свое таит он имя,
 Не знаю; мой совет: не любопытствуй
 И ты о том узнать; убей и уничтожь
 Его, пока он сам тебя убить
 И уничтожить не успел, —
 Тогда избежешь посрамленья,
 Заслужишь честь и клятвы не нарушишь».
 3740 Так искуситель говорил;

Его слова звучали глухо;
 Он поглядеть в лицо не смел Зорабу
 И бледен был как полотно;
 Но все сомненья он разрушил
 В душе Зораба. Мщеньем закипев,
 Поспешно витязь молодой
 Вооружился, на коня
 Лихого прынул
 И полетел на битву роковую.

III

375° Когда сошлись соперники на месте,
 Назначенном для поединка,
 Две рати с двух сторон
 Свидетелями боя
 В порядке вышли боевом:
 Ведомые могучим Тусом,
 Блестящие полки Ирана
 Построились перед шатрами;
 А Баруман туранские дружины
 По склону вытянул горы,
 376° Одним крылом их к замку прислонивши.
 К сопернику приблизившись, Зораб
 Его спросил, приветно улыбнувшись:
 «Покойно ль спал ты эту ночь
 И весело ль проснулся? Рано, рано
 Ты поднялся, мой старец многосильный:
 Прекрасен этот день — таков ли будет
 Прекрасен вечер, мы не знаем.
 Но посмотри, как утро молодое
 Вершины гор озолотило;
 377° Цветы все утренним вином
 Напоены, и утренняя свежесть
 На паству манит пастухов;
 Невидимо под ветвями дерев
 И видимо в лазури неба
 Поют проснувшиеся птицы;
 Ручьи, сияя, льются;
 На солнце блещут берега;

Трава росой сверкает...
 Приличен ли такой всемирный праздник
 37²⁰ Кровавому убийству? День такой
 Не лучше ль милой жизни
 Еще нам уступить? Послушай, друг,
 Сойди с дракона своего
 На этот свежий дерн; заключим
 В виду обеих наших ратей
 Здесь перемирие, забудем
 На этот день и мщение и злобу:
 Пусть будет поле крови
 Для нас палатой пировой.
 37⁹⁰ Я знак подам — и перед нами
 Вино заблещет в кубках,
 И пир устроится роскошный,
 И звонко заиграют струны,
 И дружно мы отпразднуем с тобою
 День возрождения прекрасной,
 Вееоживляющей весны;
 Железный шлем ты снимешь с головы,
 А я венком живых цветов украсу
 Твои мне милые седины;
 32⁰⁰ И, сидя за вином, мы будем
 Беседовать радушно о войне,
 О бранных подвигах, и всем, что знаю,
 Я поделюсь с тобой от сердца;
 А ты свою откроешь мне породу
 И славное свое мне скажешь имя —
 О! не упорствуй, друг; скажи,
 Скажи его — мы не должны
 Так чужды быть друг другу; нас
 С тобой вчера побратовала битва».

IV

32¹⁰ Так с откровенностью младенца
 Рустему говорил Зораб —
 Ему во грудь из вод, из глубины
 Небес, из зелени полей
 Проникнул тайный голос

Природы; на щеках его
 Горело жаркое желанье;
 Так раскрывается молодая
 Распуколька от теплого весны
 Дыхания; но если на нее
 3220 Дохнет морозом бурный север,
 Она сжимается и увядает;
 Так от морозных слов Рустема
 Увяла вдруг в душе Зораба
 Едва зацветшая надежда.
 «Дитя мое, — сказал Рустем, — не для того
 Сюда пришли мы, чтоб, роскошно
 На луговом ковре покоясь,
 Беседовать; на смертный бой
 3230 Пришли мы. Если ты
 Еще годами отрок,
 То я уж не дитя. Ты видишь,
 Что для борьбы кушак стянул я туго;
 И здесь давно я жду, чтоб боевую
 С тобой начать работу, чтоб нарвать
 С тобой тех роз, какие только в нашем
 Саду рождаются. Свежесть утра
 Для ратного благоприятна дела;
 Она моим состарившимся членам
 Живую крепость придает.
 3240 Итак, пока не наступил
 Палящий зной, начнем
 Свой мужественный спор. Я не слышал,
 Чтоб для одних рассказов о боях
 Соперники на месте боя,
 Вооруженные, сходились;
 Я бьюсь делом, не словами.
 По имени ж себя не прежде назову,
 Как положив тебя в крови на землю:
 Тогда узнаешь, чья рука тебя убила».

V

3250 Зораб, воспламененный гневом,
 Воскликнул: «Будь по-твоему, упрямый

Старик! своей судьбы никто
 Не избежит; и мы увидим скоро,
 Кто здесь кого принести ей в жертву должен».

На землю спрыгнул он с коня,
 И громко зазвучало
 Его оружие. Рустем
 Сошел поспешно с Грома; тяжкий
 Звук от меча его раздался,
 3260 И из ножен до половины
 Он выпрыгнул. В молчанье оба
 К бежавшему вблизи потоку
 Они пошли с конями. У воды
 Росло там дерево; к нему
 Они коней ретивых привязали;
 И там Рустемов Гром
 Оставлен был с конем Зораба.

Приветливо они друг друга
 Обфыркали и, ознакомься,
 3270 Между собой немую завели
 Беседу; как друзья давнишние, они
 Подножную траву щипали вместе,
 И головы протягивали дружно
 К ручью за свежей водою,
 И шеями друг друга обнимали,
 Как будто угадав,
 Какое близкое родство меж ними было.

А между тем отец и сын
 На место боя грозно шли,
 3280 Друг другу смерть в душе готова.

VI

Они плотней стянули кушаки
 И рукава до самых плеч
 Могучих засучили;
 Ужасно их наморщились лица
 И загорелись глаза,
 И, разом бросясь друг на друга,
 Как разозлившиеся тигры,
 Они руками обхватились:

Два тела вдруг слились в одно,
 3290 Вокруг которого четыре
 Железные руки, как змеи,
 В него вдаваясь, переплетались.
 Как будто сплавленные крепко,
 Они друг друга, грудь на грудь,
 Теснили, перли, гнули, жали —
 Напрасно; камень и железо
 Могли бы руки их расплюснуть,
 Но пошатнуть не мог ни сына
 Отец, ни сын отца; дыханье
 3900 Спиралось в их груди; глаза их, кровью
 Налитые, как уголья горели;
 Их ноги были врыты в землю —
 Но ни один не мог другого
 Ни потрясти, ни наклонить,
 Ни приподнять, ни сдвинуть с места;
 Напрасны были их порывы,
 Напрасны были их напоры,
 Напрасно было их боренье,
 Их трепетанье, их кипенье —
 3910 Неодолим, неколебим
 Остался каждый. Наконец,
 Отбросив тщетную борьбу,
 Они решились испытать,
 Кому кого удастся
 Поднять с земли и опрокинуть.
 И, разорвавшись, разом отскочили
 Отец и сын и, разом снова
 Сбежавшись, как крючья, руки
 За кушаки засунули друг другу.
 3920 И вдруг Рустем потрянул Зораба
 Так сильно, что с земли
 Взорвал его на воздух; как свинец,
 Всей тяжестью Зораб на грудь отца
 Обрушился и повалил
 Его на землю под себя.
 Не зная сам, как мог он очутиться
 На нем, его к земле он придавил

3930 Коленом, выхватил кинжал
И был готов пронзить им грудь
Под ним лежавшего Рустема.

VII

3940 Рустем, увидя над собою
Железо, возопил: «Остановись,
Что хочешь делать? Если ты
Породой знаменит, не осрамляй
Ни самого себя, ни предков
Постыдным делом: меж суровых
Родяся турков, ты не знаешь
Обычаев Ирана — знай же,
3950 Что здесь никто, кому в борьбе
Соперника удастся одолеть,
Его не умерщвляет, но ему
Дает с собою испытать
В другой раз силу; если ж и тогда
Он победит, то властен он
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таков святой иранский наш обычай;
И стыд тому, кем будет он нарушен!»
Так говорил Рустем, прибегнув
(Чтоб от себя погибель отвратить)
3950 К обману. «Я, — отвечивал Зораб, —
Не слыхивал, чтоб где такой обычай
Водился; но скажи мне, соблюдал ли
Его Рустем?» На это возразил
Рустем: «Какое дело нам
До твоего Рустема? Если ж
Ты хочешь знать, то и Рустем
Обычаю Ирана был покорен». —
При этом слове опустил
Зораб кинжал и руку подал
3960 Лежачему, чтоб он с земли поднялся.
Легко поверил он: простому сердцу
Коварство было незнакомо:
Незлобный, как младенец, был он
Великодушен, как герой;

А темная рука судьбы
 Его к гибели стремил неизбежно.
 Обманом спасшийся Рустем
 Негодовал, что для спасенья
 Был принужден обман употребить:
 3970 Поднявшись с земли, он отряхнулся
 И против воли покраснел,
 Взглянув на сына; а Зораб
 Ему сказал с усмешкой: «Отдохни,
 Мой старый богатырь; я скоро
 Опять здесь буду, и тогда,
 Как следует, начатое мы кончим».
 Сев на коня, он поскакал
 В ту сторону, где по горе
 3980 Туранское стояло строем войско;
 Вдруг перед ним вскочила антилопа, —
 И весело за нею он погнался,
 Забыв о близком часе роковом.

Книга девятая

РУСТЕМ И ЗОРАБ

Третий бой

I

Рустем, избавясь от беды,
 Один остался; несколько мгновений
 Он был объят глубокой думой; вдруг —
 Как будто что напомнилось ему —
 Пошел поспешным шагом
 К потоку, где его могучий Гром
 Под деревом привязанный стоял.
 3990 Была недалеко оттуда
 Утесистая дебрь. И много лет
 Прошло с тех пор, как в этой дебри
 Имел Рустем свиданье с горным духом.
 В то время был он одарен
 Такою непомерной силой,

Что не врагам одним, и самому
 Ему она была во вред:
 Его земля не выносила;
 Когда он шел по каменному кряжу,
 4000 Как на песке, глубокие следы
 От ног его на камнях оставались.
 Так некогда с тяжелою добычей,
 Отнятою у турков, он
 Во мраке ночи пробирался
 С трудом великим тою дебрью:
 При каждом шаге увязали
 Его по щиколотку ноги в землю;
 Они ее, как плуг железный, рыли.
 4010 Вдруг близ него во тьме раздался
 Осплый хохот. «Кто хохочет?» — гневно
 Спросил Рустем. Глухой ответ был: «Я!»
 «А ты кто?» — «Горный дух». — «Чему смеешься?»
 «Смеюсь тому, что ты, силач,
 С своей не можешь сладить силой;
 Она чрезмерна для тебя.
 Отдай на сохраненье мне
 Ее излишек; если —
 Когда от лет твои расслабнут члены —
 Она тебе понадобится снова,
 4020 Приди сюда и кликни — я откликнусь,
 И от меня ее сполна опять
 Получишь ты беспрекословно».
 И духу горному Рустем
 На сбереженья отдал
 Излишек силы. И теперь,
 Когда от лет его расслабли члены,
 Пришел он в дебрь, у духа взять
 Обрато вверенный залог;
 Он чувствовал, что силой половинной
 4030 Ему не одолеть Зораба.
 И в ярости с собой он говорил:
 «Он жить не должен; им в виду
 Ирана был я опозорен;
 Он смел коленом стать на грудь

Упавшего к ногам его Рустема;
 И им к постыдному обману
 Рустем, дотоле беспорочный,
 Был приневолен, чтоб спасти
 Свою обруганную жизнь.
 4040 Не потерплю, не потерплю,
 Чтоб на одной земле со мною
 Хоть миг один мог дышать
 Создатель моего позора».

II

Так думал он, вступая в глубину
 Утесистой, пустынной дебри.
 Там на престоле скал мохнатых
 Сидел могучий дух. И он увидел,
 Что кто-то мрачный, озираясь
 По сторонам, ущельем шел;
 4050 И понял дух, что путник
 Искал свиданья с ним; густою мглой
 Была его покрыта голова,
 Как шлемом; ондохнул, и мгла
 Слетела с головы; и дух
 Стал видим, хмурый и туманный;
 И он спросил: «К кому пришел ты?»
 «К тебе, — отвечивал Рустем. —
 Я узнаю тебя; ты все таков же,
 Каким давно на этом месте
 4060 Со мною встретился впервые;
 Не устарел, не поседел; а ты
 Меня узнал ли?» Темный дух
 Отвечивал: «С трудом; ты стал
 И стар и сед. Скажи ж, зачем тебя
 Твои хилеющие ноги
 В мою пустыню принесли?»
 Рустем сказал: «Отдай обратно
 Мою мне силу. Я дотеперь
 Доволен был одним ее участком;
 4070 Теперь она нужна мне вся.
 Отдай мне, дух, ее излишек,

Оставленный тебе на сохраненье».

 Дух отвечал: «Рустем, навеки

 Теряет силу человек,

 Когда она его сама с годами

 Медлительно, неудержимо

 И невозвратно покидает;

 Но ты свою мне силу

 Во цвете лет по доброй воле

 4080 На сбереженье отдал сам —

 И мной тебе она сбережена;

 В груди гранита моего

 Целее, чем в твоей груди,

 Неизменная, она

 Лежит. Но для чего, Рустем,

 На плечи дряхлые свои

 Такой великий груз ты хочешь

 Так поздно возложить? Остерегись,

 Седой боец; ты на себя

 4090 Кладешь беду. Твое желанье

 Исполнить я не отрекуся,

 И если ты решился твердо

 Взять от меня залог свой роковой,

 Возьми, но знай: возьмешь не на благое,

 А на губительное дело.

 Еще не поздно; мой совет

 Спасителен; прими его, Рустем:

 Оставь свою в покое силу;

 Ты славных дел немало совершил —

 4100 Доволен будь; страшуся я,

 Что на себя своим последним делом

 Ты бедствие великое накличешь

 И сам своею силой

 Свою погубишь силу».

III

Тем временем Зораб, с охоты

 На место боя возвратясь,

 В недоумении стоял и озирался —

 Рустема не было. И он не знал,

Дождаться ли его иль удалиться.
 410 А с неба день уж начинал
 Сходить, и тени становились
 Длиннее. Но... Зорабов час ударил:
 Зораб остался; он подумал:
 «Соперник мой меня
 Здесь долго утром ждал —
 Я вечером его дождаться должен.
 А вечер вышел не таков,
 Каким его нам утро обещало,
 И солнце село, в небесах
 420 Зарю кровавую оставя.
 Но где же он?..» И в этот миг
 На зареве заката отразился,
 Как темный метеор, огромный стан Рустема;
 Зораб невольно содрогнулся.
 Как будто чародейной силой
 Преображенный, чудно
 Блистающий, помолодевший,
 Представился очам его Рустем.
 Он на него глядел в недоуменье
 430 И, не посмев спросить, где он так долго
 Промедлил, шепотом сказал: «Должны ли
 Мы продолжать? До наступленья ночи
 Успеем ли?..» — «Успеем», — перебил
 Его слова Рустем сурово.
 И вышли — яростный отец
 На сына с силою двойною
 И на отца оторопелый сын
 С полуразрушенной силой.
 Восходит день, когда нисходит ночь,
 440 Восходит ночь, когда нисходит день, —
 Так и теперь настал черед Рустему.
 Вечерней мглою затянувшись,
 День удалившийся простер
 Полутуманное мерцанье
 Над местом бедствия и крови;
 Два воинства стояли там
 Безмолвными свидетелями боя.

Но как он был? И что свершилось?
 Того ничье не зрело око...
 4150 Они сошлись — и вмиг всему конец;
 Руستم рванул — Зораб упал к его ногам;
 Руستم давнул — и в грудь Зораба
 Глубоко врезался кинжал.

IV

Зораб, смертельно пораженный,
 Сказал: «О ты, неверный оболъстител!
 Такая ль от тебя награда
 За то, что был ты мною пощажен?
 Ты небылицей о Рустеме,
 Ты именем Рустема жизнь мою,
 4160 Как вор ночной, украл. Но будь
 Ты птицей в воздухе или рыбою в воде,
 Не избежишь, хотя и в гробе
 Лежать я буду, мщенья от Рустема,
 Когда раздастся всюду слух
 (А он раздастся скоро),
 Что здесь предательски зарезан
 Тобою сын Рустема и Темины».
 От этих слов затрепетал
 Руستم, как будто вдруг ударом грома
 4170 Пронзенный, с головы до ног.
 «Что говоришь ты, сын беды? —
 Воскликнул он. — Скорее отвечай:
 Кто твой отец?» — «Я сын Рустема и Темины, —
 С блеснувшей гордостью на бледном
 Лице сказал Зораб. —
 Отец мой страж Ирана многославный;
 А мать моя краса и слава Семенгама.
 И ею был сюда я послан
 Отыскивать отца, столь много лет
 4180 С ней разлученного. Чтоб мог
 Меня Руستم признать за сына,
 Я должен был ему повязку, на прощанье
 Им данную Темине, показать;
 И чтоб сберечь ее верней,

Не на руке, а на груди
 Всегда носил я ту повязку;
 Открой мне грудь — увидишь сам».

Так говорил он; от страданья
 Душа рвалась из Рустема.

4190 Дрожа как лист, одежду он раскрыл...
 И там (увидел он) сидел,
 Как жаба черная на белых розах,
 В груди кинжал, до рукояти
 В нее вонзенный, как в ножны.
 Его Рустем из раны вынул;
 И быстро побежала с жизнью
 Струя горячей крови;
 И ярким пурпуром ее
 Рустемова повязка облилася.

4200 Он побледнел, ее увидя,
 И глухо прошептал,
 Как будто задушенный:
 «Зораб, ты сын мой... я Рустем!»

V

И долго, ужасом окамененный,
 Смотрел он мутными глазами
 На сына. Вдруг он дико застонал...
 Так стонет тигр: в кусты залегши,
 Ярым жаждой крови, ждет он,
 Чтоб мимо бык из стада пробежал

4210 Его когтям в добычу.
 И вдруг его единственный тигренок,
 Им в логе брошенный, шумя
 В кустах, бежит: и на него,
 Слепой от голода, отец в остервененье
 Бросается, его когтями
 На части рвет и вдруг,
 Узнавши, кто так жалко
 Трепещется под лапами его,
 Пускает стон, какого никогда

4220 Не издавал дотоле, стон
 Разорванного сердцем тигра, —

Таков был страшный стон Рустема;
 Так застонав, со всех он ног,
 Как будто вдруг убитый наповал,
 На сына грянул. Всю память потеряв,
 Впервые сердцем сокрушенный,
 Недвижимым, окостенелым
 Лежал он мертвецом. Его холодной
 Рукою стиснутый, смертельно бледный,
 4230 Смертельно раненный, лежал с ним рядом сын;
 Еще его лилася кровь,
 Еще приподымало грудь ему
 Дыхание; он чувствовал, он видел;
 Он радовался, умирая,
 Что близко был отец,
 Его отец, его убийца,
 Которого так жадно он желал,
 Так силился найти и наконец так страшно
 Нашел... И он теперь (как накануне
 4240 Ему привиделось во сне)
 В его объятиях лежал с любовью детской.

VI

Тем временем, не видя ничего,
 В вечернем мраке оба войска
 Стояли молча. Вдруг от места боевого
 Дошел до них протяжный стон;
 И все опять утихло;
 И каждый угадал,
 Что там беда великая свершилась.
 Но долго заглянуть туда
 4250 Не смел никто; когда же наконец
 Нашлись отважные и подойти
 Дерзнули к месту роковому,
 Они сперва там встретили коней,
 Под деревом стоявших праздно.
 Увидя, что престол Рустемов — Гром
 Был пуст, они пришли в великий ужас
 И опрометью в стан
 Все бросились, крича: «Рустем

Убит! на Громе нет Рустема!»
 4260 Тогда нашел на войско трепет;
 Как море в бурю, тяжело, глубоко
 Оно заволновалось; страшный
 Мятеж в нем загремел;
 И шумною волною
 Оно все хлынуло вперед.
 Но прежде чем оно прийти успело к месту,
 Достиг туда его далекий шум;
 И им Рустем близ сына
 От сна смертельного к смертельному страданию
 4270 Был пробужден; и тяжело
 Он застонал — но тихим словом сын
 Его смирил. Последнее дыханье,
 Последний свет души своей он собрал,
 И на его бледнеющих устах
 Чуть слышную музыкой зазвучала
 Прискорбно-сладостная речь;
 И тихо речь лилась,
 Как теплая, слабеющая кровь,
 Все медленней бежавшая из груди.

VII

4280 «Отец, пока еще во мне
 Есть жизнь, пока еще оттуда
 Никто не подошел — к моим словам
 Склони твой слух. О! лучшее из них,
 Мое сладчайшее, мной в первый раз
 Произносимое на свете слово:
 Отец! произношу
 В последний жизни час; им горечь смерти
 Услаждена; за гордое желанье
 По славе подвигов достойным
 4290 Рустемовым назваться сыном
 И за надежду некогда с ним вместе
 Над всею властвовать землею,
 Которой сам теперь я стал подвластен,
 Недорого я заплатил. О чем же,
 Рустем, крушишься? О! не плачь!

Не ты, не ты меня убил;
 В утробе матери на то
 Я был звездами предназначен;
 На то и Синд напрасно ею
 4300 Был послан, чтоб отца мне указать;
 На то и ты был должен Синда ночью
 Убить, чтоб уж никто не мог
 Нас вовремя друг с другом познакомить.
 Когда молва о гибели моей
 До милой матери достигнет,
 Заплачет жалобно о сыне
 Без жалоб на отца она.
 Ты ей пошли мои доспехи
 И возврати повязку роковую,
 4310 Напрасно данную тобою ей,
 А ею мне; позволь, чтоб Баруман
 Назад отвел мои дружины с миром,
 Они сюда пришли за мною
 И без меня в сражение не пойдут;
 Не мети Хеджиру за упорство,
 С каким он, вопреки
 Моим всем просьбам и угрозам,
 Тебя назвать отрекся... Ах! о том
 Я умолял напрасно и тебя;
 4320 Пускай вполне останутся Гудерсу
 Его все восемьдесят сыновей,
 Тогда как твой единственный лежать
 Здесь будет мертвый; пусть владеет
 Хеджир и Белым Замок;
 Пускай и дева красоты,
 Представшая очам моим как сон,
 Гурдаферид себя отдаст Хеджиру,
 Но слово данное исполнит:
 Оплакать мой безвременный конец.
 4330 Мое же тело повели
 Отнести в Сабул и положить
 Туда, где все положены
 Мои прославленные предки;
 А здесь пускай раскинут надо мною

Рустемов царственный шатер.
 Так навсегда с землею я прощаюсь...
 Пришел как молния; ушел как ветер...
 А ты, Рустем, в последний раз теперь
 На отходящее дитя свое взгляни
 4360 И прежде, чем оно утратит силу слышать,
 Промолви вслух: Зораб, ты сын Рустема».

VIII

Так, умирая, говорил
 Прекрасный юноша. Рустем молчал;
 Напрасно силился уста
 Он растворить, они завожены
 Железной судорогой были.
 И молча он смотрел, как тихо гасла
 Вдруг догоревшая лампада.
 Так на последнюю струю
 4350 Зари вечерней смотрит путник;
 Когда ж и след ее на небесах
 Исчезнет, одинок, в пустыне темноты
 Он остается, и ему
 Уж никакого на пути
 Не руководствует сиянье —
 Так для Рустема жизни свет
 С душой Зораба гас навеки.
 Тем временем и гром и шум
 4360 Дружин бегущих приближался;
 Рустем в расстройстве скорби
 Неистово от сына поднялся
 И к войску выступил навстречу,
 Окровавленный, весь в пыли,
 С могильной бледностью лица,
 Обезображенного горем.
 Его никто в Иране столь ужасным
 Не видывал... но громозвучным криком
 По войску радость пробежала,
 4370 Когда пред ним Рустем, живой, явился.
 Такой подымлет крик дружина,
 Увидя над собой внезапно

Свою хоругвь, спасенную из рук
 Ее схватившего врага:
 Она изорвана в лохмотье,
 Но спасена. Так все заликовало
 Рустема встретившее войско.
 И, став пред ним, растерзанный печалью,
 Томимый гордостью, волнуемый стыдом,
 Рустем сказал: «Сюда, вожди Ирана,
 Сюда, вельможи Кейкавуса!
 Смотрите все, какую службу
 Рустем Ирану отслужил;
 Вот он лежит, вам грозный богатырь;
 Моей рукой разрушен страх Ирана.
 Я много ббев совершил,
 Я бился днем, я бился ночью,
 Но никогда еще я не принес
 Такой, как ныне, жертвы славе:
 Смотри, Иран! Рустем своей рукою
 Здесь за тебя убил родного сына».

Так говорил Рустем, и голос
 Его не трепетал: и были сухи
 Его глаза; и был он страшно тих.
 Тогда они увидели в крови
 Простертого героя молодого;
 Еще за час цветущий, как весна,
 Прекрасный, как живая роза,
 И полный силы, как орел, —
 Теперь он перед их очами
 Лежал безгласный, недвижимый,
 Покрытый бледностию смерти.
 Рустем взглянул ему в лицо...
 «Еще он жив! — воскликнул он. —
 Скорей гонца отправьте к шаху
 Молить, чтоб мне прислал немедля
 Три капли чудного бальзама,
 Все исцеляющего раны,
 Который он всегда с собой имеет...
 Три капли, чтоб снасти Зораба,
 Чтоб милый сын мне жив остался».

IX

На крыльях к шаху прилетел
 Гонец и так сказал: «Рустем
 Убил Зораба, но Зораб
 Рустемов сын; о нем отец
 Рыдает горько, и его печалью
 Все пораженные рыдают; ими
 К тебе я прислан, шах державный,
 Молить, чтоб ты благоволил немедля
 Три капли дать бальзама,
 4420 Который при себе
 Всегда имеешь;
 Три капли, чтоб спасти Зораба,
 Чтоб жив Рустему сын остался».

Но шах отвечивал на это,
 Не торопясь: «Благодаренье Богу!
 Рустем спасен, а враг лежит убитый;
 Ему покойно; я тревожить
 Его не стану: всем моим бальзамом
 Пожертвовать готов я для Рустема;
 4430 Но капли дать не соглашусь для турка.
 Ирану и одной уж силы
 Рустемовой довольно через меру;
 Когда же с ним такой могучий
 Соединится сын, их обоих
 Не выдержать Ирану.
 Но если так Рустем желает,
 Чтоб я в беде ему помог,
 Пускай свою отложит гордость,
 И сам сюда придет,
 4440 И просит милости у шаха на коленях».

Гонец, увидя, сколь упорен
 Был царь, не стал терять без пользы слов
 И поспешил с его ответом
 К Рустему. При таком жестоком
 Отказе вся пришла в волнение
 Душа Рустемова; борьба
 Меж скорбью и гордостью в ней
 Такая началась, что пар

От головы богатыря поднялся;
4450 Он судорожно трепетал;
Не мог пойти, не мог остаться;
Но наконец перед судьбою
Смиренно голову склонил
И в землю пасть за сына перед шахом
Пошел... но десяти шагов переступить
Он не успел, как уж его
Настигла весть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кроме гроба.

Книга десятая

РУСТЕМ

I

Рустем пришел обратно; той порой
4460 Они уж мертвого покрыли.
Была кругом тройная ночь:
На небесах, в душе отца
И в скинии пустой,
Где так недавно
Душа Зорабова сияла.
Подняв в молчании покров,
При слабом звезд сиянье
Отец увидел
Умершего лицо:
4470 Оно от темноты,
Как бледный призрак, отделялось
Своею смертной белизной;
И холод ужаса в него проник;
Покров на мертвого опять он наложил
И шепотом, как будто разбудить
Заснувшего остерегаясь,
Сказал: «Я часто смерти
Глядел в глаза, и никогда
Мне не было пред нею страшно,
4480 И никогда она не представлялась

Мне столь прекрасною, как здесь,
 На этом образе прекрасном...
 Но я теперь дрожу. О горе! горе
 Тебе, Рустем! Всей славою своею
 Не выкупишь ты этой милой жизни
 У смерти, ею завладевшей.
 Что подвиги твои теперь?
 Все прежние последний опозорил.
 О милый сын мой, сын моей души!
 4490 Такую ль встречу твой отец
 Тебе был должен приготовить?
 Тебя с младенчества прельщал
 Погибельный, неверный призрак;
 Рустемовы дела
 В твою гремели душу;
 Они к отцу тебя стремили;
 Твоею гордостью, надеждой,
 И радостью, и жизнью было
 Упасть на грудь отца... ты на нее упал,
 4500 Но об нее расшибся; ты насильно
 В мои объятия ворвался —
 И был в них задушен.
 Тебе я, как врагу, дивился,
 Завидовал... слепой безумец!
 Обманом я разжалобил твою
 Бесхитростно-доверчивую душу,
 Чтоб у тебя украсть из рук
 Остаток дряхлой жизни,
 4510 Мне самому теперь презренной,
 И чтоб потом разбойнически младость
 Твою убить в союзе с темной силой.
 И наконец я за тебя, мой сын,
 Пошел на стыд и унижение,
 Пошел упасть к ногам надменным шаха,
 Но тем от рук железных смерти
 Тебя не спас я... О! пусть будет этот стыд
 Мирительной уплатою за все,
 Что сотворил тебе в обиду
 Отец твой... так решили звезды;

4520 Я возмечтал до неба вознестися —
И было мне, в урок смиренья, небом
Ниспослано сыноубийство».

II

Так сетовал Рустем во тьме ночной,
И все вожди и все вельможи,
С ним вместе сетуя, сидели
Кругом его, забывши о вечерней
Трапезе. Их Рустем
Не замечал; он мертвыми очами
На сына мертвого глядел
4530 И, роковую стиснув
В руках повязку, так
Ей говорил: «Ты, золотая,
Холодная, коварная змея!
Ты сокровенностью своею,
Как жалом смерти ядовитым,
И сыну грудь пронзила
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты вовремя сама разорвалася
4540 И выпала передо мною
Из-под одежды роковой!
Зачем, зачем так осторожно
Тебя таил он на груди?
Зачем и ты сама ему
Так крепко обнимала грудь?
Увы! зачем и я с такою
Неумолимостью отвергнул
Его горячие молитвы?
Зачем я так безжалостно покинул
4550 Мою жену и вести никакой
Ни о себе ей не давал,
Ни от нее иметь не мыслил?
О! для чего она сама
С такой упорностью таила
Рожденье сына от меня?
А ты, мой конь, мой верный Гром!

Ты первая всему причина:
Зачем меня ты спящего оставил,
И в руки туркам отдался,
4560 И тем дорогу указал мне
К погибельному Семенгаму?
Когда б туда я не входил —
Я никому не даровал бы,
Ни у кого б не отнял жизни.
Ах ! конь мой, конь мой, в черный день
Меня понес ты на охоту —
В добычу нам досталась Беда.
Теперь твоя окончилась служба;
Отныне ты меня не понесешь
4570 Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую».

III

Так сетовал во тьме ночной Руستم.
Настало утро. Сам тогда
Явился шах. Рустему
Хотел сказать он слово утешенья,
Чтоб свой отказ жестокий оправдать;
Но было холодней мороза
Его бесчувственное слово.
4580 «Зачем, — он говорил, — ты здесь,
Ирана пехлеван великий,
Лежишь в пыли и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы никакою нашей силой —
Хотя б могли с подошвы гору сдвинуть
Или шатер небесный повалить
На землю — не воротим
Ни одного ушедшего с земли.
За нашей жизнью — дичью легконогой —
Гоняется охотник смерть;
4590 Проворна жизнь, но смерть проворней;
Она ее догонит наконец:
Последний час всегда врасплох нас ловит.
Я сам издалека́ дивился

Его великой силе,
 Его плечам широким,
 Его могучим членам
 И исполинской красоте;
 И думал я: не уроженец
 Турана этот богатырь;
 4600 В нем кровь царей. Но мог ли кто из нас
 Подумать и во сне,
 Чтоб был он сын Рустема,
 Судьбой назначенный погибнуть
 В Иране от руки отца?
 Теперь ему не нужен боле
 Мой жизненный бальзам; но дорогими
 Я ароматами покрою
 Его безжизненное тело;
 Великолепным погребеньем
 4610 Его почту и в нем тебя, великий
 Ирана пехлеван; и будет в Истахаре
 Надгробный памятник ему
 Из золота и мрамора воздвигнут.
 Теперь мне дай лицо его увидеть».

IV

Так говоря, он подошел,
 Чтоб мертвому лицо открыть, но тяжелой
 Рукой прижал к лицу покров Рустем;
 И, головы не подымая, шаху
 Сказал он: «Видеть Кейкавус
 4620 Рустемова не будет сына. Удались,
 Державный царь; окончен пир, гостям
 Здесь места боле нет; а сына сам я
 Похороню. Туранское же войско
 Пускай назад пойдет свободно:
 Его душа исчезла. Так же
 И ты, могучий Кейкавус,
 Не медли здесь; иди в свой Истахар
 И расскажи, когда там будешь,
 Какую легкую победу
 4630 Здесь одержал и как разбито было

Здесь войско целое, когда убил я сына.
 Идите все; меня здесь одного
 С моим оставьте сокрушеньем».

Он замолчал, и от покрова
 Руки не отнял, головы не поднял,
 И не взглянул на шаха: на земле
 Близ сына он лежал, не отводя
 От мертвого очей. Оборотясь
 К вельможам и вождям, сказал

4640 Им Кейкавус: «Его желанье
 Исполнить мы должны; прискорбно видеть,
 Как сетует Ирана пехлеван, —
 Но мы ему помочь не в силах; он желает
 Остаться здесь один; пойдём». И шах
 Пошел; и все пошли за ним,
 Храня молчание; и в поле
 Рустем один остался с мертвым сыном.
 И вскоре все пришло в движенье войско;
 Шатры попадали, и стан исчез —

4650 Как будто мир какой великий
 Разрушился. И все заколебалось;
 Знамена развернулись,
 Заржали звучно кони,
 Задребезжали трубы,
 Тимпаны загремели,
 В обратный путь пошли дружины.

V

С земли поднявшись от сына,
 Рустем увидел вдалеке
 Лишь только пыль, подъемлемую войском

4660 На крае небосклона; поле,
 Где был разбит иранский стан,
 Уж было пусто, одиноко
 Среди его стоял зеленый
 Шатер; а в стороне шатры Сабума,
 Где полководствовал Зевар.
 Рустем, к себе призвавши брата,
 Ему сказал: «Теперь всему конец.

Иди, Зевар, и от меня
 Турану мир с Ираном объяви.
 4670 Хеджиру возврати свободу
 И власть ему вручи над Белым Замком,
 Примолвив: «От Зораба
 В награду за твою правдивость».
 Потом ты скажешь Баруману:
 «Зораб тебя за добрые советы
 И за любовь к царю Афразиабу
 Отсюда с миром отпускает».
 И сам его до рубежей Турана
 С отборною сабульской дружиной
 4680 Потом ты проводи; когда ж проводишь,
 В соседний город Семенгам
 Поди и дочери царя
 Темине эту золотую
 Отдай повязку; но смотри,
 Чтоб кровь с нее не стерлась:
 То матери единственный остаток
 От сына. Также ей отдай
 И все Зорабовы доспехи —
 Пускай они печаль ее насытят;
 4690 А ты, увидя, как она
 Без утolenья будет плакать,
 И рваться в судорожном горе,
 И сына тщетно призывать, —
 Скажи в отраду ей, каким
 Меня ты здесь оставил...
 Ты день пробудешь в Семенгаме;
 Потом сюда о ней живую весть
 Мне принесешь. Иди ж немедля;
 Я день и ночь тебя здесь буду ждать.
 4700 Когда же возвратишься,
 Свое сокровище тебе я вверю,
 И ты его в Сабулистан
 Отсюда с честью понесешь,
 Рустемовым сопутствуемый войском».

VI

Немедленно Зевар пустился в путь.
 Тогда сказал оставшимся Рустем:
 «Принести сюда зеленый мой шатер!
 От места, на котором мною
 Был сын убит, я не пойду.
 4710 Но он живой хотел, чтобы над ним
 Стоял шатер отца — пускай над ним и мертвым
 Стоит он». И шатер воздвигся
 Над юношей, спокойно погруженным
 В непробудимый смерти сон.
 Его отец на пурпурный ковер,
 Меж ароматов благовонных,
 Своими положил руками,
 Накрыв парчой, потом всего
 Цветами свежими осыпал —
 4720 Так, окруженный прелестями жизни,
 Он там лежал, объятый хладной смертью.
 Потом Рустемом похоронный
 Был учрежден обряд:
 Соединив перед шатром
 Всю рать Сабулистана,
 Он повелел, чтоб каждый день она —
 И поутру, когда всходило солнце,
 И ввечеру, когда садилось солнце, —
 Торжественно, в порядке боевом,
 4730 Знамена распустив,
 При звуке труб, с тимпанным громом,
 В сияющих доспехах проходила
 Перед шатром; и были гривы
 Коней обстрижены; тимпаны
 И трубы траурною тканью
 Обвиты, луков тетивы
 Ослаблены, и копыя острями
 Вниз опрокинуты. Рустем
 Не ехал впереди; над сыном
 4740 Сидел он, скорбию согбенный,
 И с мертвым, как с живым,
 Беседу безответно вел.

Он утром говорил:
«Зораб, мой сын,
Звучит труба... ты спишь».
А вечером он говорил:
«Зораб, мой сын,
Уж землю солнце покидает;
И ты покинешь скоро землю».
4750 Так девять суток он провел
Без сна, без пищи,
Неутешимой преданный печали.

VII

В одни из этих суток — был уж близко
Рассвет зари — как неподвижный
Железный истукан, сидел
Рустем во глубине шатра
Над сыном, сонный и несонный; полы
Шатра широко были
Раздернуты; холодным полусветом
4760 Едва начавшегося утра
Чуть озаренное пустое небо
Меж ними было видно... вдруг
На этой бледной пустоте
Явился белый образ; от нее
Он отделился и бесшумно,
Как будто веющий, проник
В шатер... то был прекрасный образ девы.
Увидя мертвого, она
У ног его простерлася на землю
4770 И не вставала долго,
И слышалось в молчанье ночи
Ее рыдание, как лепет тихий
Ручья. С земли поднявшись,
Она приблизилась к телу
И, сняв с лица покров,
Смотрела долго
На бледное лицо,
Которым (безответно
На все земное) обладала смерть:

4780 Зажаты были очи, немы
 Уста, и холодно, как мрамор,
 Чело. Она его в чело, уста и очи
 Поцеловала, на голову свежий
 Венок из роз и лавров положила,
 Потом, лицо опять одев
 Покровом, тихо удалилась
 И в воздухе ночном,
 Как будто с ним слиянная, пропала.
 И стало пусто
 4790 Опять в шатре, лишь на востоке
 Багряней сделалось небо,
 И одиноко там горела
 Денницы тихая звезда.
 Рустем не знал, что виделось ему;
 В бессонном забытьи сидел он
 И думал смутно: это сон.
 Когда ж при восхожденье солнца
 Он снял с умершего покров,
 Чтоб утренний привет свой
 4800 Ему сказать, — на голове его
 Увидел он венок из роз и лавров.

VIII

В десятый день из Семенгама
 Зевар с дружиной возвратился.
 Вступив в шатер, увидел он,
 Что там сидел над мертвым сыном
 Рустем, припав к головою
 К его холодному челу, —
 И волосы его седые
 Лежали в диком беспорядке
 4810 На бледных мертвого щеках.
 При входе брата приподнял
 Он голову. Зевар
 На тело молча положил
 Окровавленную повязку.
 При этом виде содрогнувшись,
 Рустем спросил: «Зачем, мой брат Зевар,

Принес назад мою повязку?»
 Зевар ответствовал: «Там никому
 Она уж боле не нужна». Поняв
 4220 Значенье этих слов, в молчанье
 Прижал опять лицо свое Рустем
 К челу Зораба. И никто
 Не смел его ужасного покоя
 Нарушить. На другое утро,
 Когда, с зарей поднявшись,
 Все войско стало в строй, Рустем,
 Всю ночь без сна проведши
 Над сыном, так сказал Зевару:
 4230 «Зевар, мой брат, теперь шатер зеленый
 Над головой моею опрокиньте
 И от меня возьмите прочь Зораба;
 Но прежде привести сюда
 Его коня». Когда же конь
 Был приведен, — как будто от недуга
 Шатаясь, сокрушенный, бледный,
 Он вышел из шатра...
 И он заплакал взрыд,
 Когда коня без седока
 Перед собой увидел. Поны
 4240 Шатра отдернув,
 На господина мертвого коню
 Он указал. В шатер взглянувши быстро,
 Могучий конь оторопел,
 Его поникла голова,
 И до земли упала грива.
 Обеими руками
 Обнявши голову его, Рустем
 Ее поцеловал, потом
 Коню, сложив с него узду,
 4250 Сказал: «Отныне никому
 Ты не служи, Зорабов конь;
 Ты волен». Понял конь разумный
 Его слова: он жалобно и грозно
 Заржал, ужасно прынул
 Вбок от шатра, и вихрем побежал,

И скрылся — и его с тех пор
 Никто нигде не встретил.
 Рустем, оборотяся к брату,
 Ему сказал: «Тебе, мой брат Зевар,
 4260 И войску моему я сына
 Передаю; в Сабулистан
 Несите сына моего;
 Там на кладбище царском,
 Где я охотно лег бы, если б мог
 Тем пробудить его от смерти,
 Пусть будет с предками своими
 Он в землю положен.
 А нашей матери, так часто
 Желавшей внуков от Рустема,
 4270 Скажи, Зевар, что я прислал ей внука,
 Что в красоте души и тела,
 В отважности и в силе богатырской
 Ему подобного земля
 С создання не видала;
 Что был бы он во всем по сердцу ей,
 Когда б в нем только одного
 Порока не было — кинжала,
 Ему во грудь вонзенного отцом.
 Идите. Я останусь здесь —
 4280 Зачем останусь? Что со мною будет?
 О том узнать никто не любопытствуй.
 Поклон прощальный от меня
 Отдайте царству и народу.
 Тебе, Зевар, я поручаю
 Мое исполнить завещанье; сам же
 В Сабул я не пойду: я не могу увидеть
 Ни матери, ни сродников, ни ближних; здесь,
 В пустыне, самого себя
 Хочу размыкать я и змѣя —
 4290 Грызущее мне душу горе —
 Убить. То будет мой последний,
 Мой самый трудный подвиг: змей
 Свиреп, он дышит пламенем и ядом.
 Идите ж; добрый путь вам, будьте

Все счастливы и не крушитесь,
Что, вслед за мной сюда пришедши,
Назад пойдете без меня,
Так должно быть. Простите;
Когда же о Рустеме
4900 Там станут говорить и спросят:
Куда пошел Рустем?
Ответствуйте: не знаем».

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТЕКСТОВ

〈ИЗ «ПОТЕРЯННОГО РАЯ» МИЛЬТОНА〉

Грехопадение, плод запрещенный
От древа, коим смерть была на землю
Приведена и с тратою Эдема
Все бедствия людей, доколь великий
Спаситель не пришел отдать их небу.
Воспой, святая муза, ты издр<евле>
На высотах Синая и Горева
Вдохнувшая все песни пастырю,
Который первым избранникам рая
10 Поведал, как в начале создал небо
И землю Бог. И если холм сионский
Тебе угоден или силоамский
Пророчеств ключ, приди, прошу,
И оживи мне голос вдохновенья...
Не человеческим полетом я
С высот Аний хочу парить. Но петь
О недоступном знанью человека.
.....
Ты ведаешь все тайны неба, все пути.
.....
То освети, что низко, подними и поддержи...

〈ИЗ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ〉

Полупути достигнув жизни сей
В лесу густом увидел я себя —
И путь прямой был мною там утерян.
Могу ли... Как мне то сказать словами...
Весь опустел ужасный этот лес,
Густой, непроходимый, дикий,
И мысль о нем рождала страх и трепет.
Как смерть сама ужасен этот лес...
Но чтоб сказать о [вечном] нам спасеньи
¹⁰ Сперва скажу, что видел там еще.
Не знаю, как я в этот лес пришел...
Жестокый сон меня одолевал,
Что я с пути прямого скоро сбился.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПУТЬ ЖУКОВСКОГО К «ЭПИЧЕСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ»

Раздел «Эпические стихотворения» впервые появился в «Общем оглавлении» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского (С 5). Датированное 1849 г. (подробнее см.: Матяш. С. 150—151), оно, несмотря на то, что в основу С 5 был положен хронологический принцип расположения материала, зафиксировало особое внимание позднего Жуковского к эпосу, его родовому определению. «Эпические стихотворения», «Драматические стихотворения» и «Лирические стихотворения» — эти три рубрики «Общего оглавления» обозначили особое место эпоса в творчестве поэта. Впервые эпос получил в жанровой системе первого русского романтика права гражданства. И те самые произведения, которые в предшествующих собраниях сочинений растворялись в разделе «Смесь», были в конце 1840-х гг. обозначены именно как «Эпические стихотворения».

В состав этого раздела Жуковский включил девять произведений, созданных в течение 35 лет, что зафиксировано их датировкой (кстати, не всегда совпадающей с реальной или отсутствующей вообще): «Аббадона» (1814), «Цейкс и Гальциона» (1822), «Разрушение Трои», «Сид» (1832), «Отрывки из Илиады», «Ундина» (1835), «Наль и Дамаянти» (1840), «Рустем и Зораб» (1846), «Одиссея» (1844—1849). Некоторые из них («Аббадона», «Ундина») Жуковский еще раньше предназначал для помещения в раздел «стихотворных повестей», другие, прежде всего гомеровские поэмы, приобрели для него в конце жизни вполне самостоятельное значение. Очевидно, что находившийся в рукописях поэта законченный текст переложения «Слова о полку Игореве» мог занять свое место среди «Эпических стихотворений» и даже стать своеобразной точкой отсчета. Обращение поэта к «Божественной комедии» Данте, к эпическим поэмам «Потерянный рай» Мильтона и «Конрад Валленрод» Мицкевича, к «Сиду» Гердера, оставшимися в его творческой лаборатории, непосредственно связано с поисками эпического стиля и отражает этапы на пути Жуковского к эпосу как особому типу мирозерцания.

Исследователи творчества Жуковского единодушны в определении его творческой эволюции: от лирики через баллады и лиро-эпос

к эпосу. Поэтическое наследие первого русского романтика, содержащее многочисленные переводы образцов мирового эпоса (от Гомера до Мицкевича), обработку фольклорных сказаний, подтверждает это мнение.

Проблема содержания и форм национального эпоса волновала Жуковского еще в период его творческого становления. В атмосфере Дружеского литературного общества, с его требованием «сочинений в важнейших родах» и национального их содержания, Жуковский создает повесть «Вадим Новгородский», восходящую не только к оссианической традиции, но и к поэтике русской эпической поэмы. В перечне задуманных переводов и переложений, относящемся к 1804 г., Жуковский прежде всего выделяет образцы эпической поэзии, включая сюда отрывки из «Мессиады» Клопштока и «Потерянного рая» Мильтона, «Освобожденного Иерусалима» Тассо, из Гомера, Вергилия, Лукана, Овидия (Резанов. Вып. 2. С. 252).

В архиве поэта сохранился обширный и лишь недавно опубликованный «Конспект по истории литературы и критики», относящийся к 1805—1810 гг. Центральное место в нем занимает раздел «Эпическая поэзия», где дается обзор важнейших трудов, посвященных теории эпической поэмы, в том числе «Опыта об эпической поэме» Вольтера, «Фрагмента об эпической поэме» Антуана Тома, глав об эпической поэзии из «Лицея» Лагарпа, сочинений Баттё и Блера. Изучая их оценки образцов эпоса от гомеровских поэм до «Генриады» Вольтера, Жуковский рассматривает такие существенные эстетические категории, как «герой», «чуждое», «действие», «сюжет» и др. Молодой поэт через систему многочисленных «замечаний во время чтения» высказывает свое отношение к важнейшим положениям классицистической теории эпопеи.

Прежде всего, он последовательно ратует за поэтическую свободу в следовании тем или иным правилам эпопеи. Полемизируя с одним из наиболее ортодоксальных теоретиков классицизма Шарлем Баттё, он заявляет: «Быть так строгим не значит ли поработать гений и принуждать поэтов с подобострастием невольника идти по той дороге, которая начертана им предшественниками их? Нет! Пускай всякой избирает свою особенную дорогу! Не будем обременять его целями!» (Эстетика и критика. С. 86). И далее, подчеркивая, что цель поэзии «трогать, восхищать, очаровывать душу», автор «Конспекта» говорит о том, что истинный гений не подчиняется правилам теоретиков, не считается с их законами. Мотив своей, особенной дороги в искусстве неразрывно связан с отношением Жуковского к теории эпической поэзии.

В центре его размышлений — принципы изображения героя в эпопее. Решительно отделяя эпическую поэму от «истории в стихах» и

«философического трактата», Жуковский подчеркивает необходимость выражать и доказывать моральную истину в ней *поэтически* (это слово он везде выделяет в тексте курсивом). Видя цель эпической поэзии в том, что она расширяет наши понятия о «совершенстве человека», он уделяет особое внимание психологической сложности героя. Характерно, что на протяжении всего «Конспекта» эпическая поэма рассматривается Жуковским в соотношении с трагедией. «Трагедия и эпическая поэма суть театр страстей» (Эстетика и критика. С. 68—69) — так он определяет их общность. Возражая против злоупотребления аллегорическими фигурами, наделенными абстрактными «совершенствами», Жуковский заявляет: «Простота нравов не только не унижает героя, но еще возвышает. Ахилл, сам приготавливающий свой обед, лучше Ахилла, окруженного служителями и невольниками» (Там же. С. 50). Доказывая необходимость видеть в герое эпической поэмы прежде всего человека со всеми его страстями и слабостями, Жуковский, так же как и в программных стихотворениях этого периода «Герой» и «Человек» (показательно соотношение их заглавий) и в переводах флориановских переделок «Дон Кишота» и «Вильгельма Телля», подвергает сомнению теорию героического в эпосе. Герой, по Жуковскому, обыкновенный человек, в борении страстей открывающий высоту своих моральных устремлений. Чудак Дон Кихот в этом смысле оказывается героичнее многих исторических деятелей.

Обращаясь к эстетике чудесного в эпосе, Жуковский выдвигает два положения: 1) «поэт должен избегать излишества, не терять из виду людей, которые должны быть главными его лицами...» (Там же. С. 69); 2) «чудесное не может помрачить натурального» (Там же. С. 87). Одним словом, чудесное для Жуковского как равноправное состояние бытия, как часть человеческой жизни естественно соотносится с другими чувствами, обретает психологическую плоть. Так, в одном из примечаний к «Конспекту» Жуковский упрекает Хераскова, автора «Россиады», за то, что чудесное у него «нелепость», так как носит «внешний характер» и не связано с содержанием поэмы и характерами героев (Там же. С. 69).

Таким образом, в эпоху споров о судьбе русской эпопеи, в период появления многочисленных героид Жуковский вырабатывает собственную теорию эпической поэмы, дополняя ее планами описательной поэмы «Весна», оссианической поэмы «Родрик и Изора», исторической поэмы «Владимир», набросками идиллий (см.: Резанов. Вып. 2. С. 498—503; материалы 4-го тома наст. изд.). Идет лабораторный процесс освоения эпического. Готовясь к созданию поэмы «Владимир», которую Жуковский определяет то как историческую поэму, то как «рыцарскую повесть», то как «romantisches Heldengedicht», он предпо-

лагает осмыслить образцы мировой эпической поэзии. Поэмы Гомера и Вергилия, Ариосто и Тассо, Мильтона, Клопштока и Данте, «Песнь о Нибелунгах» и «Слово о полку Игореве» проходят через его творческое сознание.

Следующий этап творческого развития Жуковского связан с освоением жанра баллады и опытами создания «русской баллады». Размышления о теории эпоса и выявление эпического содержания баллады идут параллельно и неразрывны в творческом сознании поэта. Эстетика «театра страстей», обыкновенного и героического, психологической фантастики вели к поиску обстоятельств, способствующих раскрытию страсти, психологии в действии. В примечаниях к «Конспекту» Жуковский замечал: «... для полного изображения страсти в эпической поэме нужно придумать способнейшие для того обстоятельства, ибо одни только обстоятельства развивают или приводят в действие страсти и служат, так сказать, их основанием» (Эстетика и критика. С. 92). В балладах Жуковский и создавал те экстремальные обстоятельства, где обнажались страсти, где в драматических ситуациях проявлялись характеры. Жуковский нашел свою форму воплощения эпического в поэзии. Баллады 1808—1814 гг. как поэтическая система по праву могут быть названы романтическим эпосом Жуковского.

Как еще пронизательно заметил Гоголь, в Жуковском со временем «стал замечаться перелом поэтического направленья» (Гоголь. Т. 8. С. 378), от баллад он прямо шел к эпосу. В атмосфере полемики вокруг баллад Жуковского, обвинений в надуманности и отсутствии природы в них он создал цикл идиллий (переложений из Гебеля), где, по его собственным словам, выражалась «поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности» (ПЖТ. С. 164). В письме к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г. он писал об этих своих опытах: «Совершенно новый и нам еще неизвестный род» (Там же). В многочисленных предисловиях-примечаниях к ним поэт подчеркивает простоту изображения и почти символическую обобщенность мысли: «... тленная былинка неприметно становится эмблемою человеческой жизни» (Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском ун-те. Ч. 10. М., 1818. С. 63 второй пагинации).

Детальные эпические описания, использование гекзаметра расширяли возможности повествования, что не могло не отразиться на дальнейшей судьбе лиро-эпических жанров. Две баллады, составляющие «Двенадцать спящих дев», превращаются в «старинную повесть в двух балладах». Одновременно в течение 1817—1823 гг. Жуковский создает переложение «Слова о полку Игореве», романсов о Сиде Гердера, переводит «Шильонского узника» Байрона, «Замок Смальгольм» из В. Скотта, «Пери и ангел»

Т. Мура, отрывки из «Энеиды» Вергилия, «Метаморфоз» Овидия. Наконец в 1828 г. возникает оригинальное переложение «Отрывков из Илиады» Гомера, так называемая «малая Илиада», во многом построенная по законам балладного творчества. Отбор наиболее драматических эпизодов, их внутренняя авторская связь и в то же время цельность каждой части позволяют говорить об особом пути развития лиро-эпоса Жуковского в эпоху формирования русской романтической поэмы.

1831 год — особый период в творческом развитии Жуковского, да и русской литературы вообще. Одновременное появление «Повестей Белкина» Пушкина, «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Баллад и повестей» Жуковского — факт сколь хорошо известный, столь и недостаточно осмысленный историками литературы. А между тем соотношение этих трех книг, трех поэтических миров имеет принципиальное значение для понимания путей развития русского эпоса, национального его содержания и форм его выражения. Через циклизацию малых форм и жанров, своеобразно выраженную у каждого художника, шло становление новых прозаических и поэтических систем. Повествовательное начало в поэзии Жуковского как следствие общих процессов прозаизации русской литературы привело к разнообразию жанровых возможностей поэтического эпоса.

1830-е гг. стали переломным моментом в творческом сознании Жуковского. Наверное, как и для всей русской культуры, Рубиконом для него стала трагическая гибель Пушкина. Летописец последних дней его жизни, очевидец предсмертных его часов и даже минут, участник разбора и описания его рукописей, а затем и издатель его посмертных сочинений, Жуковский воочию ощутил масштаб поисков своего друга и ученика, почувствовал направление его поэтической эволюции. Путь Пушкина к прозе, к новым формам лирики, к новой поэтической онтологии и антропологии, к новым повествовательным стратегиям — все это не могло не вызвать размышлений Жуковского о перспективах собственного художественного развития. След пушкинских «Египетских ночей» можно обнаружить в «Камозэнсе». А. И. Тургенев получает «Ундину» с автографом Жуковского: «Другу Тургеневу от Жуковского (1799—1837)» (*Гинзбург М.* Редкий экземпляр «Ундины» // Книжные новости. 1936. № 19. С. 24), где даты не только напоминание о жизни и смерти Пушкина, но и воспоминание о генетической связи «старинной повести» с пушкинскими поисками.

Эстетика «повествовательной поэзии», белого стиха и сказового гекзаметра, путь к эпосу становятся сознательной и целенаправленной установкой первого русского романтика. Наверное, как и Пушкин, Жуковский мог бы сказать: «Лета к презренной прозе клонят...», если бы

до конца жизни он не оставался верен поэзии. Но зато, как и Пушкин, он почувствовал общие тенденции литературного процесса по сближению поэзии и прозы. Его эксперименты по переложению прозаических повестей Ф. Ламотт-Фуке, П. Мериме, Л. Тика и других европейских романтиков на язык поэзии (любопытно свидетельство П. А. Плетнева о том, что Жуковский «хочет из “Ивангое” сделать поэму в стихах» — Переписка. Т. 1. С. 129) — тому подтверждение. Но он, продолжая и развивая идеи Пушкина, мучительно ищет национальные формы эпоса. Характерно, что последние месяцы жизни Пушкина проходят под знаком серьезных раздумий о «Божественной комедии» Данте, «Потерянном рае» Мильтона, «Слове о полку Игореве». Неопубликованный перевод Жуковского «Слова...», первоначально при публикации в 1882 г. даже приписанный Пушкину, оказывается в его руках и становится объектом рефлексии и полемики. Жуковский, посвященный в эти критико-творческие штудии поэта, не мог пройти мимо пушкинских размышлений. Ему оказывается созвучно пушкинское обозначение прижизненных сборников — просто «Стихотворения», как выражение универсального масштаба поэтического творчества вообще. Эту творческую универсалию он уточняет через родовые определения: «лирические», «драматические», «эпические».

Проблема эпических форм в поэзии оказывается в центре его экспериментов и замыслов конца 1830-х — 1840-х гг. К этому времени уже был накоплен материал как эстетической рефлексии об эпосе, так и практических опытов по его переложению. «Слово о полку Игореве» (1817), лабораторный текст «Сида» Гердера (1820) и опубликованные «Романсы о Сиде» (1831), переведенные, прочитанные на заседаниях Российской академии наук и напечатанные отрывки из «Метаморфоз» Овидия (1819) и «Энеиды» Вергилия (1822), «Отрывки из Илиады» Гомера (1828) последовательно на протяжении десяти лет формировали и в творческом сознании Жуковского, и в русском литературном процессе мировоззренческие и повествовательные принципы эпоса как формы времени и мировидения. Отбор материала, его проблематика: мотивы героики, самопожертвования и великой любви, эксперименты в области стиха и «повествовательной поэзии» — расширяли представление о типологии эпоса, его национальном своеобразии.

В 1840-е гг., живя постоянно в Германии, Жуковский не просто физически ощущал связь с родиной, но и будучи в своих творческих поисках гражданином мира, переводя поэзию всех народов, он думал о формировании идеологии национального эпоса, пытался внедрить в русское культурное сознание ее нравственный смысл. Идея духовного рыцарства, воспринятая еще в юности через философию позднего московско-

го масонства, прежде всего И. В. Лопухина, реализованная в переводе флориановой переделки «Дон Кихота» и в собственной поэзии, не покидала «Коломба русского романтизма» и в последние годы его жизни. В списке сюжетов для грандиозной книги «Повестей для юношества» (подробнее см.: Янушкевич. С. 272—273) он стремится к их персонализации. Все эпические сюжеты воспринимаются и воссоздаются как история героической личности, не столько как эпическая картина мира, сколько как эпос личностной судьбы.

В этом списке, относящемся к середине 1840-х гг., кроме написанных стихотворных повестей и сказок («Капитан Бопп», «Маттео Фальконе», «Неожиданное свидание», «Кот в сапогах», «Царь Берендей», «Спящая царевна», «О Иване царевиче» и др.), встречаются и нереализованные замыслы, в том числе «Повесть о Зигфриде Змееборце», «О Иове», «Альф», «Экберт», «Михаил Тверской», «Рейнские сказания», продолжение «Войны мышей и лягушек» (РНБ. Оп. 1. № 53, обложка. Л. 1—2).

Материалы личной библиотеки поэта проясняют характер поисков Жуковского-эпика. Его прежде всего интересует «поэзия народная». В этом смысле закономерным было его обращение в начале 1840-х гг. к одному из значительнейших памятников немецкой эпической поэзии — «Песни о Нибелунгах». В библиотеке Жуковского сохранилось четыре различных издания этого произведения с многочисленными маргиналиями владельца (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 493—519). Первоначальный интерес к этому произведению относится еще к периоду работы над исторической поэмой «Владимир». Пометы в изданиях А. Цойне («Das Nibelungenlied. Ins Neudeutsche übertragen von A. Zeune. Berlin, 1814») и И. Бюшинга («Das Lied der Nibelungen. Metrisch übersetzt von J. G. Büsching. Altenburg u. Leipzig, 1815») свидетельствуют об этом. Новое обращение к «Песни о Нибелунгах» зафиксировано в «Дневниках» записью от 21 мая (4 июня) 1840 г.: «Чтение Нибелунгов» (ПССиП. Т. 14. С. 209). В статье «Иосиф Радовиц», появившейся почти через 10 лет после этой дневниковой записи, Жуковский возвращается к размышлениям о «Нибелунгах». Рассказывая биографию своего немецкого друга, он вспоминает, как Радовиц объяснял «народную немецкую Илиаду, песни Нибелунгов», и далее говорит об «изъяснении безыменного Гомера Германии» (ПСС. Т. 11. С. 62). В этом воспоминании интересен краткий, но емкий эстетический комментарий поэта к «Песни о Нибелунгах», ее сравнение с «Илиадой», образцом эпической поэзии.

В многочисленных списках, задуманных для переложения произведений 1840-х гг., все чаще появляется «Nibelungen» (см.: РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 1; № 37, верхняя обложка). Читая «Нибелунгов» в начале 1840-х гг. в переводе Генриха Беты и с предисловием фон дер

Хагена («Das Nibelungenlied als Volksbuch. In neuer Verdeutschung von H. Beta. Mit einem Vorwort von F. H. von der Hagen. Hefte 1—2. Berlin, 1840—1841»), Жуковский тщательно изучает первые четыре авантюры. Пометы в них охватывают более половины текста (из 281 строфы отмечено 150). Поэт отчеркивает целые страницы, отдельные фрагменты. Возникает своеобразный цитатный конспект всей этой части. Жуковский подробно фиксирует всё, что связано с героическими делами и поступками Зигфрида. Так, на с. 11, отчеркнув отрывок, повествующий о решении Зигфрида идти к бургундам и его бескомпромиссности, он записывает: «Я правилу и почести следую. Подвиги». Эта запись становится тем магнитом, к которому притягивается весь отчеркнутый и подчеркнутый материал. Воссоздается портрет эпического героя «народной книги», реестр его деяний.

Продолжением этой работы по воссозданию героического портрета Зигфрида являются многочисленные пометы в «Чудеснейшей истории о роговом Зигфриде», входящей в цикл «Рейнских сказаний» («Rheinlands Sagen, Geschichten und Legenden. Herausgegeben von Alfred Reumont. Köln u. Aachen, 1837»). Жуковский уделяет этой предыстории главного героя «Песни о Нибелунгах» пристальное внимание, рассматривая ее как часть его героической жизни. На страницах книги Жуковский даже пробует делать ее стихотворное переложение. Первое же предложение: «Auf der Berg zu Xanten am Rhein herrschte Siegmund, ein König im Niederlande...», получает следующее оформление:

На Рейне <город> <древний> <горный>
<Богатый> Старинный град стоит;
Столица Нидерландов
Земли он...

На этом переложение обрывается, но и черновая работа, и стремление найти стихотворный размер позволяют говорить о попытке создать свою версию этого сказания. Характерно, что на верхней обложке этот замысел конкретизируется. Жуковский составляет достаточно подробный план всего сказания, акцентируя каждым его пунктом этапы деяний эпического героя. Возникает своеобразный реестр подвигов Зигфрида (у Жуковского написание имени вариативно: то Зигфрид, то Сигфрид). Вот как это выглядит:

Зигелинда. В лесу. <Нрзб.>
Успехи мужа и занятия Сигфрида.
Воспитание Сигфрида.
Он идет отыскивать меч.
Мимер. Меч <нрзб.>

Сражение с змеем.
(Нрзб.)
Суд Божий.
Возвращение в Ксантен.
Сигфрид идет отыскивать невесту.
Карлик Альберих.
Сражение с Альберихом.
Дракон и клад Нибелунгов.
Зигфрид угождает Гюнтеру.
Игры. Сватовство.
Путешествие к Нибелунгам.
Брунгильда.
Свадьба и возвращение.
Ссора.

Этот план динамичен по своей сути, так как он вмещает в себя путь эпического героя от ухода из дома до последнего часа. Заключительный раздел плана «Ссора» подготавливает трагический финал. Момент движения подчеркивается двукратным повторением глагола «идет» и отглагольными существительными: «возвращение», «путешествие», еще «возвращение». Вместе с тем динамика плана проявляется и в расчленении этого пути на этапы-поступки. Момент действия оказывается внутренне связанным с моментом движения. Два сражения, игры, ссора — всё это позволяет раскрыть героическую природу эпического характера. Два пункта плана: «Сражение с змеем» и «Суд Божий» — отсылают к одноименным повестям Жуковского, переведенным из Шиллера, этот подтекст подчеркивает важность «поведенческого текста» героя.

Архивные материалы позволяют говорить о серьезности намерений Жуковского в отношении повести о юности Зигфрида. В списках начала 1845 г. постоянно рядом с заглавиями уже осуществленных повестей и сказок стоит «Повесть о Зигфриде Змееборце». Поэт вначале даже вписал ее в число уже осуществленных произведений («Капитан Бопп», «Маттео Фальконе» и др.), но затем вычеркнул и назначил исполнение замысла на июнь 1845 г. (РНБ. Оп. 1. № 53, верхняя обложка). Показательно, что эта повесть должна была входить в состав «Повестей для юношества». Во всех тщательно разрабатываемых проектах данного предприятия повесть фигурирует неизменно то под названием «Повесть о Зигфриде Змееборце», то «Повесть о Зигфриде и Нибелунгах». По всей вероятности, поэт так и не осуществил этот замысел, но сам факт внимания к истории героя «Песни о Нибелунгах» свидетельствует о том, что настоящий эпический сюжет имел для него воспитательный смысл.

Соотношение записей в «Рейнских сказаниях» с пометами в «Песни о Нибелунгах» дает возможность расширить наше представление об эпи-

ческих замыслах поэта 1840-х гг. Сам процесс осмысления немецкого героического эпоса важен для понимания эстетики эпической поэмы у Жуковского. Включая наблюдения над «Нибелунгами» в творческий процесс, Жуковский обогащал свою поэтическую палитру.

Показательно в этом отношении новое обращение Жуковского к сюжету «Войны мышей и лягушек». Если в 1831 г. Жуковский использовал мотивы и образы немецкой народной книги «Фрошмейзелер» в целях литературной борьбы (об этом подробнее см. комментарий в 4-м томе наст. изд.), то в начале 1840-х гг. чтение и осмысление этого произведения имели другой характер. В библиотеке поэта сохранился следующий вариант переработки древнегерманского животного эпоса: «Der Froschmäusler. Komisch-didactisches Gedicht von Georg Rollenhagen. Neu herausgegeben von Roderich Benedix. Wesel u. Leipzig, 1841».

Издатель целого ряда книг немецких народных сказаний, популярный комедиограф Юлий Родерих Бенедикс (1811—1873) подошел к народной книге Ролленгагена с большой осторожностью. Не случайно в оглавлении он указывает, что это всего лишь новое издание «комическо-дидактического стихотворения Георга Ролленгагена», а в объемном предисловии на десяти страницах обосновывает принципы своего отношения к тексту «народной книги», определяя главным своим девизом слова: «so wenig möglich zu ändern» («как можно меньше изменять»).

Оставив без внимания первую книгу переложения Бенедикса, Жуковский сосредоточил весь свой интерес на второй книге. Содержание этой части «Фрошмейзелера» связано непосредственно с проблемами государственной власти. Достаточно посмотреть на оглавление: Глава I. О перемене правления у лягушек; глава II. Совет Кривотолка о выборе короля; глава III. О том, что и благочестивые монархи могут быть совращены; глава IV. О том, что для королей является большей опасностью, и т. д. Несомненно, что чтение и многочисленные пометы в этой части произведения имели уже непосредственную связь с общественной позицией поэта. Его раздумья об образе правления, получившие свое отражение в статьях 1840-х гг., накладывались на впечатления от чтения сатирического эпоса Ролленгагена. Сохранившийся в архиве поэта план второй части в этом отношении достаточно красноречив: «Рассказ Квакуна. Народное правление. Аристократия. Монархия» (РНБ. Оп. 1. № 34. Л. 1).

Пометы в тексте переложения Бенедикса (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 528—531) со всей определенностью свидетельствуют о том, что в 1840-е гг. Жуковского интересуют уже не столько шутивно-комическая, сколько сатирическая сторона эпоса Ролленгагена. Так же как в 1820-е гг. при чтении «Приключений Телемака» Фенелона (см.: БЖ.

Ч. 1. С. 495—504), «Фрошмейзелер» он рассматривает как «учебник политической педагогики». В период размышлений о книге «Повестей для юношества» (в списках произведений, которые должны быть включены сюда, «Фрошмейзелер» находится рядом с «Орлеанской девой» Шиллера и переводами из Фенелона и Тома) и осмысления образов «воспитательного эпоса» новое обращение к этому произведению представляется закономерным. За аллегорической формой немецкого комического эпоса поэт сумел разглядеть то, что было близко его собственным раздумьям. Отмечая в книге Бенедикса истории, связанные с проблемами правления, законности, налогов, он возвращался к тому, что волновало его и при чтении произведений общественной мысли. Поэтика эпоса обогащалась новым мирозерцанием.

Итак, в начале 1840-х гг. Жуковский весь во власти замыслов в области эпической поэзии. Он ищет в произведениях мирового эпоса материал для своей гуманистической и воспитательной проповеди, пытается глубже проникнуть в поэтику народных сказаний и в тайны воссоздания эпического события и героического характера. Жуковский — читатель образцов мировой эпической поэзии и Жуковский — экспериментатор в области эпической формы, переводчик неразделимы. В чтении, замыслах конца 1830-х — начала 1840-х гг. оформлялась сама идея эпоса как мировоззренческой концепции. В поисках истоков человечности, общественной утопии, «широкого обобщающего взгляда на мир и человеческую судьбу» (Ц. Вольпе) Жуковский обратился к изучению образцов мирового эпоса. В этом смысле его читательские штудии и лабораторные опыты — органичное звено в творческом процессе 1840-х гг.

Важнейшим этапом на пути реализации эпоса, ее поэтического воплощения стали переложения образцов восточного эпоса. «Наль и Дамаянти» (1837—1841) — отрывок из древнеиндийского эпоса «Махабхарата», «Рустем и Зораб» (1846—1847) — эпизод из эпической поэмы персидского поэта Фирдоуси «Шахнаме» в переложениях немецкого поэта Фридриха Рюккерта (1788—1866) волновали его воображение. Сам факт посредничества немецкого поэта свидетельствует о том, что для Жуковского восточный эпос не был самоцелью. Он обратил свой взор на те его эпизоды, которые отвечали его представлениям об эпосе и его жизненным воззрениям. В этом отношении он следовал русской и западноевропейской традиции использования филоориентализма для гуманистической проповеди.

Выбрав наиболее драматические эпизоды восточного эпоса, Жуковский пытается с максимальной полнотой выявить их этический пафос. Мотив пути, странствия приобретает в повествовании особый смысл. Полет коней, «без крыльев крылатых» — поэтическое выражение это-

го мотива. Но не менее значима в переложении Жуковского «дорога печали» («Наль и Дамаянти»; гл. X, песнь 1). Путь к себе оказывается дольше и труднее, чем сказочный полет богатырских коней. И Наль, и Дамаянти, и Рустем, и Зораб преодолевают этот путь «мучительно долго», чтобы «долгим страданьем свой выплатить долг». Само слово «странствие», столь частое в лексиконе переложений Жуковского, обретает поистине мировоззренческое значение. «Наша жизнь есть странствие по свету» — так в «Двух повестях» поэт определяет смысл человеческого существования, подчеркивая, что вопросы «куда, зачем и кто по ней идти велит» составляют основу жизненной позиции эпического героя.

Странствия героев «индейской» и «персидской» повестей Жуковского наполнены чудесными превращениями, роковыми неузнаваниями, огромными потерями. Эти двигатели сюжета используются Жуковским не только как средства драматизации, но и как прием раскрытия в эпосе «внутреннего человека», выявления природы человека. Герои восточных переложений все «царского сана», но для русского поэта главное передать их человеческое содержание, открыть их человеческие муки.

Страдания героев, те драматические ситуации, в которые они поставлены, — важнейшее средство выявления их человечности. Тема возрождения, очищения, воскресения через страдание как содержательная основа эпоса впервые убедительно заявлена именно в этих переложениях. Возрождение героя у Жуковского связано с его приобщением к подлинным человеческим ценностям. Рустем-воин, чуждый живым человеческим чувствам, мечтающий только о славе, на всем протяжении поэмы показан в сфере военной жизни. Охота, ссоры и примирения с Кейкавусом, пиры, походы, бои, убийства — вот перечень его деяний. Предчувствия беды не могут нарушить этот заведенный порядок, и только сыноубийство способно перевернуть душу героя. Последняя глава, подчеркнута названная «Рустем», оставляет героя наедине с самим собой. «Скорбию согбенный», «неутешимой преданный печали», с «загвожденными железной судорогой устами», он «впервые сердцем сокрушенный». «Нравственный эгоизм» — так во время чтения «Рустема и Зораба» в рюккертовском переложении Жуковский определил поведение героя. В конце гл. 116, комментируя эпизод передачи Рустемом повязки Зораба его матери, он записывает: «moralischer Egoismus». Только великими страданиями герой искупает свою вину. Его последний, самый трудный подвиг не воинский, а человеческий: «... в пустыне, самого себя // Хочу размыкать я и змея — Грызущее мне душу горе — Убить...». В одиночестве всмотреться в себя, открыть свою душу — вот к чему стремится герой Жуковского. Уход богатыря в неиз-

вестном направлении, разочарование в прожитой жизни — путь к себе, к обретению подлинных человеческих ценностей.

В переложениях восточного эпоса Жуковский сумел экзотику и безыскусственность древней поэзии насытить нравственным содержанием, тем самым приблизив их к мировосприятию современного читателя. Настойчивое выделение этического содержания вело к определенному разрушению самой природы героического эпоса. Идеализированные образы царя Наля и богатыря Рустема, заявленные в начале повествования, претерпевают в ходе его значительные изменения. Военские подвиги и богатырская сила не заслоняют этического содержания поступков эпических героев. По справедливому замечанию С. А. Матяш, «герои Фирдоуси и Рюккерта масштабны, они — герои, боги (...), у Жуковского они люди, наделенные сомнениями, предчувствиями, большими и маленькими страстями» (Вопросы истории, языка и литературы. Караганда, 1976. Вып. 3. С. 39).

Тема сыноубийства, трагического неузнавания отца и сына у Жуковского проецируется на современность. Черты эпохи разрушения человеческих связей, раздробления чувств, меркантилизма осознаются как знамение времени. Лесть и подкуп, тирания и бессердечие сильных мира сего, эгоизм в переложении Жуковского воплощены в живых характерах иранского хана Кейкавуса, туранского царя Афразиаба, его верховного вождя Барумана, Хеджира. Общая атмосфера расчета, безнравственности способствует трагическому развитию событий. Процесс очеловечивания героического эпоса — главное направление поисков русского поэта.

Воссоздавая эпизоды из восточного эпоса, Жуковский стремится к передаче события. Событийный поток, воссозданный во всей длительности своего протекания, — основа поэтики переложений. Он — своеобразный аналог «дороги жизни». В нанизывании вопросов, определений приоткрывается драматизм действия. Многочисленные заклинания Дамаянти, близкие к поэтике фольклорного плача, не разрушая движения события, придают ему особую интонацию: «... где мой возлюбленный? где мой желанный? // Где мой прекрасный, мой более жизни мне милый спутник? // Где мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангел-хранитель?»

Эти прорывы живого человеческого голоса естественны в переложениях восточного эпоса. Проблему «внутреннего человека» Жуковский активно вводит в эпическое действие. Психологическое обнажение страстей, драматизм социальных и этических отношений преобразуют сам рисунок эпического повествования.

Особенно отчетливо это проявляется в «Рустеме и Зорабе». Здесь исторические события, столь важные в системе «царственной книги»

Фирдоуси, уходят на задний план, открывая драматические сцены поединка отца и сына. Индивид со своей волей и устремлениями выходит на первый план действия. Личностное начало, «сшибка» характеров и страстей торжествуют в этом романтическом варианте героического эпоса. Все события подчинены выявлению пружин поведения, описанию состояния двух героев. Жуковский не стремится к модернизации событий, к сюжетному заострению, о чем сожалел, например, Вяземский. «Жаль, — писал он Жуковскому, — что в продолжении рассказа читатель предварительно извещен, что должен погибнуть Зораб. Можно было сохранить эту тайну до конца. Она была бы разительнее» (Гиллельсон. С. 57). Жуковский не случайно уже в самом начале говорит о гибели Зораба. В этом — пронзительное ожидание чуда. И вместе с тем утверждение приоритета психологического анализа страстей над сюжетным развитием. Своеобразная интенсификация событий, выражающаяся в напряженном выявлении натуры человека и свойственная «эпосу нового времени» — роману, определяет природу эпического действия в переложении Жуковского.

Характерным свойством эпического действия в «Рустеме и Зорабе» становится драматизм. Общая композиция переложения обнажает диалогизацию повествования. Жуковский это подчеркивает заглавиями книг, отсутствующими у Рюккерта: «Хеджир и Гурдаферид», «Рустем и Кейкавус», «Зораб и Хеджир», «Рустем и Зораб. Первый бой», «Рустем и Зораб. Второй бой», «Рустем и Зораб. Третий бой». Эти заглавия — материализация общей идеи непримиримых столкновений, непонимания между людьми. Ссоры, безответные чувства, ложные амбиции, вражда лежат в основе этих диалогов. Жуковский делает их внутренне напряженными за счет виртуозного использования вольных, большей частью коротких ямбов без рифм, что подчеркивает прозаическую, разговорную интонацию. Живой поток импульсивной речи, резкие переходы от одного ритма к другому способствуют драматизации действия. Драматизация эпических событий вела к заострению нравственной основы сюжета, его приближению к современному состоянию мира, когда, по словам Жуковского, «нет ничего поэтического», а «поэты затащили ее [поэзию] в грязь партий, в болото безверия и в лужу безнравственной чувственности» (С 7. Т. 6. С. 373). В мире восточных сказаний Жуковский пытался акцентировать прежде всего моменты нравственного выбора, гуманистической проповеди, очеловечить героиню и приблизить экзотику к переживаниям современного человека.

Работа над переводом гомеровской «Одиссеи» стала закономерным итогом этих исканий и творческих экспериментов.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В состав данного тома включены так называемые «эпические стихотворения», которые сам Жуковский выделял в «Общем оглавлении» своего последнего прижизненного собрания сочинений (С 5), но в силу избранного хронологического принципа так и не собрал их вместе. В посмертных собраниях сочинений эти тексты также не обрели свою целостность и оказались в разных томах, соседствуя то с лирическими, то с драматическими его произведениями.

Между тем в творческом наследии поэта «эпические стихотворения» — особый и самостоятельный раздел его сочинений. Обращаясь к эпосу народов мира: а это и наследие античной культуры (Вергилий, Овидий, Гомер), и памятник Древней Руси («Слово о полку Игореве»), и испанские романсы о Сиде, и восточный (индийский и персидский) эпос, и «Божественная комедия» Данте, и «Потерянный рай» Мильтона, и «Конрад Валленрод» Мицкевича, Жуковский решал не только просветительскую задачу, знакомя русского читателя с образцами мировой литературы. Он осваивал различные модели эпической поэзии, экспериментировал в области формы (фрагмент, отрывок, цикл романсов, поэма, сюжетная книга и т. д.) и стиха (гекзаметр, белый пятистопный ямб, прозиметрические структуры).

Наконец, он, пытаясь уже в конце жизни соединить многие из этих текстов в единую «Книгу повестей для юношества», по всей вероятности, привлекая к этой работе Гоголя (см. его замысел «Учебной книги словесности для юношества»), актуализирует проблему воспитательного, дидактического начала в искусстве, видя именно в эпосе народов мира материал для гуманистической проповеди.

Собранные в единый том и расположенные в хронологическом порядке, эти произведения позволяют наглядно увидеть направление поисков Жуковского на протяжении 30 лет — от «Слова о полку Игореве» (1817) до «Рустема и Зораба» (1846—1847 гг.).

Среди произведений, представленных в данном томе, есть тексты как опубликованные (и неоднократно) при жизни Жуковского или же посмертно («Слово о полку Игореве»), так и оставшиеся в его творческой лаборатории (например, перевод гердеровского «Сиды», наброски переводов из Данте и Мильтона). Фрагмент перевода из «Конрада Валленрода» Мицкевича до недавнего времени не был атрибутирован. В основной корпус нами были включены тексты законченные, в том числе и неопубликованные при жизни поэта; в раздел «Из черновых и неопубликованных текстов» — наброски переводов, не получившие завершения и не перебеленные.

При комментировании произведений особое внимание было уделено материалам личной библиотеки поэта, так как все «эпические стихотворения» являются переложениями и имеют печатный источник, текст-оригинал. Пометы, а нередко маргиналии в этих книгах, иногда приобретающие характер автографа, — как в случае с гердеровским «Сидом», «Божественной комедией» и «Потерянным раем» — дают интересный материал для творческой истории произведения.

Слово о полку Игореве

(«Не прилично ли будет нам, братья...»)

(С. 9)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 27. Л. 2—14) — черновой, с многочисленными поправками в несколько слоев. Параллельно приводится древнерусский текст, разделенный Жуковским на стихи.

К о п и и:

1) ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 1093 — авторизованная, на белой бумаге верже, с водяным знаком АО 1817 и АО 1818. Основной текст написан рукою неустановленного лица. Этой же рукою проставлены (но не везде) номера стихов. Жуковский заполняет оставленные пропуски, исправляет описки и ошибки, дает новые варианты. Кроме того, имеются замечания А. С. Пушкина (подробнее см.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 127—149).

2) ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 93 — писарская (текст списан дважды).

При жизни Жуковского не печаталось.

В п е р в ы е: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1882. Кн. 2. Апрель-июнь. С. 1—16 второй пагинации — с заглавием: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича Пушкина. С предисловием Е. В. Барсова». Отд. оттиск (М., 1883).

В п е р в ы е (с обоснованием авторства В. А. Жуковского): Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. Приложение. С. 182—199 — с заглавием: «Переложение “Слова о полку Игореве”». Публикация И. А. Бычкова.

Печатается по тексту авторизованной копии.

Д а т и р у е т с я: январь-сентябрь 1817 г.

История работы Жуковского над переложением «Слова о полку Игореве» полна загадок. Прежде всего, удивляет отсутствие каких-либо прямых упоминаний об этом в письмах и дневниковых записях поэта. Даже в переписке с Александром Ивановичем Тургеневым, с которым он делится всеми своими замыслами, «Слово...» не упомянуто ни разу. Эти обстоятельства творческой истории произведения не позволяли точно датировать работу над ним. Традиционно начиная с И. А. Бычкова, датировавшего перевод лишь на основании сорта бумаги чернового автографа (Бумаги Жуковского. С. 80), исследователи и комментаторы называют 1817—1819 гг. Но, как справедливо заметила Р. В. Иезуитова, «датировка эта предположительная, а главное — слишком широкая, явно не достаточно документированная» (Иезуитова. С. 127—128). На основании изучения рукописных материалов дневникового и творческого характера исследователь предлагает свою датировку — январь 1817 г.

Как известно, первое свидетельство знакомства Жуковского с текстом «Слова...» — экземпляр его первого издания, сделанного гр. А. И. Мусиным-Пушкиным («Ироическая песнь о походе на Половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным Русским языком в исходе XII столетия, с переложения на употребляемое наречие. М., 1800»), со следующей дарственной надписью: «Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы на память любви. 1800, 24 ноября». Пометы, в том числе записи в этой книге, находящейся в библиотеке поэта, позволяют говорить, что и позднее, ве-

роятно, во время работы над переложением, он обращался к ней (подробнее см.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. С. 25—27; *Иезуитова*. С. 130).

Работа над исторической поэмой «Владимир» (1810—1815 гг.) активизировала интерес Жуковского к «Слову...». В письме к Александру Тургеневу от 12 сентября 1810 г. в связи с чтением «Нестора» Шлёцера он защищает «Слово...» от сомнений в его подлинности: «... особенно странно то, что он [Шлёцер] сомневается в существовании песни Игоревым воинам, тогда как она давно напечатана и имеет, кажется мне, наружность неотрицаемой истины (*autenticité*)», и, приводя список летописей и исторических книг, имеющихся у него, замечает: «есть у меня (...) и песнь Игорю» (ПЖТ. С. 59—60).

Среди рукописных «Материалов для Владимира» Жуковский трижды упоминает этот памятник русской словесной культуры в характерных формулировках: «Чтение песни Игоря», «Перевод Игоря», «Приготовление к Игорю» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 24). Контекст записей, как убедительно показала Р. В. *Иезуитова*, позволяет приурочить их к январю 1817 г. (*Иезуитова*. С. 127—128).

Но, думается, само переложение вряд ли было сделано сразу же. Скорее всего, это лишь указание на начало работы, «приготовление» к ней. Обстоятельства жизни Жуковского в Дерпте, где он находился в январе-апреле 1817 г. в связи со свадьбой Маши Протасовой и И. Ф. Мойера, не благоприятствовали творчеству. «Поэзия молчит. Для нее еще нет у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажил...»; «Если я во все время нашей разлуки не написал ничего, то не изъясняя этого *прежним*: с этим прежним я сладил. Мое теперешнее положение есть усталость человека, который долго боролся с сильным противником, но, боровшись, имел некоторую деятельность; борьба кончилась, но вместе с нею и деятельность» (ПЖТ. С. 176—177. Курсив Жуковского) — эти фрагменты из писем к А. И. Тургеневу от марта-апреля 1817 г. вряд ли свидетельствуют об окончании перевода «Слова...».

Отсутствие документальных источников (писем, дневниковых записей) за май-сентябрь 1817 г., до отъезда в Москву в начале октября, позволяет предположить, что именно в это время, несколько успокоившись, в атмосфере арзамасских заседаний, Жуковский завершил свою работу над переложением «Слова...». Во-первых, этому способствовал замысел арзамасского журнала. Начиная с первой половины октября 1817 г. в его программе появляется запись: «Св(етлана) — Игорева песнь» (Бумаги Жуковского. С. 159—160). Во-вторых, перевод Жуковского оказывается в это время в руках Н. М. Карамзина, который использует его в своем прозаическом переложении содержания «Слова...» для «Истории государства Российского» (т. 3, гл. VII). Многочисленные курсивы в этом тексте — прямые отсылки к переводу Жуковского, хотя в примечаниях это специально не оговорено.

Таким образом, работу Жуковского по переложению «Слова...» можно предположительно датировать январем-сентябрем 1817 г. — от дерптских «приготовлений» до планов арзамасского журнала и знакомства с уже готовым текстом Н. М. Карамзина. Выход в свет первых девяти томов «Истории государства Российского» в начале 1818 г. (как явствует из письма Жуковского от середины февраля 1818 г., он уже получил «последние тома Истории нашего Ливия» // ПЖТ. С. 188) дает косвенное свидетельство о знакомстве Карамзина с этим произведением Жуковского.

Процесс создания переложения и принципы работы Жуковского над текстом «Слова...» достаточно подробно изложены Р. В. *Иезуитовой*. «Проблема романти-

ческого историзма» — точное определение пафоса этого труда Жуковского, предложенное исследователем. Если бы перевод был опубликован сразу же после его окончания и стал известен современникам, то он, безусловно, стал бы событием русской словесной культуры и во многом компенсировал неудачу с исторической поэмой «Владимир». Показательно, что Карамзин, обратившись в своей «Истории...» к тексту Жуковского, особенно опирается на «силу выражения» и «красоты языка» этого «произведения древности». «Соловей старого времени», «вещи персты», «живые струны», «фокотали славу», «ишемом испить Дону», «вступив в золотое стремя», «клефт», «кровавого вина не достало», «Волгу раскропит веслами», «шестикрыльцы», «Осмомысл», «подпираешь горы», «железными полками», «выронил жемчужную душу свою из мощного тела чрез золотое ожерелье», «пригвоздит старого Владимира к горам Киевским», «лелеять корабли на зыбях его», «на берегах серебряных», «одеваешь меня теплыми мглами», «охраняешь гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах» — все эти выделенные курсивом реминисценции из переложения Жуковского отражали как особое внимание переводчика «Слова...» к пониманию его особенного метафорического строя (Иезуитова. С. 130), так и высокую оценку этого произведения Жуковского Н. М. Карамзиным.

Любопытно, что в одном из проектов арзамасского журнала (от середины декабря 1817 — начала января 1818 г.) «Песнь Игоря (Светлана)» включена в раздел не «стихов», а «прозы» (РНБ. Оп. 1. № 80. Л. 1). Если учитывать то обстоятельство, что несколько строк в «Отрывках, найденных в Арзамасе» (название рукописи) писано рукой Жуковского, то можно предположить в этом указании его авторскую волю. Отнесение «Слова...» к «прозе» актуализирует проблему ритмико-интонационного строя переложения Жуковского, стремившегося в черновом автографе к разделению текста оригинала на периоды и строки и поиску русского (стихотворного) эквивалента. Проблема соотношения стихов и прозы, эстетика «повествовательной поэзии», столь важная для Жуковского в 1830-е гг. и определившая его путь к эпосу, возникла, по всей вероятности, уже при переложении «Слова...».

Вопрос о причинах непубликации этого текста при жизни Жуковского остается открытым. Вряд ли, учитывая отношение к переводу Карамзина и включение его в проспекты арзамасского журнала, есть основания говорить об его эстетической неполноценности или критике со стороны друзей. Можно согласиться с мнением о том, что «Жуковский во многом опережает свое время и, видимо, именно поэтому не решается “выдать на публику” одно из самых заветных своих творений — древнюю поэму с непривычным и необычным для его современников звучанием поэтического слова» (Иезуитова. С. 132), но и публикуемые в это время баллады и идиллии он воспринимал как «новый род поэзии», а его гекзаметрические эксперименты тоже были необычны для современников.

Оценивая в своем «Обзоре русской литературы за 1823 год» «Песнь о полку Игоревом», «новый перевод в прозе и стихах г. Грамматина», Жуковский одобряет его исторические и филологические примечания, но замечает: «... в переводе стихотворном он часто удаляется от оригинала и тем самым его портит. В переводах такого рода нужно одно: буквальная верность, ибо мы хотим только понимать с точностью оригинал; все, что его изменяет, не может иметь никакой для нас цены именно потому, что оно уже новое» (Эстетика и критика. С. 316). Может быть, этим критерием, сформулированным через шесть лет, не отвечал и собственный перевод «Слова...»? Но ответить на этот вопрос положительно не представляется воз-

возможным, так как та тщательность, с которой Жуковский работал над языком своего переложения, огромная подготовительная работа по изучению летописных и исторических источников свидетельствовали о стремлении к предельной точности в воссоздании оригинала.

Дальнейшая судьба перевода Жуковского поистине детективна. Его копия оказалась в бумагах А. С. Пушкина, который хотел сделать «критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора» (из письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу от 13 декабря 1836 г. // *Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина*. М., 1928. С. 278), а во время разбора бумаг поэта после его смерти была вшита в составленную жандармами тетрадь с другими бумагами Пушкина, связанными с примечаниями к «Слову...» (подробнее см.: *Рукою Пушкина*. М.; Л., 1935. С. 148—149; *Цявловский М. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве»* // *Цявловский М. А. Статьи о Пушкине*. М., 1962. С. 207—239).

При разборе бумаг Пушкина Жуковский не только оставил среди них свой перевод с его заметками, не сделав никакой пометы о своем авторстве, но, готовя посмертное издание собрания сочинений Пушкина и заказывая писарю копии различных ненапечатанных его произведений, дал списать и эту сложную в текстологическом отношении рукопись.

В 1882 г. эту копию со своим предисловием опубликовал Е. В. Барсов под заглавием: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича Пушкина». Этот перевод дважды попал в собрания сочинений Пушкина (суворинское изд. 1887 г., т. 1).

Только в 1884 г. И. А. Бычков, разбирая бумаги Жуковского, обнаружил черновой автограф перевода и опубликовал его в приложении к «Отчету Имп. Публичной библиотеки за 1884 год» (СПб., 1887), тем самым сняв вопрос об авторстве Пушкина.

Начиная с С 9 (СПб., 1894. Т. 4. Приложение. С. 461—478) перевод Жуковского вошел в корпус его произведений и занял свое место во всех последующих собраниях сочинений поэта. В С 9 издатель П. А. Ефремов приводит текст «Слова...» по автографу, т. е. по публикации И. А. Быčkova, с постижными примечаниями внизу страницы, где указаны разночтения с авторизованной копией («список Пушкина»).

Позднее дефинитивным текстом была признана именно эта копия, которая и легла в основу публикаций текста «Слова...» в собраниях сочинений Жуковского.

История рецепции переложения Жуковского связана прежде всего с именами Карамзина и Пушкина. Если автор «Истории государства Российского» включил в свой текст прозаического переложения-экстракта «Слова...» реминисценции из перевода Жуковского, то Пушкин текст Жуковского «внимательно прочитал до конца и все свои возражения отметил подчеркиваниями, значками “NB”, а часто и более ясной критикой» (*Рукою Пушкина*. С. 149; см. также: *Цявловский М. А. Указ. соч.* С. 225—229).

Текст «Слова...» Жуковского постоянно входит во все антологии поэтических переложений этого литературного памятника Древней Руси и является объектом исследовательской рефлексии.

По мнению авторитетных ученых, «Перевод “Слова о полку Игореве” Жуковского до сих пор заслуженно считается одним из лучших по точности и художественности» (*Дмитриев Л. А., Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой культуры* // *Слово о полку Игореве*. (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1952. С. 38).

А. Янушкевич

В постижных примечаниях правка Жуковского в авторизованной копии специально не оговаривается (просто: «исправлено», «было»). Ссылки на автограф везде указаны.

Заглавие. <...> полку... — Это слово в древнерусском языке имело несколько значений. Здесь оно употребляется как «поход», в дальнейшем тексте появляется его другое значение: «войско».

Ст. 1. *Не прилично ли будет нам, братия...* — Исправлено Жуковским из «братие». Древнерусское «нелепо» обычно переводится как риторический вопрос: «не следует ли?» Впрочем, еще А. С. Пушкин предложил другое прочтение, утвердительное — «неприлично было бы...» (подробнее см.: Цявловский. С. 225—229). Такое толкование в наши дни поддержано Н. А. Мещерским и А. А. Бурькиным (*Мещерский Н. А., Бурькин А. А.* Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 441).

Ст. 3. *Печальную повесть о битвах Игоря...* — Против этого стиха в автографе имеется помета: «Спр. у Кар.» (т. е., вероятно, спросить или справиться у Карамзина).

Ст. 4. *Игоря Святославича!* — Игорь Святославич (1151—1202), князь новгород-северский, позднее черниговский, принадлежал к роду Ольговичей, потомков Олега Святославича Черниговского.

Ст. 6. *По былинам...* — Т. е. по действительным событиям.

Ст. 8. *Вещий Боян...* — Княжеско-дружинный поэт, живший в конце XI — начале XII в. Вероятно, был родовым певцом князей Ольговичей. Приводимые в тексте фрагменты его творений позволяют предположить, что он писал в манере, близкой к поэзии скандинавских скальдов. Свои песенные импровизации он сопровождал игрой на гуслях.

Ст. 10. *Растекался мыслию по древу...* — Эта ставшая знаменитой метафора поэтического вдохновения содержит, видимо, намек на образ Мирового древа, нередкий в поэзии скальдов. В вершине этого древа обитает орел, у подножия — волк, а в роли «связного» между «верхним» и «нижним» мирами выступает белка. Интересно, что независимо от этого наблюдения, некоторые комментаторы древнерусского текста предлагали слово «мыслию» заменить на «мысию» или «мышию», что в говорах означает белку или других древесных грызунов, например, сонь.

Ст. 15. *...того и песнь прежде пелась...* — Исправлено Жуковским из «то». В автографе: «...тот первую песнь пел...».

Ст. 16. *Старому ли Ярославу...* — Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054), великий князь киевский, убежденный противник княжеских междоусобиц.

Ст. 16—17. *...храброму ли Мстиславу, // Сразившему <...> полками касожскими...* — Мстислав Владимирович, князь тмутороканский, в 1022 г. победил в поединке Редю, вождя касогов (одно из северокавказских племен, предки современных черкесов).

Ст. 18. *Красному ли Роману Святославичу.* — Роман Святославич, внук Ярослава Мудрого, князь тмутороканский, был убит половцами в 1079 г. «Красный» в древнерусском языке значило «красивый».

Ст. 21. *И сами они славу князьям рокотали.* — В черновом тексте автографа вместо «рокотали» — «звучали». Кроме того, к этому стиху было сделано следующее примечание, позднее зачеркнутое карандашом: «Сие место изображает великое дарование Бояна, о коем мы не имеем никакого понятия: он был богат вымыслами; не следовал одним про-

стым былям, но украшал их воображением. Он показывает любовь наших предков к песням и дает думать, что мы имели своих бардов, прославлявших (явших) героев, и что эти песни, петье перед войсками или в собраниях, пелись по жеребью, и здесь означает, в чем состояло это жеребье. Боян же не входил в жеребий: струны его сами знали и пели. Какая похвала!»

Ст. 22. *Начнем же, братия, повесть сию...* — В копии слово «братия» исправлено из «братие». Далее это исправление последовательно выдерживается.

Ст. 23. *От старого Владимира...* — Большинство исследователей полагают, что речь идет о Владимире I, крестившем Русь.

Ст. 28. *На землю Половецкую за землю Русскую...* — Вместо «за землю» первоначально в копии было «на землю». Также вычеркнута запятая перед этим словом.

Ст. 29—42. *Тогда Игорь (<...> выпить шелоном из Дона)...* — Современные исследователи считают, что в рукописи «Слова» здесь были перепутаны страницы. Указанный фрагмент логически должен следовать за ст. 74.

Ст. 30. *Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых...* — Вместо «прикрытых» было «покрытых». Речь идет о солнечном затмении, которое произошло 1 мая 1185 г.

Ст. 37. *А знаменье заступило ему желание...* — В автографе: «А знамение закрыло от него ему желание...»

Безрассудная смелость Игоря тем более поразительна, что в этом случае он не просто пренебрегает грозным для средневекового человека знаменем, но как бы отрекается и от судьбы рода: летописцы XII в. отмечали, что смерть князей из рода Ольговичей обычно сопровождалась солнечными затмениями (Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 7—58).

Ст. 39—40. *...преломить копье // На конце поля половецкого...* — Старинная воинская метафора, означавшая «вступить в битву».

Ст. 42. *Или выпить шелоном из Дона...* — В автографе: «Или испить шелоном Дона...»

Другая метафора, нередкая для воинских повестей Древней Руси, которая означала «завоевать местность, где протекает названная река».

Ст. 47. *Свивая все славы сего времени...* — В древнерусском тексте — «свивая славы оба полы сего времени», что, вероятно, представляет собой метафорическое обозначение поэтической манеры автора «Слова», соединяющего собственный стиль со стилем поэзии Бояна (в основной текст вкрапляются цитаты из его произведений или стилизации в его духе).

Ст. 48. *Рыща тропою Трояновой...* — Троян, по наиболее вероятному предположению, славянское языческое божество. Д. С. Лихачев толкует это выражение как метафору, означающую, что Боян «носится мыслями по божественным путям» (Лихачев. С. 29).

Ст. 49. *...Игорю, оного Олега внуку...* — Исправлено из «того Олега...»

Этот стих — следствие неправильного понимания древнерусского текста «Слова» его первыми издателями, внесшими в эту фразу произвольные дополнения. Под «внуком» в данном случае, видимо, подразумевается Боян. См. ст. 52.

Ст. 52. *Тебе бы петь, вещий Боян, вник Велесов!* — В черновом автографе этот стих поставлен выше двух предыдущих.

Велес — славянский языческий бог, покровитель скотоводства, а также бог богатства. О том, что Велес был, вероятно, и покровителем поэзии, известно лишь из «Слова».

Ст. 53—56. *Ржут кони (...)* в *Путивле...* — Фрагмент в манере Бояна, описывающий начало похода Игоря.

Ст. 53. *Ржут кони за Сулою...* — Подразумеваются половецкие кони, так как Сула была пограничной рекой, отделяющей русские владения от Половецкой степи.

Ст. 55. *...в Новеграде...* — Имеется в виду Новгород-Северский, столица Северского княжества.

Ст. 56. *...в Путивле...* — Город к югу от Новгорода-Северского, в котором княжил сын Игоря Владимир.

Ст. 57. *...брата Всеволода.* — Всеволод Святославич, князь трубчевский и курский (1155—1196), родной брат Игоря, выделялся среди Ольговичей отвагой и воинской доблестью.

Ст. 58. *...буй-тур Всеволод...* — Туры, дикие быки, вымершие в XVII веке, в литературе Древней Руси служили символом отваги и силы. «Буй-тур» — «рассвирепевший бык», ср. также «ярый тур». Многократное повторение этого эпитета рядом с именем Всеволода, возможно, указывает на прижизненное прозвище этого могучего и смелого в бою князя.

Ст. 61. *Седлай же, брат, борзых коней своих...* — В автографе вместо «седлай же» было «седлай».

Ст. 64. *Метки в стрельбе мои куряне...* — В автографе было: «А куряне мои бодрые кмети...»

Вслед за первыми издателями «Слова» В. А. Жуковский неверно переводит древнерусскую фразу «А мои ти куряни сведоми кмети», где «кметь» означает «воин». Ошибка была впервые исправлена Н. М. Карамзиным во втором издании «Истории государства Российского» (1818). См.: *Дмитриев Л. А.* Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРА. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 47—48. В черновом автографе В. А. Жуковского слово «кмети» оставлено без перевода.

Ст. 65—74. *Под трубами повиты ~ а князю славы.* — Эти строки содержат развернутую метафору, характеризующую курян как опытных и всегда готовых к бою воинов. Курские земли непосредственно граничили с Половецкой степью, поэтому их жители были привычны к столкновениям с кочевниками.

Ст. 66. *Под шеломами взлелеяны...* — Вместо «шеломами» в автографе было «под шлемами».

Ст. 71. *Тулы отворены...* — Тулы — колчаны.

Ст. 72. *Сабли отпущены...* — Неточный перевод; в древнерусском тексте и первом издании «изострены».

Ст. 73. *Сами скачут, как серые волки в поле...* — Вариант: «как серые волки в лесе...».

Ст. 75. *Тогда вступил князь Игорь в златое стремя...* — Еще одна воинская метафора, означающая начало похода.

Ст. 77. *Солнце дорогу ему тьмой заступило...* — Вместо «заступило» были варианты: «закрыло» и «сокрыло».

Ст. 78. *Ночь, грозю шумя на него, птиц пробудила...* — Исправлено «шум» на «шумя». В автографе отсутствовало «на него».

Ст. 79. *Рев в стадах звериных...* — Следствие принятого в первом издании «Слова» неверного прочтения и истолкования древнерусской фразы «свисть зверин вьста» (поднялся свист зверей). Имеются в виду свист потревоженных сусликов и сурков.

Ст. 80. *Див кличет на верху древа...* — И в автографе, и в копии после «Див» было «филин», заключенное в скобки А. С. Пушкиным (Рукою Пушкина. С. 130).

Этот загадочно-зловещий персонаж не получил пока общепринятого объяснения. Одни исследователи видят в нем языческое божество (славянское или половецкое), другие — дозорного половецкого воина, третьи — птицу (например, филина, как первые издатели «Слова»).

Ст. 81—84. *Велит прислушать земле неизвестной ~ истукан тмутараканский!* — Перечисляются все земли, заселенные половцами и другими кочевниками. Под «тмутараканским болваном» древнерусского текста большинство исследователей понимают языческую статую, сохранившуюся со времен античности, или половецкую «каменную бабу» в Тмутаракани или ее окрестностях. Тмутаракань — город на Таманском полуострове, в X—XI вв. принадлежал русским князьям. Позднее из-за набегов половцев Тмутараканское княжество утратило связь с Русью и перешло к Византийской империи.

Ст. 85. *...неготовыми дорогами...* — Нападение войска Игоря застало половцев врасплох, они не успели, как обычно в таких случаях, проторить пути для своих обозов.

Ст. 86. *...распущенны лебеди.* — Буквальное воспроизведение древнерусского слова, ныне принятое истолкование — «вспугнутые» или «преследуемые лебеди». Лебедь был тотемной птицей половцев (их самоназвание «кумане» и значило «лебединый народ», «потомки лебедя»).

Ст. 91. *...червленые щиты...* — Щиты русских воинов в XII в. были овальной или миндалевидной формы и окрашены розово-красной краской — черленью.

Ст. 92—93. *О Русская земля! Уж ты за горами // Далеко!* — Первые издатели «Слова» восприняли древнерусское выражение «за шеломянем» как имя собственное, название пограничного села. На деле же нередкое в рукописях слово «шеломья» означает «холм, возвышенность».

Ст. 95. *Свет-заря запала...* — Буквальное воспроизведение древнерусской фразы, которую Д. С. Лихачев переводит как «заря свет уронила» (свет зари погас). (Лихачев. С. 30).

Ст. 98. *Галичий говор затих.* — В скобках: «убыл».

Ошибка В. А. Жуковского: древнерусское «убудися» означает «пробудился».

Ст. 99. *...щитами перегородили...* — Вместо «перегородили» в автографе было «огородили», а в копии первоначально: «городили». Жуковский вписывает приставку.

Ст. 103. *...и паволоки, и драгие оксамиты...* — Драгоценные шелковые и бархатистые с тисненым узором ткани.

Ст. 104. *Ортмами, епанчицами...* — Виды верхней одежды вроде плащей или покрывал. Жуковским в копии вписано вслед за этим: «и кожухами».

Ст. 104. *...разными узорочьями половецкими...* — Драгоценными узорчатыми тканями.

Ст. 106—107. *А стяг червленый ~ с дровком серебряным...* — Перечисляются значащие как трофеи боевые знаки противника.

Ст. 109. *...Олегово храброе гнездо...* — Все князья, принимавшие участие в походе Игоря, принадлежали к роду Ольговичей.

Ст. 114—115. *Гзак ~ Кончак...* — половецкие ханы.

Ст. 118. *...четыре солища...* — Подразумеваются четыре участвовавшие в походе Игоря русских князя: кроме него самого и его брата Всеволода, их племянник рьяльский князь Святослав Олегович, а также сын Игоря Владимир.

Ст. 125. *На реке на Каяле...* — До сих пор не установлено, о какой реке идет речь, хотя существует много гипотез. Весьма возможно, что это поэтично-метафорическое название, означающее реку горя и плача («каяти» по-древнерусски значило «жалеть, оплакивать»).

Ст. 127. *И ветры, Стрибоговы внуки...* — Стрибог — славянское языческое божество, судя по «Слову», бог ветров.

Ст. 130—133. *Земля гремит ~ стяги глаголют!* — Содрогание земли от стука копья, помутившиеся реки, поднятая пыль и трепетанье флагов указывают на приближение половецкой конницы.

Ст. 132. *Прахи...* — В данном случае: пыль.

Ст. 134. *Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.* — В автографе: «Половцы идут от моря и от Дона и от всех сторон».

Ст. 135. *Русские полки отступили.* — В этом случае В. А. Жуковский следует за первыми издателями «Слова», которые неверно разбили фрагмент на фразы и с ошибкой прочли слово «оступиша». Современное прочтение фразы: «Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон русские полки обступили».

Ст. 137. *А храбрые русские...* — В автографе вместо «русские» было «русячи».

Ст. 141. *...мечом харалужным...* — Это слово известно только в данном древнерусском тексте (так называемый гапакс). Его предположительное значение: «сделанный из стали особой выделки, булатный». Вероятно, слово тюркского происхождения.

Ст. 144. *...шлемы аварские...* — Авары — северокавказская народность, известная в летописях под именем «обры». Северокавказские народности нередко выступали союзниками половцев.

Ст. 149. *О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны красныя.* — В черновом варианте было: «О красной Глебовне, милом своем желании, свычае и обычае». Ср. в переводе 1800 г.: «все милье прихоти, обычаи и приветливость прекрасной своей супруги Глебовны». Сохранив вышедшее уже из употребления слово «свычаи» (т. е. привычки), Жуковский позднее, уже в 1830-е гг., «произведет от него неожиданный неологизм — «свычка», характеризуя отношения со своим учеником — великим князем Александром Николаевичем» (Иезуитова. С. 131).

...Глебовны... — женщины из княжеских родов в Древней Руси обычно назывались по имени отца. Ср. далее: Ярославна.

Ст. 150—153. *Были веки Трояновы ~ Олега Святославича.* — «Веки Трояновы», по толкованию Д. С. Лихачева, обозначение времен язычества (Лихачев. С. 32). Фраза содержит противопоставление трех периодов истории Русского государства: языческой древности, времени сильной централизованной Руси, олицетворением которой является Ярослав Мудрый, и наконец, времени княжеских междоусобиц.

Ст. 152. *Были битвы Олега...* — Вместо «битвы» и в автографе, и в копии было первоначально «походы».

Ст. 153. *Олега Святославича.* — Олег Святославич — черниговский князь (ум. 1115), родоначальник «Олегова храброго гнезда», активный участник и нередко зачинщик княжеских междоусобиц, о чем говорится в следующих строках.

Ст. 158. *А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.* — Эта фраза вовсе не свидетельствует о малодушии черниговского князя, под которым подразумевается Владимир Всеволодович Мономах, противник княжеских раздоров. Речь

идет, вероятно, о каких-то фортификационных приготовлениях к возможному нападению. «Уши» в этом случае означают отверстия или запоры крепостных стен.

Ст. 159. *Бориса же Вячеславича слава на суд привела...* — Речь идет об одном из эпизодов княжеских междоусобных войн — битве на Нежатиной Ниве (1078), закончившейся поражением войска Олега Святославича. В числе погибших был и один из его сторонников князь Борис Вячеславич. «Суд» в данном случае подразумевает Божий Суд, поскольку в средневековье победа или поражение в битве считались знаком того, на чьей стороне Бог.

Ст. 160. *И на конскую зеленую попану...* — В древнерусском тексте «паполома», то есть «погребальное покрывало» (образное обозначение травы, на которой лежал убитый князь).

Ст. 162. *С той же Каялы...* — Свидетельство в пользу гипотезы о метафорическом значении названия «Каяла». См. прим. к ст. 125.

Ст. 162. *...Святополк после сечи взял отца своего...* — Еще одной жертвой княжеской междоусобицы на Нежатиной Ниве был неназванный в тексте отец Святополка киевский князь Изяслав Ярославич.

Ст. 163. *Между угорскою конницею...* — В древнерусском тексте «между угорскими иноходьць». Угорские (то есть венгерские) иноходцы (лошади, бегущие особым плавным аллюром) нередко применялись для перевозки раненых или убитых; носилки, укрепленные между двумя такими лошадьми, меньше раскачивались.

Ст. 164. *...Олеге Гориславиче...* — Это прозвище, данное автором «Слова» Олегу Черниговскому, помимо иронии и осуждения его гибельных для Русской земли действий, содержит и некоторый оттенок сочувствия к беспокойному, но неудачливому князю.

Ст. 164. *...вырастало междоусобием...* — В автографе: «вырастало междоусобие...»

Ст. 165. *...жизнь Дажьбожских внуков...* — Дажьбог — славянский языческий бог солнца. Принято считать, что «Дажьбожьими внуками» автор «Слова» называет русский народ.

Ст. 168. *Но часто граяли враны...* — В автографе: «Но часто враны кричали...»

Ст. 171. *Хотим полететь на добычу.* — В автографе: «Хотим лететь на обед...» В копии исправлено «хотим» из «тещя».

Ст. 172. *То было в тех сечах, в тех битвах...* — В автографе и первоначально в копии: «То было в тех ратях и тех походах...»

Ст. 188—189. *Игорь полки заворачивает: // Жаль ему милого брата Всеволода.* — Один из эпизодов битвы с половцами, когда Игорь тщетно пытался остановить бегство союзников-ковуев, а на обратном пути был захвачен в плен, видя при этом, как бьется в неравной схватке его брат (так этот эпизод рассказан в летописи).

Ст. 194. *Тут разлучились братья на бреге быстрой Каялы...* — Взятые в плен русские князья достались разным половецким ханам.

Ст. 196. *Тут пир докончили бесстрашные русские...* — В автографе: «Тут пир докончили храбрые воины русские...»

Ст. 195—198. *Тут кровавого вина недостало ~ за Русскую землю!* — Традиционное для эпоса многих народов метафорическое изображение битвы как свадебного пира в данном случае усилено исторической реалией. Еще до похода дочь хана Кончака была просватана за сына Игоря Владимира. Подобные браки были не редкостью в это время, когда военные столкновения с половцами сменялись периодами перемирия.

Ст. 204—207. *И встала обида ~ у Дона плескаяся.* — Образ крылатой Девы-Обиды исследователи сопоставляют с мифологическими девами-воительницами скандинавского (валькирии) и сербского (вилы) эпоса. Они наделялись лебединым опереньем и олицетворяли битвы и ужасы войны.

Ст. 205. *Девой вступя на Троянову землю...* — В автографе вместо «вступя» было «ступя».

По толкованию Д. С. Лихачева, имеется в виду Русская земля (Лихачев. С. 33).

Ст. 206. *Крыльями всплеснула лебедиными...* — В автографе: «Встрепенула крыльями лебедиными...»

Ст. 208. *...благоденствием обильные...* — И в автографе, и в копии вместо «благоденствием» было «благоденствия».

Ст. 209. *Миновались брани князей на неверных.* — Фразу оригинала «усобица княземъ на поганяны погыбе» современные исследователи переводят как «князья перестали воевать с язычниками-половцами».

Ст. 211. *И стали князья говорить про малое, как про великое...* — В автографе и первоначально в копии: «И стали князья спорить о малом как о великом...»

Ст. 213. *А неверные со всех сторон ~ на Русскую землю!..* — Автограф: «Со всех сторон приходили с победами на русскую землю!» В копии первоначально было: «... врывались в земле русския».

Ст. 216. *Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали...* — Как и первые издатели «Слова», В. А. Жуковский, вероятно, принял этих загадочных персонажей за неких половцевких ханов, которые однако в летописях не упоминаются. Современные исследователи склоняются к мнению, что Карна и Жля — олицетворения плача и горя (от «карити» — «оплакивать покойника»; «жля» или «желя» — «печаль, скорбь»).

Ст. 217. *Мча разорение в пламенном роге!* — Пушкин вместо «разорение» подписал сверху: «победу» (см.: Рукоюю Пушкина. С. 135).

Неясная фраза древнерусского текста «смагу людемъ мычючи въ пламяне розе» содержит, видимо, намек на какой-то погребальный обряд.

Ст. 221. *Ни дуюмо сдумать...* — Жуковский в копии исправляет ошибки переписчика: вместо «душою» — «думою», вместо «вздумать» — «сдумать», хотя последнее исправление вряд ли можно отнести к «ошибкам».

Ст. 223. *А злата-серебра много утрачено!* — В черновом автографе: «А злата-серебра много потратит!»

Неточный перевод фразы «...а злата и сребра не мало того потрепати». Современный перевод: «А золота и серебра и вовсе не потрогать» (Лихачев. С. 33).

Ст. 227. *Обильна печаль потекла...* — Жуковский зачеркивает в копии, вероятно, ошибочно появившееся еще раз слово «тоска» и заменяет его на «печаль».

Ст. 229. *А неверные сами с победами набегали...* — И в автографе, и первоначально в копии вместо «набегали» было «врывались».

Ст. 230. *Дань собирая по белке с двора.* — Известное из летописей условное обозначение наложенной на побежденных дани, вероятно, не имеющее конкретного значения (предложенные некоторыми толкователями чтения «по беличьей шкурке» или по «серебряной монете — беле» слишком незначительны для общего трагичного тона повествования).

Ст. 232. *Игорь и Всеволод, раздор пробудили...* — В автографе «...пробудили коварство...»

Ст. 233—234. *Едва уснул ~ князь киевский...* — В 1184 г. киевский князь Святослав Всеволодович (1125—1194) в союзе с другими князьями совершил удачный поход на половцев, следствием которого было заключенное перемирие, нарушенное безрассудством молодых Ольговичей.

Ст. 233. *...мощный отец их...* — Святослав Всеволодович также принадлежал к Ольговичам и приходился Игорю и Всеволоду старшим двоюродным братом; «отцом» же назван как их феодальный сюзерен и старший в роде.

Ст. 236. *...он врагов своими сильными битвами...* — В автографе и копии вместо «битвами» было «ратями».

Ст. 242—246. *А Кобяка неверного ~ В гряднице Святославовой.* — В результате похода 1184 г. был побежден и пленен Кобяк, хан лукоморских половцев.

Ст. 244. *Вырвал, как вихорь!* — В автографе: «Вихрем исторгнул».

Ст. 246. *В гряднице...* — Это помещение в княжеской резиденции, где обычно происходили пиры, торжественные приемы и совещания, в военное время оно могло служить местом заключения знатных пленников.

Ст. 247—248. *Немцы и венецы, // Греки и моравы...* — Перечисляются далекие западноевропейские народы, чтобы подчеркнуть значимость и величие киевского князя. Венеды — венецианцы.

Ст. 250. *Кают Игоря-князя...* — В автографе и копии рядом с глаголом «кают» в скобках написано: «корят».

Кают — бранят, проклинают.

Ст. 253. *Там Игорь-князь из золотого седла пересел на седло отрока...* — В автографе и первоначально в копии: «...изшел в седло Кошсеево...»

В древнерусском тексте «въ седло кошсеево». Первые издатели «Слова» видели в «кошее» имя собственное, позднее возобладало его толкование как «раба» (это значение, видимо, и у В. А. Жуковского). Ср. в современных брянских говорах «кощей» — слуга. Удачным представляется объяснение этого слова тюркизмом «коши», что означает «кочевник» (*Судейменов О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. С. 154—155).

Ст. 254. *Уныли в градах забрали...* — На забралах (верхней части городских стен) горожане встречали возвращающихся из похода воинов.

Ст. 256. *И Святославу смутный сон привиделся.* — «Смутный» исправлено из: «мутный».

«Смутный сон» киевского князя, содержащий в древнерусском тексте несколько «темных мест», помимо общего зловещего тона пронизан погребальной символикой (черный погребальный саван, крупный жемчуг, в народной поэзии означающий слезы, разобранная кровля княжеского терема и т. д.). Это обстоятельство, а также отсутствие имени Святослава в заключающей «Слово» здравце князьям легли в основу гипотезы Н. С. Демковой. Исследовательница датирует время написания этого памятника интервалом между декабрем 1194 г. — временем смерти Святослава и 1196 г., когда умер здравствующий в конце «Слова» «буй-тур» Всеволод (*Демкова Н. С.* К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. 1973. № 14. История, язык, литература. Вып. 3. С. 72—77).

Ст. 258. *...на кровати тесовой...* — В древнерусском тексте «тисове», то есть «сделанной из тиса, кедра или другого дерева ценной породы».

Ст. 259. *...сине вино, с горечью смешанное...* — Ритуальное омовение покойника производилось, видимо, каким-то бальзамирующим раствором.

Ст. 260. *...пустыми колчанами...* — В автографе и первоначально в копии: «... пустыми раковинами...»

Ст. 261. *Жемчуг великой в нечистых раковинах...* — О жемчуге см. примечание к ст. 254. Первые издатели «Слова» объяснили древнерусское «тълковины» как «раковины», современное прочтение — «иноземцы-язычники».

Ст. 263. *А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.* — Умершего, по предположению Д. С. Лихачева, выносили через разобранную крышу. Древнерусское слово «кнес» в данном случае означает верхний брус крыши (Лихачев. С. 34).

Ст. 264—266. *...гряяли враны зловецие ~ к синему морю?»* — Одно из самых неясных мест древнерусского текста, не получившее пока общепринятого истолкования. Впрочем, со времени первого издания «Слова» некоторые уточнения в него все же внесены: например, «дебрь Кисанова» ныне толкуется как «лес в окрестностях Киева, у речки Кияни», а первоначальное чтение «не сошлю» (у В. А. Жуковского соответственно «не послать ли мне») заменено на «несоша мя» — «понесли меня».

Ст. 264. *И с вечера целую ночь гряяли враны зловецие...* — В автографе и копии вместо «гряяли» — «кричали». Эпитет «зловещие» имел следующие варианты: «резвые», «плотоядные», «кровожадные».

Ст. 265. *Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...* — В автографе: «Слетевшись на склон у Пленьска в дебри Кисановой...»

Ст. 273. *...в железных опутинах.* — В кандалах. Опутины — путы, надеваемые на лапы ловчим птицам, чтобы они не улетели.

Ст. 275—277. *Два солнца померкли ~ Олег и Святослав...* — Символическое изображение гибели Игоревы войска, где «два солнца» — Игорь и Всеволод. В последующих строках вызывает недоумение упоминание Олега (в походе участвовал другой сын Игоря — Владимир, Олегу же было в это время всего 10 лет). Часть исследователей видят в этом ошибку древнерусских переписчиков. Н. С. Демкова предполагает, что «Олег и Святослав» — младшие сыновья Игоря, которые, несмотря на их юный возраст, были все же взяты в поход отцом (упоминание о двух безымянных сыновьях, взятых Игорем с собой, есть в одной из летописей). Тогда «два багряных столпа» — это молодые князья, Владимир и Святослав Рыльский, уже владеющие собственными уделами (Демкова Н. С. Из комментарий к тексту «Слова о полку Игореве» // ТОДРА. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 114—123).

Ст. 280. *Гнездом леопардов...* — В древнерусском тексте «пардуже гнездо». Имеются в виду гепарды, быстроногие звери из семейства кошачьих, которые легко приручаются. На Востоке они применялись в качестве ловчих зверей; упоминания о «пардусах» встречаются в древнерусских текстах. Гепарды обычно охотятся семьями — «гнездами».

Ст. 281. *И в море ее погрузили...* — Произвольная конъектура первых издателей «Слова», переставивших строчки. В древнерусском тексте фраза завершает метафорическое описание гибели русского войска. См. прим. к ст. 273—275.

Ст. 282. *И в хана вселилось буйство великое.* — Еще одно произвольное прочтение первых издателей. В древнерусском оригинале «хинови» — слово, предположительно обозначающее какие-то восточные народы. Фраза неясна.

Ст. 283—285. *Нашла хула на хвалу ~ на землю!* — В древнерусском тексте, вероятно, фрагмент в манере Бояна. Концентрированная метафоричность фрагмента, а также смысловой параллелизм и опора на аллитерации и игру созвучий напоминают поэзию скальдов.

Ст. 284. *Неволя грянула на волю...* — В автографе вместо «грянула» — «ударила». Пушкин предложил свой вариант: «Нужда сменила изобилие» (Рукою Пушкина. С. 137).

Ст. 285. *Вернулся Див на землю!* — О Диве см. прим. к ст. 80. Из множества предложенных объяснений наиболее приемлемым для данного фрагмента представляется мифолого-метафорическое — Див здесь злобное божество, олицетворение Степи, напавшей на Русскую землю (Лихачев. С. 36). Стоит отметить и оригинальную гипотезу С. В. Шервинского, видящего в Диве удода. Эта пестрая птица сидит обычно на вершинах деревьев, но потревоженная или испуганная, с криком резко бросается на землю. Интересно, что в средневековой литературной традиции Востока удода обычно выступает в функции вестника (*Шервинский С. В.* «Див» в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 134—140). Впрочем, оба толкования не безупречны.

Ст. 286. *...готские красные девы...* — Вероятно, имеются в виду крымские или таманские готы, жившие в XII в. на черноморском и азовском побережьях.

Ст. 289—290. *Поют они время Бусово, // Величают мечь Шаруканову.* — В автографе: «Шураканову».

Часть исследователей видят во «времени Бусовом» упоминание о гибели антского (предки славян) вождя Буса (Бооза), разгромленного готами в IV в. Согласно другому предположению, Бус — какой-то половецкий хан прошлых времен. Шарукан — дед хана Кончака, неоднократно терпевший поражения от русских князей.

Ст. 292. *...слово златое, со слезами смешанное...* — В автографе отсутствует: «...со слезами смешанное...»

Ст. 293. *«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!* — См. прим. к ст. 232.

Ст. 301. *...многовойного брата Ярослава...* — Т. е. владеющего многочисленным войском. В автографе и копии: «миловидного».

Ст. 302—304. *С его черниговскими племенами ~ и олберами!* — Перечисляются союзники черниговского князя Ярослава — осевшие в его землях кочевые племена. В автографе рядом со словом «племенами» написано «поселенцами».

Ст. 309—310. *Славу передню ~ сами поделим!* — «Передняя слава» — слава нынешних времен, а «задняя» — слава дней минувших.

Ст. 312. *Сокол ученый...* — Неточно; в древнерусском тексте «соколъ въ мытехъ», то есть «старый, много раз перелинявший, опытный».

Ст. 316. *Времена обратились на низкое!* — Современный перевод: «Время изменило все к худшему».

Ст. 317. *Вот и у Роменя кричат под саблями половецкими...* — Имеется в виду город Римов, вслед за поражением Игоря подвергшийся нападению половцев. В издании 1800 г. читаем: «Се Урим кричат под саблями Половецкими», где неверно прочитанные слова: «у Рим», то есть «у (города) Римова» были поняты как собственное имя «Урим», с объяснением: «Один из воевод или союзников князя Игоря, в сем сражении участвовавший». Жуковский понял это место иначе и вместо «Урим» написал сначала (в черновом автографе): «Роман», а затем в копии внес поправку: «Вот у Роменя кричат...»

Ст. 318. *А князь Владимир под ранами.* — Переяславский князь Владимир Глебович был тяжело ранен при обороне своего города от половцев.

Ст. 319. *Горе и беда сыну Глебову!* — По мнению современных исследователей, здесь обрывается «златое слово» Святослава. Последующее обращение к русским

князьям (неуместное в устах киевского князя с позиций феодальной иерархии) принадлежит уже самому автору «Слова».

Ст. 320. *Где ж ты, великий князь Всеволод?* — Автор обращается к одному из самых могущественных феодалов Древней Руси — владими́ро-суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу, позднее прозванному Большое Гнездо (1154—1212).

Ст. 321. *...отцовский златой престол...* — Киевскими князьями были дед Всеволода Владимир Мономах и (в конце жизни) отец — Юрий Долгорукий.

Ст. 322. *Силен ты веслами Волгу разбрызгать...* — Помимо метафорического обозначения многочисленности войск князя Всеволода фраза содержит намек на его победоносный поход против волжских болгар в 1183 г.

Ст. 324—325. *...была бы дева по ногате, // А отрок по резане.* — В автографе вместо «отрок» было «кощей».

Ногата и резана — очень мелкие древнерусские монеты. Общий смысл фразы: «Если бы Всеволод выступил против половцев, было бы так много пленных, что они продавались бы за бесценок».

Ст. 324. *...дева...* — В древнерусском тексте «чага», то есть «рабыня».

Ст. 325. *...отрок...* — В древнерусском тексте «кощей». См. прим. к ст. 253.

Ст. 327. *...шерещирами...* — Еще один гапак «Слова». Предположительное значение — «метательные копья», с которыми сравниваются вассальные рязанские князья Всеволода — «удалые сыны Глебовы». В автографе и первоначально в копии было: «самострелами».

Ст. 328. *...бесстрашные Рюрик с Давыдом...* — Сыновья Ростислава Мстиславича, правнуки Владимира Мономаха. Рюрик с 1180 г. владел киевским княжеством, кроме самого Киева, а Давыд был смоленским князем.

Ст. 335. *...галицкий князь Осьмомысл Ярослав...* — Ярослав Владимирович, князь галицкий (1130—1187), отец жены Игоря Ярославны. Прозвище «Осьмомысл», известное только из «Слова», удовлетворительного объяснения не получило. Вероятно, оно намекает на мудрость или чрезвычайную занятость этого князя, одного из самых могущественных в это время.

Ст. 337. *...Угрские горы...* — Карпаты.

Ст. 338. *Заступил ты путь королю...* — Подразумевается венгерский король, с которым Ярослав Галицкий неоднократно имел военные столкновения.

Ст. 339. *Затворил Дунаю ворота...* — Галицкое княжество располагалось в нижнем течении Дуная.

Ст. 340. *Бремена через облака мечешь...* — «Бремена» — «тяжести». Общий смысл древнерусской фразы неясен. Комментаторы предполагают здесь намек на дальние походы галицких войск, которыми Ярослав руководил, не покидая своего дворца.

Ст. 343. *Ворота откроряешь к Киеву...* — В автографе: «Ворота откроряешь ты Киеву...»

Ст. 344. *Стреляешь в султанов (...) через дальние земли.* — В автографе: «...через дальняя страны».

Комментаторы видят в этой фразе намек на желание Ярослава Галицкого участвовать в третьем крестовом походе против султана Салах-ад-Дина (Саладина). Впрочем, поход состоялся уже после смерти Ярослава.

Ст. 345. *...в Кончака, неверного кощея...* — См. прим. к ст. 253.

Ст. 347. *А ты, Мстислав, и ты, смельй Роман!* — Мстислав Ярославич, князь луцкий, и его двоюродный брат Роман Мстиславич, князь владими́ро-волинский

и позднее галицкий (1150—1205). Последний был прославлен личной отвагой и полководческими талантами не только на Руси, но и в Западной Европе.

Ст. 348. *Храбрая мысль носит вас на подвиги...* — В автографе: «...носит вам ум на подвиги...»

Ст. 350. *... как сокол на ветрах ширяется...* — То есть «парит»; слово в этом значении сохранилось в украинском языке.

Ст. 352. *... панцири!* — Неточный перевод первых издателей «Слова». В данном случае древнерусское «папорзи» означает «чешуйчатый ремень у шлема, застегивавшийся под подбородком». Такая конструкция была характерна для западноевропейских («латинских») шлемов этого времени.

Ст. 353. *Дрогнули от них земля и многие области ханов...* — Автограф: «Дрогнули им многие земли и области хановы...»

Ст. 354. *...деремела, ятвяги...* — Литовские племена.

Ст. 360. *По Руси...* — Правый приток Днепра, река, пограничная с половецкими землями. В автографе было «По Руси...».

Ст. 365. *...Ингвар, и Всеволод, и все три Мстиславича...* — Волынские князья.

Ст. 366. *Не худого гнезда шестокрильцы...* — То есть соколы (оперенье крыла сокола состоит из трех частей, заметных в полете). «Гнездо» — в данном случае галицко-волынская ветвь «Мстиславова племени».

Ст. 372—375. *Не течет уже Сула ~ под кликом неверных.* — В обращении к полоцким князьям автор «Слова» подчеркивает их неспособность противостоять в одиночку нападениям иноземцев. Смысл фразы: «Сула и Двина утратили для врагов свое значение пограничных рек».

Ст. 376. *Один Изяслав, сын Васильков...* — Полоцкий князь, погибший в сражении с литовцами. Сведения о нем и его далее упоминаемых братьях Брячиславе и Всеволоде в летописях практически отсутствуют.

Ст. 377. *Позвенел своими острыми мечами...* — Первоначально в копии вместо «мечами» было «щитами».

Ст. 381. *И на сем одре возгласил он...* — В древнерусском тексте «темное место», не получившее удовлетворительного истолкования. Возможно, что последующую эпитафию погибшему войску произносит не сам Изяслав, а его любимец — дружинный поэт.

Ст. 386—388. *Один изронил ты жемчужную душу // Из храброго тела // Через златое ожерелье!* — По средневековым представлениям душа человека в момент его смерти ускользала через горло и уста. «Ожерелье» — вышитый золотом и драгоценными камнями вырез ворота княжеской рубахи, который был круглой или квадратной формы и плотно облегал плечи и шею.

Ст. 391. *Трубят городенские трубы.* — Это происходило при сдаче города.

Ст. 392. *И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава...* — Д. С. Лихачев предложил внести в древнерусский текст конъектурную правку: «Ярослави все внуце и Всеслави», что означает обращение к потомкам двух постоянно враждовавших между собой княжеских ветвей — потомков Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого (Лихачев. С. 42).

Ст. 398. *О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкия!* — В автографе: «Бывало нам прежде какое насилие...» В копии первоначально отсутствовала частица «ж».

Ст. 399. *На седьмом веке Трояном...* — См. прим. к ст. 150—153.

Ст. 400—403. *Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой ~ до златого престола Киевского.* — В ст. 400 в автографе и копии отсутствовало местоимение «ему».

Гибельность княжеских раздоров показывается на примере неприкаянной судьбы Всеслава Брячиславича Полоцкого (ум. 1101), вся жизнь которого была насыщена междуособными распрями. В этих строках иносказательно («в манере Бояна») говорится о перипетиях борьбы Всеслава за киевский престол («милой ему девицей» назван этот желанный для князя город) — о его заточении противниками в «порубе», откуда он освободился хитростью («подпершись клюками») — воспользовавшись восстанием в Киеве, и ненадолго занял («коснулся древком копья») княжеский престол, но вскоре вынужден был бежать.

Ст. 404. *Лютым зверем...* — Уже при жизни Всеслав Полоцкий слыл чародеем (по свидетельству летописца он родился от волхования), в «Слове» этот мятежный князь назван «вещим» и изображается оборотнем, который в обличье волка мог преодолевать большие расстояния.

Ст. 406. *К утру ж, вонзивши стрикузы, раздвигнул врата Новгороду...* — В автографе: «К утру же стрикузы водрузивши, раздвигнул врата Новгороду».

«Темное место» древнерусского текста, в котором предположительно речь идет о военной удаче Всеслава («вазнь» — счастье, удача) — захвате им Новгорода.

Ст. 408. *... с Дудуток к Немизе.* — В автографе и копии был вариант: «...к Неману...». То же далее в ст. 409, 413.

Дудutki предположительно местность под Новгородом, Немига (Немиза) — река в окрестностях Минска, где произошло сражение, в котором войско Всеслава потерпело поражение (1067).

Ст. 415. *Князь Всеслав людей судил...* — В автографе вместо «Всеслав» было «Всеволод».

Ст. 419. *К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.* — В первом издании «Слова» фрагмент: «великому хръсови вълком путь прерыскаше» опущен, с примечанием: «Не вразумительно». Жуковский прочитал эту фразу ошибочно. Имеется в виду языческий бог солнца Хорс, которого оборотень Всеслав мог обогнать в своем волшебном беге.

Ст. 425. *Ему первому и вещей Боян мудрым припевом предрек...* — В автографе: «Ему и вещей Боян древней припевкой предрек...» В копии первоначально было опущено слово «первому».

Ст. 427. *Будь по птице горазд...* — Одно из предположительных толкований: «разбирайся в гадании по полету птиц», по другому толкованию: древнерусское «птиць / пытьць» — «колдун».

Ст. 431. *Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!* — Речь идет о Владимире I, который часто ходил в походы на недругов.

Ст. 434—435. *Нося на рогах их, волы ныне землю пашут, // И копьа славят на Дунае.* — В автографе и первоначально в копии: «Не розинося им хоботы пашут // И копьа поют на Дунае».

Неверное прочтение древнерусского текста первыми издателями «Слова». Современное толкование: «Но врозь развиваются их боевые стяги. Копья поют».

Ст. 436. *Голос Ярославнин...* — Дочь Ярослава Галицкого, жена князя Игоря, мать его шестерых сыновей. О том, что ее звали Евфросиньей, сообщают лишь первые издатели «Слова», других свидетельств об этом нет.

Ст. 437. *...чететкою по Дунаю...* — В автографе и первоначально в копии вместо «чететкою» было «кукушкою».

Чететка — вид певчих птиц из рода коноплянок, семейство вьюрковых. Согласно «Толковому словарю...» В. И. Даля, просто «пташка» (СПб.; М., 1882. Т. 4.

С. 603). В древнерусском тексте «зегзицию». В других рукописных памятниках, а также в украинских и южнорусских говорах сходными словами обозначают кукушку, чайку, чибиса. Традиционный перевод — «кукушка» (идущий от фольклора образ горящей женщины), хотя в переводах и переложениях «Плача Ярославны» встречаются и другие птицы: «ласточка» (А. Н. Майков), «горлица» (Н. Гербель, П. Шкляревский), наконец, просто «зегзица» без перевода (Н. Старшинов, А. Югов, В. Соснора, И. Шкляревский).

В устном народном творчестве «Дунай» — поэтическое название реки вообще. Одновременно это река в родном для Ярославны Галицком княжестве, крайняя западная граница Русской земли.

Ст. 438. ...*бобровый рукав*... — До недавнего времени считалось, что древнерусское «бобрый рукав» значило «рукав с бобровой опушкой». Н. А. Мещерский установил, что «бобрый» могло значить и «шелковый» (*Мещерский Н. А.* К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Уч. зап. ЛГУ. 1956. № 198. Вып. 24. С. 5—6).

Ст. 439. ...*на отвердевшем теле*... — Древнерусское «жестоцем [теле]», обычно переводится «могучем». В брянских говорах, впрочем, «жестокий» значит «горячий, воспаленный» (*Козырев В. А.* Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // ТОДРА. Л., 1976. С. 96—97).

Ст. 440. *Ярославна поутру плачет в Путивле на стене*... — В автографе отсутствует: «в Путивле».

Ст. 443—445. *На что же наносишь ты стрелы ханские ~ На воинов ляды моей?* — В «пушкинском» списке строки пропущены; они вставлены по черновому автографу.

Ст. 443. ...*стрелы ханские*... — В древнерусском тексте «хиновьская». О «хинове» см. прим к ст. 280.

Ст. 450. ...*Днепр, ты, слава-река!* — В древнерусском тексте «Славутич», то есть «прославленный, славный». Этот эпитет Днепра сохранился до сих пор в украинском фольклоре.

Ст. 451. *Ты пробил горы каменные*... — Имеются в виду днепровские пороги.

Ст. 461. *И заточило им тулы печалию?* — В автографе рядом со словом «заточило» не зачеркнуто: «заткало».

Ст. 473. *Овлур свистнул*... — Крещеный половец, помогший Игорю бежать из плена. В летописях назывался также Лавром.

Ст. 475. *Не быть князю Игорю!* — Подразумевается: не оставаться в плену.

Ст. 476—478. *Кликнула, стукнула земля ~ подвинулись*. — Толкование Д. С. Лихачева: «(Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела трава (потрвоженная беглецами), вежи (шатры) половецкие зашевелились (половцы заметили бегство Игоря)» (Лихачев. С. 44).

Ст. 480. *Белым гоголем*... — Гоголь — птица из семейства утиных.

Ст. 482. *Соскочил с него босым волком*... — В копии Жуковский исправил: «бесом волком» на «босым волком». Пушкин предложил эпитет «плотоядным» (Рукою Пушкина. С. 143).

Тюркизм «босый» значит «серый, светлый». «Босый волк» — по одному из толкований «весенний волк в период гона» (когда звери особенно активны). Намек на быстроту передвижения беглеца. Другое толкование — волшебный волк-оборотень, один из тюркских тотемов.

Ст. 496. *Тебе, делявшему на волнах князя*... — Слово «тебе» было вписано в копии Жуковским.

Ст. 502—503. *Чайками на струях, // Чернедами на ветрах.* — Чернядь, как и гоголь, — чуткая птица из семейства утиных; «чайца» древнерусского текста допускает два толкования — не только чайка, но и чибис. Впрочем, обе птицы также отличаются чуткостью и осторожностью.

Ст. 504. *...Стугна-река...* — Небольшая река, правый приток Днепра, иногда внезапно разливающаяся в половодье. В копии Жуковский исправил «Стузна» на «Стугна».

Ст. 507—509. *...расторгает. // А юноше князю Ростиславу // Днепр затворил брега зеленые.* — В автографе и первоначально в копии вместо «расторгает» было «раздирает». Кроме того, в автографе ст. 508 читалось: «О! юноше князю Ростиславу...»

Речь идет о гибели при переправе через Стугну (1093) юного князя Ростислава, младшего брата Владимира Мономаха. Упоминание Днепра здесь — следствие неправильного членения древнерусского текста его первыми издателями. На берегу Днепра плачет по Ростиславу его мать, о чем есть также упоминание в летописи.

Ст. 514. *Не сороки защекотали...* — В автографе: «...застрекотали...» В древнерусском тексте «встрокоташа».

Ст. 516. *Тогда враны не граяли...* — Пушкин в копии исправил «граяли» на «играли» (Рукою Пушкина. С. 144).

Ст. 519. *Ползком только ползали...* — Древнерусское «полозие ползоша» означает, вероятно, бесшумное движение полозов, крупных неядовитых степных змей.

Ст. 525. *Гзак в ответ Кончаку...* — Описка В. А. Жуковского, повторенная в обоих списках его перевода. По смыслу следует: «Кончак в ответ Гзаку».

Ст. 527. *Соколенка отутаем красной девицей!* — Намек на заранее уже подготовленный брак Владимира, сына Игоря с дочерью Кончака.

Ст. 530—531. *То соколенка не будет у нас, // Не будет и красной девицы...* — В 1187 г. Владимир вместе с женой и ребенком действительно вернулся на Русь.

Ст. 535. *...супруга дщери козановой.* — Фрагмент одного из «темных мест» «Слова». «Каган» — хазарский титул, иногда присоединявшийся к именам великих князей. Здесь именование для Олега «Гориславича», дружинным певцом которого, вероятно, был упоминаемый несколько выше Боян. «Супруга» — неправильное прочтение первыми издателями слова «хоти», что означает не только жену, возлюбленную, но и двойственное число от «хоть», любимец. Некоторые исследователи считают, что во фрагменте упоминаются два любимых певца Олега — Боян и вычитанный в неясном древнерусском тексте Ходына. У скандинавских скальдов было принято исполнение произведения сразу двумя певцами по очереди (амебейное чтение), следы ориентации на подобное исполнение Д. С. Лихачев обнаруживает и в «Слове» (Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1984. № 3. С. 130—144).

Ст. 543. *Игорь едет по Боричеву...* — Боричев взвоз — киевская улица, ведущая от берега Днепра к центру города.

Ст. 544. *Ко святой богородице Пирогощей...* — Киевская церковь Богородицы Пирогощей названа так по имени хранящейся в ней византийской иконы. Маршрут Игоря в Киеве, вероятно, намекает на какой-то данный им ранее обет.

Ст. 554. *Слава князьям, а дружине аминь!* — Большинство современных исследователей полагает, что союз «а» употреблен здесь в редком для него соединительном, а не противительном значении. Принятое чтение: «Князьям слава и дружине! Аминь».

М. Климова

Цейкс и Гальциона

Отрывок из Овидиевых «Превращений»

(«Цейкс, тревожимый ужасом тайных, чудесных видений...»)

(С. 23)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 39—42) — черновой, с подзаголовком «Из Овидия» и пометами: «13 декабря» — в начале рукописи и «20 декабря 1819» — в конце.

Впервые:

1) Известия Российской Академии. СПб., 1820. Кн. 8. С. 33—45 — без заглавия и подзаголовка; публикацию предваряет следующее примечание: «*Потом, Член Академии Г. Над. Сов. и Кав. Николай Иванович Гнедич читал следующий перевод отсутствующего Члена Академии Г. Кол. Асс. и Кав. Василия Андреевича Жуковского с Латинского языка Российскими Экзаменрами басни о Цейксе и Гальционе из одиннадцатой книги Овидиевых превращений*» и указание: «*Торжественное годичное собрание было 8 января 1820*».

2) СО. 1821. № 9. С. 73—92 — с подзаголовком: «Из XI кн. Овидиевых Превращений» и подписью: «Ж».

В прижизненных изданиях: С 3 (Т. 3. С. 333—360) — с подзаголовком: «Отрывок из Овидиевых Превращений»; С 4 (Т. 6. С. 146—167) — с тем же подзаголовком; С 5 (Т. 4. С. 31—50) — в подборке произведений 1822 г., с тем же подзаголовком.

Датируется: 13—20 декабря 1819 г.

Основанием датировки являются записи в черновом автографе: «13 декабря» — в начале, и «20 декабря 1819» — в конце. Учитывая хронологический порядок расположения текстов в тетради, помету «13 декабря» следует относить к 1819 г.

«Цейкс и Гальциона» — перевод фрагмента эпической поэмы «Метаморфозы» (песнь XI, ст. 410—748) римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.).

В библиотеке поэта сохранились три издания «Метаморфоз» Овидия в немецких переводах:

1) Des P. Ovidius Naso sämmtliche Werke. Übersetzt von H. Heynemann, N. G. Eichhoff und J. P. Krebs. Bde 1—4. Frankfurt a. M., J. C. Herrmann, 1797—1803;

2) Verwandlungen. Nach Publius Ovidius Naso von Johann Heinrich Voss. Theile 1—2. Berlin, Fr. Vieweg, 1798;

3) Publius Ovidius Naso's Werke. Übersetzt von H. C. Pfitz und E. F. Metger. Stuttgart, 1833. См.: Описание. № 1800—1802.

Если последнее издание было уже приобретено после создания перевода, то два первых имеют к нему самое непосредственное отношение, и пометы в них представляют интерес для понимания творческой истории текста «Цейкса и Гальционы».

Прозаическое переложение «Цейкса и Гальционы» принадлежит Н. Неунemann «Rector am Gymnasium in Spreyer» (Vd. I. S. 420—444). На нижней обложке тома Жуковский подсчитывает общее количество стихов в «Метаморфозах» (12×750 = 8700), что свидетельствует о более масштабном замысле перевода.

В стихотворном переводе известного немецкого поэта Иоганна Генриха Фосса (1751—1826), который находится во второй части (№ XLIX. S. 217—245; всего

338 ст.), Жуковский отчеркивает карандашом несколько стихов (169, 223, 277, 338), а в оглавлении первого тома черными чернилами отмечает крестиком следующие отрывки: XXIII «Persius»; XXV «Ceres»: XXVI «Arachne»; XXVII «Niobe»; XXX «Prokne und Philomela».

Уже в 1805 г. Жуковским был составлен план произведений, которые он намеревался прочитать, часть из которых — перевести. В разделе «Эпическая поэзия» Жуковский проявляет интерес к Гомеру, Вергилию, Мильтону, а также Овидию, записывая в конце раздела: «Отрывки из Овидия» (Резанов. С. 240). К 1819 г. интерес Жуковского к эпическому наследию вообще и к творчеству Овидия в частности возрастает, что объясняется желанием возродить для своих современников эпическое наследие древних поэтов. Тремя переводами фрагментов из эпических поэм Гомера, Вергилия и Овидия Жуковский намеревается создать цикл, являющий собой «героиду» человеческого поведения в различных жизненных ситуациях, — на войне, в любви, в горе, где перевод каждого отдельного отрывка представляет один из вариантов героического. Подтверждением критерия целостного восприятия этих переводов может служить их общее обособленное положение касательно имеющихся рубрик «Смесь» и «Сельские стихотворения» в оглавлении четвертого прижизненного издания (С 4), а также их включение Жуковским в раздел «Эпические стихотворения» «Общего оглавления» с указанием единого для всех трех фрагментов времени их перевода — 1822 г. (Матяш. С. 153).

Произведения Жуковского 1819 г. в жанровом аспекте определяются как произведения переходного характера от элегии к лиро-эпосу. Однако предпринятый Жуковским перевод фрагмента из эпической поэмы Овидия следует рассматривать не только как этап в постижении эпического, но и как художественно оформленный способ саморефлексии в подведении итогов своим элегическим и балладным опытам. Элегическая тональность, свойственная эпическому наследию Овидия, органично соединилась с творческими поисками самого Жуковского. Эту особенность отрывка отметил уже П. Загарин (А. Поливанов): «Из всех переводов классических языков “Цейкс и Гальциона” (...) — несомненно, лучший. Этот поэт ближе других подходит к лиро-эпическому складу, так родственному таланту Жуковского» (Загарин. С. 316).

Изучая трактаты Эшенбурга и Лагарпа (Эстетика и критика. С. 49—158, 285), путем сравнения Гомеровского (греческого) и Вергилиевского (римского) эпосов, Жуковский приходит к пониманию новаторской сути эпического наследия Овидия, которая сводилась к тому, что Овидий не просто собрал множество мифов, а их художественным оформлением смоделировал заново осмысленную историю человечества. Следуя за Овидием, Жуковский формулирует свой способ создания эпоса в условиях Нового времени. «Эпос Нового времени» представляет собой перевод фрагмента из эпического произведения древнего поэта, отобранный с учетом наличия в нем тем, мотивов и образов, апеллирующих ко всему художественному наследию автора, в свою очередь организованных в отрывке способом жанро-родового полисинтетизма — концентрацией нескольких жанровых и родовых начал в пределах переводимого текста, с целью воспроизведения для своих современников представления обо всей художественной системе древнего поэта и органичного включения перевода в систему художественных поисков Жуковского-поэта.

Идея концентрации всего творческого наследия Овидия в переводимом Жуковским фрагменте была им эксплицирована в подзаголовке, указанном в автогра-

фе, — «Из Овидия». К 1849 г. — ко времени последней прижизненной публикации «Цейкса и Гальционы», Жуковский приходит к пониманию необходимости указания в подзаголовке категории «отрывочности», которая являлась бы не только формальным показателем перевода фрагмента из XI кн. «Метаморфоз», но и включала бы семантику «эстетического манифеста», ранее заявленную Жуковским в аналогичном подзаголовке элегии «Невыразимое».

В самом же фрагменте, выбранном Жуковским для перевода, присутствуют мотивы, апеллирующие к произведениям разных периодов творчества римского поэта-изгнанника. С ранним этапом творчества Овидия, связанным с произведениями преимущественно любовного содержания, соотносим сюжет истории преданной любви между Цейксом и Гальционией. С биографической историей расставания Овидия с женой, причиной которого послужило его изгнание из Рима, совпадающее с периодом его зрелого творчества — временем написания «Метаморфоз», в выбранном Жуковским отрывке соотносится ситуация расставания любящих супругов Цейкса и Гальционы (биографически эта ситуация была близка и Жуковскому — расставание с М. А. Протасовой, ее свадьба с Мойером). Последовавшее за расставанием одиночество, настигшее каждого из супругов после отплытия Цейкса, соотносимо с мироощущением Овидия-изгнанника, отразившееся в произведениях его позднего творчества («Тристии», «Письма с Понта»).

Выявляя эпическое начало в переводимом отрывке, Жуковский прибегает к концентрации элегических тем, мотивов и образов, сложившихся к 1819 г. в его художественной системе, использует свой опыт балладника, а также на примере «Цейкса и Гальционы» пробует силы в области драматургии.

Так, опыт натурфилософских элегий («Сельское кладбище», «Славянка», «Вечер») обнаруживает себя в переведенном отрывке через описание бури на море. С философскими элегиями («Цвет завета», «Лалла Рук», «Певец», «Мечты») перевод отрывка из поэмы Овидия связывает тема любви, приобретшая в «Метаморфозах», в отличие от опытов его раннего творчества, философское осмысление. С «эстетическими манифестами» роднит концепция одухотворения бытия и оживления души под воздействием сильных чувств.

Чудесное превращение Цейкса и Гальционы в зимородков соотносится с превращениями в балладах Жуковского. Весь свой балладный опыт Жуковский рассматривал как этап в постижении эпического, и в качестве характерной черты как эпической поэмы, так и баллады, отмечал «чудесное» (Эстетика и критика. С. 84—94).

Элементы драматургического начала в переводе репрезентируют себя посредством основной характеристики драмы как жанра — диалога, представленного в имплицитной форме в сцене расставания супругов, что объясняется большей функциональностью данной формы диалога: возможность вопросы личного характера соотносить с проблемами общечеловеческих, вселенских масштабов.

Во время работы над переводом Жуковский, по всей вероятности, был в Дерпте, о чем свидетельствует содержание письма М. А. Протасовой к Жуковскому от 19 января 1819 г. (УС. С. 234). Жизнь Жуковского в это время связана с пребыванием при дворе императрицы Марии Федоровны, где он увлечен гр. С. А. Самойловой — фрейлиной императрицы, надеется на брак с нею, соперничает в борьбе за ее сердце с другом В. А. Перовским. Один из рабочих вариантов «Цейкса и

Гальционы» был переписан Жуковским в альбом Софье Александровне (Кульман. С. 1085—1087, 1131—1133). Трагическая история любви Жуковского и М. А. Протасовой, увлечение С. А. Самойловой позволяют усматривать в выборе отрывка для перевода автобиографический контекст. И все же основная причина привлеченного Жуковским интереса к творчеству Овидия заключалась в желании возродить эпическое наследие древнего поэта для своих современников.

Отдельно данный сюжетный фрагмент «Метаморфоз» впервые в практике перевода в истории русской литературы был осуществлен Жуковским. Позже этот же отрывок был переведен и обработан в драматургическом ключе Т. Щепкиной-Куперник (Современник. СПб., август 1912. Кн. 8. С. 3—20). Полный перевод поэмы принадлежит А. А. Фету и С. В. Шервинскому.

Передавая текст оригинала достаточно точно, Жуковский усиливает эмоциональный строй повествования и осуществляет ряд необходимых изменений с целью реализации поставленной им задачи по созданию в переводе одного отрывка из поэмы Овидия представления обо всей его художественной системе.

Цейкс — Сеух; Κήϋξ, варианты произношения — Кеикс, Кеик. Овидий контаминирует два мифологических образа: 1) фессалийский царь города Трахины, у которого скрывался Геракл после убийства Эвнома; 2) сын Люцифера (от лат. *lux* — свет, утренняя звезда), брат Дедалиана, супруг Алкионы, дочери бога ветров Эола.

Гальциона — Ηαλκυονε; Ἀλκυών, варианты произношения — Альциона, Алкиона. Дочь бога ветров Эола, жена Цейкса, бросившаяся в море, узнав о гибели мужа. Супруги были превращены богами в зимородков (вариант: Цейкс — в чайку, Гальциона — в зимородка; Алкиона по-гречески Ἀλκυών и ἄλκυών — зимородок). Другой вариант мифа: Цейкс и Гальциона были превращены богами в птиц не из сострадания к их прерванному на земле счастью, а по причине наказания за гордость, за то, что называли себя Герой и Зевсом.

Ст. 1 (410—411 — здесь и далее стих оригинала. — Н. Б.). *Цейкс, тревожимый ужасом тайных, чудесных видений...* — В оригинале: *Interea fratrisque sui fratremque secutis // Anxia prodigiis turbatur pectora Сеух...* — Тем временем, Цейкс встревожен чудесами брата и последовавшими за ними, душа беспокойна... — (здесь и далее перевод комментатора), — Жуковский опускает при переводе 410-й стих, объясняющий причину тревожных предчувствий и отправления Цейкса в опасное путешествие, что позволяет представить данный сюжет поэмы как самостоятельное, фабульно завершенное произведение.

Ст. 2 (413). *...Кларийского бога...* — Имеется в виду Аполлон-прорицатель, храм которого располагался в Малой Азии близ Колофона в Ионии. В автографе: «Был уж готов...»

Ст. 3 (414). *...Форбас и дружины флегийн.* — Форбас, Форбант, Флэгий — предводитель разбойничьего племени, располагавшегося, главным образом, в Фессалии (Гомер «Илиада»), либо в Беотии (Павсаний «Описание Эллады»). За попытку ограбления храма в Дельфах был наказан Аполлоном. В оригинале: *... cum Phlegyis...* — с флегийцами, — Жуковский самостоятельно вводит лексику высокого стиля. См. также ст. 44 (456), 58 (472—473), 114 (528), 156 (578), 198 (613), 237 (655).

Ст. 5 (416). *Ей сказать о разлуке... сказал... ужаснулась...* — Многозначие, отсутствующее в оригинале, способствует усилению эмоционального строя в переводе Жуковского. В автографе и первой публикации вместо многозначия было тире. Стоит

отметить последовательное уменьшение экспрессии (приблизительно в два раза) от автографа к С 5. Так, в С 3 — 59 восклицательных знака; в С 4 — 36; в С 5 — всего 25! С целью усиления эмоционального строя Жуковский использует сложные эпитеты (см. ст. 9 (420), 111 (525), 138 (553), 313 (732)); самостоятельно вводимые Жуковским в перевод слова, передающие чувства, состояние персонажей, отражающие какое-либо явление в его понимании Жуковским (см. ст. 37 (449), 44 (458—459), 46 (459), 47 (460) 129 (540), 133 (543), 149—150 (564), 208 (623)); междометия (см. ст. 25 (237), 60 (471) и др.); вторичные значения слов, указывающие на чувственную, нематериальную сторону предмета, явления (см. ст. 10—11 (421), 33 (444—445), 122 (535), 148 (563), 209 (624)); повторы (см. ст. 77 (490), 167 (582), 298 (717), 303 (722)); введение слова «друг», отсутствующее в оригинале (см. ст. 19 (230), 29 (240), 260 (679)).

Ст. 10—11 (421). ...*какою виной от себя удалила // Я твое сердце?* — В оригинале: ... *Quae tua culpa tuam, dixit carissime, mentem // Vertit?* — любимейший, какая моя вина, что твой ум отвратила? — Жуковским использовано вторичное значение слова *mens* — «сердце», вместо «ум», «рассудок».

Ст. 20 (431). *Дружбой родителя, бога Эола...* — У Овидия — ...*socer Hippotades...* — свекр Гиппотад. В греческой мифологии: 1) родоначальник племени эолийцев, сын Элина и нимфы Орсеиды. От Энареты имел семерых сыновей и пятерых дочерей, среди которых была Гальциона; 2) бог ветров, место обитания которого — остров Эолия.

Ст. 23 (434). ...*и земля и моря им покорны...* — В автографе вместо «покорны» было «подвластны».

Ст. 24 (435). *Тучи на небо и страшным огнем...* — Там же вместо «Тучи на небо...» было «На небо тучи...»

Ст. 32 (445). ...*сын Люциферов...* — В оригинале: ... *sidereus coniuinx...* — звездный супруг.

Ст. 33 (444—445). *Долго безмолвствовал, в сердце тая...* — В оригинале: ...*movetur* <...> *neque enim timor ignis in ipso est* — был тронут <...> и не меньший огонь в нем присутствует.

Ст. 34 (446). *Но, постоянный в желанье, он...* — В автографе вместо «постоянный в желанье» — «в желании твердый».

Ст. 37 (449). *Нет убежденья печальной душе...* — У Овидия: *Non tamen idcirco causam probat...* — Также не убеждают и доводы.

Ст. 38—39 (452—453). ...*Люцифером // Светлым...* — В оригинале: ...*per patrios ignes...* — отцовским огнем.

Ст. 43 (455). ...*устроить и всё изготовить...* — В черновом автографе: «убрав, все изготовить...»

Ст. 44—45 (456—457). ...*ладью Гальциона и, вещей душой предузнавши // Будущий рок...* — В оригинале: ... *ritum* <...> *rursus visa veluti praesaga futuri* ... — сосну <...> вновь увидев, словно предчувствуя будущее, — имеется в виду материал, из которого сделаны корабли, — характерная особенность Овидия обозначать предметы путем метонимического переноса. См. также ст. 117 (533). Жуковский вводит отсутствующее в оригинале слово «душа».

Ст. 46 (459). ...*нежно...* — Отсутствует в оригинале.

Ст. 47 (460). *Томно шепнула...* — В оригинале: ... *dixit...* — сказала.

Ст. 53 (465). *Тем же знаком...* — В автографе вместо «знаком» было «приветом».

Ст. 54 (466). ...*распознать уж не могут...* — Там же вместо «распознать» — «различить».

Ст. 58—59 (471—472). ...И безмолвно в чертог опустелый // Тихо пошла Гальциона и пала на одр одинокий... — В оригинале: ...*vacuit petit anxia lectum // Seque toro ponit* — обеспокоенная идет к пустому ложу и ложится на постель. В автографе эпитеты «опустелый» и «одинокий» поменялись местами. Был еще зачеркнутый вариант: «пала на ложе пусто».

Ст. 67 (480). *Берег повсюду равно отдален...* — В автографе вместо «отдален» было «удален». В Известиях АН: «вздуваясь»; в С 3: «вздымаясь».

Ст. 77 (490). ...а буря грозней и грозней... — Жуковский усиливает экспрессивность повтором.

Ст. 78 (489). ...вздымаясь... — В автографе первоначальными вариантами были слова «свирепствуя», «гремя», позже зачеркнутые Жуковским.

Ст. 87 (500). ...стигийския влаги... — Река в Аиде — царстве мертвых. Также Стикс (Στύξ — ненавистная) — дочь Океана и Тетиды либо Ночи и Эреба, боже-ство, управляющее водами одноименной реки. Водами Стикса Зевс имел право наложить заклинание на провинившегося бога. Считалось, что воды Стикса обладают очень сильным воздействием, избавиться от проклятия практически невозможно. Примечательно, что река с таким же названием действительно протекала в Греции (Северная Аркадия) и ее воды считались губительными.

Ст. 89 (503). *Мчится трахинское легкое судно игралищем бури...* — В автографе, первой публикации, С 3—4 было: «Мчится трахинское судно легким игралищем бури...»

Ст. 91 (504). ...в глубокою мглу Ахерона... — Ахерон (Ἀχέρων), одна из рек в Аиде, через которую Харон перевозит души умерших. Река с таким названием действительно существовала в Эпире, отличалась грязно-мутной водой. В автографе вместо «вдруг» — «то»; вместо «стремнины» — «вершины».

Ст. 94 (506). ...отшибая разящие волны... — В автографе вместо «разящие» было «грозящие».

Ст. 98 (510). ...кидается в копьа... — Там же вместо «кидается» — «бросается».

Ст. 104 (518). *И море воздвиглося к небу.* — Там же вместо «воздвиглося к небу» — «воздвиглось до неба».

Ст. 111 (525). ...Подобно бойцу-великану... — В оригинале: ...*miles*... — воину.

Ст. 114 (528). ...один из дружинь... — В оригинале: *Inter mille viros*... — из тысячи мужей.

Ст. 116 (530). ...воздвигся страшный девятый... — В автографе было «десятый». В оригинале: ...*insurgens decimae* (...) *undae*... — подняв натиск десятой волны — Жуковский использует при переводе устойчивое в русском языке название наивысшей точки морского шторма. Для римлян таковой считалась волна, сила которой была в десять раз больше остальных.

Ст. 122 (537). ...мужество пало... — В оригинале: ...*animique cadunt*... — и дух пал — Жуковский использует вторичное значение слова *animus* — «мужество», вместо «душа».

Ст. 129 (540). ...о милой своей Гальционе... — Эпитет «милая» добавлен Жуковским.

Ст. 133 (543). ...к милому дому... — См. прим. к ст. 129 (540).

Ст. 135 (550). ...и ночь беспредельная всюду. — В оригинале: ...*duplicataque noctis imago est*... — и удвоен образ ночи — Жуковский переводит, создавая более про-странный образ наступившей темноты, не уточняя, во сколько именно раз стало темнее обычного. См. также ст. 175 (590), 218 (633).

Ст. 138 (553). *Грозен, жаден* (...) *вал-победитель.* — У Овидия: ...*unda velut victrix*... — победоносная волна. «Грозен», «жаден» добавлено переводчиком.

Ст. 139 (554). ...*Афос*... — (Афон), гора в Македонии. В автографе слово «Афос» Жуковским неоднократно написано и зачеркнуто, что свидетельствует о поисках замены.

Ст. 140 (554). ...*Пинд*... — Горный хребет между Фессалией, Македонией и Эпиром.

Ст. 143 (563). В автографе вместо «разом» было «быстро».

Ст. 146 (561—562). *В помощь отца, в помощь Эола, водою душимый*... — В оригинале: ...*socerumque patremque // Invocat, heu!* — и отца, и свекра зовет — напрасно! — у Жуковского стерта родственная соотнесенность между Цейксом и Эолом. В автографе и первой публикации вместо «в помощь» было «в помочь». Вместо «водою душимый» в первой публикации, С 3—4 — «водой поглощаем».

Ст. 148 (563). *С нею мысли и сердце; жаль ее, а не жизни*... — В оригинале: ...*illam teminitque*... — и вспоминает ее.

Ст. 149—150 (564). ...*до очей Гальционы // Милых донестъ*... — См. прим. к ст. 129 (540).

Ст. 156 (571). ...*вершины Олимпа*... — В оригинале: ...*caelo*... — с неба. Жуковский использует более конкретное указание места обитания богов.

Ст. 158 (573). ...*дочь, об утрате не зная*... — В автографе вместо «об утрате» — «о несчастье».

Ст. 163 (577). *Жертвенный ладан; Юнону ж богиню усерднее молит*... — В оригинале: ...*ria tua*... — жертвенные благовония. Јупо; ‘Нра, ‘Нрц — в римской мифологии покровительница женщин, брака, материнства.

Ст. 171 (586). *Знаешь, где Сон обитает, безмолвный податель покоя*. — *Somnus*, ‘Υπνος, в греческой мифологии божество сна, сын Ночи (Никты). Сон спокоен, тих и благостен к людям, в отличие от своего беспощадного брата Смерти (Танатоса). У Гомера Сон обитает на острове Лемнос. У Овидия — в Киммерийской земле. В оригинале: ...*visе soporiferam Somni velociter aulam*... — с легкостью отправляйся в усыпляющий дворец Сна — Жуковский указывает на то, как он себе представляет такое явление как сон, определяет основную его функцию — давать временный покой смертным.

Ст. 172 (587). *К этому богу лети*... — В автографе и первой публикации: «К Богу сему полети...» То же в С 3—4, но «богу» — с прописной буквы.

Ст. 175 (589). *Яркостью красок блестящей*... — У Овидия: ...*velamina mille colorum*... — одежды тысячецветные.

Ст. 177 (592). ...*в стороне киммериян*... — По названию народа, населяющего крайний Запад. Место, куда не проникают лучи солнца. Историческая Киммерия — Крым.

Ст. 178 (593). *Мрачной пещерой*... — Данное определение самостоятельно внесено переводчиком.

Ст. 180 (595). *Фоб*... — (греч. — блистающий), один из вариантов имени Аполлона. Здесь Аполлон выступает с функциями бога Солнца (Гелиоса) — всевидящего ока.

Ст. 188 (603). ...*Летийский ручей*... — Ручей реки забвения Леты, протекающей в Аиде, — царстве мертвых.

Ст. 189 (604). *Слабым, чуть слышимым*... — В автографе вместо «слабым» — «легким».

Ст. 198—199 (613—614). *Ложь осыпав, Сны бестелесные, легкие Грезь // Тихо лежат в беспорядке*... — В автографе вместо «сны» было «мечты». У Овидия: *Hunc circa passim varias imitantia formas // Somnia vana iacent totidem*... — Здесь повсюду вокруг различные формы лежат, столь же подобные лживым Снам... — Жуковский классифицирует различные формы Сна, что отсутствует у Овидия. См. также ст. 211 (626).

Ст. 205 (620). ...слабость голову сонную клонит... — В оригинале: ...*percutiens nutanti pectora mento*... — ударяясь склоняющейся головой о грудь — Жуковский использует устойчивое выражение, отражающее процесс погружения в состояние дремоты.

Ст. 206 (621). *Нехотя он приподнялся; шатаясь, оперся на руку*... — В оригинале: ...*Excussit tandem sibi se cubitoque levatus*... — наконец вытряс себя из себя и оперевшись на локоть.

Ст. 208 (623). ...*божество благодати!* — У Овидия: ...*placidissime, Somne, deorum*... — Сон, спокойнейший из богов.

Ст. 209 (624). ...усталого сердца... — У Овидия: ...*corpora fessa*... — усталого тела.

Ст. 211 (626). *Сон! повели, чтоб Мечта, подражатель обманчивый правде*... — У Овидия: ...*Somnia, quae veras aequant imitantia formas*... — Повели, чтобы Сны, подражающие формам, полетели...

Ст. 212 (627). ...*под видом царя полетела*... — В первой публикации, С 3—4 вместо «под видом» — «в лике».

Ст. 213 (628). Вместо «Там сновиденьем погибель...» в автографе: «Там привидением гибель...»; в первой публикации: «Верным виденьем погибель...»

Ст. 217 (632). *Снова лазурью по радуге светлой она полетела*. — Отсутствует в автографе, переписанном в альбом С. Самойловой (Кульман. С. 1132).

Ст. 218 (633). *Бог из несметного роя им порожденных видений*... — У Овидия: *At pater e populo natorum mille suorum*... — Отец из тысячи рожденных образов... — см. прим. к ст. 135 (550).

Ст. 219 (635). ...*Морфея*... — (Морфе́ус), в греческой мифологии один из трех сыновей Сна, крылатое божество. Способен принимать разные человеческие формы (морфѣ — форма) и являться людям во сне.

Ст. 221 (637). ...*и телодвиженья, и голос*... — Вместо «телодвиженья» — «движенья таясь» (автограф, первая публикация, С 3—4). Союз «и» в первых двух случаях отсутствует.

Ст. 222 (638). *Даже все виды одежд*... — Вместо «все виды» в автографе «отличья»; в первой публикации, С 3—4: «отмены».

Ст. 223 (639). ...*лишь один*... — Вместо «лишь» в автографе «только».

Ст. 225 (640). ...*на Олимпе Икелос, а в людях Фоветор*... — Сын бога Сна. В отличие от Морфея, он способен принимать лишь облик неодушевленных предметов. Образ Икелоса-Фоветора (греч. подобный-устрашитель) не мифологический, самостоятельное творение Овидия.

Ст. 226 (642). ...*Фантазос*... — Сын бога сна, брат Фоветора и Морфея. Является людям во сне под видом змей, птиц, зверей.

Ст. 231 (647). ...*Ириды*... — В оригинале: *Thaumantidos* — Богиня радуги, дочь морского божества Тавманта, сестра гарпий. Вестница Зевса и Геры. Посредница между богами и людьми.

Ст. 235 (652). *В граде Гемонском*... — Имеется в виду город в Фессалии.

Ст. 237 (655). ...*к одру Гальционы*... — В оригинале: ...*Coniugis ante torum miserae*... — к постели несчастной супруги...

Ст. 238 (656). ...*с волос бежали потоки*. — Вместо «бежали» в автографе «кипели», «кишили».

Ст. 242 (670). ...*супруга обнимешь*. — Там же вместо «обнимешь» — «увидишь».

Ст. 248 (668). ...*слуху неверному ныне*... — Вместо «неверному» — «напрасному» (черновой автограф).

Ст. 251 (670). *О! Да не буду я в Тартаре темном бродить...* — (Τάρταρος), в греческой мифологии пространство, находящееся в глубине космоса, ниже Лида, там находятся концы и начала всего. Тартар страшен своей бездной даже богам. Если Олимп — верхнее небо, где обитают боги нового поколения — дети свергнутых титанов, то в Таратаре — боги прошлого поколения, свергнутые титаны.

Ст. 257 (676). *«Стой! — она возопила. — Помедли, я за тобою».* — В автографе: «Стой! Куда ты? — воскликнула. Я с тобою — помедли!»

Ст. 260 (679). *...друг?..* — В оригинале употреблено относительное местоимение *qui* — который.

Ст. 265—266 (684—685). *«Нет Гальционы, — она возопила, — нет Гальционы! // С Цеиксом вместе она умерла; оставь утешенье...* — В автографе: «Нет Гальционы, — она возопила, — нет ее! в море // С Цеиксом вместе она схоронилась; прочь, утешенье!»

Ст. 273 (693). *...там стоял он, печальный!* — В автографе вместо «печальный» было «недвижимо-грустный».

Ст. 274 (694). *... (и мутно глаза привиденья искали).* — В автографе: «и мутным взором глаза привиденья искали...»; в первой публикации, С 3-4: «и мутные взоры призрака искали...»

Ст. 281 (700). *Ныне ж в отсутствии гибну...* — В первой публикации, С 3—4 вместо «в отсутствии» было «отсутственна».

Ст. 284 (703). *Тяжкую жизнь...* — В автографе вместо «тяжкую» — «бренную».

Ст. 286 (705). *...нас в могиле...* — В автографе, первой публикации, С 3—4 вместо «в могиле» было «во гробе».

Ст. 290 (709). *Дух занимало...* — В автографе вместо «занимало» было «запирало».

Ст. 291 (710). *...на тихое взморье...* — В автографе и первой публикации вместо «на взморье» было «на берег моря».

Ст. 293 (712). *...Отсюда ладья побежала...* — В автографе: «Здесь отчалило судно...»

Ст. 297 (716). *Что-то, как труп...* — В автографе и первой публикации: «Что-то, словно, как труп...» В первой публикации нет эпитета «печального».

Ст. 298 (717). *Ближе и ближе, видней и видней...* — В оригинале: *...postquam paulum adfulit unda...* — когда волна немного приблизилась.

Ст. 303 (723). *...сердце в ней боле и боле мутится.* — В оригинале: *...Hoc minus et minus est mentis sua...* — тем меньше и меньше остается рассудка в ней.

Ст. 313 (732). *...внезапно-расцветшим крылом...* — У Овидия: *...Percutiensque levem modo natis aera pennis...* — разрезая только что рожденными крыльями легкий воздух.

Ст. 328 (748). *...и воды спокойны.* — В первой публикации вместо «воды» было «волны».

Н. Болгова

Сид в царствовании Фердинанда (великого)

(«Мрачен, грустен Дон Диего!»)

(С. 32)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 2. № 20. Л. 1 — белой, с заглавием: «Сид в царствовании Фердинанда (великого)» и датой: «Март, 28. 1820 г.»; в левой половине листа проставлена цифра «1». Под ней четко, с разбивкой на строфы следует текст (52 строки), соответ-

ствующий первому романсу «Сид» И. Гердера. В правой части листа проставлена цифра «2». Текст отсутствует.

2) НБ ТГУ. № 1281 — черновой с многочисленными правками и переписанными набеда отдельными отрывками, между строк немецкого текста и на свободных частях страниц (6—51) книги: *Der Cid. Nach Spanischen Romanzen besungen durch Johann Gottfried Herder. Neue unveränderte Auflage. Stuttgart u. Tübingen, 1820.* (Описание. С. 183). Перевод начат со второго романса.

При жизни Жуковского не печаталось.

В п е р в ы е: БЖ. Ч. 1. Томск, 1979. С. 214—233. Публикация Н. Б. Реморовой.

П е ч а т а е т с я по тексту первой публикации со сверкой по автографу и заменой огласовки имени героя, переданного в рукописи как Цид, на Сид, что соответствует испанскому произношению и исправлено самим поэтом уже в БП и БиП (1831 г.) при публикации нового произведения, созданного на основании обработки «подлинных романсов испанских» (см. ниже).

Д а т и р у е т с я: март-декабрь 1820 г.

Перевод семнадцати романсов из произведения И. Гердера «Сид» ни в одно собрание сочинений Жуковского не входил. Он был обнаружен нами при работе над хранящейся в НБ ТГУ библиотекой поэта и его архивом в РНБ. (См. об этом в БЖ. Ч. 1. С. 209—260.)

Испанские романсы — одно из интереснейших явлений народного творчества. Небольшие лиро-эпические произведения на сюжеты старинных героических преданий, они возникли и получили развитие в XIV—XV вв., в период начавшегося упадка героического эпоса, образцом которого является относящаяся к XI—XII вв. «Песнь о моем Сиде». В романсах разрабатывались не только отдельные мотивы и ситуации героического эпоса, но и новеллистические эпизоды, трогательные любовные истории из жизни героев эпических сказаний.

Основные персонажи и эпизоды романсов, как и в эпосе, связаны с эпохой Реконкисты — национально-освободительной борьбы испанского народа против захвативших его землю мавров, борьбы, длившейся с VIII по XV в. Однако характеры персонажей и многие эпизоды, изображаемые в них, не претендуют на точное соответствие Хроникам. В романсах исторические факты поэтически обобщены и переосмыслены под влиянием новых общественных и политических отношений и в этом смысле «фантастичны», что не препятствует, а порой даже способствует правдивому отражению основных противоречий испанской жизни.

Романсы свободны от патетики и приподнятости; вероятно, первоначально они исполнялись под аккомпанемент гитары и лишь позднее обрели статус самостоятельного литературного произведения.

Многие из романсов связаны с именем национального героя Испании периода Реконкисты Родриго Диаса, прозванного Сидом, и жизнь его отражена в них буквально от рождения и до самой смерти. При этом все события несколько сдвинуты в прошлое. Вопреки истории они начинаются не в царствование Санчо II или Альфонса VI, а в царствование их отца — Фердинанда I.

Создавались романсы в разное время, и они не всегда согласованы между собой в деталях, содержат множество хронологических смещений и совмещений фактов и исторических событий. Порядок исполнения романсов, как и их количество, определялось желанием исполнителя и слушателей. Расположение романсов в порядке

последовательного жизнеописания героя — результат деятельности собирателей и первых публикаторов, к числу которых принадлежит и И. Гердер.

Иоганн Готфрид Гердер (1744—1806), немецкий философ, писатель-просветитель, создатель замечательных сборников «Голоса народов в песнях», был одним из первых, кто решил познакомить европейскую публику с самобытным жанром испанского народного творчества. Он несомненно знал, что испанские романсы не делятся на строфы, но, желая «примирить» фольклорную и литературную традиции, в своей обработке использует строфы различного объема (от 3 до 11 строк), что в некоторой степени напоминает «тирады» французского героического эпоса.

Своего «Сида» («Der Cid. Nach spanischen Romanzen»), включающего сьмдесят романсов, он создавал не только на основе знакомства с испанским текстом, но и по материалам французской «Всемирной библиотеки романсов...» («Bibliothèque universelle des romans ouvrage périodique») за июль 1783 г., где содержался их прозаический пересказ, при котором «первобытная дикость», «циническая суровость» и «варварское бесстыдство» древнего памятника (Ф. И. Буслаев) были не только несколько сглажены, но и дополнены «галантностью», восходящей к традициям куртуазной литературы, что несомненно сказалось в изображении героев, особенно Родриго и Химены (11, 12, 13 и 14-я песни). Употребление термина «песня» по отношению к отдельным разделам «Сида» Гердера, являющегося обработкой романсов, обусловлено тем, что, будучи выстроенными в единое, целостное, хронологически последовательное повествование, дополненное материалами французского пересказа, романсы утрачивают ряд своих специфических черт, характерных для фольклора, и становятся своего рода главами или песнями единого эпического повествования.

Так, 12-я и 13-я песни в несколько завуалированной форме подобны рыцарской тенсоне. В них, в отличие от подлинных испанских романсов, нет внешнего действия, каждая из них сама по себе монологична: в 12-й король, «желая испытать» Родриго, излагает свой взгляд на «женскую природу» и супружество; в 13-й — Родриго отвечает королю почтительно, но настойчиво опровергая каждый тезис, выдвинутый предшественником. Но вместе они составляют «прения», спор на заданную тему. Вся лексика, все образы заимствованы здесь не из быта вольных кастильцев, но из области феодальных отношений, как это свойственно рыцарской поэзии. И хотя все завершается просьбой Родриго к королю дать ему в супруги Химену, ни слова о любви, о личном чувстве здесь нет, ибо в данном контексте просьба Родриго — лишь антитезис к заключительным словам короля из 12-й песни: «Вывод правилен рассудка // От супружества бежать».

Четырнадцатая песня построена как диалог, что, казалось бы, ближе к рыцарским «прениям», но в этом «диалоге» фактически звучит лишь один голос — голос любви, что определяется единством эмоционального настроения героев и подчеркнуто внутренней переключкой реплик говорящих с помощью системы рифм. Судя по всему, эта песня целиком принадлежит самому Гердеру. Одиннадцатая песня — разработка мотивов, содержащихся в романсах об осаде королем Доном Санчо города Заморы (Саморы) и обращенным к Сиду напоминанием Доньи Ураки о событиях прошлого. Уже сама форма песни — внутренний монолог — невозможна в средневековой литературе, она столь же далека от подлинных народных произведений, как и три выше упомянутых.

Подобные примеры есть не только в первой, но и в других частях гердеровского произведения. Однако следует иметь в виду, что в свое время они не рассматривались как сколько-нибудь серьезный недостаток и не препятствовали высокой оценке труда Гердера, впервые представившего европейской публике произведения испанского фольклора в приближенной к оригиналу форме и одновременно выстроенные как занимательный роман о знаменитом герое от его первого юношеского подвига до смерти.

После Гердера в Германии было немало попыток, отказавшись от французского посредничества, перевести романсы с испанского, расширить их круг, представить варианты. Таковы работы F. Diez'a (1818), A. Keller'a (1840), F. M. Dutenhofer'a (1842) и др. В изданиях появились краткие комментарии и предисловия. Но это был уже другой жанр.

В. А. Жуковский обращается к переводу гердеровского произведения в период, когда в его сознании совершается переход от балладного творчества к произведениям эпического характера: к переводу «Слова о полку Игореве», отрывков из «Энеиды», «Метаморфоз» Овидия и т. д., при переводе которых, по его мнению, необходимо максимально точно следовать оригиналу, дабы отразить в переводе дух эпохи, эти произведения породившей.

Очевидно, что начав работу над переводом «Сида» Гердера, поэт рассматривал его как достаточно верное воспроизведение народных испанских романсов, а потому в основных моментах строго следовал за оригиналом. В переведенной части сохранены все действующие лица, их взаимоотношения и характеры, расположение частей, строфическая структура и размер оригинала (белый четырехстопный хорей с женскими и мужскими клаузулами).

Одновременно с этим в переводе продолжено начатое еще Гердером облагораживание героев. Жуковский, со своей стороны, также стремится их опозитивировать и «возвысить», а потому иногда смягчает, а иногда просто опускает то, что кажется ему грубым и непристойным. Так, в песне Гердера, где речь идет о знаменитом мече Мударры, последний, в соответствии с традицией, дважды назван «храбрым бастардом» («tapfre Bastard»), что отражает принципиальный для испанского эпоса мотив демократизма героев. В ряде романсов (Гердером не использованных) и о Родриго говорится как о «рожденном вне брака», но во всех отношениях превосходящем чванливых и трусливых грандов. Жуковский не только убирает имеющее в русском языке пренебрежительный оттенок слово «бастард», но и вообще изгоняет какой-либо намек на демократическое происхождение Мударры, называя его лишь «знаменитым» и «отважным». Впрочем, этот сглаженный вариант темы представляется нам более близким не только Гердеру, но и испанскому оригиналу, чем считающийся более «точным» перевод П. А. Катенина, который, сохраняя по отношению к Мударре определение «бастард», фактически противопоставляет «подлого» Мударру и благородного Родриго, что совершенно чуждо испанскому эпосу. У него Родриго произносит: «Слушай, меч на свете славный! // За тебя взялась рука // Не подлей руки Бастарда. // Хоть еще не так сильна...»

Основная часть перевода сделана Жуковским на страницах книги между строк оригинала и наглядно демонстрирует характер работы поэта над «лирическим сюжетом», присутствующим в гердеровской обработке (14-я песня). Подробно это рассмотрено нами в БЖ. Ч. 1. С. 252—259. Здесь же заметим, что описание ночного свидания буквально «захватило» поэта, привлекло его возможностью окупиться в

необычную для основного тона гердеровского произведения лирическую стихию и самому добавить в нее несколько капель. Расширяя, развертывая лирическую тему (у Гердера 32 строки, у Жуковского — 41), Жуковский стремится передать ту же смятенность чувствования, то же единство душевных устремлений героев, что и немецкий поэт, и в этом безусловно преуспевает, не разрушая образности, не пересоздавая характеры, изображенные Гердером.

Перед нами черновой, лишь частично перебеленный текст перевода. Из первой части произведения «Der Cid unter Ferdinand dem Grossen», включающей 22 песни, переведено 17. Возникает вопрос — случайно ли это ограничение? Полагаем — не случайно. На данном этапе творчества поэт свою работу завершил. Переведенная часть включает в себя две переплетающиеся сюжетные линии: историю первого подвига Родриго и изображение его любви к прекрасной Химене, дочери убитого им Дона Гормаса, завершающейся (благодаря вмешательству доброго, мудрого и справедливого короля) счастливой свадьбой героев.

Последняя (17-я) песня — род идиллического эпилога: «На груди молодой супруги» Родриго не забыл о рыцарском долге, продолжал одерживать победы над врагами, заслужил еще большую любовь и уважение короля и был тем очень счастлив.

Думается, что данный финал не только отвечал тексту оригинала, но и был созвучен тайным надеждам поэта на благоприятное течение и счастливое завершение предпринимаемого им в это время заграничного вояжа в свите Александры Федоровны, его недавней ученицы, а ныне великой княгини.

Последние пять оставленных без перевода песен первой части не завершали ее, а готовили переход к новым, отнюдь не идиллическим событиям: Родриго стал настолько знаменит, что явившиеся ко двору мавританские послы, назвав его Сидом (господином), хотели ему, а не королю вручить дары от своих правителей, но благородный Сид указал им на ошибку; король Дон Фернандо умирает, не совсем справедливо разделив свои владения между детьми, его наследники — Дон Альфонс, Дон Санчо и Донна Урака — напряжены и готовы начать междоусобицу, которая составит содержание многих романсов второй и третьей частей, где отношения Сиды с новыми королями изображены сложнее и драматичнее.

Остается вопрос, почему поэт, проделав столь большую работу и уже когда-то перебелив первую песнь, отказался от публикации? Одной из причин могло быть обнаружение им факта «вторичности» проделанной работы. Узнать об этом он мог уже во время своего вояжа 1820—1821 гг. Дело в том, что в сохранившемся в его библиотеке (Описание. № 1279) посмертном Собрании сочинений И. Г. Гердера в 46 т. недоставало 12-ти, в том числе и 3-го тома (1808) из серии «Zur schönen Literatur» (1805), где и был помещен «Der Cid». Восстановить недостаку поэт, видимо, так никогда и не смог, а потому перевод делался им по отдельному дешевому изданию без каких-либо комментариев и примечаний. Не сумев приобрести искомый том, поэт мог с ним так или иначе ознакомиться во время той же заграничной поездки и узнать из предисловия Иоганна фон Мюллера об источниках гердеровских романсов: об издании испанских текстов романсов Хуаном Эскобаром (1613 и 1702 гг.) и о пересказе, содержащемся во «Всемирной библиотеке романов...» за июль 1783 г. и выполненном на основе тех же изданий Эскобара. Очевидно, уже тогда появилась мысль найти первоисточник. Однако издания были очень старые и приобретение их весьма проблематично. Правда, сравнительно недавно в Германии Собрание испанских романсов вы-

пустил G. V. Derping, но оно, в тот момент, видимо, обнаружено не было. Идея продолжить поиск осталась.

Сид в царствование Фердинанда (великого). Сид-Кампеадор — испанский рыцарь Родриго Диас де Бивар. Родился в Биваре под Бургосом (Кастилия) ок. 1030 г., умер в 1099 г. в Валенсии. **Сид** по-арабски — господин. Этот почетный титул встречается в испанских грамотах перед именами испанских сеньоров, имевших мусульманских вассалов или данников. По преданию, Родриго Диасу этот титул был присвоен самими арабами. **Кампеадор** — букв. «ратоборец». С XIV в. это слово утратило свой общий смысл и превратилось в прозвище Сиды.

Король Фердинанд — Фердинанд I Кастильский (1035—1065), сын короля Наварры Санчо Великого, получил от него графство Кастильское, присоединил к своим владениям Леон. Эпитет «Великий» к нему никогда не прилагался. Следуя за Гердером, Жуковский включает эпитет в заголовок перевода, однако заключает его в скобки и пишет с маленькой буквы, что наводит на мысль о возможном сомнении переводчика в его правомерности, тем более что и в оригинале имя короля в дальнейшем эпитетом «великий» нигде не сопровождается.

Ст. 1. *Мрачен, грустен Дон Диего!*.. — В романсе — отец Родриго. В истории личность неизвестная.

Ст. 6. ...*дом Ленесов.* — (точнее — Лайнесов или Лаинесов) — один из древнейших испанских родов.

Ст. 7—8. ...*ни Инизи, // Ни Аварки...* — Древние испанские фамилии.

Ст. 11. *А Дон Гормас торжествует...* — Имя графа Гормаса встречается в исторических хрониках. В романсах о юности Сиды фигурирует как оскорбитель Диего Лайнеса. Конкретная причина оскорбления ни в одном из известных романсов не упоминается, говорится только лишь о зависти Гормаса к предпочтению, которое было оказано Дону Диего при королевском дворе, и о якобы данной Гормасом Диего Лайнесу пощечине.

Ст. 57—58. *Знает, в горной Астурии // Дон Гормас богат друзьями...* — Астурия — историческая область на севере Испании, сохранившая независимость от мавританских властей, куда бежали недовольные, гордые, смелые и независимые люди, и ставшая центром Реконксты.

Ст. 66. *Храбрым юность не причина...* — В черновом автографе варианты: а) «Не причина храбрым юность...»; б) «Не сидеть для храбрых...»

Далее все варианты приводятся по этому автографу, без специальных указаний. В квадратных скобках даны зачеркнутые варианты.

Ст. 71. *Знаменитый меч Модарда!* (у Гердера — Mudarda) — Mudarra el castellano — Мударра Гонсалес — легендарная фигура испанской истории, внебрачный сын Гонсалю Гутьоса (отца семи инфантов Лара) от мавританской царевны, отомстивший за подлое убийство своих братьев. Впоследствии окрещенный и возведенный в рыцарское достоинство; положил начало знаменитой династии Манрике де Лара.

Ст. 73. *Он висел, как бы горя...* — «Он висел, как бы в печали...»

Ст. 85—86. *Чей ты был, тому победа. // Будет тот, чей ты, отважен.* — «Так тому служил ты прежде, //... силой с ним сравниться...»

Ст. 90—91. *Ты фроникнешь обнаженный. // Обнажись же! Наступила...* — «Ты вонзишься обнаженный // С Богом! Для нас пришла...»

Ст. 105—106. *...что Дон Диего // Есть потомок Лайна Калва...* — В отколовшейся от королевства Леон-Кастилии (XIII в.) вместо королевской власти была введена система судей, одним из которых и был Лайн Калво. По легендарной биографии Сид был его внуком.

Ст. 116. *Смелый витязь возразил.* — «Дон Родриго возразил».

Ст. 121—122. *И заглаживать обиды // Кровью дерзких», — и умолкнув...* — «И заглаживать их кровью // Оскорбления...»

Ст. 123. *Он упер в лицо Гормаса...* — «Он вперил в лицо Гормаса...»

Ст. 128. *Как от слов сих вспыхнул Сид!* — «Как от слов сих вспыхнул он».

Ст. 137. *Обесчещен — все прискорбно...* — «Честь утратить — все прискорбно...»

Ст. 142. *Как вошел к нему Родриго...* — «Как приблизился Родриго...»

Ст. 152. *Мне даешь такой совет?»* — «Ты ль даешь такой совет?».

Ст. 154. *Ты поднять священные очи.* — «Ты поднять священный взор».

Ст. 161—163. *Со слезами на коленях // Сын лобзает руки старца...* — «Со слезами лобызает // Сын родительские руки».

Ст. 165—166. *Крики, вопли, шумны крики, // Конский топот, стук оружия...* — «Плач и крики, шутки, // Конский топот, шум народа...»

Ст. 167—168. *...во Бургосе, // Королевский двор открыт...* — Бургос — город в старой Кастилии, в IX—XIII вв. был резиденцией кастильских королей.

Ст. 169. *И король на шум выходит...* — «И король, сам Дон Фернандо...»

Ст. 171—172. *С ним идут его вельможи // Ко дворцовым воротам...* — «И его Фернандо [И к дверям] // Провожают до ворот...»

Ст. 173. *У ворот стоит Химена...* — Вероятно, имя вымышленное. Под ним народная фантазия соединила двух женщин. Одна (в романах и других сказаниях о Сиде) — возлюбленная юного Родриго, дочь убитого им Дона Гормаса (см. прим. к ст. 11); вторая — двоюродная сестра короля Альфонса VI, дочь Диего, графа Астурийского, с которой, как утверждают историки, Родриго вступил в брак в 1074 г., когда ему было 44 года. Историки указывают, что это был второй брак.

Ст. 177. *И вблизи был Дон Диего...* — «И напротив [Ей напротив]...»

Ст. 180. *Гордый, смелый Кастильянец...* — (исп. Castellano, у Гердера — Castellaner — букв. «уроженец и житель Кастилии»). В романах о Сиде — одно из прозвищ Родриго Диаса, не только уроженца Кастилии, но и героя, вобравшего в себя лучшие черты мужественного кастильского народа.

Ст. 183—186. *Те в перчатках с бахромою; // Он один в простых перчатках; // Те в парче, серебре и злате; // Он один в стальной броне.* — Начиная с этих строк и до конца романа, через детали костюма, вооружения и поведения дается противопоставление героя и высшей знати.

Ст. 186. *Он один в стальной броне.* — «Он в одежде [В бранных латах он один]...»

Ст. 189—190. *«Вот дитя, которым славный // Дон Гормас был побежден».* — «Вот могучего Гормаса // Победитель молодой».

Ст. 193—197. *«Если кто обижен смертью ~ Пусть с тобой дерется, шельма... — «Если кто из вас обижен // Смертью графа // Конный, пеший, кто б он ни был // Выходи! Но молчат [все молчат] // Сатана лишь только может [Мысля пусть с тобой дерется]...»*

Ст. 199—201. *Тут все триста провожатых ~ Подойти к руке монарха.* — «С мулов триста провожатых // Сходят с мулов [К королевской] И целуют // Руку [Подойти к руке монарха]...»

Ст. 206—207. *«Если требуешь, родитель, // То исполню для тебя».* — «Если ты ве-
лишь, родитель, // Для тебя то выполняю».

Ст. 220. *Пал могучий мой родитель.* — «Пал родитель...»

Ст. 226. *Православного Пелага.* — Здесь Жуковский повторяет идущую от фран-
цузского пересказа ошибку Гердера, именующего «первого христианского короля»
(«ersten christen König») Пелагиусом (Pelagius). В испанском тексте речь идет о Доне
Пелайо (Pelayo, 639—737 гг.) — первом короле Астурии, положившем начало Ре-
конкисте победой над арабским войском при Ковадонге.

Определение «православный» — русификация переводчика.

Ст. 230. *Он был ужас Альманзоров...* — Альмансор (Аль-Мансур) — прозвище
одного из правителей Кордовского Калифата, генерала Магомета бен Абдала. Су-
ществовал и его сподвижник Якуп Альмансор. При них испанские войска не раз
терпели поражение.

Ст. 267. *Скорбь безвременно лишила...* — «Незаглажена осталась дома нашего...»

Ст. 282. *Мне в обиду он прислал.* — Далее в переводе опущены восемь строк По-
слания Родриго Химене и девять заключительных строк романа. В Послании
Родриго предлагает Химене выйти за него замуж, в противном случае его сокол
перебьет всех ее голубок. Король, прочтя письмо, «догадался о чувствах Родриго».
Весь этот текст создан Гердером на основе пересказа в «Bibliothèque...». Ничего
подобного нет в испанских романах. Почувствовав это, Жуковский, видимо, и от-
казался от перевода.

Ст. 292. *Христиан влекут в неволю...* — «Христиан ведут в неволю...»

Ст. 297—298. *Собрались с добычей мавры, // Чтoб идти с ней восвоюси.* — «Уж с своей
добычей мавры // Собрались...»

Ст. 325. *Наказанья и награды.* — В рукописи Жуковского, видимо, описка: «На-
гражденья и награды».

Ст. 371—372. *Пятерых пленил он разом // Мавританских королей.* — В тексте Гер-
дера (и переводе Жуковского) о «пяти королях» было упомянуто уже в 8-м роман-
се (см. ст. 284 и 318). Следует иметь в виду, что в сказаниях о Сиде «пять побед»
героя являются эпическим числом и повторяются во всех памятниках. Во вре-
мена короля Фердинанда I в Испании не было пяти королей. Обычно речь идет
о том, что Родриго «пять раз победил в открытом поле». Предположительно это
были битвы с Раймундом Барселонским, упоминаемыми в произведениях, но не
зафиксированными в хрониках Фарисом и Гальве, валенсийцами и Севильским
«царем».

Ст. 375—376. *Их без выкупа в отчизну // Дон Фернандо отпустил.* — В отличие от
французского героического эпоса («Песнь о Роланде») в испанском эпосе и роман-
сах изображение борьбы с маврами не носит подчеркнуто религиозного фанатизма,
и герои, освобождая свою землю, не стремятся к поголовному уничтожению мав-
ров. Восемь веков совместного проживания, заключавшиеся во время междуосо-
бид союзы с арабами и маврами способствовали тому, что вытесняемые захватчи-
ки постоянно брались в плен и, выплатив выкуп, частью покидали Пиренейский
полуостров, частью оставались, становясь подданными испанских правителей или
крупных феодалов. То, что пленные отпущены без выкупа, подчеркивает благо-
родство и бескорыстие Дона Фернандо.

Ст. 377. *Град Коимбра был в осаде...* — Коимбра — город на территории современ-
ной Португалии. Был под мавританским владычеством с начала VIII в. и освобожд-

ден полностью лишь в 1064 г. Во многих романах о Родриго с одним из очередных освобождений Коимбры связано получение героем статуса рыцаря.

Ст. 392. *И подумала краснея...* — «Тихо матери промолвив...»

Ст. 395. *Невозбранно, без укора...* — «На свободе, без укора...»

Ст. 415. *Ты пленил и Дон Гормаса...* — «Заковал ты в цепь победы...»

Ст. 418. *Каждый рыцарь благородный...* — «Знай, испанец благородный...»

Ст. 433—434. *Нам приданое наш славный, // Наш великий царский род.* — «Их приданое в их славе, // В благородстве крови их...»

Ст. 438. *Уж не злато ли ты любишь?* — «Не за толь ее ты любишь [Вот любви твоей причина]...»

Ст. 441—442. *Ты любим, любовь свободна. // Для меня же не утрата...* — «Ты любим, любим Хименой [будь счастливл] // Для меня не оскорбленье...»

Ст. 448—449. *Ты красавец — но красю // Уподобился Нарциссу.* — «Ты красавец — но с Нарциссом // Не равняйся красою...»

Нарцисс (греч.) — прекрасный юноша, сын греческого бога Кефиса и наяды Лирионы. Увидев в реке свое отражение, Нарцисс влюбился в него и умер от любви. — Символ самовлюбленного человека.

Ст. 450. *Мудр — но что пред Соломоном?* — Соломон (евр.) — царь Израильско-Иудейского царства (965—928 гг. до н. э.), сын Давида, славился величайшей мудростью.

Ст. 454. *Ты богат — не честь богатство...* — «Ты богат — но что богатство...»

Ст. 465. *Перед дочерью царя.* — «Ты гляди на дочь царя...»

Ст. 482. *Вышел; двор его за ним.* — «С ним весь двор [Вслед за ними]...»

Ст. 483—485. *Благосклонно давши руку ~ С ним к ручью, который мчался...* — «Благосклонно давши руку // Дон Родриго удалился // С ним он на берег цветущий...»

Ст. 488—489. *Долго длилася беседа. // Все, участвуя очами...* — «Долго длился разговор их, // Все участвовали взором...»

Ст. 493. *Я люблю тебя отважным...* — «Я люблю тебя за храбрость...»

Ст. 508. *Что творится ею все.* — «Нам, что всё творит она.»

Ст. 512. *Опасайся перейти.* — «Перейти не торопись.»

Ст. 513—514. *Иль с тобою то ж случится, // Что с философом старинным...* — Речь идет о достаточно популярной легенде о смерти древнегреческого философа, поэта, врача и политического деятеля Эмпедокла из Агригента (ок. 400 — ок. 430 гг. до н. э.), якобы погибшего в кратере Этны. Образ Эмпедокла привлекал многих художников, в частности Ф. Гёльдерлина, автора драмы «Смерть Эмпедокла».

Ст. 522—523. *Лишь тогда, когда предстанем // Мы на суд, являсь пред Богом...* — «И когда на суд предстанем // Где откроется пред Богом...»

Ст. 528. *Столь запутано оно.* — «Столь коварно сердце...»

Ст. 533. *Мы вперед — они за нами...* — «Мы вперед идем...»

Ст. 540. *Шаг за шагом вслед идет...* — «И охотник шаг за шагом // Вслед идет...»

Ст. 546. *Мы пред ними безоружны...* — «Безоружные и в силе...»

Ст. 562. *Честь от доброй, чистой крови...* — «Честь от доброй, славной крови...»

Ст. 572. *Чтоб нашел под ним и странник...* — «Чтоб нашел под ним и чуждый...»

Ст. 577. *Узы брака уважать.* — «Брак с [Узы брачные принять]...»

Ст. 592. *Властолубие их тайна.* — «Всем владычество...»

Ст. 594—595. *Как безумными владеют // Господами их рабы.* — «Как владеют господином // Безрасчетливым рабы...»

Ст. 608. *Сходство их одной с другою...* — «Всё одна с другою схожи...»

Ст. 622. *Дон Фернанд и Дон Родриго...* — «Так беседа, Родриго...»

Ст. 627. *Без утешенья и замены...* — «Не ведая во тьме ночной покоя... [Не отрывая перемычки...]»

Ст. 629. *Перед окном Химены...* — «Перед окном, печальная Химена...»

Ст. 636—639. *Прекрасная, услышь мое желанье ~ Ревнивую, Химена, дверь.* — «Прекрасная, услышь, услышь желанье // И сердцу верному поверь, // И отвори мне на свиданье // Свою, Химена дверь».

Ст. 648—651. *На что меня вопрошаешь ~ Химена-сирота.* — а) «Давно Химена // Меня ты знаешь // В сердце спроси // Мои черты...»; б) «Напрасно вопрошаешь // Меня не скроет темнота // Меня ты знаешь // Химена-сирота».

Ст. 656—658. *Не я, но честь его пролила кровь, // Но примиритель будь — любовь. // Покинь меня!...* — «Не мной, но честь его пролила кровь // Нам примиритель будь любовь. // Покинь меня!...»

Ст. 664. *Любовь велит любить. Ей подчинись!* — «Любовь влечет... Ей гордись...»

Ст. 675—677. Перечисляя в переводе города, подаренные королем Сиду, Жуковский ради сохранения ритма меняет их порядок, не заметив, что из одного (значимого для истории героя) географического объекта делает два весьма условных. Он пишет: *Он Салдану, Фальдуэру, // Де Кордону, Бельфорато // И Сан Педро дал ему.* Должно быть едино: Сан Педро де Кордонья — монастырь Сан Педро в Кордонье. В нем, согласно легенде, Сид в будущем оставлял свою семью во время своего изгнания, здесь он был похоронен, как и его жена Химена. Недалеко от ворот монастыря был погребен и его конь Бабиека.

Ст. 683. *Обтяжные панталоны.* — Осовремененная переводчиком деталь костюма. Испанцы того времени носили короткие (чуть за колено) и широкие штаны, именуемые в испанском тексте «un medio botarga» (полушаровары). При этом уточнено, что это «calzas valonas» (валлонские панталоны), т. е. привозные и дорогие, из Валлонской провинции, находившейся на территории современной северной Франции и южной Бельгии. В средние века она была одной из самых цветущих в Европе и славилась производством сукон. Гердер, отталкиваясь от французского пересказа, сохраняет ссылку на Валлонию: «Eicht = Valloner Pantalone» (подлинно валлонские панталоны). Для переводчика смысл этой ссылки, видимо, был неясен, ибо Валлония как провинция давно перестала существовать, а память о валлонских сукнах вытеснили сукна английские. Определение же «обтяжные» явилось, вероятно, по аналогии с костюмом современной поэту конной гвардии.

Ст. 697. *Падал кожаный колет.* — Здесь род отложного воротника.

Ст. 698. *Сеть, сплетенная из нитей...* — Одна из деталей испанского национального костюма, на наличие которой обращали внимание путешествовавшие по Испании и в более позднее время. Так, Ф. Булгарин в «Воспоминаниях об Испании» (СПб., 1823) пишет: «Испанцы всех состояний, бедные и богатые, мужчины и женщины носят на голове сетки, покрывающие волосы, которых большая часть из них никогда не стригут» (С. 5).

Ст. 702—703. *Петушиное перо // Веяло на тонкой шляпе // Из кортрайского сукна.* — Головной убор в виде широкополой шляпы, украшенной петушиным пером, также является частью национального испанского костюма. Он не только фигурирует в романсах о свадьбе Родриго («Una gorra de coutraï // con una pluma de galla»), фик-

сируется Гердером («Auf dem Hute (...) hob sich eine Hahnenfeder»), но сохраняет свой облик и в XIX в., на что обращает внимание тот же Булгарин: «у гидальгосов и чиновников (...) поля шляп нередко украшены перьями» (см. прим. к ст. 698); кортрайское сукно — изготовленное в г. Кортрайк (Куртре) в Валлонии (см. прим. к ст. 683).

Ст. 705—706. *Яцгерина с бахромюю // Опускалася до лядвий...* — *Jacgerina* (исп. ист.) — кольчуга; *до лядвий* — вин. пад. от *ляга, лядвевя* — (тульское) верхняя половина ноги, бедро (В. Даль. Т. 2. С. 285). Редкий случай употребления Жуковским областного (диалектного) слова.

Ст. 710. *Меч прозваньем Тисонада...* — Или Тисона — меч, якобы добытый Сидом в битве с легендарным царем Букаром. Описан в инвентаре Сеговийского алькасара (дворца). Средневековые рыцари (герои народных эпосов) давали своему мечу (лучшему другу в битве) имя, которое обычно сохранялось за ним и после передачи (дарения) другому владельцу.

Ст. 722—723. *С образами и с невестой // Ожидали жениха.* — «С образами ожидали // Молодых...»

Ст. 745. *Очи полные любви...* — «Взоры полные любви...»

Ст. 752—755. *Отдаю тебе обратно ~ И слугу — все возвращаю.* — «И слугу я сам [Самого себя даю] // И себя тебе // Безвозвратно [Навечно отдаю] // Отдаю тебя себе [Дать тебе] все замену...»

Ст. 763. *Мой обет — тебя любить.* — «Дать тебе всего замену...»

Ст. 767. *Ты ж, отец архиепископ...* — «В добрый час, отец святой... [И теперь, отец святой...]»

Ст. 776. *На пути к дворцу стояли...* — «На дороге их стояли...»

Ст. 778. *Всюду вывешаны в окнах...* — «Были вывешаны в окнах...»

Ст. 789. *Поздравляли молодых.* — «Прославляли молодых...»

Ст. 795. *Он, свой лоб украсив рогом...* — «Ехал, лоб украсив рогом...»

Ст. 820—821. *Из-за легкия косынки // Их с улыбкой выбирал.* — «Сам своей рукою // Из-за легкия косынки // Улыбаясь выбирал».

Ст. 825. *Предпочеть я согласился...* — «Предпочеть теперь решуся...»

Ст. 839—842. *Пред наместника Петра // Пред святейшего Виктора // Сам немецкий император // Генрих жалобу принес.* — Святейший Виктор — вероятно, папа Виктор II (1055—1057), возведенный на престол Генрихом III, как и все римские папы, считался наместником святого Петра; Генрих — вероятно, Генрих III (1026—1156), германский король и император Священной Римской империи. Вся излагаемая далее история последнего подвига Родриго целиком баснословна, хотя и повторяется в поэме «Родриго» (XV в.) и в прозаической «Хронике о Сиде». Испания никогда не воевала с Францией («Принц Раймон из Савой») или Италией («И Италию занял он...»). В то же время в данном эпизоде выразилась нелюбовь испанского народа к французам, которые, вступая в браки с испанской знатью и помогая испанским королям, получали в награду от них монастыри (крепости) и земли, отвоеванные в период Реконксты. Кроме того, французы несли с собой религиозную нетерпимость по отношению к «неверным» (ярко отражена в «Песне о Роланде»), которой не знала испанская нация, складывавшаяся в постоянных контактах с арабами, что отразилось во многих памятниках культуры, в том числе и в письменных, где нередко вместо выражения «все испанцы» можно встретить другое — «и христиане и мавры».

Ст. 849. *Чтоб познал во славе церкви...* — «Что признал во славе церкви...»

Ст. 852—854. *Посылает к Дон Фернанду ~ Императору он стал.* — «И велит, чтобы покорно // Грозно требует [Императора признал] // Императору предстал».

Ст. 857. *На него вооружить.* — «На ослушника послать».

Ст. 865. *Наслаждаясь любовью...* — «Он любовью наслаждался».

Ст. 883. *Сам их вызови, надменных!* — «Милость, данную нам Богом...»

Ст. 905—906. *И прельстился Дон Фернандо // Юной пленницей, и сына...* — «И король прельстился ею // И с красавицей он прижил...»

Ст. 914—915. *Что и папа, и немецкий // Император, ужаснувшись...* — «Что сам император с папой // И от дани отказались...»

Н. Реморова

Разрушение Трои

Из «Энеиды» Вергилия

(«Все молчат, обратив на Энея внимательны лица...»)

(С. 57)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 3—6 с об., 7) — черновой, ст. 1—420; в альбоме красного сафьянного переплета, в продолговатую 8-ю долю листа, содержащем черновые редакции произведений 1822—1831 гг., с заглавием: «Разрушение Трои» и пометой в начале: «Начато 12 мая 1822 в Павловске», собственноручной разбивкой на десятистишия. До ст. 365 достаточно чисто, с более поздней правкой; со ст. 366 — другими чернилами, более черновой набросок. Автограф окончания перевода (ст. 421—795) не обнаружен.

Впервые (отрывки):

1) ПЗ на 1823 год. С. 173—176. Ст. 501—551 — с заглавием: «Смерть Приама: Отрывок из II песни *Энеиды*» (в оглавлении: «Смерть Приама, из Вергилиевой *Энеиды*») и подписью: «С Латинского — Жуковский». Ц. р. от 30 ноября 1822 г.

2) ПЗ на 1824 год. С. 308—312. Ст. 431—500 — с заглавием: «Приступ к чертогам Приама (Из II-й песни *Энеиды*)» и подписью: «Жуковский». Ц. р. от 20 декабря 1823 г.

Впервые (полностью): С 3. Т. 3. С. 361—424. В титуле с подзаголовком: «Опыт перевода *Энеиды*. Книга II». В оглавлении: «Вторая песнь Вергилиевой *Энеиды*».

В прижизненных изданиях: С 4. Т. 6. С. 210—261. В титуле и оглавлении с подзаголовком: «Опыт перевода *Энеиды*. Книга II»; С 5. Т. 4. С. 65—110. В титуле и оглавлении — с подзаголовком в круглых скобках: «Из *Энеиды* Вергилия».

Датируется: 12 мая 1822 — около 7 октября 1822 г.

Основанием для датировки является указание в автографе: «Начато 12 мая 1822 в Павловске» и положение этого автографа в рукописи. В альбоме, где тексты расположены в хронологической последовательности, вслед за автографом перевода ст. 1—420 «*Энеиды*» идут 36 четверостиший чернового автографа «Замка Смальгольма» из Вальтера Скотта и II шестистиший также чернового наброска «Кубка» из Шиллера, относящихся уже к июню 1822 г. Это дает основание говорить, что первая часть перевода была закончена к июню 1822 г. В письме к секретарю Академии П. И. Соколову от 7 октября 1822 г. Жуковский сообщает: «...у меня к

этому времени готовился перевод гекзаметрами второй песни “Энеиды”. Он готов. Я не отвечал на почтенное письмо ваше от того так долго, что прежде желал переписать мой отрывок, дабы его вместе с письмом к вам доставить» (ПД. Ф. 184. № 154/2. Цит. по: *Айзикова И. А. В. А. Жуковский в истории Российской Академии // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 241*). Известно, что в публичном собрании Российской Академии перевод был прочитан Н. И. Гнедичем 2 декабря 1822 г. и 14 января 1823 г. (*Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 466*). Как явствует из письма к И. И. Дмитриеву, Жуковский не собирался ограничиваться переводом лишь второй песни «Энеиды». «Между тем грожусь на “Энеиду”: — сообщал он 11 февраля 1823 г., — вторая песнь кончена; мало помалу переведу всю. Трудиться над переводом классики наслаждение необыкновенное...» (С 7. Т. 6. С. 431). Никаких следов продолжения перевода до сих пор не обнаружено, но очевидно, что перевод второй песни был завершен и подготовлен к печати около 7 октября 1822 г.

«Разрушение Трои» — перевод второй книги эпической поэмы «Энеида» римского поэта Публия Марона Вергилия (лат. P. Vergilius Maro; в V в. возникает форма *Virgilius*; 70—19 гг. до н. э.). В поэме основой сюжета стала судьба Энея и его жизнь со времени падения Трои до победы над вождем италийского племени рутулов Турном. В композиции «Энеиды» Вергилий сознательно ориентируется на гомеровский эпос: 1—6-я книги соответствуют «Одиссее», а 7—12-я — «Илиаде».

804-м стихам второй песни «Энеиды» у Жуковского соответствуют 794 стиха. Небольшие сокращения в переложении ст. 77—93, 370—401, 547—587 «Энеиды» были связаны у Жуковского с более лаконичным изложением речи Синона, описанием ночной Трои и убийства Приама. Но в целом перевод Жуковского достаточно верен и тщательно воссоздает повествовательный ритм оригинала. Большая правка и обилие вариантов содержатся в ст. 203—210 (описание двух змей, загрызших Лаокоона и его сыновей) и ст. 376—387 (сравнение Андрогеев с путником, разбудившим змею). Жуковский подбором эпитетов и заменой глаголов добивается большей динамики и зримости картины.

В лексиконе и синтаксисе перевода обнаруживаются три тенденции: насыщение текста сложными эпитетами (*дивно-огромный, гороподобный, бесполезно-прискорбная, благодущный, благовещный, бедоносный, плачевно-ужасный, броненосная, стенобойный, неизбежно-ужасный, святотатный, чудотворный, обильно-медлительный, светоносный* и др.), старославянизмами (*риза, шуйца, десна, вопияла, к прагу, рамена, бразда, выя*) и редукция восклицательной эмфатики от С 3 к С 5 (в С 3 307 восклицательных знаков; в С 4 — 117; в С 5 — всего 57). Реконструкция составных гомеровских эпитетов и черт летописного стиля имела для Жуковского принципиальное значение. Это был поиск эпической формы. Эпитет «роковой» («день роковой наступил», «роковая повязка», «время пришло роковое», «ослепленная роком»), отсутствующий в оригинале, сопрягает перевод Жуковского с поэтикой античной баллады. Уменьшение количества восклицательных знаков — следствие поступательного движения Жуковского в 1840-е гг., когда шла работа над С 5, к повествовательности.

Несмотря на то, что уже в при первой публикации отрывка из перевода в ПЗ было указано: «С латинского», можно с уверенностью говорить об обращении Жуковского к тексту-посреднику. Как обычно, при обращении к переводу классических текстов Жуковский приобретает все известные ему и популярные их перево-

ды на европейские языки. В библиотеке поэта сохранились следующие издания перевода «Энеиды»:

- 1) L'Enéide, traduite par Jacques Delille. Т. 1—4. Paris, 1804. (Описание. № 2320).
- 2) Virgil's Aeneis, translated into English. By John Dryden. London, 1819 (Описание. № 2317).
- 3) Des Publius Vergilius Maro Werke von Johann Heinrich Voss. Bd. 2. Braunschweig, 1821 (Описание. № 2318).

Стихотворный перевод известного французского поэта и переводчика Жака Делюля (1738—1813) с параллельным латинским текстом и подробным комментарием — одно из лучших изданий «Энеиды» того времени. По всей вероятности, книга попала к Жуковскому из книжного собрания К. Н. Батюшкова (подробнее см.: Батюшков: Исследования и материалы. Череповец, 2002. С. 106—107). Никаких помет в тексте перевода, в том числе и второй песни, нет.

К творчеству английского поэта Джона Драйдена (1631—1700) Жуковский обращался еще в 1812 г., переводя его кантату «Пиршество Александра, или Сила гармонии». Именно сочинения Драйдена и Попа он считал этапом в развитии национального содержания английской литературы (БЖ. Ч. 2. С. 210). В стихотворном переводе Драйдена (Book II. P. 148—175; не все страницы разрезаны) содержится 1094 стиха. Никаких помет Жуковского в этом переводе нет.

Перевод второй песни («Zweiter Gesang») немецкого поэта Иоганна Генриха Фосса (1751—1826), которого Жуковский высоко ценил как знатока классической литературы, находится во второй части трехтомного собрания переводов Вергилия (с. 69—140) и содержит 803 стиха. Никаких помет в этой части нет. Зато в третьей части, содержащей 7—12 песни «Энеиды», на нумерованной странице, где дано содержание седьмой песни, имеется запись в столбик карандашом рукою Жуковского: «Сон Турна. Раненый олень», а на нижней обложке тоже карандашом написано: «Немецк.(ая) миф.(ологическая) лексика. Бонстеттен». Что касается первой записи внутри седьмой песни, то она касается двух центральных ее сцен. Вторая запись с трудом поддается комментарию. Возможно, при работе над переводом и во время чтения Жуковский, затрудняясь в выборе слов для мифологических реалий, обращался к немецкой версии Фосса, а его консультантом был немецкий историк и педагог Шарль (Карл) Виктор Бонстеттен (1745—1832). В дневнике первого заграничного путешествия (записи от 24—26 августа 1821 г.) Жуковский постоянно говорит о своих встречах и беседах с ним во время посещения Женевы. Характерна в этом отношении запись от 26 сентября: «У Бонстеттена. (...) Подарок Бонстеттена» (ПССиП. Т. 13. С. 211). Не исключено, что это был томик с переводом Фосса, только что вышедший из печати.

Но важнее другое: приступив к переводу второй песни «Энеиды», Жуковский опирается не только на текст оригинала, но и привлекает для сравнения три (французский, немецкий и английский) его перевода.

Интерес Жуковского к эпосу Вергилия восходит еще к эпохе его поэтической молодости. В 1805—1810 гг., штудировав классические труды европейских теоретиков искусства и составляя свой «Конспект по истории литературы и критики», он неоднократно обращается к «Энеиде» и постоянно подчеркивает, что поэма Вергилия «есть прекраснейший из памятников, оставленных нам древностью»,

«главное отличие Вергилия состоит в слоге, который красотою превосходит все, что известно нам в стихотворстве» (Эстетика и критика. С. 56, 78). Вслед за автором «Лицея», французским критиком Ж.-Ф. Лагарпом, Жуковский размышляет о композиции и слоге «Энеиды», своеобразии ее героев (Там же. С. 77—78). Читая «Опыт об эпической поэме» Вольтера, автор «Конспекта...» говорит о соотношении «Энеиды» и поэм Гомера, о характере главного героя (Там же. С. 56—57). Вместе с английским теоретиком литературы Хью Блером, автором «Лекций по риторике и изящным искусствам», он продолжает сравнительную характеристику «Энеиды» и поэм Гомера, подчеркивает, что «Вергилий не так возвышен и оживлен, как Гомер, но он ровнее, разнообразнее, правильнее, образованнее, выдержаннее», «простота и живость составляют главное отличие “Илиады”, вкус и чувствительность — отличие “Энеиды”» (Там же. С. 71). К этим же вопросам он возвращается при конспектировании «Рассуждения об эпической поэме» Шарля Баттё, особенно подчеркивая, что «читая Вергилия, вступаем в новый мир, замечаем образованность, вкус, великолепиие, соединение дарований с просвещением» (Там же. С. 98).

В период редактирования ВЕ и сотрудничества в нем (1808—1811) Жуковский, переводя статью Делиля «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (1810. Ч. 49. № 3. С. 190—198) и трактат Д. Юма «О слоге простом и слог украшенном», говоря об игре французской актрисы Жорж в трагедии Лэфрана де Помпиньяна «Дидона» на сюжет «Энеиды» (см.: Эстетика и критика. С. 242—250, 280—281), вновь и вновь возвращается к поэме Вергилия. В статье Делиля мимо его внимания не могли пройти мысли о переводческих принципах: «Стихотворцев надлежит, по моему мнению, переводить стихами: прозаический перевод стихов всегда есть самый неверный и далекий от оригинала»; «...переводя Вергилия, имеющего простой, ясный и умеренный слог, не должно занимать у Овидия ни блеска, ни многоречия, ни изобилия»; «не забывайте о характере поэмы: “Энеиду” нельзя переводить таким слогом, который приличен одним “Георгикам”. Не забудьте также и того, что переводимая вами поэма составлена из частей, заимствующих каждая особенный свой характер от мыслей и движения слога» (Там же. С. 283, 285). Нарушая русскую традицию перевода «Энеиды» прозой, обратившись к Вергилию после перевода «Цейкса и Гальционы» из Овидия, выбрав для своего перевода «Энеиды» лишь вторую книгу, Жуковский не мог не прислушаться к советам французского поэта и теоретика перевода.

Мысли об «Энеиде» не покидают его во время работы над исторической поэмой «Владимир» в 1809—1810 гг. В планах и списках произведений и авторов, с которыми он хотел ознакомиться для ее написания, постоянно упоминается Вергилий и его поэма. Он отмечает эпизод о Нисе и Эвриале (ПЖТ. С. 67). В письмах к А. И. Тургеневу от сентября-ноября 1810 г. он говорит об интересе к латинскому языку, чтобы обратиться к переводам из Вергилия, Горация и Тацита (Там же. С. 63—77).

Из двенадцати книг «Энеиды» Жуковский выбрал вторую — рассказ Энея о падении Трои. Этот сюжет неоднократно освещался в древнегреческой и римской поэзии. Но у Вергилия он впервые увиден глазами троянца и передан его устами, причем, согласно преданиям, Эней не играл заметной роли в ходе исторических событий. Поэтому его рассказ это в определенной степени история частного человека, воссоздающего трагедию своей родины, дома, друзей и близких. Эпос

истории глазами частного человека, «история домашним образом» — так можно определить суть изображенного в данном фрагменте. Этот опыт Жуковского интересен для становления принципов исторического повествования. Рассматривая «Разрушение Трои» как «опыт перевода *Энеиды*», Жуковский прежде всего пытался овладеть «эпическим стилем» Вергилия. И в этом смысле данный опыт является органической частью своеобразного античного триптиха: «Цейк и Гальциона» из «Превращений» Овидия (1819), «Разрушение Трои» из «Энеиды» Вергилия (1822), «Отрывки из *Илиады*» (1828). Три античных классика, творцы эпического стиля, получили в переводах Жуковского русскую прописку, ибо впервые были воссозданы античным гекзаметром.

Перевод Жуковского не остался без внимания критики. В журнале «Вестник Европы» (1824. Ч. 133. № 3) появился разбор фрагментов, опубликованных на страницах альманаха «Полярная звезда».

Ст. 1—9. Полное соответствие тексту оригинала.

Ст. 5. *Греки низринули...* — В автографе: «Греки разрушили...»

Ст. 6. *Всё, чего я был главная часть... повествуя об этом...* — Черновой вариант: «Всё, что я сам претерпел... Увы! о чем повествуя...» В С 3—4: «Всё, чего я был главный участник... о сем повествуя...»

Ст. 7. *...мирмидон ли, долон ли...* — Представители фессалийских племен, приведенные в Трою Ахиллом. В автографе, С 3—4 вместо частицы «ли» союз «иль».

Ст. 8. *...влажная ночь...* — Зачеркнуто: «...уже росистая ночь...»

Ст. 9. *С тихого неба...* — Первоначально: «С темного неба...»

Ст. 10. *...желание слышать о наших страданиях...* — Зачеркнуто: «...желаешь о наших страданиях слышать...»

Ст. 14. *Столько (...) утративши лет...* — Зачеркнуто: «Стольким (...) протекшим годам...»; *данаев* — одно из эллинских племен, названное по имени их мифологического родоначальника Даная.

Ст. 15. *Хитрым искусством...* — В С 3—4: «Дивным искусством...» Здесь и далее у Вергилия вместо «Паллады» — «Минерва».

Ст. 16. *Дивно-огромного (...) из крепкия сосны...* — В оригинале: «коня наподобие горы». В черновом варианте: «Гороподобного (...) из твердыя сосны...»

Ст. 17. *В жертву богам при отплытии...* — Вместо «в жертву» было «в дар» (черновой вариант, С 3—4); вместо «при отплытии» — «на отплытие» (С 3).

Ст. 19. *...в пространные недра чудовища...* — Зачеркнуто: «...в пространную внутренность махины...»

Ст. 20. *...чрево громады одеянных броней ратных.* — Черновой вариант: «...грозное чрево страшилища бронеедеянных ратных». Этот вариант сохранился до С 5. Но в С 3—4 вместо «страшилища» — «громады».

Ст. 21. *Тенедос* — небольшой, ранее заселенный эолийцами остров в Эгейском море. Согласно легенде, корабль греков, отошедшие от Трои, бросили якорь у Тенедоса, чтобы взять на корабль деревянного коня и вернуться с ним в Трою.

Ст. 22. *Остров, обильный, доколе стояло царство Приама...* — В автографе зачеркнуто: «Остров, цветущий, в то время как было царство Приама...»

Ст. 26. *Тевкрия* — Троида, по имени легендарного первого царя Тевкра, сына речного бога Скамандра.

Ст. 27. *...рвемся на волю...* — Вместо «рвемся» было «жаждем». Сохранилось в С 3.

Ст. 29. ...шатер был Ахиллов... — В оригинале добавлен характерный эпитет «ужасный».

Ст. 32. ...двигаясь великой громаде... — Вместо «великой громаде» первоначально зачеркнуто: «громадному зданию». В С 3: «огромному зданию».

Тиметос — намек на возможность его измены, так как его жена и сын, согласно Сервию, комментатору Вергилия (IV в.), были убиты по приказу Приама.

Ст. 35. ...проницательный Капис... — Эпитет «проницательный» отсутствует в оригинале.

Ст. 46. Или громада сия создана... — Лаокоон принимает коня за своеобразную осадную башню; подобные башни римляне строили из дерева, ставили на колеса и во время осады продвигали вплотную к городским стенам. Сам образ прорицателя и жреца Аполлона в Трое Лаокоона Вергилий во многом сближает с реалиями римской действительности.

Ст. 50. ...копье тяжелое... — Вместо эпитета «тяжелое» в первоначальном варианте — «великое».

Ст. 52. ...дрогнуло здание... — Вместо «здание» было «чреву».

Ст. 54. ...когда б не затменья рассудка... — В черновом варианте: «...когда б не слепой наш рассудок...»

Ст. 55. ...открыло их козни железо... — Вместо «козни железо...» было «козни ар-гивские».

Ст. 68. Робко водил он кругом недоверчивый взор... — В автографе зачеркнуто: «Он с недоверчивым страхом ее обозрел...» В С 3—4 вместо «кругом» было «окрест».

Ст. 69. ...какое море, — воскликнул... — Вместо «воскликнул» было «сказал он».

Ст. 71. ...а здесь раздраженная Троя... — Вместо «раздраженная Троя» было «раздраженны Дардане».

Ст. 72. ...погибелью мне угрожает!... — Вместо «погибелью» было «казнию». Сохранилось до С 5.

Ст. 73. ...тронула наши сердца; замолчало... — Вместо «замолчало» в автографе зачеркнуто: «усмирилось».

Ст. 78. Синоп... — Согласно греческой легенде, воин, родственник Одиссея, позволивший троянцам взять себя в плен, сделав вид, что его преследуют греки.

Ст. 81. ...о делах Паламеда, Вилова сына... — Первоначально: «...о делах Паламеда, рожденного Белом!»

Паламед — сын царя Навплия и Эвбеи. Разоблачил в ходе Троянской войны мнимое безумие Одиссея и был за это коварно обвинен последним в том, что подкуплен Приамом. Известны были мудрость и дар изобретения Паламеда, которому приписывалось создание букв, цифр, шашек, мер и весов. Отец Паламеда позднее отомстил грекам, возвращающимся из Трои. Бел (Вил) — согласно греческой мифологии, родоначальник будущих героев. У Вергилия — «Belid».

Ст. 92. О безрассудный! я не смолчал, но смело грозился... — Черновой вариант: «И не смолчал я, безумец, но смело убийцам грозился...»

Ст. 96. ...меня обвинял в замышленях... — Зачеркнуто: «...против меня вымышлял побасенки...»

Ст. 98. ...доколе Калхаса... — Используя многоточие в конце стиха, Жуковский сохраняет стилистическую фигуру умолчания, употребленную Вергилием по отношению к Калхасу, греческому прорицателю, предсказавшему продолжение Троянской войны. У Вергилия деревянный конь сооружен по его совету. По другой версии, эта идея принадлежала Одиссею.

Ст. 99. ...продолжать бесполезно-прискорбную повесть? — Эпитет «бесполезно-прискорбную» в оригинале отсутствует.

Ст. 101. ...поражайте меня... — Вместо «поражайте» было «казните».

Ст. 105. Снова начал он робкую речь... — Вместо «робкую речь» было «трепетну речь». Сохранилось до С 5.

Ст. 107. Греки не раз от упорных Трои бежать замышляли. — Первоначально: «Часто Данаи бежать замышляли, Трою покинув».

Ст. 110. ...из брусьев сосновых... — В оригинале: «из кленовых бревен», но далее (ст. 258) у Вергилия говорится о сосновых затворах коня. Это можно рассматривать как противоречие в тексте, но необходимо учитывать, что, например, обозначения сосны и ели (pinus, abies) употреблялись римскими авторами без разграничения — как синонимы.

Ст. 112. В трепете мы Эрифилу узнать, что велит нам оракул... — Черновой вариант: «В недоумении мы Эрифилу спросить прорицанье...» В С 3—4: «Полны смятения, мы Эрифилу, да спросит Оракул...»

Ст. 113. В Дельфы послали... — В оригинале: «узнать оракул Феба». Жуковский добавляет топоним, имея в виду наиболее знаменитый оракул Аполлона в Дельфах, в Фокиде, хотя Вергилий, возможно, имел в виду другой оракул, расположенный ближе к месту событий. Культ Аполлона был развит в Малой Азии, и его оракулы существовали и в городах, захваченных греками (Хриса, Тенедос).

Ст. 114. ...кровию девы закланной... — Имеется в виду Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, принесенная по совету Калхаса в жертву Артемиде. Богиня, во время обряда жертвоприношения заменив девушку ланью, сделала ее своей жрицей.

Ст. 120. С шумом тогда Улисс ухищренный Калхаса пророка... — Черновой вариант: «Тут Улисс Калхаса пророка с шумом великим...»

Ст. 124. Десять дней прорицатель молчал... — В оригинале: «Молчит Калхас дважды пять дней...»

Ст. 131. Были готовы и соль (...) и повязка... — Солью, смешанной с мукой, посыпали голову жертвы, ножи и огонь; повязки предназначались для жертвы, жрецов и культовых изображений.

Ст. 141. ...яви сожаленье... — Вместо «сожаленье» было «состраданье».

Ст. 142. Бедному мне и тронься... — Вместо «тронься» было «сжался».

Ст. 143. Мы, сострадавая... — В автографе зачеркнуто: «Тронуты все, мы...»

Ст. 144. Сам благодущный Приам... — Эпитет «благодущный» в оригинале отсутствует.

Ст. 146. ...о своих неприязненных греках... — Вместо «неприязненных» было «утраченных».

Ст. 151. ...к священному небу свободные руки... — Первоначально: «...к звездам старцем избавленны руки...»

Ст. 154. ...роковая повязка... — В оригинале: «повязки богов».

Ст. 156. ...открою троянам их тайны... — Черновой вариант: «...открою их гильны тайны...» То же в С 3—4.

Ст. 157. Чуждый отчизне... — Первоначально: «Вместе с отчизной...»

Ст. 159. ...истину молвлю... — Зачеркнуто: «...правду открою...»

Ст. 160. ...надежной, помощницей в битвах... — Вариант: «...верной помощницей в бранях...» В С 3—4 этот же вариант, но вместо «в бранях» — «в брани».

Ст. 162. Сын Тидеев... — Диомед, сын Тидея, один из известных греческих героев, был в числе женихов Елены и участвовал в походе под Трою. Диомед и Улисс

похитили Палладиум, древнее резное изображение защитницы города Паллады, упавшее с неба, когда был основан Илион. Пока оно хранилось в акрополе, город был неприступен, поэтому Вергилий называет его «роковым» (*fatale*), что не передает Жуковский. Синон намекает, что конь послан троянцам вместо похищенной святыни.

Ст. 166. *Кончилась наша доверенность к ней, охладела надежда...* — Зачеркнуто: «Наша доверенность стала свободна...» Вместо «охладела» было «оробела».

Ст. 168. *...гнева Тритоны...* — Эпитет Минервы по месту ее рождения (Тритонида — озеро в Ливии, или ручей в Беотии, называвшийся Тритон).

Ст. 169. *Был утверждён похищённый идол...* — Вместо «похищенный» было «божественный».

Ст. 174—175. *...снова // Греки должны спросить оракул в Аргосе...* — Здесь Вергилий переносит римскую деталь (повторные гадания при неудачах) на культовые обычаи древнегреческого общества.

Ст. 175. *...оракул...* — Зачеркнуто: «...прорицанье.»

Ст. 177. *...переплывши в Аргос с благовеющим ветром...* — Черновой вариант, С 3—4: «...провождены в Аргос благовеющим ветром...» В оригинале: «в родные Микены». Эпитет «благовеющим» — добавление переводчика.

Ст. 184. *...не пройти во врата...* — В С 5, вероятно, опечатка: «...не пройти до врата...», которую мы исправляем.

Ст. 190. *...стены Пелопсовы сильной оступит...* — Вместо «сильной» было «страшной».

Пелопсовы (Пелоповы) стены, т. е. пелопонесские города Аргос и Микена.

Ст. 197. *...неслыханно страшное чудо...* — Вместо «неслыханно страшное» в черновом автографе было «грозное».

Ст. 198. *...и вселило в сердца неописанный трепет.* — Зачеркнуто: «...и смутило сердца неописанным страхом».

Ст. 199—220. Смерть Лаокоона и его сыновей — один из распространенных сюжетов в античном и западноевропейском изобразительном искусстве (Эль Греко). Особенно известна скульптурная группа из мрамора, найденная в Риме в 1506 г. (находится в музее Ватикана), оказавшая влияние на художественное мышление Винкельмана, Лессинга и Гёте.

Именно эти стихи подвергаются особенно тщательной работе Жуковского. Множество черновых вариантов — попытка добиться большей динамики картины.

Ст. 223. *...ко храму высокому...* — Черновой вариант: «...к высокому капищу...»

Ст. 224. *Там, достигши святилища...* — В автографе и С 3 вместо «достигши» — «достигнув».

Ст. 226. *...ужас глубоко проникнул...* — Вместо «проникнул» был вариант: «наполнил».

Ст. 234. *Ставят громаду...* — Было: «Махину ставят...»

Ст. 241. *...внутри зазвучало железо...* — Черновой вариант: «...оружие [стукнуло], звякнуло в чреве...»

Ст. 242. *...разум утратив, не зрим...* — Вместо «разум» в автографе было «память».

Ст. 243. *...истукан бедоносный.* — В оригинале: «роковой конь».

Ст. 244. *...Кассандра...* — Или Александра, прекраснейшая из дочерей Приама. Согласно киклическим сказаниям, она получила дар предсказания от Аполлона, но отвергла его любовь, и он наказал ее тем, что ее пророчествам никто не верил. У Го-

мера ничего не говорится о ее даре. Еще в 1809 г. Жуковский обратился к ее образу, переведя балладу Шиллера «Кассандра» (ВЕ. 1809. Ч. 47. № 20. С. 258—263).

Ст. 246. *Мы, слепцы, для которых...* — «Мы, безумцы, для коих...» (черновой вариант; С 3—4).

Ст. 248. *Небо тем временем круг совершило, и ночь полетела...* — В космогонии древних небо представлялось вращающимся сводом, и солнце, опускаясь в Океан, завершает этим день.

Вместо «полетела» в черновом варианте: «побежала».

Ст. 253. *...безлуния мраке...* — Зачеркнуто: «...безлунном молчаньи».

Ст. 255. *...судьбою богов, нам враждебных, хранимый...* — Черновой вариант, С 3—4: «...судьбою враждебных богов огражденны...»

Ст. 256. *...в громаде данаям...* — Вместо «в громаде» в автографе и С 3: «во чреве».

Ст. 257. *Отпер коварный Синоп...* — В автографе, С 3—4: «Вскрыл осторожный Синоп...»

Ст. 259. *Стенел, и Тессандр, и Улисс кровожадный...* — Вместо «кровожадный» в автографе было «осторожный».

Стенел (Сфенел) — вождь аргиев, друг Диомеда. Тессандр (Фесандр) у Гомера не упоминается.

Ст. 260. *Фоас* (в автографе и С 3: «Тоас»); у Вергилия Фоант — один из ахейских вождей. *Афаман* (в автографе и С 3: «Акамант») — греческий герой, сподвижник Диомеда.

Ст. 261. *Неоптолем* — сын Ахилла, был приведен под Трою Улиссом, т. к., согласно оракулу, без него город не мог быть взят.

Магаон (Махаон) — врач в стане греков.

Ст. 262. *Эпеос* (Эпей) — мастер, воздвигший коня; упоминается и в «Одиссее» Гомера.

Ст. 266. *Было то время, когда на усталых сходить начинает...* — Вместо «было то время» — «был тот час»; вместо «на усталых» — «на смертных». Оба варианта в автографе зачеркнуты.

Ст. 268. *Вдруг... мне заснушему видится...* — Вместо «вдруг» — «вот»; вместо «видится» — «грезится». Оба варианта зачеркнуты.

Ст. 273. *...бегущим в Ахилловой броне...* — Когда Ахилл из-за обиды на Агамемнона отказался участвовать в битве, в его доспехах сражался Патрокл. Убив его, Гектор завладел этими доспехами (см.: «Илиада»; XVI—XVII).

Ст. 274. *Иль запалившим фригийский пожар в кораблях супостата!* — В оригинале: «обрушивший огонь на корабли данайцев». В переводе оценочное добавление, переданное славянизмом-просторечием. Жуковский колебался в его выборе. В автографе было: «мирмидонян». Во всех прижизненных изданиях: «сопостата».

Во время отступления ахейцев Гектору удалось дойти до побережья, где стояли греческие корабли, и поджечь их («Илиада»; XV, 592 и след.).

Ст. 275. *...от крови склеилися кудри...* — Вместо «склеилися» до С 5 было «слеплися».

Ст. 283. *Сердцем унылых обрел!* — Вместо «сердцем» в автографе зачеркнуто «духом».

Ст. 286. *...вздых исторгнув из груди...* — Вместо «из груди» в автографе зачеркнуто «из сердца».

Ст. 287. *Молвил: «Беги, сын богини, спасайся; Пергам погибает...* — Черновой вариант: «Молвил: “Горе, горе, беги, сын богини! спасайся!”»

Ст. 290. ...*Пергам бы спасен был этой рукою.* — Вместо «этой рукою» было «сею рукою». Сохранилось в С 3—4.

Ст. 291. *Троя пенатов своих тебе поверяет...* — У римлян пенатами называлась внутренняя часть храма или дома, божества-хранители и все боги домашнего очага. Здесь — указание на пророчество о возрождении Трои после основания Рима Энеем.

Ст. 293. ...*их же воздвигнешь...* — В автографе, С 3—4 вместо «их же» было «кои».

Ст. 296. ...*разливалась гибель.* — В автографе: «...разливалось горе».

Ст. 300. ...*и ложе покинул...* — Первоначально: «...воспрянул от ложа...» То же в С 3—4.

Ст. 301. ...*внимательным слушая ухом.* — В автографе вместо «внимательным» было «примечательным».

Ст. 304. ...*веселые нивы...* — В оригинале просто «поля».

Ст. 308. *Деифоб* — один из сыновей Приама и Гекубы, любимый друг Энея.

Ст. 310. ...*сигейские воды...* — Воды Сигейской бухты близ Трои.

Ст. 313. ...*броситься в замок...* — В автографе зачеркнуто: «с криком».

Ст. 321. *Я вопросил; отчаянным стоном...* — В автографе вместо «вопросил» было зачеркнуто: «воскликнул». В оригинале вместо «отчаянным стоном» просто «стоном».

Ст. 339. *Хорев* — правильно: Корев — фригиец, сын Мигдона, сватался к Кассандре, предложив Приаму помощь в войне с ахейцами. Жуковский колебался в написании этого имени. Вплоть до С 4 он употреблял форму «Хорев». Вероятно, на него повлияло написание имени героя русских летописей и трагедии А. П. Сумарокова «Хорев».

Ст. 348—349. ...*наши покинули храмы // Боги...* — Согласно поверью древних, боги-покровители покидали побежденный город.

Ст. 354—355. ...*пасти засохшие, жадно разинув, // Их волчата ждут в логовищах...* — В автографе, С 3—4: «...брошены дети, засохшие пасти // Жадно разинув, их ждут в логовищах...»

Ст. 361. ...*лежат неподвижно во прахе...* — Вместо «неподвижно» в автографе зачеркнуто «безобразно».

Ст. 366. *Ужас, и бой...* — В автографе: «Горе и страх...»; в С 3—4: «Гибель и страх...»

Ст. 368. *Андрогей* — по Вергилию, греческий вождь, погибший при взятии Трои. В греческой мифологии есть герой с том же именем, сын критского царя Миноса.

Ст. 376—378. Подверглись большой правке.

Ст. 405—406. ...*плачевно-ужасный // Бой...* — В оригинале: «несчастнейшая битва».

Ст. 410. *Бросился враг...* — В С 3—4 вместо «бросился» — «ринулся».

Ст. 412—415. *Бросился враг...* — Вписаны отдельно на л. 6 об., из-за чего сбилась общая нумерация стихов.

Ст. 419. ...*мужие заметили звуки.* — Имеется в виду акцент троянцев, говоривших по-гречески.

Ст. 421. ...*броненосной Паллады...* — Стремясь к насыщению текста перевода сложными эпитетами, Жуковский заменяет определение Вергилия: «воинственной».

Ст. 436. ...*сдвинув щиты черепахой...* — Т. е. прикрывшись щитами сверху. Этот прием защиты часто встречается при описании сражений.

Ст. 447. *Ратных усилить и бодрого духа придать побежденным.* — Отсутствует в ПЗ.

Ст. 460—462. ...*гремя и дымаяся ~ и градом...* — В ПЗ: «...горою развалин // С громом она повалилась и вся необъятна на греков // Пала; раздавленных быстро сменили другие, и страшным градом...»

- Ст. 464.** ... *Пирф бедоносный*... — В оригинале эпитет «бедоносный» отсутствует.
- Ст. 485.** *Праги объемлют дверей*... — У римлян двери и порог дома считались священными и охранялись богом — двуликим Янусом.
- Ст. 489.** *Силе прочистился путь*... — В оригинале паронимасия, выразительная в результате созвучия слов *fit via vi* (ст. 494) — «путь возникает благодаря силе».
- Ст. 491—492.** ... *и разрушивши стену, // С ревом и с пеной стремится поток из берегов и, равнину*... — При публикации отрывка из перевода в ПЗ: «...из берегов выбегает // Пенный поток и, волнами стену ломя и равнину...»
- Ст. 496.** ... *сто невесток*... — Имеются в виду все женщины во дворце Приама.
- Ст. 499.** *Стольких внуков*... — В С 3—4: «Внуков толиких...»
- Ст. 499—500.** ... *добыч многочисленных златом, // Гордые*... — В оригинале: «гордые варварским золотом и доспехами». Известен римский обычай украшать двери дома военными трофеями.
- Ст. 500.** ... *царица*... — Т. е. Дидона, к которой обращен рассказ Энея.
- Ст. 502.** ... *видя пылающий замок*... — В С 3—4 вместо «пылающий» было «разрушенный».
- Ст. 504.** ... *на хилые плечи*... — В ПЗ, С 3—4 — «на трепетны плечи».
- Ст. 507.** ... *царских чертогов*... — В ПЗ: «...обителей царских...»
- Ст. 510.** ... *Напрасно — укрывишься*... — Во всех предшествующих публикациях: «... Вотще — приютившись...»
- Ст. 512.** ... *под ветви*... — В ПЗ: «...под кровлю...»
- Ст. 527.** *К лону родителей кинулся юноша в страхе, пред ними*... — В ПЗ: «К лону родителей кинулся в страхе младенец; пред ними...»
- Ст. 529.** ... *толь великого горя*... — В предшествующих публикациях: «...толикого горя...»
- Ст. 533.** *Ты, предо мной моего растерзавший последнего сына!* — При публикации отрывка в ПЗ: «Ты перед взором моим моего растерзавший младенца!»
- Далее в ПЗ следовал стих: «Ты, ужаснувший погибелью сына родителей очи!», отсутствующий в С 4 и С 5. В С 3 он выглядел так: «Ты погибелью чад ужаснувший родительски очи!»
- Ст. 534—535.** *То ли Ахилл ~ Сделал с Приамом-врагом?..* — Ахилл не устоял перед мольбами Приама, когда тот пришел к нему с просьбой отдать тело Гектора для погребения («Илиада»; XXIV). Здесь Приам имеет в виду, что у столь великодушного отца не может быть столь жестокого сына. В оригинале: «Ты ложно выдаешь себя за сына». Приход Приама к Ахиллу изображен Жуковским в балладе «Ахилл» (1812—1814).
- Ст. 538.** ... *слабой рукою*... — В ПЗ: «...хилой рукою...»
- Ст. 553.** ... *я о милом старце родителе вспомнил*... — В С 3: «...я о милом родителя образе вспомнил...»
- Ст. 555.** ... *о сирой Креузе*... — В оригинале: «покинутой Креусе».
- Ст. 562.** ... *Тиндарову дочь*... — Т. е. Елену, дочь спартанского царя Тиндарея. По более распространенной версии мифа она была дочерью Зевса и Леды, жены Тиндарея.
- Ст. 582.** ... *предстала мать*... — Венера (Афродита), мать Энея, покровительница Елены и троянцев. Она просветляет взор Энея, чтобы он увидел, что должен поклониться богам, погубившим Троию.
- Ст. 600 и далее.** *Посидон* (Нептун), *Ира* (Гера, Юнона), *Церефа* (Деметра) — Жуковский в целом полно передает римский колорит поэмы, хотя нередко использует имена богов в греческом и латинском вариантах.

Ст. 606. *Села, гремящие тучей и страшной Горгоной блистая...* — В С 3—4: «Села, гремящие тучей блещет и страшной Горгоной...»

Ст. 615. *...Нептунова Троя...* — Согласно мифу, Посейдон и Аполлон помогали царю Лаомедонту возводить стены Трои.

Ст. 626. *На гору старца отца перенести...* — Анхис, нарушив запрет Афродиты, раскрыл людям тайну их любви, за что Зевс поразил его молнией и сделал хромым (по другой версии — ослепил). По Вергилию, был вынесен сыном из Трои и умер на Сицилии.

Ст. 629. *...мужеской силы...* — В С 3—4: «...крепкая мышцы...»

Ст. 633. *...сожжение града.* — Анхис видел, как Геракл разрушил Трою при Лаомедонте за то, что царь, нарушив обещанье, не отдал свою дочь Гессию в жены герою.

Ст. 670. *...совершилось чудо...* — Исполнилось пророчество богов о судьбе Иула и его потомков.

Ст. 676. *...огонь потушить чудотворный.* — Эпитет «чудотворный» — изобретение переводчика.

Ст. 703—704. *...Церерин // Древле покинутый храм...* — Этот храм троянцы не посещали во время войны, т. к. он находился за пределами города.

Ст. 709—710. *...орошеньем // Свежия влаги...* — К священным предметам можно было прикасаться только чистыми руками, поэтому перед обрядом жертвоприношения происходило символическое омовение рук проточной водой.

Ст. 771. *Там в Геспериц, где воды Лидийского Тибра...* — Место, где будет основан Рим.

Ст. 772. *...обильно-медлительным током...* — Эпитет «обильно-медлительным» — еще одно изобретение Жуковского. В оригинале: «тихим течением».

Ст. 773. *...весту царевну...* — Речь идет о Лавинии, дочери царя Латина, которая, став женой Энея, принесет ему власть над Лациумом.

Ст. 791. *...светоносный Люцифер...* — Утренняя звезда, буквально: «светоносец». Употребляя отсутствующий у Вергилия эпитет «светоносный», Жуковский допускает тавтологию. Нет в оригинале и последующего определения: «юного дня благовестник».

А. Янушкевич, М. Янушкевич

Предание

(Из «Конрада Валленрода»)

(«О предание народное! Ты кивот завета...»)

(С. 77)

Автограф (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 38 об.) — черновой, без заглавия, под № 2. Копия (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 2 — 2 об.) — рукою неизвестного лица, с заглавием: «Предание. Песнь народная».

Впервые: Собиратель. 1829. № 1. С. 17—18 — с заглавием: «Предание».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина ноября (между 14-м и 27-м) 1828 г.

Основанием для датировки является положение чернового автографа в альбоме в красном сафьянном переплете, в продолговатую 8-ю долю листа (Бумаги

Жуковского. С. 89), который содержит расположенные в хронологическом порядке черновые редакции произведений 1822—1831 гг. «Преданию» (в автографе без заглавия) предшествует окончание стихотворения «У гроба Императрицы Марии Федоровны» (с датой: 12—13 ноября 1828 г.); после него находится четверостишие из XXIV песни «Илиады», вошедшее в тот же номер «Собирателя», с датой: «27 ноября (1828)». Все это позволяет с достаточной определенностью говорить о создании «Предания» в промежутке между 14 и 27 ноября 1828 г. В пользу этого предположения говорит и факт его публикации в первом номере журнала «Собиратель», материалы для которого Жуковский готовил, как правило, накануне.

Как удалось установить, «Предание» является переложением отрывка «Песни Вайделота» из 4-й части «Пир» поэмы известного польского поэта Адама Мицкевича (1798—1855) «Конрад Валленрод», которая была отпечатана в Петербурге и вышла в свет в начале февраля 1828 г. Поэма была восторженно встречена русской публикой. Так, Ксенофонт Полевой сообщает в своих воспоминаниях: «Многочисленный круг русских почитателей поэта знал эту поэму, не зная польского языка, то есть знал ее содержание, изучая подробности и красоты ее. Это едва ли не единственный в своем роде пример! Но это объясняется общим вниманием петербургской и московской публики к славному польскому поэту, и так как в Петербурге было много образованных поляков, то знакомые обращались к ним и читали новую поэму Мицкевича в буквальном переводе. Так прочел ее и Пушкин. У него был даже рукописный подстрочный перевод ее...» (*Полевой Николай*. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 209). Как известно, в мае-декабре 1827 г., то есть еще до выхода поэмы в свет, «Вступление» к ней перевел А. С. Пушкин (см.: *Левкович Я. А.* К датировке перевода Пушкина из «Конрада Валленрода» Мицкевича // *Временник Пушкинской комиссии*. 1980. Л., 1983. С. 122). Опубликовано в журнале «Московский вестник» (1829. Ч. I. № 1. С. 181—187). С апреля 1828 г. печатает прозаический перевод поэмы Мицкевича С. П. Шевырев.

По всей вероятности, встреча Жуковского с Мицкевичем произошла в конце 1827 г. Рекомендую польского поэта Жуковскому, А. П. Елагина, хорошо знавшая своего родственника, замечает: «Вас непременно соединит то, что в вас есть общего: возвышенная простота души человеческой» (РС. 1883. № 1. С. 40). И это предсказание сбылось. Уже после первой встречи с Мицкевичем Жуковский сообщает ей: «Мне он очень по сердцу. Он должен быть великий поэт...» (РА. 1898. № 1. С. 83). Чуть позже, в письме к Иоахиму Лелевелю от 12 июня 1828 г. Мицкевич так характеризует своего русского собрата: «Это человек редкого характера, редкой честности и мой искренний друг» (*Мицкевич А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 426). Подробнее об этом см.: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский — переводчик отрывка из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» // *Историко-литературный сборник: К 60-летию Леонида Генриховича Фризмана*. Харьков, 1995. С. 33—38.

17 декабря 1827 г. в цит. выше письме к А. П. Елагиной Жуковский, в частности, сообщает: «Я ничего из его творений не знаю; но то, что он прочитал мне в плохой французской прозе из своего вступления поэмы, им конченной, превосходно. Если бы я теперь писал или имел время писать, я бы тотчас кинулся переводить эту поэму. Дышит жизнью Валтер Скотта» (РА. 1898. № 1. С. 83). В письме к А. Э. Одынцу от 22 марта (6 апреля) 1828 г., опираясь, вероятно, на это письмо, Мицкевич сообщает: «Жуковский, с которым я познакомился и который очень ко мне благосклонен, писал, что если возьмется за перо, то посвятит его переводу моих стихов...» (*Мицкевич А.* Собр. соч. Т. 5. С. 397).

Журнал одного автора, «Собиратель» издавался Жуковским мизерным тиражом (10—15 экз.), во многом с утилитарно-практической целью. С его помощью воспитатель наследника знакомил своего ученика и других членов царского семейства с проблемами философии и истории. Статьи, помещенные в первом номере: «Взгляд на мир и человека», «Польза истории для государей», «Климат физический и нравственный», «Ничтожность человека на земле», способствовали нравственному образованию, рассматривались как органичная составляющая «политической педагогики».

Но вместе с тем «Собиратель» как определенное художественное единство выявлял своеобразие миросозерцания поэта-романтика. Неслучайно такое место в журнале занял раздел «Поэзия» с выписками из Байрона, Гёте, Шиллера, с размышлениями о Гомере (Штольберга), о бардах (Оссиана). Мотив поэзии как хранительницы исторических деяний, летописи нравственных подвигов человечества обретает сквозной характер. В этом смысле перевод отрывка из поэмы Мицкевича, фрагмента о народном предании как «кивоте завета от времен минувших к временам настоящим» логично завершает движение мысли Жуковского, композиционно оформляет мотив поэтической и исторической памяти. В структуре поэмы Мицкевича 4-я глава «Пир», и в особенности «Песнь Вайделота», занимают особое место. В поэтическом поединке итальянца, «трубадура от берегов Гаронны» и Вайделота раскрываются представления о назначении поэзии, сущности поэтического слова.

А. Янушкевич

Сид

Отрывки из испанских романсов
(С. 78)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 8 об. — собственноручный список произведений с указанием времени их написания. Под датой «1831 г.» значится: «Сид. Генварь».

2) РНБ. Оп. 1. № 33. Л. 1—14 (с оборотами) — прозаический текст с незначительной авторской правкой без заглавия и датировки, условно озаглавленный И. А. Бычковым «Прозаический перевод отрывков из гердерова перевода «Сид»». Находится в такой же тетради, как и тетрадь № 6, на первых трех страницах которой находится дневник Жуковского с 30 апреля по 11 июля 1829 г., а на последней — запись о числе верст от Петербурга до Дерпта. В дальнейшем рукопись именуется нами «Конспект» и датируется 1829 г.

Впервые: Муравейник. Литературные листы, издаваемые неизвестным обществом неученых людей. 1831. № 1. С. 9—12; № 2. С. 11—19. Под заглавием: «Сид. Извлечения из древних романсов испанских». Подпись: «W. Z.» Публикации текста предпослано предисловие (С. 9—10), начинающееся словами: «Горные испанцы вместе с религиею, законами, честью и свободою предков...» Во всех последующих изданиях предисловие перепечатывалось, а имя героя получило соответствующую испанскому языку огласовку — Сид.

Конспект опубликован впервые: БЖ. Ч. 1. Томск. 1978. С. 264—269.

В прижизненных изданиях: БП и БиП с заглавием: «Отрывки из испанских романсов о Сиде». В С 4 в разделе «Баллады», с заглавием: «Отрывки из испанских романсов о Сиде». В оглавлении тома заглавие сохранено полностью.

В С 5 с заглавием в тексте: «Сид. Отрывок». В оглавлении: «Сид. Отрывок (с Гердерова перевода)» и отнесено к 1832 г.

Д а т и р у е т с я : январь 1831 г. согласно указанию автора и времени первой публикации.

«Сид» Жуковского написан в январе 1831 г. и опубликован в том же году трижды. Первый раз (февраль-март) в «Муравейнике» (№ 1 и 2) под заглавием «Сид, извлечения из древних романсов испанских»; второй (июнь-июль) в БП и третий раз (октябрь-ноябрь) в БиП с заглавием на титульном листе: «Отрывки из испанских романсов о Сиде». Это же заглавие было точно повторено и в С 4 (1836 г.).

Издатели С 5, сократив заглавие в тексте («Сид. Отрывок»), во-первых, исказили смысл публикации как целостного произведения Жуковского; во-вторых, добавив в оглавлении мифический подзаголовок: «(с Гердерова перевода)», провоцировали ложную трактовку произведения как перевода с немецкого оригинала. С их легкой руки все дальнейшие публикаторы, комментаторы и критики, начиная с С. П. Шестакова и кончая И. М. Семенко, говорили о «неточностях», «отступлениях» поэта и даже об «искажении» им оригинала, то есть произведения Гердера.

Обнаружение чернового варианта переведенных Жуковским 17-ти песен гердеровского «Сиды» (1820), достаточно точно передающего немецкий текст, позволило поставить под сомнение правильность приведенных выше точек зрения (БЖ. Ч. 1. С. 260—299; см. выше), тем более что в печатном варианте (1831 г.) обнаружили не только «отступления» от немецкого текста и его перевода поэтом, но и пассажи, серьезно расходящиеся с общепринятыми представлениями о об эстетических принципах самого поэта: некоторое «ужесточение», «огрубление» характера героя по сравнению с немецким текстом, сокращение и даже отказ от отдельных когда-то переведенных лирических сцен и отрывков и их психологизации, традиционно усиливаемой русским поэтом. (См. прим. к ст. 94—101, 272—282, 283—308).

Обратил на себя внимание и отказ от строфического деления текста внутри главы, что соответствует традиции испанских народных романсов, в то время как в варианте 1820 г. поэт строго следовал за строфическим строем оригинала.

Интересным дополнением к размышлению явилась хранящаяся в РНБ (автограф № 2) рукопись плана-конспекта печатного варианта. Сам факт его существования в творчестве Жуковского — явление не уникальное. Поэт любил составлять списки созданных и предполагаемых к созданию произведений; ему случалось (особенно в ранний период) составлять планы произведений (таковы, например, планы «Весны», «Розамунды», «Владимира» и др.), но они остались нереализованы, поэтического воплощения не получили. В более поздний период творчества (1820-е гг.) сравнительно небольшие планы-конспекты появлялись у поэта в тех случаях, когда он не просто вольно переводил, но преднамеренно «пересоздавал» какое-либо произведение. Таковы, например, его конспекты к балладе «Узник» по мотивам элегии А. Шенье (1819) и к поэме «Пери и Ангел», разрабатывающей один из мотивов обширной поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1821).

В случае с «Сидом» мы видим развернутый (12 л., с об.) подробный конспект будущего произведения, отдельные мотивы и сюжеты которого существуют в различных вариантах во множестве народных произведений, именуемых в Испании романсами (об этом см. в наст. изд.)

Поскольку составленный Жуковским план-конспект, являясь творческой и целенаправленной переработкой испанских романсов, представляет интерес не только как подготовительный материал для написания поэтического произведения, но и отражает важный этап эволюции художественного сознания поэта, приведем его полностью.

В рукописи некоторые слова зачеркнуты, но они прочитываются без труда. Мы заключаем их в обычные скобки. В угловые скобки, как и везде, заключены слова, прочтение которых дается предположительно.

Победа над пятью царями мавров

л. 2 об. *Они именуют Родрига своим Цидом и признают себя его вассалами. Их послы являются к Родригу Биварскому и так смиренно его приветствуют: «Добрый Цид, мы посланы пятью царями твоими вассалами, чтобы заплатить тебе дань их».*

Тогда отвечает Цид. «Друзья, вы ошибаетесь. Не ко мне ваше посольство. Я не господин там, где присутствует король Фердинанд мой государь. Все его, ничто не мое».

И король, довольный смирением Цида, говорит посланникам:

«Скажите вашим царям, что господин их, хотя и не король, но сидит на ряду с королем, что все, чем я владею, завоевано мне Цидом».

И с той поры не было Родригу другого имени у мавров, кроме Цида.

Цид получил рыцарство в Коимбре

Семь лет осаждал король Фердинанд город Коимбру. И никогда бы ему не одолеть ее: ибо она была крепка башнями, неприступными стенами.

л. 3. *Тогда явился Сан-Яго, рыцарь Христа, на прекрасном белом коне, с ног до головы покрытый доспехами, свежими, чистыми, блестящими. Он говорил: «Этим ключом, который в руках у меня, отворю завтра на рассвете королю Фердинанду крепость Коимбру».*

И король вступил в Коимбру, и мечеть ее названа церковью Богоматери.

Там вооружен был рыцарем знаменитый Дон Родриг Биварский. Король опоясал его мечем и дал ему целование мира; но он не дал ему акколады, ибо то сделал уже для другого; чтобы оказать больше чести Родригу, королева подвела ему коня, а инфанта надела на него шпоры.

Первое приключение

л. 3 об. *В глубокой печали сидит Дон Диего; подобной скорби никто на свете не испытал подобного горя (sic!). Ночь и день помышляет он о бесчестии своего дома, о посярлении древнего, храброго города Ланецов, с которыми не равнялись смелостью ни Иниги, ни Аварки. Расслабленный болезнью и летами, он чувствует себя близким ко гробу, тогда как враг его Дон Гормас без страха и суда гуляет на площади народной.*

Он не спит ночь, не касается к пище, не поднимает глаз от земли, не смеет и выйти из своего замка, не говорит с друзьями, не позволяет и им говорить с собою, ибо страшится, что дыхание посярленного оскорбит их.

Наконец, желая сбросить бремя печали (безмерной) он приглашает к себе сыновей и, не сказав им ни слова, повелевает связать их нежные благородные руки. И сыновья его спрашивают в страхе:

л. 3 об.

«Какое намерение твое, родитель? Не хочешь ли умертвить нас?»

И надежда в нем умирала уже, когда обратился он к Родригу. Но Родриг с глазами, сверкающими, подобный грозному тигру, произнес слова сии: «Развяжи мои руки, отец. Беда мне. Развяжи скорее! Когда бы ты не был отец мой, не словами, а делами я дал бы себе управу! Я собственною рукою вырвал бы все твои внутренности, и пальцы мои были бы для меня вместо меча или кинжала...»

л. 4.

И старец, плача от радости, говорит ему: «Сын души моей! Скорбь твоя мне приятна! Исступленье твое меня радует. Яви, мой Родриг, такую же смелость в заступлении за честь мою, которая погибла, если ты мне ее не выкупишь».

И он рассказал ему о своей обиде и благословил его, и дал ему тот меч, которым он положил (лишить жизни) Гормаса и начало славным делам своим.

Цид перед боем

Родриг стоит в размышлении; он думает (о) молодых своих летах; он думает о сильном враге, который (многих) друзей астурийских в горах повелевал, первый при дворе короля Леонского, первый во брани.

Но все это [его не смущает] кажется ему мало [важным]: родясь, он обязался умереть за честь свою, он сын гидальга. ...От неба он просит правосудия, от земли поля битвы, от чести могущества руке своей.

И он снимает со стены старый меч, покрытый ржавчиной, как будто (одетый) траур(ом) (по господине) своем. «Я знаю, добрый меч, — говорит он, что тебе стыдно видеть себя в молодой руке моей! Но (нрзб.) обещаю не посрамить тебя, биться не отступя ни шагу! пойдём!»

Встреча Цида с Д. Гормасом

л. 4 об.

На площади дворцовой встречается Родриг с Гормасом. Он один; пуста дворцовая площадь. Так говорит Родриг Гормасу:

«Знал ли ты, меня, высокий Гормас, меня Д (он) Диегова сына, когда ты поднял руку на благородное лицо отца моего? Знал ли ты, что Дон Диего потомок Луина Калва, что нет ничего, нет ничего (sic!) благороднее крови и щита его?»

Знаешь ли ты, что пока я жив, я, его сын, никто ни чем, кроме разве единого Бога всевышнего, не может сделать того, что сделано было тобою».

л. 5.

«А ты, младенец, — отвечает надменный Гормас, — знаешь ли хотя половину жизни!» — «Знаю твердо! Одна половина ее в том, чтобы почитать благородных; другая в том, чтобы наказывать гордых и омывать последней каплей крови своей полученную обиду». Сказав это, вперил он глаза на гордого графа; а сей отвечивал:

«Чего же ты хочешь, дерзкий младенец!» — «Хочу головы твоей, Дон Гормас!» — «Ты хочешь розог, дитя! Поди! тебя накажут, как ветренного пажла!» Царь небесный! Что почувствовал Цид при этом слове!

Возвращение Цида

- л. 5. об. *Слезы катились, безмолвные слезы по ланитам старца, который сидел за столом, все позабыв, что его окружало. Он думал о посрамлении своего дома, он думал о младости своего сына, он думал о ждущей его опасности и о силе врага своего. Веселье бежит посрамленного, а вместе с весельем и доверенность и надежда; но юные, радостные сопутники чести, с нею они возвращаются.*

Погруженный в уныние, не видит он подходящего Родрига; с мечем подмышкою, прижавши ко груди руки, он долго, до глубины

- л. 6. *сердца пораженный жалостью, смотрит на доброго старца; наконец приближается и, схватив его за руку: «Ешь, мой добрый родитель», — говорит он. Но पुще плачет Дон Диего. «Ты ли говоришь со мною, сын мой! Ты ли мне это советуешь!» — «Я, родитель! Подыми благородное, почтенное лицо твое!» — «Спасена ли честь наша?» — «Родитель! Он убит!» — «Сядь же со мною, сын мой, Родриго! Охотно я разделю с тобою пищу! Кто смог сразить подобную голову, тот будет главой моего дома».*

- л. 6 об. *В слезах преклонил колена Родриго, целует руки отца своего; в слезах Дон Диего целует лицо своего сына.*

Химена и король

Владыка король сидит на престоле своем, дабы внимать жалобам народным и каждому давать управу. Великодушный и (нрзб.) награждает награждает (sic!) он добрых, наказывает злых: ибо наказание и милость творят добрых подданных.

В длинной одежде печальной, провожаемая тремьятами пажей благородных, входит Химена, дочь графа Гормаса. Дворец безмолвствует в изумлении; преклонив колена свои на последней ступени трона, так начинает она свою жалобу.

- л. 7. *«Государь, шесть месяцев прошло уже с той минуты, как погиб мой родитель под ударами воина младого. И я уже падала уже ко стопам твоим; даны мне были обещания; но правосудие дано не было. Дерзкий и гордый Родриго смеется над твоими законами, а ты потворствуешь его надменности. Если добрые государи суть подобие Бога на земле, то государь, не дающий правосудия и поощряющий буйства, не может быть ни любим, ни страшен. Если ты это худо видишь, то худо будешь и слушать; прости же мне, если выражаюсь перед тобою худо: для женщины обида превращается подчас в досаду».*
- л. 7 об. *«Ни слова более, моя Химена, — отвечает Фердинанд первый. — Жалоба твоя не встретит здесь ни мрамора, ни железа. Если я сохранил Дон Родрига, то сохранил его для твоего доброго сердца; время придет, и ты сама будешь проливать от него радостные слезы».*

Свидание Родрига с Хименою

- л. 8. *Была спокойная полночь.
Х и м е н а . Откройся! Говори, кто ты?
Р о д р и г о . Химена, сирота! ты меня знаешь.*

- л. 8. *Химена. Так, я знаю тебя! тебя, лишившего дом мой благородной главы его! Родриго. Честь то сделала! не я!*

Брак Родрига и Химены

Перед алтарем говорит Родриго Химене: «Химена! Я убил отца твоего, но не изменю, а меч против меча, дабы отмстить обиду!.. Мужа я убил! Мужа и даю тебе! Здесь я в твоей воле! И вместо мертвого отца получаешь ты честь украшенного супруга».

С сим словом он обнажает свой крепкий меч и, обративши конец его к небу, произносит клятву верности неизменной. Так совершился брак Родрига Кастильского.

Цид одерживал победы во всех войнах короля Фердинанда. Наконец

- л. 8 об. *король Фердинанд приближается к концу своему. Он лежит на одре болезни, ноги его обращены к востоку, в руке [он держит] свеча; у изголовья стоят архиепископы и прелаты; по правую руку сыновья его. Он разделил уже между ними свои земли, когда инфанта Донна Урака, покрытая черным трауром, льющая слезы. (sic!) Она говорит ему:*

«Родитель! Между законами божественными и человеческими есть хотя один, повелевающий все отдавать сыновьям, а дочерей лишать наследства».

- л. 9. *Король отвечает ей: «Оставляю тебе Замору, богатую, крепкую башнями, со всеми вассалами для защиты и услуг твоих. Мое проклятие тому, кто помыслит ее у тебя похитить!» — Все говорят:*

«Аминь!» Один Д. Санхо безмолвствует.

Цид в царствование Д. Санха Кастильского

Цид с королем Санхом едет на богомольство в Рим. Они входят в церковь святого Петра. Там видит он семь седалищ для семи царей христианских; и седалище короля французского

- л. 9 об. *близ самого светлейшего отца; а седалище государя его ступеней ниже.*

Ударом ноги он опрокинул сие седалище из кости слоновой и оно разбилось на четыре части; потом он взял седалище короля своего и поставил его выше. То узнавши, папа отрекши Цид от церкви. Цид простирается перед папой и говорит ему: «Разреши меня святейший отец! Иначе беда приключится тебе!» — И с кротостию отвечает папа: «Разрешаю тебя, Родриго, доброю волею, но с тем, чтобы ты вел себя учтивее при дворе моем!»

Междоусобие сыновей Фердинанда

- л. 10. *Едва успел Дон Санхо проводить со своими братьями гробницу короля Фердинанда в могилу, и уже он сел на коня и велит гремять трубе военной, и готовит в бой против братьев. Он сзывает вассалов. Первое сражение было с королем Галиции. Малочисленная дружина кастильцев окружает еще короля своего. Тогда является Цид.*

«В добрый час, благородный Цид! Ты вовремя поспел сюда». На то отвечает Цид: «Но ты, государь, здесь не вовремя! Было бы лучше, когда бы, сложив в молитве руки, стоял ты над гробом отца

- л. 10 об. *своего! Я исполню должность вассала, но стыд — одному тебе!» — Он берет в плен короля Галиции. — «Что делаешь, Цид благородный?» — «Государь, я то же бы сделал и для тебя, когда бы служил тебе вассалом».*
 Один из братьев заключен Дон Санхом в крепкую башню. Тогда король Лионский, второй брат, обнажил меч; он посылает вызов Циду, мужу чести, подающему руку на злое дело.
 «К оружию! — Восклицает Дон Санхо. — К оружию, Цид благородный!»
- л. 11. *«Перл империи, цвет Испании, зеркало рыцарства! Они из Леона и лев на их знаменах... Но в Кастилии много замков и есть куда запереть их!» — «Государь, — отвечает Цид, — право на стороне твоего брата! Одна фортуна делает его неправым!».*
 Победенный Дон Альфонс бежит к толедским маврам. Как ястреб, отведав первой добычи, жаждущий крови, бросается на родную голубку, так нападает Дон Санхо на одну из сестер своих и запирает ее в монастырь. Потом идет он к Замоге, где владычествует сестра его Донна Урака.
- л. 11 об. *Видя сей город, не имеющий равного в Испании, высеченный в утесе, которым покрыт он, как панцирем рыцарь, обнимаемый влажными руками Дуэро, с бесчисленными замками и башнями, коих не счесть в целый день, дон Санхо призывает Циду.*
- л. 12. *«Тебя, — говорит он, — отец наш оставил нам советником мудрым; добрый Цид! Твердый столп королевского дома, иди посланником моим в Замогу; предложи мену сестре моей Ураке: пускай назначит она цену свою, но скажи ей: когда отвергнет, что предлагаю, я возьму, чего требую!»*
«Какие стены! — Думает про себя Цид. — Чем долее смотрю на них, тем неприступнее, грознее они мне кажутся».
«Какие стены! — Думает про себя король. — Это первые, которые не дрогнули при виде Циды». «Какие стены!» — Думает добрый конь Бабиэка, замедляя шаг свой, опустив свою гриву.
- л. 12 об. *Безмолвен город Замога: он носит траур по королю Фердинанду. Церкви Цаморы обтянуты черными тканями: они носят траур по короле Фердинанде.*
Инфанта Донна Урака заперлась в башне своего замка: она носит траур по отцу своему, короле Фердинанде. Она оплакивает сестер своих и братьев. Тяжко вздыхала она, когда перед стенами явился рыцарь Кастилии, оруженосцами окруженный.
Улицы наполнились шумом, крик достигает до замка, инфанта спешит на ограду... Смотрит и видит грозу Кастилии — Циду!
- л. 13. *Цид поднимает глаза и видит инфанту, некогда надевшую на него золотые шпоры.*
Стой, Родриго: ты же на пути бесславия! Цид благородный, назад!
Она ему напомнила клятву быть защитником дочери государя его; она ему напомнила прекрасные дни младости, проведенные при дворе короля Фердинанда; она ему напомнила светлый праздник Коимбры.
Назад, Дон Родриго! Ты на пути бесславия! Цид благородный, назад!
И он остановился! В первый раз обратил он коня своего Бабиэку; и шепчет про себя: «Назад!» И молча возвращает в стан королевский,

л. 13 об. *и дает королю ответ свой.*

Но там говорит Дон Санхо во гневе: «Неблагоразумны те государи, кои чрезмерно чествят своих вассалов: они творят одних надменных. Ты, Дон Родриго, возбуждаешь мятежников Заморы! Мудрость твоя теперь не в ладу с моим советом! Выдь из моего присутствия! Выдь из Кастилии! Выдь из всех владений моих!

л. 14. *«Из владений твоих, государь! Из каких владений? из тех ли, кои рука моя тебе завоевала? Или из тех, кои рука моя сохранила тебе?»*

*«Из тех и других!» — И Цид сперва задумчивый, потом улыбающийся, бросает спокойный взгляд кругом себя и садится на Бабику. — Цид удалился!
...и гробовое молчание царствует в стане.*

Конспект, как и печатный текст, включает 2 части. Первая — не озаглавлена, но в ней даны названия главам, расположенным в том же порядке, что и в печатном тексте; во второй, озаглавленной «Цид в царствование Д. Санха Кастильского», графически выделен только один раздел — «Междоусобие сыновей Фердинанда», реализованный в поэтическом тексте в 1, 2 и 3 главах. «Такая нечеткость» в плане у крайне пунктуального Жуковского наталкивает на мысль о поспешности создания рукописи, о стремлении скорее зафиксировать необходимое содержание при минимальной заботе о четкости выделения всех составляющих будущего произведения.

Наличие специфически испанских мотивов, понятий и выражений в тексте конспекта не оставляет сомнений в том, что делался он без иноязычного посредника, то есть прямо по испанскому тексту.

Вероятно решив вернуться к работе над романсами, к чему у поэта были как эстетические, так и нравственно-этические предпосылки, он намеревается продолжить поиск оригинальных источников, в Россию практически не проникавших, чему препятствовала взаимная языковая и религиозная замкнутость обеих стран. Оказавшись в католической Польше, во многих городах которой были крупнейшие по тому времени библиотеки, пополнявшиеся по линии богатейших монастырских книжных собраний, Жуковский посещает библиотеку (или библиотеки?) в Варшаве, что зафиксировано в его дневнике за 10 и 15 мая 1829 г. (Дневники. С. 208, 209). В Варшаве того времени было не менее пяти библиотек, в числе которых была библиотека Университета, библиотека гр. Красинских, Публичная библиотека.

Работой в библиотеке или временным пользованием книгами, из нее взятыми, можно объяснить упомянутую выше небрежность в записях Конспекта.

Наиболее вероятным источником создания конспекта могло явиться «Собрание лучших древних испанских исторических, рыцарских и мавританских романсов», собранных, изданных и прокомментированных Г. Б. Демпингом (Альтенбург и Лейпциг. 1817).

Имя Георга-Бернгарда Демпинга (1784—1853), путешественника и издателя, Жуковскому в это время было уже хорошо известно. В его библиотеке (Описание. № 898) хранится шеститомное издание по истории и топографии Великобритании (Grande-Bretagne), вышедшее в 1824 г., с пометами читателя. Испанские романсы издавались Демпингом трижды. Второе издание 1825 г. вышло в Лондоне с предисловием и комментариями на английском языке, третье — в 1844 г. в Лейпциге, но с предисловием и комментариями на испанском.

Первое издание, по которому, вероятно, создавался Конспект, было выпущено Дешпингом совместно с Ф. А. Брокгаузом. Предисловие и комментарии даны на немецком языке. Кроме того, каждому романсу предпослана небольшая тематическая аннотация, облегчающая читателю, не достаточно владеющему испанским, нахождение нужного романса. Можно думать, что именно к этим аннотациям восходит идея Жуковского дать заголовки отдельным разделам Конспекта, особенно в начале его создания, где фиксируемые эпизоды укладываются в объем одного романса.

Комментарий Дешпинга интересен наличием указаний на существование других вариантов романсов и мотивировкой выбора их для публикации. Так, например, о романсе «*Consolando al noble viejo...*» (№ 41) сказано, что он взят из «*Romancego*». Но в «Истории Сида» есть другой, начинающийся словами «*Llorando Diego Launez...*», в котором возвращающийся после поединка Родриго волочит за волосы отрубленную голову врага и предлагает «эту сорную траву» отцу «для улучшения аппетита». На что Дон Диего отвечает каламбуром (*Worterspiele*). Каламбур приводится на испанском и тут же дается в немецком переводе. Вероятно, романс отвергнут Дешпингом не только потому, что находится в другом источнике, но и по причине неприятия издателем, человеком XIX в., грубого юмора древнего романса, тогда как в публикации других составителей даже в более позднее время этот романс обычно включался. Естественно, что и в Конспекте Жуковского фигурирует романс, предлагаемый Дешпингом.

Составляющие содержание Конспекта и поэтического текста события расположены автором с нарушением хронологии жизни героя, которую стремились выстраивать как составители сборников романсов, так и авторы их обработок (*Bibliothèque...*, Гердер). Одновременно с этим все «неточности» и «отступления» от гердеровского текста, в которых более 100 лет упрекали Жуковского, в Конспекте присутствуют и, что самое важное, соответствуют тексту подлинных испанских романсов.

При сравнении печатного варианта и Конспекта обнаруживается полное их соответствие в разбивке и расположении разделов первой части. Что касается части второй, то в Конспекте, во-первых, присутствует небольшой, начинающийся его раздел (л. 9 об.), не вошедший в печатный текст. Во-вторых, Конспект заканчивается разделом, соответствующим главе III печатного текста, тогда как в последнем имеется еще одна, заключительная (IV), глава.

Что касается «излишка», то в нем рассказана история посещения Сидом Собора Св. Петра в Риме и устроенного им там самоуправства. Романс на эту тему есть во всех сборниках исторических испанских романсов (у Дешпинга — № 62), однако, как замечает составитель, подобный факт, «льстивший гордым испанцам» и упомянутый даже в «Дон Кихоте» Сервантеса (ч. I, гл. 19), «есть, по всей вероятности, выдумка создателей» (С. 92).

Если эта часть Конспекта и была превращена в поэтический текст, что не известно по причине отсутствия автографа, она не могла бы быть пропущена русской цензурой, тем более в 1831 г. Отсутствующий же в Конспекте материал, составивший содержание самой большой главы второй части (ст. 521—597) легко обнаруживается в тех же романсах Дешпинга и построен по тому же принципу экстракции содержания, что и Конспект. Это романсы № 70, 72 и 74. (Сравнение испанского текста и переложения Жуковского см.: БЖ. Ч. I. С. 285—286).

Весь раздел Конспекта, озаглавленный «Междоусобие сыновей Фердинанда» и реализованный в I, II и III главах второй части, соответствует «экстракту» содержания пяти романсов (по Деспингу № 63, 64, 65, 68 и 69).

Первая часть Конспекта, как и произведения, — «Сид в царствование короля Фердинанда» — начинается главой, восходящей к романсу «En Zamora està Rodrigo...» (Деспинг. № 53). Романс очень сильно сокращен, главным образом за счет отказа от перечисления даров, привезенных маврами.

Глава вторая (ч. 1), имеющая в «Конспекте» заглавие «Сид получил рыцарство в Коимбре», — сокращенный перевод романа «Cercada tiene à Coimbra...» (Деспинг. № 50), включающего в себя эпизод с явлением Сант-Яго. Романс очень длинный (88 строк), из которого поэт использует только 35. (Сравнение текстов см.: БЖ. Ч. 1. С. 280—282). Фактически это не перевод, а близкий к оригиналу пересказ, сохраняющий его основные образы и детали. Сокращение же, как и в других случаях, достигается за счет опущения всех мотивов, осложняющих развитие основного сюжета — изображения деяний героя.

По тому же принципу «экстрагирования» создана и последняя глава первой части «Сида» (ст. 309—340). Она построена как краткий пересказ романсов «Doliente se siente el Rey...», «Acabado el Rey Fernando...» и «Atento escucha las quejas...» (Деспинг. № 58, 59, 60). В указанных романах в сумме 136 строк. У Жуковского — 32.

Наиболее целостно переданы поэтом романсы, относящиеся к первому подвигу Родриго и жалобе Химены королю. Пять глав (начиная с третьей) соответствуют пяти романсам испанским: «Guydando Diego Laynez...», «Pensativo estava el Cid...», «Non es de sesudos homes...», «Consolando al noble vjejo...» и «Sentado está señor Rey...» (Деспинг. № 38, 39, 40, 41 и 45).

Некоторая «нелогичность» построения «Конспекта», вероятно, определялась желанием поэта представить читателю, еще ничего не знавшему об испанском эпосе, своего героя, объяснить его необычное имя. Ведь Жуковский был первым, кто познакомил Россию с испанскими романами, а «Песнь о моем Сиде» впервые в отрывках будет опубликована на русском языке только через 66 лет, в 1897 г. (А. А. Смирнов).

Этой же цели должно было послужить и предисловие, которое Жуковский послал первой публикации «Сида» и которое неизменно перепечатывалось им во всех последующих изданиях. Для предисловия был необходим достоверный источник по истории Испании и ее культуры. Некоторые сведения о национально-историческом своеобразии и поэтических особенностях романсов даются в обширном и достаточно обстоятельном «Введении» (Einleitung) Деспинга, имеющем неплохой для своего времени ссылочный аппарат. Именно здесь есть ссылка на труд Симонде де Сисмонди (1770—1842) «Литература средневековой Европы» (Париж, 1813), в котором говорится об испанской нации и ее народном герое. Позднее этот труд швейцарского ученого неоднократно переиздавался, однако в России, по всей видимости, был редкостью. Во всяком случае, одним из первых известий о нем была переводная статья «О литературе арабов» (ВЕ. 1818. Ч. 102. № 123. С. 175—216), представляющая собой отрывок из первого тома исследования. Как известно, А. С. Пушкин, знавший о труде Сисмонди, в письме к брату от 14 марта 1825 г. просил его достать эту книгу («Sismondie (littérature)'). Однако приобрести ее смог лишь спустя более чем 4 года: в его библиотеке имеется лишь издание 1829 г. (4 тома). При этом книга внимательно читалась: I и 2 т. разрезаны

целиком; в т. 3 разрезаны страницы 1—209 и 537—556 (Модзалевский. № 1391). Среди разрезанных страниц 3-го тома находится и глава об испанских романсах. Кстати, в библиотеке А. С. Пушкина имеется и 2-е издание испанских романсов Деппинга, вышедшее в Лондоне в 1825 г. в 2 т. (Модзалевский. № 758).

Среди книг Жуковского труды Сисмонди есть. Но это работы по «Истории средневековых итальянских республик», о «Новых принципах экономической политики» и «Этюды о конституциях свободных народов» (Описание. № 2131, 2132, 2133). «Литературы средневековой Европы» среди них нет. Вполне вероятно, что и Жуковскому познакомиться с этой книгой удалось не ранее 1829 г., когда вышло новое издание и когда сам поэт был за границей. Свидетельство знакомства — Предисловие к «Сиду», текст которого, как было установлено нами (БЖ. Ч. 1. С. 296—300), есть краткий, выборочно сделанный и по-своему скомпонованный текст из книги Сисмонди «De la Littérature du midi de l'Europe. Paris, 1829» V. 3. Ch. XXIII. Naissance de Langue et la Poésie espagnol. Poëm du Cid. P. 108—118.

Поэт опускает иногда целые страницы, иногда абзацы или фразы, иногда их части или слова, стремясь дать читателю краткую справку о некоторых особенностях национального характера испанцев и прославленного ими героя. Именно это акцентировано в предисловии: древние происхождением, горные испанцы, включая и «самых нищих», люди «гордые, отважные, неспособные покорствоваться рабскому игу», не отдающие «никаких отличных почестей фортуне». Герой их, «знаменитый породю», прозвища свои получил от побежденных им мавров (Сид) и дружины своей (Кампеадор, то есть — воитель), а богатство приобрел не служением королю, а «мужеством и оружием» и «подвиги его сохранились в народных песнях».

По поводу данного «экстракта» Н. Т. Беляева замечает, что ни один испанист не расположил бы отрывки из Сисмонди так, как это сделал Жуковский, и к тому же «следовало бы немного продолжить вступительное слово», то есть более точно и детально рассказать о междоусобии (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 460).

Позволим себе с этим не согласиться, тем более, что суть претензий к предисловию практически тождественна общему смыслу претензий, некогда адресованных поэту по поводу разного рода «отступлений» в самом поэтическом тексте.

Создавая в 1831 г. свой вариант «Сиды» и предисловия к нему, Жуковский выступил не в качестве историка или переводчика ряда романсов, а в качестве Поэта, создавшего по мотивам испанских романсов самостоятельное произведение. Да, описывая историю первого подвига Родриго, переводившуюся ранее из Гердера, Жуковский частично использует прошлый (не публиковавшийся) текст. В новом «Сиде» содержится около 30 строк автореминисценций (См., напр., ст. 63, 64, 67—70, 79, 111—118, 128, 139—148, 175—180), а некоторые могут восприниматься как варианты переведенных некогда строк. Но это доказывает лишь одно: и Жуковский и Гердер использовали в данном случае одни и те же романсы. Однако в целом выбор вариантов романсов, акцентировка отдельных моментов сюжета, использование поэтических образов — всё теперь идет от самого поэта, от его понимания не только содержания романа, но и своей поэтической цели — не просто познакомить читателя с неизвестным произведением испанского эпоса в его этнографической самобытности и экзотичности бытовых подробностей, но показать героя сильным духом, могучего в битве, справедливого в споре, героя, воплотившего в себе не только национально-исторические, но и общечеловеческие ценности.

Свободно komponуя части произведения, прибегая как к целостной обработке того или иного романа, так и к объединению в пределах одной главы нескольких сюжетных мотивов, поэт одновременно стремится сохранить и воссоздать характерные особенности образности и стилистики древнего оригинала. Так, имя героя, как и в фольклоре, сопровождается постоянным эпитетом «добрый» (*buen*), его социальное положение определено как «гидальго» (*hijodalgo, fijodalgo*), отец именует его «сын души моей» (*fijo de mi alma*), король говорит Химене: «Здесь твоя душа не встретит / Ни железа, ни гранита» (*Que no veán vustras cuytas, / Entrenas azero u magol*) и т. д., что вполне согласуется с образами оригинала и создает своеобразный национально-исторический колорит эпохи.

Поэт позволяет себе отбрасывать некоторые подробности эпизодов, описание воинских и свадебных нарядов, упоминание многочисленных имен, в изобилии присутствующих в испанских романах, так как для русского читателя, не знающего всей истории Родриго и всего обилия романсов и сказаний о нем, эти имена и подробности могли быть лишь экзотическими украшениями, а не необходимыми деталями истории и не способствовали углублению психологической проблематики «Сида». В то же время все части произведения (как и Конспекта), созданные на основе «экстракта» нескольких романсов, имеют краткую (в пределах 4-х строк) авторскую экспозицию, определяющую место действия и основные обстоятельства его, что в народных романах обычно отсутствует, ибо там предполагается, что история героя известна всем.

Образ Сида, реального исторического деятеля, ставшего героем национального эпоса, был очень привлекательной фигурой для поэта, ибо, обладая высокими нравственными качествами эпического героя, он погружен в конкретно-исторические обстоятельства. Будучи личностью самообытной, отважной, «неспособной покорствовать рабскому игу», от кого бы оно ни исходило — от иноземных захватчиков или от короля, его сеньора, — высоту своих помыслов и порывов он необходимо должен соотносить с понятиями феодальной чести, борьбой за свободу своей земли и вассальным долгом.

Принципиально важно, что если в переводе 1820 г. поэт ограничился изображением героя в царствование короля Фердинанда, то теперь (при меньшем объеме произведения) действие разворачивается в царствование двух королей, откровенно противопоставленных друг другу: короля Фердинанда и его сына, Дона-Санхо Кастильского.

Первый, вопреки истории, но согласно традиции народных сказаний, предстает как мудрый и справедливый король, заслуживший славу великого правителя, ибо он, в конечном итоге, предстает в этой части таким, каким его хотят видеть подданные. «Твердый, кроткий, правосудный // Награждал он добрых щедро // И казнил виновных строго» (ст. 223—225); он — «Государь правдолюбивый», на земле он — «образ Бога» (ст. 252—253), на упреки подданных он «ответствует без гнева» (ст. 264). Награждал он за воинские заслуги и Родриго, собственноручно посвятив его в рыцари. И Сид с уважением говорит мавританским посланцам, что здесь «господствует великий // Фердинанд, мой повелитель» (ст. 16).

В первой части «Сида», по существу, дается целая программа просвещенной монархии, формулируется принцип идеального «сотрудничества» короля и его подданных: «Н а к а з а н и е и м и л о с т ь // Верных подданных творят» (ст. 252). Подобных формулировок не было и не могло быть в испанских романах, не было это-

го у Гердера и в переводе его Жуковским, не развивались эти темы и в Конспекте, который делался на основании романсов. Но размышления на эти темы постоянно возникают в письмах Жуковского конца 1829—1830 гг., когда он занят хлопотами по делам декабристов, когда в январе 1830 г. пишет письмо Николаю I, в очередной раз прося за сосланных, настаивая на помиловании: «Время строгости для них миновало! Время милости наступило! (...) Государь! произнесите амнистию!» По мнению Жуковского, объявление амнистии позволило бы императору явиться перед Россией «в естественном (...) величии», «о владеть доверенностью (...) подданных и уважением остального света» (Дубровин. С. 74).

Жуковский не писал аллегорий. Но его взгляды, его понимание, его ощущение времени и обстоятельств неизменно и неизбежно отражались в его произведениях. И «естественное величие» правителя виделось ему не в завоеваниях и суровости, а в человечности, милости и доверенности к подданным, которые, в свою очередь, будут почитать своего короля. Таков король Дон Фернандо в первой части «Сиды». А потому после смерти короля все «носят траур по великом Фердинанде». Эта формула трижды повторена поэтом (ст. 449, 453, 458), как это было принято в народных произведениях, и прилагательное «великий» здесь не титул, не имя — оно выражает отношение подданных, признание достоинств правителя.

Главный герой в первой части — человек открытый, прямой, действующий во всех случаях жизни по законам рыцарской чести, о которой говорится и в романсах, и на что, как на особенность испанских народных произведений, обращал внимание Ф. И. Буслаев.

Любопытно отметить, что в ряде испанских романсов о юности Родриго герой первоначально не склонен присягать королю, претендуя на независимость, как то часто было в среде испанских феодалов того времени, что не помешало ему в дальнейшем быть верным вассалом. Этот мотив есть и в гердеровской обработке, и, соответственно, в переводе Жуковского 1820 г. (см. наст. изд. ст. 200—208). В данном варианте эта тема поэтом полностью опущена.

Вторая часть произведения «Сид в царствование короля Дон Санха Кастильского» по объему несколько меньше первой. В ней 257 строк против 340 в первой. Однако глав в ней всего 4, они более крупны, и действие в них развивается более интенсивно и напряженно, а сам герой постоянно оказывается в экстремальной ситуации выбора жизненного поведения, решающим для себя по сути «гамлетовский вопрос» — «быть или не быть», как соотносить свое понимание чести и человечности с бесчеловечными обстоятельствами, созданными жестоким и несправедливым королем Доном Санхо, который не дал требуемой клятвы у постели умирающего отца, разделившего земли между детьми и завещавшего соблюдать этот раздел.

Положение Родриго в «междоусобии сыновей Фердинанда» с юридической стороны предопределено тем, что, будучи сам кастильцем и вассалом Кастильского короля, Сид автоматически стал вассалом его преемника — Дона Санхо — и обязан служить ему и помогать во всех войнах, им ведомых, даже если сам как частный человек считает эту войну несправедливой. Ситуация усложнена тем, что все участники войны — дети Дона Фернандо, и, следовательно, при жизни короля Фернандо Сид был и их вассалом, ибо все они были инфантами Кастильскими.

Вообще, ситуация «выбора» между вассальным долгом и собственным пониманием справедливости и чести в испанских романсах лишь намечена, но Жуковский в своем произведении акцент делает именно на ней. Он подчеркивает, что все участ-

ники распри знают Сида как человека благородного, достойного, как «мужа чести». В ходе междоусобицы все враждующие стороны обращаются в поисках решения своих проблем не друг к другу, не брат к брату, а к «благородному Сиду»: «В добрый час, мой благородный // Сид! — сказал ему Дон Санхо» (ст. 356—357); «Что ты делаешь, достойный // Сид? — сказал с упреком» Гарсий (ст. 369—370); к «мужу чести» направляет свое послание Дон Альфонс (ст. 378). Таковым себя считает и сам герой. Ему кажется, что высказав свое осуждение поступкам короля, но продолжая исполнять его волю, как должно вассалу, можно сохранить самоуважение, а бремя позора падет лишь на короля, его сеньора: «Я исполню долг вассала; // Стыд же примешь ты один» (ст. 365, 366). Вассальным же долгом он пытается оправдаться и перед плененным Доном Гарсием, заявив: «Если б я теперь вассалом / Был твоим, я то же б сделал, // Государь, и для тебя» (ст. 371—373).

Герой не сразу понимает, что исполнение вассального долга перед человеком, лишенным чести, способен нарушить клятву, разорвать законы родства, бросает тень и на него, «мужа чести, // Подымающего руку // На бесчестно-злое дело». Выделение этих слов в тексте принадлежит самому Жуковскому, который еще в дневнике 1828 г. писал: «Жить при дворе есть учиться или мудрости или подлости. Надобно выбирать одно из двух. Среднею дорогою идти нельзя» (ПССиП. Т. 13. С. 305).

Поэт, отступая от традиций народной поэзии, не знавшей и не умевшей еще передавать душевные состояния персонажей, включает в текст строки: «И ему шепнула совесть: // «Стой, Родриго, ты вступаешь // На бесславную дорогу; // Благородный Сид, назад!» (ст. 473—475). Это было первое отступление в жизни героя. Но это было не унижение себя, а сохранение своего достоинства в противовес королю Дону Санхо, утрачивавшему всякое достоинство в междоусобной войне.

Понятие совести как единственного руководителя в жизни становится ключевым в ряде записей Жуковского 1830 г. Так, например, после беседы с Николаем I в начале апреля 1830 г., представлявшей собой, как он заметит, «род головомойки», поэт напишет: «Я (...) буду продолжать жить, как я жил. (...) у меня есть другой вожатый — моя совесть (...)» (Дубровин. С. 81). Однако действия «по совести» в отношениях с правителями часто бывают «не без тяжелых ощущений». Так и его герой, имевший многие заслуги вассала, которому в минуты нужды в нем Дон Санхо расточал ластивые речи, называя его «цветом Испании», «зерцалом чести рыцарской», теперь объявлен «мятежником надменным» и изгнан из завоеванных и сохраненных им же для короля владений. Спокойно, с достоинством и улыбкой покидает королевский стан Родриго. Как сказано в заключении, «молчанье // В стане царствует, как в гробе». Этим завершается Конспект, этим заканчивается и III глава второй части.

Был ли первоначально у поэта замысел ограничиться именно этой сценой, или Конспект оказался неоконченным по недостатку времени, — сказать трудно. Могло быть и то и другое. Ведь завершается же аналогичной сценой «Илья Муромец» А. К. Толстого, написанный 40 лет спустя. Однако если исходить из того, что для Жуковского равно важно было показать не только самобытного и яркого героя, но и сравнить два царствования как два возможных варианта судьбы героя, то необходимо должно было последовать продолжение. Что и произошло.

Центральной фигурой последней главы является не Родриго, который остался тем же могучим, страшным для врагов, терпимым к слабостям ближних, справедливым и честным Сидом, каким знали мы его на протяжении всего предшествующего повествования, но король Дон Санхо, характеристика личности которого

осталась в финале III главы как бы незавершенной. Он воинственен — да; но храбры ли — неизвестно. Все победы ему приносит Сид, которому он неумеренно льстит; он не дорожит семейными узами, но, казалось бы, ценит воинские доблести соратника, однако и это не так: Сиды он изгоняет. Он жесток, хитер, несправедлив. Но все эти качества показаны косвенно, ему не дано ни одного определения, ни одной прямой характеристики извне.

Финал для него трагичен. Не доверяя никому, не слушая ничьих советов, Дон Санчо доверился изменнику, перебежчику, обещавшему открыть королю потаенный вход в осажденную, но неприступную Замору. Вместо этого «Острый свой кинжал предатель // Весь вонзил в него и скрылся» (ст. 547—575).

В период работы над «Сидом» Жуковский много размышлял о кризисе нравственности в обществе, в котором власть «вся предана на произвол доносчиков» и доверием пользуются только Булгарины и Бенкендорфы. А кризис нравственности, считает поэт, неизбежно приведет и к кризису власти государственной: «Между царем и Россиею будет бездна, огороженная забором из наушников» (Дубровин. С. 81). Размышления эти, несомненно, сказались и на последней главе произведения, и на характере финала, который построен на использовании романа, включающего плач Сиды об убитом короле. Жуковский опускает те части его, где содержится восхваление королевских доблестей, воспроизводя лишь упрек «благородного Родриго» в адрес короля, гибель которого была своего рода возмездием за нарушение им законов чести и человечности.

Ст. 16—17. *Где господствует Великий // Фердинанд...* — Король Фердинанд I Кастильский «Великим» не именовался. Здесь и далее (ст. 449, 452, 483) прилагательное «великий» титулом или именем не является, сохраняя значение качественной характеристики.

Ст. 32. *Неприступную Коимбру...* — См. прим. к ст. 377 на С. 346 наст. изд.

Ст. 37. *Но является Сан-Яго...* — Точнее, Сант-Яго — апостол Иаков, брат Иоанна Богослова; по преданию, в 30 г. н. э. прибыл в Испанию, где основал церковь. Считался покровителем Испании. Его именем названы десятки городов во всех испаноязычных странах. В романах о Сиде упоминается постоянно.

Ст. 48—49. *И мечеть ее назвали // Церковью Марии Девы.* — Во время Реконксты и мечети и соборы во множестве подвергались разрушению. Пришедшие к власти для отправления своих религиозных нужд вынуждены были использовать оставшиеся постройки, перестраивая их при необходимости в большей или меньшей степени. После окончания Реконксты часть мечетей была превращена в католические соборы, посвященные тем или иным святым. В архитектуре этих старых храмов и донныне видны следы мавританской архитектуры того времени.

Ст. 55. *Только не дал акколады...* — В испанском тексте: «no le diera pezcizada // como otros había dado» — «только не дал подзатыльника, как другим давать случалось». Видимо, поэт, не совсем понимая значение слова pezcizada (подзатыльник), которое своей «приземленностью», просторечностью не вязалось с литературно поэтизированной процедурой «посвящения в рыцари», и заменяет его на французскую акколаду, более известную, но тоже не всегда понятную читателю, а потому не разрушающую впечатление торжественности момента, тем более что в «Полном французско-российском словаре (СПб., 1824. Т. I.) указывается: Accolade (acolade) s, f — объятие, обнимание, облобызание.

В то же время, как указывает Н. Т. Беляева, в обычном употреблении «получить акколаду» означало «получить по шее», «получить пескозаду» — «получить подзатыльник». И то и другое входило в обряд посвящения в рыцари (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 633).

Ст. 63. *Мрачен, зрустен Дон Диего...* — См. прим. к ст. I на с. 344 наст. изд.

Ст. 145. *Оскорбив рукою дерзкой...* — См. прим. к ст. II на с. 344 наст. изд.

Ст. 228—229. *Входит юная Химена // Дочь Гормаса...* — См. прим. к ст. 173. на с. 345 наст. изд.

Ст. 272—282. Эти 10 строк отсутствуют как в романах, так и во французском пересказе в *Bibliothèque...*, но включены Жуковским в Конспект. Тема ночного свидания, которая вслед за Гердером, ее автором, лирически углублена и развернута Жуковским в «Сиде» 1820 г. (см. прим. на С. 342—343 наст. изд.), здесь предельно сжата, но сохранена автором как необходимый с его точки зрения переход от жалобы Химены королю к сцене свадьбы (ст. 282—307), которая представляет собой очень близкое к тексту «извлечение» из подлинного испанского романа «*A Ximene y à Rodrigo...*» (Х. Эскобар. № 9).

Ст. 321. *Дочь Урака в черном платье...* — Урака — дочь короля Фердинанда, жалабам которой на несправедливый раздел наследства посвящено несколько испанских романсов, где она предстает как человек решительный, готовый отстаивать свои права.

Ст. 330. *Я даю тебе Замору...* — Точнее, Самору — провинция в королевстве Леон с главным городом того же названия, на р. Дуэро.

Ст. 340. *Только что успел Дон Санчо...* — Точнее — Дон Санчо-второй, сын короля Фердинанда, получивший по завещанию Кастилию, будущий король Санчо II Кастильский (1065—1072).

Ст. 349—350. *Был Галисии властитель, // Старший брат его Дон Гарсий...* — Точнее, Дон Гарсия; Галисия — небольшая область на юге Каталонии, составляла часть римской Тетраконы. В V—VI вв. была завоевана свевами, затем — вестготами. Мавры никогда ею не владели. В 1065 г. Фернандо завещал ее старшему сыну Гарсий в виде отдельного королевства. Санчо II присоединил ее к Кастилии.

Ст. 364—365. *Я исполню долг вассала; // Стыд же примеши ты один.* — После смерти короля Фердинанда Сид (Кастилец) автоматически становится вассалом короля Кастильского, Санчо II. Однако именно с этих слов Сид начинается прямое противостояние благородного героя жестокому и коварному королю Дону Санчо.

Ст. 375—376. *За него король Леонский // Восстает...* — Дон Альфонс VI (1072—1109), сын короля Фернандо и брат Дона Санчо. Получил в наследство от отца королевство Леон.

Ст. 377—379. Выделение в тексте принадлежит Жуковскому.

Ст. 403—405. *На одну сестру напавши... // Запирает в монастырь.* — Сестра — младшая дочь короля Фернандо Эльвира, которой при разделе наследства достался город Торо (в провинции Самора).

Ст. 443. *Конь могучий Бабьека...* — Точнее, Бабьека — знаменитый конь Сиды, имя которого по испански означает «пентюх», «болван», «дуралей», «балда». О происхождении имени в сказаниях о Сиде существует немало легенд. По одним он добыт в бою с легендарным царем Букарой, в других говорится, что он был привезен «варваром заморским». В одной из хроник рассказывается, что юный Родриго сам выбрал в конюшне своего крестного самого захудалого конька. Крестный, рассер-

дившись, воскликнул: «Дуралей, кого ты выбрал?» На что будущий Сид ответил: «Это будет добрый конь и имя ему будет — Бабьека».

Ст. 476—485. *И она ему на память <...> // Дни прекрасныя Коимбры.* — Очень яркий, но достаточно редкий случай, когда Жуковский отказывается от предоставляемой самим материалом возможности развития лирической темы. В романсе (Депинг. № 68), обращаясь из окна башни к Сиду, Урака не только напоминает ему о получении им рыцарства во времена короля Фердинанда (см. ст. 52—62), но и говорит о своей прошлой и тайной любви к нему. Однако, предельно сократив текст, Жуковский стремится передать лирический накал ситуации, чему способствует употребление им в тексте «высокой» старославянской лексики («подъемлет очи», «зрит», «златые», «младость») и анафорически повторяющиеся обороты («Привела те дни», «Дни, когда...», «Дни прекрасныя»).

Наль и Дамаянти

Индийская повесть

Подражание Рюккерту

(«В те дни, когда мы верим нашим снам...»)

(С. 96)

Автографы:

1) ПД. Р. 1. Оп. 9. № 32. Л. 8—115 с об. — белой, полный текст черными чернилами в переплетенной книге с коричневой твердой обложкой, размер листа 24×33 см. На л. 8 название: «Наль и Дамаянти. Индейская Повесть, переведенная с немецкого В. Жуковским». На л. 9 об. расположен портрет великой княжны Александры Николаевны в карандаше, выполненный Жуковским. На л. 10 запись: «Ея императорскому высочеству Государыне великой княжне Александре Николаевне». В конце Посвящения на л. 13 об. подписано: «Жуковский. Дюссельдорф 1843 16/28 февраля».

2) НБ ТГУ. Nal und Damajanti. Eine indische Geschichte bearbeitet von Friedrich Rückert. Frankfurt a. M., 1828. S. 2, 4. (Описание № 1986) — черновой, карандашом; ст. 1—10 над строками немецкого текста.

3) РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 37. Л. 11 — черновой в составе дневника путешествия с великим князем под датой: «16 (мая). Воскресенье. (1837)».

4) РНБ. Оп. 1. № 13. Л. 13 — черновой (ст. 1—17), с датой: «3 декабря (1832)».

5) РНБ. Оп. 1. № 43а. Л. 8—58 с об., 60—73 с об. — черновой, (1—13 песни), выполнен карандашом и чернилами; тетрадь размером 15×21 см, между страницами вшиты листки печатного издания Rückert F. Nal und Damajanti, аналогичного хранящемуся в НБ ТГУ (Описание № 1986). На лицевом листе картонного переплета графом В. А. Соллогубом сделана надпись: «Собственноручный перевод В. А. Жуковского, подаренный им самим 23 апреля 1841 в С.-Петербурге. Г(граф) В. Соллогуб» (см.: *Бычков И. А.* В. А. Жуковский. Из собрания Императорской Публичной Библиотеки // Чествование его памяти в С.-Петербурге 29 и 30 января 1883 года. СПб., 1883. С. 55). На л. 2 об. запись о пребывании в Угличе и Рыбинске во время путешествия 1837 года.

6) РНБ. Оп. 1. № 43б. Л. 2—139 с об. — черновой, (15—30 песни); тетрадь, аналогичная А 5; в процессе перевода отмечены даты (1841) и места пребывания (Москва, Завидово, Зайцево, Петербург, Тильзит, Кенигсберг, Берлин, Ганау).

7) ПД. № 2778. Л. 59—59 об. — черновой, перевод стихов 459—462, лист, вырванный из А5; внизу текста на листе 59 об. сделаны записи: «Июня 1. Переезд из Тюмени в Тобольск». Ниже рисунка, сделанного под этой записью, следуют две строки: «Transcrit en 1837, 1 / 13 juin entre Tümen et Tobolsk» и «transcrit à Moscou la 25 Févr(ier) / 9 M(ars) 1841».

8) РНБ. Оп. 1. № 44. Л. 79—80 с об. — черновой, текст Примечания и записей, связанных с работой над повестью и с изданием книги.

9) РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 7, 20 об. — черновой, набросок карандашом стихов 1—29 Посвящения.

10) РНБ. Оп. 1. № 53. Л. 2 об. — 10 — черновой, полный текст Посвящения с проставленными на полях рукописи датами: «11/23 февр(аля), 12/24 февр(аля), 13/25 февр(аля), 14/26 февр(аля)» (1843).

11) РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 21—21 об. — черновой, текст Посвящения в прозе на немецком языке.

К о п и и:

1) РНБ. Оп. 1. № 44. Л. 1—64 с об. — авторизованная, без Посвящения, состоит из нескольких сшитых тетрадей из листов белой бумаги размером 22,5×35 см; написана разными почерками, в том числе рукой А. П. Елагиной (стихи 1843—2310); Жуковским проставлены даты, начиная с «30 октября» до «26 июня / 8 декабря 1841. Дюссельдорф». В конце третьей тетради (л. 64 об.) сделана запись: «Переписано и поправлено 16/28 декабря 1841. Начато 21 мая 1837».

2) РНБ. Оп. 1. № 44. Л. 65—78, 81—87 с об. — писарская авторизованная копия стихов 1—209 и 310—448; листы бумаги форматом 21,5×27 см.

3) РГБ. Ф. 104. Оп. 1. № 4 — текст Посвящения, рукою Е. А. Жуковской.

В п е р в ы е: *Наль и Дамаянти*. Индейская повесть В. А. Жуковского. СПб., 1844. На титульной обложке под рисунком, изображающим *Налья* и *Дамаянти*, напечатано: «Стихотворение Жуковского. Рисунки по распоряжению Автора выполнены г. Майделем. Издание Фишера». Ц. р. 12 мая 1843. Цензор А. В. Никитенко.

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: С 5. Т. 5. С. 341—468 — с заглавием: «*Наль и Дамаянти*. Индейская повесть» и подзаголовком в скобках: «Подражание Рюккерту»; с датой: «1840».

Д а т и р у е т с я: 16 мая 1837 г. — 16 (28) декабря 1841; Посвящение к повести — 16 (28) февраля 1843 г.

«*Наль и Дамаянти*» В. А. Жуковского — свободный стихотворный перевод повести «*Nal und Damajanti*» (1819) немецкого поэта, ученого-востоковеда Фридриха Рюккерта (Rückert Friedrich, 1788—1866), которая представляет собой переложение в стихах отрывка величайшего памятника древнеиндийского героического эпоса «*Махабхарата*».

В Примечании к «*Налю и Дамаянти*» Жуковский указал на известные ему два немецких переложения этой повести, Боппа и Рюккерта, и объяснил причины своего выбора: «Этот отрывок, сам по себе составляющий полное целое, два раза переведен на немецкий язык; один перевод, Боппов, ближе к оригиналу; другой, Рюккертов, имеет более поэтического достоинства. Я держался последнего. Не зная подлинника, я не мог иметь намерения познакомить с ним русских читателей; я просто хотел рассказать им по-русски ту повесть, которая пленила меня в рассказе Рюккерта, хотел сам насладиться трудом поэтическим, стараясь найти в языке

моем выражения для той девственной, первобытной красоты, которою полна индейская повесть о Нале и Дамаянти».

Работа Жуковского над переводом проходила в несколько этапов, растянувшихся на большой период — с 1828 по 1843 год. Это время в русской культуре отмечено интересом к «Нале и Дамаянти», что было обусловлено активизацией национального самосознания и поисками художественного выражения эпических замыслов. В 1834 г. был предпринят перевод первой «Песни Налы из Махабараты» с санскрита П. Я. Петровым, студенческим товарищем В. Г. Белинского, будущим профессором Московского университета, известным ориенталистом (См.: В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 234—236). Стихотворный перевод трех первых песен, основанный «на латинском переводе г. Боппа», был сделан А. Вельтманом в 1839 году и опубликован в «Отечественных записках» под названием: «Нало. Повесть Врихадазвы, рассказанная Бгарату» (см.: *Вельтман А.* Несколько слов о переводе повести «Нало» и о санскритской поэзии // ОЗ. 1839. № 5. Раздел: Словесность. С. 253—274).

Первое обращение Жуковского к повести Рюккерта и начало работы над переводом можно отнести к концу 1820-х — началу 1830-х годов. В библиотеке поэта находится *Nal und Damajanti. Eine indische Geschichte bearbeitet von Friedrich Rückert. Frankfurt a. M., 1828.* (Описание № 1986). Экземпляр неполный, сохранились верхняя наборная обложка и первый печатный лист книги с текстом первых трех песен поэмы. На обороте заглавного листа готической скорописью написано следующее посвящение:

Zueignung.

Als (naht...) die schönen poetischen Tage, in Antonin verlebt, schicke ich Ihnen dieses Gedicht mein Lieber Freund. Wahre, ächte Poesie verschwistert die Seelen, von allen Climates. Es ist die Umarmung der Gemühter, die dort oben statt finden wird und von der wir hier, uns unbewust, eine Ahnung haben, die in Wirklichkeit (...) übergeben wird, bis dahin müssen Wir uns hienieden treu sein.

Maria von Kleist

Посвящение.

Когда (...) прекрасные поэтические дни, я в Антонине переживала, посылаю вам это стихотворение, мой дорогой друг. Настоящая, истинная поэзия роднит души во всех климатах. Это объятия душ, которые пребывают там, наверху, и о которых мы здесь бессознательно имеем понятие, которое передается в реальность до тех пор, пока мы верны ему здесь.

Мария фон Клейст.

Книга, подаренная Марией Клейст (1761—1831), немецкой приятельницей Жуковского со времени его первого путешествия в Европу и до встречи в 1829 г. в замке Радзивиллов Антонин под Варшавой (см.: Дневники, запись от 22 мая (3 июня) 1829 г. Т. 13. С. 309), возвращала поэта к событиям 1821 года — к Берлинскому празднику, к переводу повести «Пери и Ангел» из восточного романа Т. Мура «Лалла Рук», к пережитому чувству восторженного поклонения Александре Федоровне и созданию поэтических манифестов («Лалла Рук», «Явление

поэзии в виде Лалла Рук»), в которых получила выражение его романтическая концепция жизни и поэзии.

На с. 2 и 4 этого экземпляра повести Рюккерта карандашом над строками Жуковский сделал черновой набросок перевода 1—15 стихов Рюккерта:

[Жил был] Царил в Индии царь
назывался он Палем,
[всеми] был одарен добродетелью,
молодостью, красотой,
Храбростью и сиял между царями земными,
как солнце сияет
На небе между звездами,
все озарял. Никто с ним
В доблестях прекрасных
сравниться не мог; светлым
премудрым
Разумом, сильной рукой
духовных мужей усердный
Чтитель, глубокий знаток
тайн священных писаний.
Жертвователь усердный Богам.

Перевод, выполненный дольником, похож на подстрочный перевод в точности следования первоисточнику, однако Жуковский оставил без внимания локальные индийские названия: он не перевел «Sohn Wiraseny» (Сын Виразены), «Nischada-Land» (Нишадская земля).

Первое упоминание о повести «Наль и Дамаянти» появляется в списках, помещенных на предпоследней и последней страницах красного альбома с золотым обрезом среди произведений в стихах и прозе 1822—1831 гг. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 30. Л. 85 об. и 86):

Л. 85 об.

⟨...⟩

Легенда

Лягушки и мыши

Из Овидия

Феокрит

Разговор двух ангелов

Эдип царь

Эдип в Афинах

Наль и Дамаянти

Макбет

Л. 86.

Поэзия

Ахилл и Приам

Иван Царевич и молодая царевна

Разбойники

Валленштейнов Лагерь

Лягушки и мыши

Наль и Дамаянти

Разговор двух ангелов

⟨...⟩

Следующее по хронологии упоминание «Наль и Дамаянти» содержится в списке на л. 1 зеленой тетради «Стихотворений 1832—1833 гг.» (РНБ. Оп. 1. № 37). Под датой «1832» расположены три столбика названий произведений, во втором следуют:

⟨...⟩
 Der Blonde Eckert
 Ундина
 Италия
 Наль и Дамайанти
 Герман и Dorothea
 Одиссея
 Lalla Roukh
 Кровавая монахиня
 Лягушки и мыши
 Allegro и Penserosa
 Цид
 Библейские повести
 Детские стихотворения
 Эолова арфа
 Орлеанская дева

Таким образом, название будущей повести появляется в круге больших эпических произведений, таких как «Ундина», «Герман и Доротея», «Одиссея». Вместе с тем 1831—1832 годы — это период третьего «балладного взрыва» в творчестве Жуковского. Работа над переводом возникает в балладном контексте. В «Дневнике» за декабрь 1832 года упоминания о чтении «Наля и Дамайанти» окружены балладами: «20(2), воскресенье. Прогулка в Монтрё. ⟨...⟩ Чтение “Наль и Дамайанти”. Начал стихи»; «21(3) понедельник. Прогулка по террасе. “Nal und Damajanti”. “Der Wanderer”. Вечеру чтение»; «23(5) среда. Письмо великого князя. Минуты, в которые какую-то магическою силою пробуждаются воспоминания и все знакомые лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовал, воздух, сторона, дом, чувство прошедшей жизни. Конец “Наля и Дамайанти”. Рейтернова болезнь. Rehberger ⟨...⟩». (ПССиП. Т. 13. С. 340).

В черновой зеленой тетради (РНБ. Оп. 1. № 37. Л. 13) зафиксировано обращение к переводу «Наля и Дамайанти». Прервав работу над балладой «Братоубийца» (на л. 12 об. с датой «Декабрь» — «2 декабря». «3 декабря» идет черновой автограф «Братоубийцы»), на л. 13 Жуковский записывает 17 стихов «Наля и Дамайанти», а затем на л. 13 об. под датой «4 Декабря» продолжает балладу со стиха: «Сзади в грубых власяницах ⟨...⟩».

Написанные на л. 13 стихи переведены четырехдольником, близко передающим размер Рюккерта — старонемецкого короткого стиха с вольно расставленными ударениями и парными (иногда и тройными) рифмами, так называемым книттельферсом.

Жил царь, могучий и славный,
 Нала, сын Виразены державный,
 Был он создан людям на радость
 Всё он имел: красоту, мужество, младость.
 Он возвышался над всеми земными царями,
 Словно как Бог Богов над всеми другими Богами,
 Всю землю каким солнце в лучах озарял,
 Премудро Нишадской страной владал,
 Слыл он в Индии первым Царем,

Сильный рукою и светлый умом,
Усердный, духовных мужей почитатель,
Умный писаний святых толкователь,
В храмах набожный жертв сожигатель,
Смиритель буйных желаний своих,
Радость для добрых, ужас для злых,
Тайная дума пламенных дев,
Агнец с друзьями, с противными лев,

Судя по балладному контексту, в котором появился этот перевод, Жуковского в индийской повести могла заинтересовать острая драматическая коллизия в отношениях двух братьев — Наля и Пушкары: Наль, проиграв брату все свое царство, обречен на нищету и скитания, а Пушкара, очарованный бесовскими силами злодея Кали, намеревается выиграть и жену Наля — красавицу Дамаянти. Другой драматический узел, содержащий отклик на современные проблемы, заключался в возможном соотношении судьбы мужественной и верной Дамаянти с декабристками, следующими, как и она, добровольно за своими мужьями, вопреки всем выпавшим на их долю мучениям и испытаниям. Характерно, что И. И. Пущин в письме к декабристу А. П. Барятинскому из Туринска 10 июня 1842 года (за два года до выхода в свет перевода В. А. Жуковского) сообщает, что он послал Н. Д. Фонвизинной, жене декабриста М. А. Фонвизина «в переплете “Наль и Дамаянти”» (См.: *Пущин И. И. Сочинения и письма: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 255*). Этот факт очевидно говорит не только о литературных интересах декабристов, но и о современных аллюзиях, позволявших видеть в поведении верной Дамаянти, не покидающей своего мужа, поэтический образ супружеского и гражданского подвига.

Однако начав перевод, Жуковский не продолжает его, возможно потому, что тема губительной вражды и преступления брата против брата была разработана в балладе «Братоубийца», одновременно шло создание «Суда в подземелье» с отчетливо выраженной декабристской аллюзией, а работа над большой эпической формой в этот момент была представлена «Ундиной», которая отодвинула на время работу над повестью о Нале и Дамаянти.

Новый этап работы над повестью относится к весне-лету 1837 года. Этот перевод Жуковский предпринял во время путешествия с великим князем Александром Николаевичем по северу России, Уралу и Сибири. Обращение к большому поэтическому тексту было обусловлено целым рядом причин. Летом 1836 года Жуковский закончил работу над «Ундиной», в феврале 1837 года написал «Посвящение» к «Ундине».

Эпическому развороту избранного сюжета повести соответствовал характер путешествия Жуковского с наследником на восток, масштабность открывающегося пространства России, встречи с неизвестным, грандиозность нравственных целей. Жуковский писал императрице Александре Федоровне 6 мая 1837 года из Твери: «(...) главная польза вся нравственная, та именно, которую только теперь можно приобрести великому князю: польза глубокого, неизгладимого впечатления. (...) он начинает деятельную жизнь свою путешествием по России — и каким путешествием!» (6, 310, изд. 7).

Отправляясь в путешествие, Жуковский приготовил для работы и дорожных записей специально сшитые тетради (А5 и А6): между страниц белой бумаги размером

15×21 см вшиты листы размером 11×17 см из печатного издания книги: Rückert F. «Nal und Damajanti», идентичной хранящейся в НБ ТГУ (Описание № 1986).

Первая тетрадь (А5) содержит перевод 1—15 песен Рюккерта, точную датировку создания первых десяти песен. Л. 2, 2 об. и 4 заполнены черновыми вариантами дневниковых записей посещения Углича и Рыбинска, которые затем были перенесены в дневник (см.: *Янушкевич А. С.* Неопубликованные страницы «Дневника» В. А. Жуковского // НЛО. 1997. № 28, С. 159—179). Начиная с л. 8 об. и л. 9 (на полях немецкого текста) Жуковский начинает перевод, сначала карандашом, а затем черными чернилами. Первый 31 стих были переписаны с небольшими различиями в Дневник от 16 мая: «16. Воскресение. Переезд из Макарьева в Гомзиху» (Там же. С. 169).

Начиная с 79 стиха, под которым записано *21 мая 1837* (л. 16), Жуковский на страницах А5 проставляет ниже последнего стиха, написанного в очередной день, точную дату: после стиха 243 — *22 мая* (л. 20 об.), после 252 — *23 мая* (л. 24), после 287 — *Мая 25* (л. 38), после стиха 345 — *Мая 26* (л. 44 об.), после стиха 425 — *Мая 3. Тюмень* (л. 52 об.), после стиха 598 — *Июня 18* (л. 71 об.), после стиха 650 — *Июня 20* (л. 77 об.).

В тетради с А5 отсутствуют два листа (они вырваны), находившиеся между л. 57 и л. 58 со стихами 456—469. Лист 57 со стихами 459—462 обнаружен в РО ПД (А7). Внизу листа под стихами карандашом сделана запись: «Июня 1. Переезд из Тюмени в Тобольск». Ниже рисунка, помещенного под этой записью, следуют две строки: «Transcrit en 1837 1 /13 juin entre Tümen et Tobolsk» и «transcrit à Moscou la 25 Févr(ier) / 9 M(ars) 1841» (л. 1 об.).

Характерно, что все даты, проставленные в А5, судя по записям в Дневнике, связаны с переездом из одного места в другое, что позволяет полагать, что Жуковский делал перевод в дороге, во время езды. К этому предположению склоняет характер написания текста карандашом и нечеткая каллиграфия (неровные строчки, в разные стороны наклоненные буквы).

После даты *20 июня* под стихом 650 (в Дневнике этот день отмечен: «Переезд из Чистополя в Казань. У обедни. Бедный собор» // ПССиП. Т. 14. С. 60) перевод был продолжен. Тетрадь заканчивается текстом финала XIV главы повести Рюккерта, стихом 973.

А6, занимающий вторую тетрадь перевода, начинается с XV песни, со стиха 974 — и первая дата поставлена на л. 56 под стихом 1526 («Начал Судева повесть о том, что сделалось с Дамаянти»), завершающим XX песню: *1841. 11 февраля. Москва*. Эта дата относится уже к новому этапу работы над переводом, после длительного перерыва. Архивные материалы не позволяют точно указать, в какое время были переведены стихи 651—1520, но по всей видимости, это произошло в 1837 г. или в начале 1841 г.

Возобновление работы над переводом было обусловлено переменами в личной судьбе Жуковского. В 1837 г. Жуковский на обратном пути в Петербург встретился с декабристами, посетил родные места: Белев, Мишенское, Долбино, Володьково, Петрищево, Игнатьево (с 13 по 22 июля); виделся с А. П. Елагиной, потом был в Москве, после чего состоялась вновь поездка в Муратово и возвращение в Петербург. На протяжении 1838—1839-х годов было предпринято путешествие с наследником по странам Европы, в том числе в Италию, Англию — и все это время Жуковский не возвращался к работе над продолжением перевода «Ная и Дамаянти».

В Дневнике от 24 апреля (6 мая) 1840 года поэт сделал запись, навеянную оперой Г. Спонтини «Нурмагал», написанной на сюжет одной из частей романа Т. Мура «Лалла Рук» — «Свет гарема»: «В театре. “Нурмагал”. Марш Лалла Рук, ария Нурмагала. Скольких я вспомнил: Фосс. Элиза. Семейство Радзивилл. Брюль, Гребен, Герман. Все отношения с семейством Клейст. Гуфланд. Саша. Маша. Молодость. Теперь передо мною новый мир» (ПССиП. Т. 14. С. 205). Посещение оперы и вызванные ею воспоминания имели прямое отношение к работе над «Налем и Дамаянти» — это память о подарке Марии Клейст и ее Посвящении Жуковскому, о начатом переводе. Запись в Дневнике была ближайшим вестником будущего возобновления работы над переводом.

В августе 1840 г. состоялась помолвка с Елизаветой Рейтерн, Жуковский оказался на пороге новой жизни. В конце апреля 1841 г. поэт вышел в отставку, 21 мая 1841 г. в Германии, в Канштадте, произошло венчание. В состоянии духовного подъема всех нравственных сил, в предуготовлении к семейной жизни Жуковский вновь обратился к повести «Наль и Дамаянти», в которой теперь для него актуальными становятся нравственно-философские и общественные вопросы, связанные с проблемой устройства утопии гармонической жизни, воссоздание идеального типа любящей женщины и определение принципов семейного счастья.

В А6, начиная с л. 56, прохронометрирован процесс работы над переводом. После стиха 1521 (конец XX главы) следует запись: *1841. 11 февраля. Москва*. В начале XXI главы на том же листе перед стихом 1522 (конец XXII главы) отмечено: *Нап(исано) 1841 6/18 — 7/19 Марта по дороге из Завидово в Зайцево*. Это названия станций по пути из Петербурга в Москву, где Жуковский встретился и простился с друзьями, затем возвращение в северную столицу: на л. 82 об. — после стиха 1756 (конец XXIII главы) — запись: *8/20 марта по дороге в Петербург*; л. 92 — после стиха 1843 (конец XXIV главы): *Подъезжая к Петербургу*. Начиная с 6 мая (5 мая поэт провёл в Дерпте, где простился с друзьями и посетил могилу Маши) Жуковский переводит каждую очередную главу за два или даже за один день. Л. 101 (на листочке с немецким текстом) — *Между Вильновом и Ригою. Мая 6*; л. 106 об. — после стиха 1999 (конец XXVI главы) — *Мая 8. Между Тильзитом и Кенигсбергом*; л. 115 об. — после 2061 стиха (конец XXVII главы) — *Между Кенигсбергом и Мариенбургом. 9 Мая*; л. 126 об. — после стиха 2178 (конец XXVIII главы) — *11 Мая, подъезжая к Берлину*; л. 132 об. — после стиха 2229 (конец XXIX главы) — *Половина, подъезжая к (Берлину?), другая, подъезжая к Наумбургу. 14 Мая*; л. 139 об. — на полях немецкого текста записано: *Кончил 16/28 Мая, подъезжая к Ганау*. Рукопись завершается на л. 140 заключительным стихом повести (2310): «Вдвое блаженна была очищенным в опыте счастьем». Таким образом, Жуковский сделал подарок к свадьбе: 16 мая черновая редакция перевода «Наль и Дамаянти» была окончена.

Следующий этап работы над повестью связан с редакторской работой Жуковского, запечатленной в авторизованных копиях. К1 и К2 расположены в тетради, сшитой черными нитками из листов белой бумаги размером 22,5×35 см (К1) и 21,5×27 см (К2). Более ранней по времени является К2 — перевод первых 448 стихов. Деление на главы здесь соответствует первоисточнику. В копии оставлены пропуски для слов, вероятно не разобранных переписчиком. Судя по характеру правок, можно говорить, что эта копия сделана непосредственно с А5. Например, стих 2 в А5 имел вид: «Сын обладатель Нишадского сильного царства. И этот». В К2 стих звучит иначе: «Сильный сын, обладатель Нишадского царства. И этот»

(л. 66). Стих 26 в К2 («Полны мужества! Чистым цветком расцвела Дамайнти») Жуковский переделывает: «Живы и смелы! Звездой красоты расцвела Дамайнти» (л. 66 об.).

К1) содержит полный текст повести, переписанный черными чернилами тремя почерками. По всей видимости, л. 1—28 с об. были переписаны крупным почерком В. Кальянова. Стихи на л. 28—46 с об. написаны мелким изящным почерком. Начиная с л. 48 до конца (стихи 1843—2310) текст переписан размашистым почерком (буквы вертикально вытянуты вверх, небольшой наклон вправо) А. П. Елагиной, которая вместе с Катей Мойер посетила Жуковского и его жену в Дюссельдорфе в начале августа 1841 года. В письме к Жуковскому от 25/13 июля 1841 г. Елагина писала: «Мы постараемся быть в Дюссельдорфе, у вас, милая душа моя, к 3-му Августу, нашего стиля. Мои шесть недель не будут полны [А. П. Елагина принимала ванны в Карлсбаде. — Э. Ж.], но вся жизнь моя не будет полна, если уехать надобно из Германии, не видав вашего милого счастья, вашей жены, вашего семейного быта» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 172. Л. 30—30 об.). То, что А. П. Елагина была введена в круг занятий поэта и помогала ему в работе, подтверждается ее вопросами в письме от 13 июля 1843 г. из Белева: «Что Наль наш? — отчего примолкли? Где ты игрок? — Что Одиссея?» (Там же, л. 39).

Редакторская работа предшествовала переписыванию текста набело самим Жуковским. В письме к великому князю Константину Николаевичу от 5/17 сентября 1841 г. поэт сообщает о своем желании посвятить «Наль и Дамайнти» великой княжне Александре Николаевне, рассматривая свою «поэму» (так в письме он определяет жанр «Наль и Дамайнти») как дар и действительный акт связи с Россией: «(...)прошу сказать её высочеству Александре Николаевне, что поэма, которой посвящение ей угодно принять, готова в черне; что я принимаю ее переписывать, и что она, по напечатанию, будет представлена ее высочеству. Постараюсь, чтоб мое пребывание за границей не осталось бесплодным для русской литературы. Теперь, пока я вполне живу семейной жизнью, для меня новою; но впереди, как ясная звезда — возвращение на родину» (С 7. Т. 6. С. 352). По ходу переписки Жуковский делал в К1 исправления, вносил новые варианты стихов и проставлял даты, по которым можно составить хроннику работы:

- л. 18 после 515 стиха следует запись: *30 Октября;*
- л. 21 об. после 650 стиха — *2 Ноября;*
- л. 23 об. после 728 стиха — *Ноября 3;*
- л. 25 об. после 899 стиха — *5 Ноября;*
- л. 26 об. после 970 стиха — *5 Ноября;*
- л. 29 после 1072 стиха — *6 Ноября;*
- л. 64 об. после 2310 стиха — *26 Ноября / 8 Декабря 1841. Дюссельдорф.*

Ниже последней даты на том же листе сделана итоговая запись:

*Переписано и поправлено
16/28 Декабря 1841
Начато 21 мая 1837.*

Письмо Жуковского великому князю Константину Николаевичу от 28 декабря 1841 г. (т. е. того дня, когда в К1 сделана последняя запись) позволяет проком-

ментировать даты на л. 64 об. Жуковский пишет из Дюссельдорфа: «(...) прошу вас сказать ея высочеству великой княжне Александре Николаевне, что я готовил свою поэму, которую она позволила мне посвятить ей, к новому году. Поправив ее в черне, я принялся переписывать (что составило порядочный труд, более 200 страниц), но вот что вышло: переписав набело, я перечитав ее должен был еще раз перемарать в 50 местах. Из этого вышла довольно пестрая рукопись. Надобно снова переписывать(...)» (Т. 6. С. 355). Таким образом, редакторская работа над переводом, начатая, по всей видимости, 26 июня 1841 г., была завершена 8 декабря 1841 г. С 8 по 16/28 декабря 1841 г. Жуковский собственноручно переписал весь текст повести, о чем и сообщил в письме к великому князю Константину Николаевичу.

Названная в письме «пестрая рукопись» не обнаружена, но, вероятно, о ней идет речь в распоряжениях Жуковского (экземпляр жене) о рассылке рукописных материалов, связанных с «Налем и Дамаянти», после окончания работы над повестью:

№ I пакет к (нрзб.)

Манускрипт

Экзем(пляр) к А(лександре) Н(иколаевне)

Экз(емпляр) Соллог.(убу)

№ II пакет жене

Экземпляр

Письмо к Фишеру

Письмо к Майделю. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 44. Л. 80 об.).

Экземпляр же, содержащий А1 полного текста «Наля и Дамаянти», выполненный на такой же бумаге, как и К1, и подаренный великой княжне Александре Николаевне, не содержит исправлений, но в нем можно отметить разночтения с опубликованным в 1844 году текстом в 47 стихах, что говорит о том, что редакторская работа Жуковского не прекращалась, изменения вносились в повесть на всех этапах ее создания.

Редакторская правка Жуковского над повестью, запечатленная в А5, А6, К1, К2, тщательна, многообразна и велика по объему.

В сравнении с повестью Рюккерта Жуковский уменьшил число стихов почти вдвое (у Рюккерта их 4191, у Жуковского — 2310), поскольку две короткие строки, написанные старонемецким книттельферсом, Жуковский стягивал в одну строку, при этом сохраняя общий объем содержания и деление всей повести на 30 глав (у Рюккерта 30 песен). Так было в А5, А6, К1 и К2. Но уже после проведенной правки в К1 Жуковский на чистом л. 2 карандашом делает запись, касающуюся правил графического размещения текста на странице и дает образец оформления заглавия главы на листе:

Глава пишется на этом месте.

Первая страница в 1/2

Глава I

После этого следует цифровая выкладка, в которой Жуковский предлагает новую организацию всего текста повести: должно быть 10 глав, каждая из которых будет содержать три части:

<i>I</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
<i>II</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
<i>III</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
<i>IV</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>
<i>V</i>	<i>13</i>	<i>14</i>	<i>15</i>
<i>VI</i>	<i>16</i>	<i>17</i>	<i>18</i>
<i>VII</i>	<i>19</i>	<i>20</i>	<i>21</i>
<i>VIII</i>	<i>22</i>	<i>23</i>	<i>24</i>
<i>IX</i>	<i>25</i>	<i>26</i>	<i>27</i>
<i>X</i>	<i>28</i>	<i>29</i>	<i>30.</i>

Таким образом, 30 глав повести (соответственно 30 песням первоисточника) были преобразованы в новую структуру, получившую воплощение в А1. Повесть, не теряя своей завершенности и полноты, меняла облик и ритм: эпически-описательное и сказовое ее течение как бы разбивалось, и повествование приобретало определенную динамику и драматизацию. Не случайно на последнем этапе работы рядом с определением «Наля и Дамаянти» как «индейской повести» в Примечании и письмах Жуковского появляется жанровое определение «поэма».

Повесть «Наль и Дамаянти» в нравственно-философском и эстетическом смысле явилась итоговым произведением и одновременно открывающим перспективу будущим творениям. Жуковский создавал лиро-эпос поэтического, идеального содержания, равного по напряженности законченной перед этим «Ундине». Глубина нравственно-философской проблематики, эпический масштаб обрисовки событий и явлений, охватывающий мир «бессмертных Богов» и людей, сил земных и небесных, сочетаются с тончайшим лиризмом в изображении любви, несущей радость и спасающей героев. Начав полный перевод в 1837 году и остановившись на описании великих странствий Дамаянти, Жуковский в поэтическом порыве необычайной силы в 1841 г. завершает работу — им самим движет любовь. Тема любви Наля и Дамаянти, во всей полноте ее проявления, любви нежной, самоотверженной, мужественной и кроткой, является в повести доминирующей и определяет философский смысл произведения, становясь в конфликте выражением гуманного начала, противостоящего власти бесовских сил, совращающих душу человека.

Образ Дамаянти в поэтическом сознании Жуковского оказывается в ряду выдающихся образов, созданных в мировой литературе. В Примечании к повести, написанном в 1843 году, Жуковский цитирует Августа Шлегеля: «Повесть о Нале и Дамаянти есть самая любимая из народных повестей в Индии, где верность и героическое самоотвержение Дамаянти так же известны всем и каждому, как у нас постоянство Пенелопы». В материалах, связанных с написанием Примечания к «Налю и Дамаянти», необычайно важной представляется большая по объему запись в виде двух столбцов, в которых перечисляются имена героинь Шекспира (Дездемона, Юлия, Офелия), Гомера (Пенелопа), Виргилия (Дидона), Тассо (Эрминия, Клоринда), Данте (Франческа), Петрарки (Лаура), а также героинь поэм Байрона и романов В. Скотта (РНБ. Оп. 1. № 44. Л. 80). Составленные Жуковским списки дают представление о ходе размышлений поэта, о широте его художественно-исторической концепции, синтезирующей явления восточного и европейского искусства в едином процессе мирового развития.

Глубина философского содержания повести «Наля и Дамаянти» связана с проходящими через все произведение раздумьями о судьбе человека. Путь к счастью у Дамаянти и Наля был исполнен тяжелых испытаний их нравственности. Жуковский вводит в повесть мотив игры как выражение судьбы человека на весах между человечностью и духовным забвением и мотив пути. Многообразные превращения — не только сюжетные, но и нравственно-психологические (метаморфозы лица и личины, Наля и Вагуки, бесовства и мудрости), выраженные в фантастических трансформациях сказочного эпоса, художественно воплощают идею духовного странствия человека на пути обретения им истинного лица и судьбы.

Сохранение восточного сказочного колорита повести оказалось для Жуковского, вслед за Рюккертом, способом передать не только художественное своеобразие восточной поэзии, но выразить разделяемое поэтом философское представление восточного человека о полноте, богатстве, цветении и торжестве духовной и телесной, природной красоты жизни.

Стихия высокой духовности, идеальности, являясь выражением нравственной сущности героев, определяет их социальное поведение, отношения с другими людьми. В сказочно-утопической форме рассказа о царях и их детях (Наля — сын «сильного царя Виразены», «обладателя Нишадского Царства»; Дамаянти — дочь «славногодержавного», «благодушного» Бимы-Царя, владевшего Видарбинским царством) Жуковский рисовал и утверждал идеалы государственного масштаба, где между правителями и их народом господствуют принципы уважения и гуманности. В письме к великому князю Константину Николаевичу от 29 октября 1842 года, в период окончательного оформления «Наля и Дамаянти» и начала работы над «Одиссеей», Жуковский повторил рассуждения, ранее высказанные в письме к матери наследника в 1837 году, когда речь шла о нравственных целях предпринимаемого путешествия: «⟨...⟩ Как представители народа, они (“государя и князя”. — Э. Ж.) должны жить его жизнью, т. е. уважать его историю, хранить то, что создали для него века ⟨...⟩» (С 7. Т. 6. С. 357). В подобной связи народа и его правителей Жуковский видел залог благоденствия государства, способного уберечься от всех потрясений. Таким образом, сказочный эпос Индии в переводе Жуковского, не теряя своей мифологической основы (изображение жизни Богов, людей, животных, трав как универсальной целостности бытия), заключал в себе возможность постановки острейших проблем современности, касающихся личной судьбы каждого человека и государства, нации в целом. Воссоздание лиро-эпической картины мира потребовало адекватных художественных форм.

В отличие от Рюккерта и собственного опыта 1832 г. Жуковский выполнил перевод 1837—1842 гг. гекзаметром. Выбор размера во многом определялся не только предшествующим опытом Жуковского в создании эпических произведений («Унди-на»), но содержанием эстетической концепции поэта о точках соприкосновения древнеиндийского эпоса с греческим. В письме к великому князю Константину Николаевичу от 29 октября (9 ноября) 1842 г. Жуковский пишет по поводу «Наля и Дамаянти»: «Эта поэма опять написана гекзаметрами: надобно однако забыть о гекзаметрах и читать их, как прозу. ⟨...⟩ Эта индейская поэзия имеет прелесть несказанную, и светлая простота ее стоит наравне с гомерическою» (Там же. С. 359). Гекзаметр как размер соотносился в определенной степени с многосложным индийским оригиналом. Уже П. Я. Петров, переведивший в 1834 г. «Песнь Наля из Махабараты» с санскритского, сознавая трудность «по-русски выразить всю красоту Индийской шиоки (стиха)» (В. Г. Белинский и его корреспонденты. С. 299), ис-

пользует 6-стопный размер («Царь был по имени Нала, сын Вирасэны могучий; // Доблестный, дивный красою, славный коней управленьем» (Там же. С. 234)).

А. Вельтман, специально занимавшийся размером стиха и составивший очерк «Музыкальный размер и разделение стихов Магабгараты», считал 8-стопный метр «Магабгараты» «совершенно соответственным нашим древним, или вернее народным повествовательным песням» (Вельтман. Указ. соч. С. 256). Вельтман выполнил свой перевод 1 песни 8-стопным хореем («Некогда жил Раджа Нало, сын могучий Виразена, // Доблестный, собой прекрасный и искуснейший в ристаньях» (Там же. С. 612)).

Таким образом, избранный размер указывает на своеобразие концепции Жуковского о близости национального эпоса разных народов. Но сохраняя мифологическую структуру индийской повести, Жуковский, в отличие от Вельтмана, не стремится к демонстративной русификации и «одревлению» текста во имя актуализации фольклорного начала, а воссоздает повесть в более широких рамках мирового эпоса, диалектически сочетая народно-поэтические основы с лирическим и лиро-эпическим контекстом европейской литературы, как прозы, так и поэзии.

В переводе Жуковский сочетал эпическую полноту в развитии сюжета, драматических перепитий, богатство восточной фантастики и символов с проникновенным лиризмом современной европейской поэзии в изображении глубоких нравственных переживаний и сердечных волнений героев.

Заключительный этап работы над повестью связан с написанием Посвящения, завершеного, как обозначено самим Жуковским, 16 (28) декабря 1843 г. в Дюссельдорфе (А1, л. 13 об.).

Началом создания Посвящения можно считать черновой набросок карандашом: *Я видел сон. [Дорога] — зач.) Кашмир, дорога. Видение* (А9, л. 7), сделанный в тетради (РНБ. Оп. 1. № 40) после текста «Рыцарь Фридрих Барбаросса». Продолжение работы над Посвящением расположено на л. 20 после стихотворения «1-е июля 1842 г.», занимающего в этой тетради л. 8 об. — 20. Вот полный текст первого чернового наброска Посвящения:

Я видел сон. [Дорога] Кашмир, дорога. Видение.
 Блестящий за собою след. Всё было
 Спокойно [вечер тихо благоухал] вечер тихо
 воцарился
 Теперь в кустах благоухали розы.
 Пел соловей.
 И сладко [молчании] почь разливала
 Молчание, лишь в кустах (1 нрзб.)
 песнь соловья любовные тайные речи.
 И снилось мне, я [один] иду один по
 [Дороге вдоль] Широкой дороге по долине
 вдоль озера. И вдруг [с моих глаз] передо мной
 [Чудесное ви] Сверкает чудесное видение.
 Я вижу ход, вдали. Я слышу крики.

Я слышу струн торжественные звуки
 Царевну [видим. Не уж ли] младая Лала Рук
 И рядом с ней её мать прекрасная.

Первую строку наброска, рассматриваемую как начало воплощения замысла Посвящения, можно датировать по местоположению ее в рукописи — после текста произведения, написанного 8 октября 1841 г. (См.: БЖ. Ч. 2. С. 511), — временем после октября 1841 г.

Черновой же набросок был сделан, по всей видимости, судя по местоположению его в рукописи, после 12—22 июня 1842 г., когда была завершена работа над стихотворением «1-ое июля 1842» (см.: ПССиП. Т. 2. С. 729).

Непосредственным толчком для начала работы над Посвящением могли явиться впечатления от письма императрицы Александры Федоровны, на которое Жуковский отвечал в марте 1842 г.: «(...) Ваше письмо, которым Вы оживили мое домашнее счастье. При чтении его, как будто вдруг повторились предо мною все 25 лет моей жизни, вам посвященной, вами полной, вами украшенной. (...) Получив это бесценное письмо, я как будто увидел вас самих: мой добрый гений, сам, произвольно влетел в моё жилище и в нем поселился. Да останется он в нем хранителем и покровом; да будет его провидением и тогда, когда меня самого в нем не будет» (С 7. Т. 6. С. 341). Речь идет о глубоком чувстве восторженного поклонения, испытанного Жуковским к «невесте севера» 25 лет назад, во времена Берлинского праздника. Повесть «Наль и Дамаянти» теперь Жуковский посвящал ее дочери — великой княжне Александре Николаевне, столь же прекрасной, как и «младая Лалла Рук». 29 октября 1842 года в письме к великому князю Константину Николаевичу Жуковский сообщал: «Скоро отправлю к вам “Налья и Дамаянти”; эта поэма давно переписана, и я не умею сказать, почему еще не послана; главною причиною этой задержки то, что я не написал еще моего посвящения, которое давно готово в мыслях, но не перешло еще из головы в перо. Эти поэтические капризы весьма часто бывают у муз и у покровительствуемых ими поэтов» (Там же. С. 359).

30 октября (11 ноября) 1842 г. у Жуковского родилась дочь, которую он назвал Александрой — именем Императрицы Александры Федоровны, ее дочери — великой княжны Александры Николаевны, и Сашеньки Воейковой-Протасовой, его Светланы. Таким образом, звенья сюжета жизненного пути, благодаря потоку самой жизни, сошлись: воспоминания о прошлом и видение настоящего, овсянные Поэзией и верой в Провидение, придали замыслу Посвящения и всему переводу законченность. К исполнению Посвящения Жуковский приступил в феврале 1843 года.

A10) дает развернутую картину этапов создания Посвящения, поскольку Жуковский датирует процесс работы. На л. 2 об., 3 и 3 об. идут поиски начала Посвящения, которое открывается картиной развернутого пейзажа цветущей долины Кашемира, явившейся поэту во сне. На л. 2 об. написаны 1—10 стихи карандашом; на л. 3 — чернилами, на л. 3 об. — вновь карандашом, но уже с 5 по 21 стих. Для работы на самом начальном этапе создания текста характерна открытая ориентация Жуковского на опыт работы над «Лаллой Рук» Т. Мура. В выборе стилистики и поэтических деталей, не попавших в канонический текст, таких как «благоуханный вечер // Сходил с небес пурпурных; // Огромными зубчатыми стенами стояли горы»; «без шороха переливалась лазурь»; «лебеди перекликались звонко»; «сияли розы посреди зеленых в темноте ветвей»; «и берег темный, и рощи, и тени их как призраки при зареве темнеющих созвездий» (л. 3), — прозрачно проявилось воспоминание Жуковского о первых 32 стихах четвертой части «The light of the Haram» из «Лаллы Рук», переписанных поэтом в Дневник 14 (26) января 1821 г.

Для Посвящения Жуковский использует размер, соответствующий 5-стопному ямбу «Лаллы Рук» Т. Мура («Who has not heard of the vale of Cashemire»): «В те дни, когда мы верим нашим снам (...)». Близкой оказывается и философско-религиозная концепция о присутствии Вечного в земном. На л. 3 об., содержащем стихи 5—14, Жуковский записывает 6 стихов грустно-иронического содержания, заключающегося в раздумьях о месте поэта в современном мире, о меняющем человека времени и о личной судьбе:

Я б исписал стихами этот лист,
Но я теперь не так уж голосист,
Не прежний я восторженный арфист,
Я попросту отставленный гуслист,
Со мной (1 нрзб.) играли гости в вист,
И за стихи я часто слышу свист.

Начиная с л. 4 (стихи 1—25), исчезают многие «кашмирские» детали (розы, соловей); пейзаж рассредоточивается по частям всего текста, прошивая лирико-философским лейтмотивом Посвящение. Появляется описание «призрачного, как туман сияющего дня, // Лица весенней денницы». Живописные детали благоуханного вечера уступают место усиливающейся аллегоричности и символам. Образы звезд, небес в связи с явлением «царевны молодой» получают смысл философского выражения идеи «откровения всего прекрасного». Черновики отражают процесс наполнения живописного символическим. Жуковский меняет варианты: а) [«Горели звезды в лунных небесах»]; б) «Горели звезды, но в моей душе был светлый день». Далее следует строка, не попавшая в канонический текст, но явно выражающая связь Посвящения с эстетическими трактатами, такими как «Невыразимое», «Лалла Рук». «Явление поэзии в виде Лаллы Рук»: «Невыразимый свет слияли вдруг мой сон» (A10), л. 6).

Начиная с л. 6 об., работа Жуковского набирает темп. Поэт проставляет даты — день за днем. После стихов 39—57 на л. 6 об. поставлена дата: *11 (23) февраля. Четверг*; на л. 7 (стихи 58—82) стоит *12 (24) февраля. Пятница. Чтение Одиссеи*; записи на л. 7 об. обрамляются двумя датами: *13 (25) февраля. Суббота* и *14 (26) февраля. Воскресение*. На л. 8 завершается работа над первым черновым вариантом всего текста Посвящения. Особенно тщательно Жуковский редактирует последние строки:

И что теперь [так] сладостно чарует и покой
Мой [вечер жизни] ясно заходящий вечер жизни.

На л. 8 об., 9, 9 об., 10 (последняя дата стоит на л. 9 об.: *15 (27) февраля*) Жуковский переписывает полный текст Посвящения, продолжая редактировать, особо сосредоточившись на финале:

И что теперь сладостно чарует и покой
[Так сладко мой еще не темный вечер]
[Так сладко мой обвечеревший день]
Покой моей обвечеревшей жизни (л. 10).

Найденная аллегория «вечер жизни» получает поэтическое развитие в углублении ее философского смысла и психологической полноты.

Посвящение явилось лирико-философским итогом глубоких размышлений, посетивших поэта в процессе долгой работы над «Налем и Дамайанти» и проложивших дорогу к «Одиссее». Посвящение написано в традиционном для Жуковского жанре лирико-философской элегии с характерными для нее мотивами воспоминаний, видений, снов. Основа лирического сюжета Посвящения — история духовного пути поэта, «важнейших эпох исторической жизни его» (Жуковский в воспоминаниях. С. 415), освещение самых сокровенных страниц, тех мгновений, когда открывается связь земного с небесным. Воспоминания и сны о прошлом и настоящем предстают звеньями единого потока жизни, поэтически связанного с явлением красоты в образе Александры: «невесты севера» — «младой Лаллы Рук» и младенца-дочери. Посвящение продолжает ряд эстетических манифестов Жуковского с их центральной проблемой невыразимости духовного Божественного языка, понятного и подвластного лишь природе и Поэзии.

Повесть В. А. Жуковского «Наль и Дамайанти» была опубликована отдельной книгой в 1844 г. Ц. р. от 12 Мая 1843 г. Цензор А. Никитенко. На титульном листе указано: «Рисунки по распоряжению Автора выполнены г. Майделем».

По указанию Жуковского Р. Р. Родионов должен был доставить несколько экземпляров книг гр. М. Ю. Виельгорскому для «поднесения царской фамилии». Жуковский писал Виельгорскому 4 февраля н. ст. 1844 г. из Дюссельдорфа: «Возьми на себя этот труд. Экземпляры императрице и Александре Николаевне отдашь при письмах, которые здесь прилагаю. Остальные великой княгине Марии Николаевне, Ольге Николаевне, Константину, Михаилу и Николаю Николаевичам. Также вел. кн. Михаилу Павловичу, Елене Павловне и трем их великим князьям. Надобно ли Императору? Сделай это сам» (С 7. Т. 6. С. 608).

В свою очередь, А. П. Елагина сообщала Жуковскому 6 февраля 1844 г. об исполнении его просьбы: «Ваши экземпляры *Наля* получили, и все вместе благодарим Вас. Все разослали по адресам, включив экземпляр Катерине Ник. Орловой, которая в Италии проводит зиму; я *от вас* отдала его Языкову. — Языков начинает поправляться и радуется вашей поэмой с прежним жаром. Баратынского экзе(мпляр) также дожидается возможности перелететь в Париж, где он обретается, но я пошла туда — ибо там это — счастье» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 106. Л. 55).

Восприятие «Наля и Дамайанти» Жуковского современной ему критикой оказалось неоднозначным. Единогласным было суждение о мастерстве Жуковского-переводчика, особенно о его искусстве писать гекзаметры. А. В. Никитенко в Дневнике 1843 г. записывает: «Май 10 Жуковский прислал мне на цензуру свою новую пьесу: “Наль и Дамайанти”, эпизод из индейской поэмы “Магабараты” Что сказать о ней? Гекзаметры прекрасны: свежий, стройный, роскошно благоухающий язык» (Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 266). В. Г. Белинский рецензию о «Нале и Дамайанти» (опубликованную в «Отечественных записках». 1844. Т. XXXII. № 2) начинает с указания на совершенство перевода Жуковского: «Легкость, прозрачность, удивительная простота и благородная поэзия его гекзаметра обнаруживают высокое искусство, неподражаемое художество. Это перевод вполне художественный, и русская литература сделала в нем важное для себя приобретение» (Белинский. Т. 8. С. 112).

Однако выбор произведения для перевода — сказочный сюжет из древнеиндийского эпоса — получил противоречивые оценки. С большой осторожностью

цензор А. В. Никитенко заметил, что «фантастическое здание поэмы не сразу может прийтись по вкусу нашим европейским требованиям» (Никитенко. С. 266). П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту от 15 июля 1844 г., говоря, что «создание, как “Наля и Дамаянти”, не входит в характеристику современной жизни», тем не менее утверждал: «Жуковский совершил свое призвание и внес в мир посланное ему небом для сообщения миру <...>» (Жуковский в воспоминаниях. С. 371). В итоговой работе — «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского», — изданной после смерти поэта, П. А. Плетнев развернул оценку, данную повести в письме к Гроту: «Наше приобретение с появлением этой поэмы — во всем смысле истинное сокровище. Это — открытие нового мира с новыми богатствами всех царств природы. Поэт вводит нас в страну Солнца и чудес, где люди, звери, растения, горы, реки и все видимое как бы утасны были от общих испытаний творения и живут под законами одной всемогущей фантазии. Надобно было созидать все новое для повествования о новообретенном крае. Тут явился Жуковский истинным образователем языка, раздвинув область его во все стороны» (Там же. С. 415).

Оценка Плетнева, по-видимому, имела полемический характер в отношении Белинского с его критическим разбором повести. В своей рецензии Белинский утверждал мысль о чуждости этой индийской поэмы современному европейскому сознанию в силу «противуположности индийского пантеизма, азиатского мирозерцания» с «его чудовищностью, нелепостью, дикостью, сердечной теплотой, пленительной наивностью» европейскому духу. Критик писал об индийской поэзии: «В азиатском нравственном мире преобладает субстанциальное, безразличное и неопределенное общее — эта бездна, поглощающая и уничтожающая личность человека» (Белинский. Т. 8. С. 112). Белинский называет «Наля и Дамаянти» Жуковского «просто сказкой, имеющей важное значение исторического факта жизни великого племени (...), сказкой, изложенной поэтически» (Там же. С. 113). Подобная оценка была следствием полемики Белинского с романтической концепцией славянофилов, отстаивавших особый неевропейский путь развития России и культ общины. Однако в рецензии на том девятый «Стихотворений В. Жуковского» (1844), вновь обращаясь к «Налю и Дамаянти», Белинский, повторив мысль о том, что Жуковский далек от современности («теперь особенно занимает не сущность содержания, а простота формы в изящных произведениях»), критик не мог удержаться от восторженного восхищения поэтическим совершенством поэта: «<...> при этой простоте стих Жуковского так легок, так прозрачен, тепел, прекрасен, что благодаря ему вы можете прочесть от начала до конца “Наля и Дамаянти” — индийскую поэму с немецко-романтическим колоритом — и к совершенному вашему удивлению, несмотря на то, что привыкли требовать от поэзии пищи не одному чувству или одной фантазии, но и уму» (Там же. С. 347).

На сюжет повести «Наля и Дамаянти» Жуковского была написана А. С. Аренским опера «Наля и Дамаянти», премьера которой состоялась в Большом театре в Москве в 1899 г. (Рус. поэзия в отеч. музыке. Вып. 1. М., 1966. С. 128).

Ст. 1. *В те дни, когда мы верим нашим снам...* — Материалом, непосредственно связанным с творческой историей Посвящения, является черновой автограф Посвящения в прозе на немецком языке (РНБ. Оп. 1. № 40. Л. 21—21 об.).

In den Tagen, als wir glaubten unsere Träume für Wirklichkeit halten hatte ich einen Traum.

Es schien mir als ob ich durch das blühende Thal allein ging. Von allen Seiten erhoben sich riesenhafte Berge und in der Tiefe des Thals wie in einer Smaragdnen bis auf den Rand mit hellen Lasur erfüllten Schachtel leuchtete der See, (...) still (...). Von Westen schlängelt sich durch den Thal ein Weg nach wo er verschwand in der weiten Ferne. Der Abend war still; und alles um mich Schwieg; nur von Zeit zu Zeit flatterte über meinem Kopf eine leuchtend Taube und ihre Flügel sangen zerschneidend die Luft.

Auf einmal höre ich Stimmen in der Weite; und ich sehe, wie eine Zug von Westen gehen: wie eine unendliche Schlange windet sie sich im Thal; und dann höre ich wie eine feierliche Musik, und diese Klänge erfüllen [mich] mit (...) Wehmut meine Seele. Indem ich gedankenvoll lauschte, geht alles vorüber; und ich hatte nur die Zeit in der Höhe, über dem freudlich rauschem Menge einen Palankin zu erblicken; wie eine Geistererscheinung blitzte er nur in den Augen. (...) in dem Palankin sah ich eine junge Zarentochter, die Braut des Nordens und (...) blickte sie auf mich im vorübergehen (...) Und alles verschwand (...) Und wenn ich zur Besinnung kam, es war schon Nacht und über dem Thal standen Sterne. Aber in meiner Seele war hellen Tag; ich fühlte ganz in ihrer Tiefe etwas gehen geschah, als ob ihr um alles Schöne in einem einzigen lebendiger Gesichte offenbart hätte. Hier verändert sich mein Traum

Ich sah mich in dem Zarenhause und vor meinen Blicken stand liebende die Vision meiner Seele; und es schien mir, als ob in wenigen Augenblicken Jahre gingen vorüber; mir eine Erinnerung zurücklaufen, Eine Erinnerung heller Zeiten, von etwas Wunderbaren, von einem zaubersten Leben, — und wieder veränderte sich mein Traum; ich sah mich am Ufer eines breiten Flusses. Die Sonne senkte sich; auf den Fluten wogten langsam blinzende Schiffe und ein Silberstreif zog ihnen nach; in der Nähe des Gebuch leuchte ein stilles Haus.

Und auf der Schwellenden Thur stand die junge Wirthin mit einem schlafenden Kind auf ihrem Schöde(n) — und es war mein Weib mit meiner kleinen Tochter (...) Und ich erwachte; und mein Traum ward zu einer Selelige Wirklichkeit. Nur still und wogenlos fließt der Strom meines abgeschiedenen Lebens.

Bei dem Anblicke meiner Gefährtin die mir Gott zur Leichtigung meiner Gebete gab, bei dem Augenblick meines Kindes, das wie ein Engel auf dem Schoß seiner Mutter schläft, fühle ich tief im Ruhe, die wir so sch (...) voll hier suchen, ohne sie zu finden; und höre eine alte irdische sorten heilige Stimme. Diene Seele erschreckte nicht. „Glaube an Gott und an mich glaube,“ — spricht sie zu mir. Er war mir beschieden mit eigener Hand diese heiligen Worte des Heilands auf zwei verschiedenen (...) Gedichte (...) (...) Gräber hinzuschreiben. Und nun (...) (...) (...) (...), der Hand meines Weibes und der Hand meines Kindes schreiten sie für mich noch auf dem leichten Blatte des Lebens um (...) sie auf den gastfreundlichen Grab.. stein (...) (...) (...), zum Andenken des irdischen Glücks, zur (...) der (...) Liebe und zur Hoffnung des ewige Lebens. Und in meinem stillen Zufluchtsorte, abgewandt von allen irdischen Sorgen durch die lebendige Wand meines Gartens, kommt von Zeit zu Zeit der Traum (...) vergangenen Tage, der Poesie, um mich (...) ihre Erzählungen zu erläutern. Und jenes Lichtgestalt die einmal mich so bezauberte, lebt immer in meiner Seele. Oft auf [ошибка: am] dem Rande des Himmels, wie die Sonne schon untergegangen, sehen wir Wolken, hinter der Purpurnen steigen auf ahnende blitzende Glocke Gebirgsgipfeln ahnende.

Und der bloßen Phantasie erschien dort wie eine andere Welt. So liegt jetzt in der Ferne mein Vergangenes, wie ein Fraubild, wie eine Luftgegend. Und es scheint mir, als ob die wunderliche Gestalt die ich auf dem Lebenswege begegne, leuchtete mir von dort wie einst.

Und diese Gestalt ist schon nicht allein; ich sehe zwei. Die vorige trägt eine Krone, die jetzige im Kranze von weißen Rosen, und sie ist ähnlich der vorigen wie eine aufblühende Blume die aufgeblühtene; und sie rückt sich zu mir mit dem selben zauberlichen Lächeln; wie die erste bei anderen Begegnung; Und Sie tragen beide (...) Namen.

Und nun mit diesem lieben Namen bezeichne ich die letzte mir von der Poesie dargebrachte Blume zur Erinnerung, an alles, was so schön in meinen vergangenen Jahren war und was jetzt süß meine Ruhe bezaubert

(Перевод: В те дни, когда мы считали наши сны реальностью, я видел сон.

Мне привиделось, как будто я шел один по цветущей долине. Со всех сторон величаво возвышались горы, и в глубине долины, как в изумрудном, до краев наполненном светлой лазурью сосуде, сияло озеро, тихо отражающее вечернее небо. От запада извивалась через долину дорога на Восток, где она исчезала в новой дали. Вечер был тих, и все вокруг меня молчало; и только время от времени над моей головой порхал, светясь, голубь, и его крылья пели, разрезая воздух.

Вдруг я слышу вдали голоса и вижу, как с запада тянется ход: как бесконечная змея, извивается он по долине; и затем слышу я торжественную музыку, и ее звуки наполняют грустью мою душу. Пока я задумчиво прислушиваюсь, все проходит, и у меня был лишь миг увидеть паланкин над радостно шумящим народом; как видение, блеснул он перед глазами. В паланкине увидел я юную царевну, невесту Севера, и она взглянула на меня мимоходом... И все исчезло... И когда я очнулся, была уже ночь и над долиной светили звезды. Но в моей душе был светлый день; я почувствовал, что в глубине ее что-то произошло, как будто все прекрасное открылось в ее единственном оживленном лице.

Здесь мой сон изменяется. Я увидел себя в царском доме, и перед моим взором стояло любимое видение моей души; и мне казалось, как будто за несколько мгновений прошли мимо годы, оставив за собой воспоминание, воспоминание о светлых временах, о чем-то прекрасном, о (...) сказочной жизни, и снова переменялся мой сон. Я увидел себя на берегу широкой реки. Солнце село, на волнах медленно колыхались блестящие суда, и серебряная полоса тянулась за ними; вблизи, в кустах светился тихий дом. И на освещенном пороге стояла молодая хозяйка со спящим ребенком на руках — и это была моя жена с моей маленькой дочерью... и я проснулся, и мой сон стал духовной явью.

Только тихо и без волнения течет поток моей уединенной жизни. Во взгляде моей спутницы, которую мне дал Бог благодаря моим молитвам, во взгляде моего ребенка, который как ангел спит на коленях своей матери, я глубоко чувствую в (душе?) покой, который мы так жадно здесь ищем, не находя его; и я слышу земной, мягкий, смиренный голос. «Да не смущается твоя душа. Верь в Бога и в меня верь», — говорит он мне. Он призвал меня написать собственной рукой эти священные слова Спасителя в стихах на могилах двух умерших.

И тут (...) прикасается к руке моей жены и руке моего ребенка. Она для меня на легком листке жизни. Она на гостеприимном могильном камне (...) на память о земном счастье, о (...) любви и надежде на вечную жизнь. И в моем тихом прибежище, отгородившись от всех земных забот живой стеной моего сада, приходит время от времени сон прошлых дней, поэзии, чтобы разъяснить мне грезы поэзии. И тот светлый образ, который меня так очаровал однажды, все еще живет в моей душе. Часто на краю неба, когда солнце уже село, мы видим облака, подобные блестящим

колпакам поднимающихся пурпурных горных вершин. И бледной фантазии видится там как бы другой мир. Так мое прошлое находится сейчас вдали, как женский образ, как воздушное видение. И кажется мне, как будто чудесный образ, который я встретил на жизненном пути, сияет мне оттуда как единственный. И этот образ уже не один; я вижу два. На прежнем корона, нынешний в венке из белых роз. И он похож на прежний, как распускающийся цветок на уже распустившийся, и он наклоняется ко мне с той же чарующей улыбкой, как и первый при другой встрече; и они оба носят одно имя. И этим любимым именем я называю последний цветок, мне поэзией в дар принесенный, в воспоминание обо всем, что было так прекрасно в моей прошлой жизни и что сейчас так сладостно очаровывает мой покой.)

После прозаического текста на немецком языке были написаны четыре стиха:

Я не могу тебе
Изобразить того, что происходит
Теперь во мне, и что я сам; могу лишь
Тебе свою я повесть рассказать.

Это черновой набросок стихов из четвертого явления драматической поэмы «Камоэнс» (март 1839). Ср.:

Того, что происходит
Теперь во мне и что я сам такое,
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушай мою простую повесть...

(СС I. Т. 2. С. 423). Указано О. Б. Лебедевой.

Ст. 29—30. *Увидел я Царевну молодую, // Невесту севера...* — Великая княгиня Александра Федоровна изображала на празднике в Берлине в 1821 г. индийскую принцессу Лаллу Рук.

Ст. 71—72. *...на двух родных, земной судьбиной // Разрозненных могилах...* — Жуковский пишет о сестрах Протасовых, на могилах которых он поставил одинаковые надгробные плиты: в Дерпте — на могиле М. А. Протасовой-Мойер и в Ливорно — на могиле «Светланы», А. А. Протасовой-Воейковой.

Ст. 102. *Но он уж не один, их два...* — Речь идет о великой княгине Александре Федоровне и ее дочери Александре Николаевне.

Ст. 144—145. *Свежим венком, сияла меж них Дамаянти, как роза // В пышной зелени листьев сияет...* — «Све[тлым]жим вен[ц]ком сияла меж них Дамаянти, как роза // [Между зеленых листьев] В темной зелени листьев сияет» (К1, л. 2 об.)

Здесь и далее приводятся образцы текста первоначальной редакции, исправленной Жуковским на страницах авторизованной копии.

Ст. 159. *В воздухе белых гусей; распустил златоперые крылья...* — В авторизованной копии первоначально была другая редакция этого стиха: «В воздухе белых гусей [вереницу] на широких златом блестящих» (К1, л. 3 об.).

Ст. 164. *Службу тебе сослужу...* — «Скорби твоей помогу...» (К1, л. 3 об.).

Ст. 195. *После того, что сказал ей Гусь золотой...* — «После того, что сказал ей крылатый посол» (К1, л. 3 об.).

Ст. 261. *Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели Наля...* — «Боги, на [свадьбу] праздник летя, на дороге встретили Наля» (К1, л. 6 об.).

Ст. 304—305. *Тихо шептались они, повторяя: откуда пришел он? // Кто он? какой он породы? райской? земной? исполнинской?* — «Тихо шептали они, повторяя: какое создание! // Какой он райской, [земной] духовной (земной- вст.) исполнинской?» (К1, л. 8 об.).

Ст. 350. *Легкость чистых, беспыльно-эфирных одежд, неземные...* — «Легкость чистых, [от праха свободных] беспыльно-эфирных одежд, неземные...» (К1, л. 9 об.).

Ст. 409—412. *Там величавые гости на пышных, упругих подушках ~ Тигра, полным зубов...* — «Там Цари на подушках упругих, разубранных пышно // Их густая толпа была, как лвиная грива // Полная светлых Царей палата, как зев растворенный // Тигра полным зубов...» (К1, л. 12 об.).

Ст. 591. *Но очарованный Наль был глух, и слеп, и бесчувствен...* — «Но очарован был адскою силою Царь, был словно как мертвый...» (К1, л. 18).

Ст. 718—720. *Оба к низенькой хижине, лесом густым окруженной ~ Друг подле друга легли на голой земле без подушки.* — «Оба к низенькой хижине, лесом густым осененной, // Там простершись, без сна, Царь и Царица // Пылью покрытые на голой земле без подушки...» (К1, л. 21).

Ст. 735—736. *Вражья рука ей, небесно прекрасной, божественно чистой // Зла приключить не дерзнет...* — «Вражья рука не коснется ее небесно прекрасной светлой. // Божественной чистой опасность может грозить ей...» (К1, л. 21).

Ст. 961—963. *Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской, // Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, как будто // Вея по воздуху, к старцам святым подошла Дамаянти...* — «Все чаруя небесною женской красою // [Светло] Темно кудрявая, светлая, поступью легкой, // словно как вея, приблизилась, робко склонившись пред ними (К1, л. 25).

Ст. 1574. *Этот прекрасный, невидимо блестящий свет...* — «Этот прекрасный свет, незаметно блестящий...» (К1, л. 37 об.).

Ст. 1656—1659. *Тихо подкравшись к подруге, с ее головы покрывало ~ ярко, как месяц, // Тучу пронзивший, блеснула оттуда звезда благодати.* — «Робкой стопой к Дамаянти приблизясь, с нее покрывало // Тихо сняла и кудри волос, осенявших прекрасный // Лоб Видарбинской царевны, откинула: ярко как в тучах // Вышедший месяц блеснул, оттуда звезда благодати» (К1, л. 39).

Ст. 1690—1691. *...дали коней с колесницею; дали // Также и стражей, дабы ее на пути охраняли...* — «Добрых коней заложила в повозку царевна Сунанда (...) Стражей отправили с ней охранять ее безопасность» (К1, л. 40).

Ст. 2143—2146. *...засохшую розу // Он увидел; в пыли она без листьев лежала; // Он ее поднял, взглянул на нее, и явилась живая // Роза в руке у него на месте прежней, поблекшей.* — «...поблекшую розу // Он увидел: она в пыли лежала без листьев. // Он ее поднял, меж пальцев растер, и явилась живая // Пышная роза в руке у него прекраснее прежней» (К1, л. 54 об.).

Ст. 2296. *Мать разбудила царя неожиданно-радостной вестью.* — «Тут Царица радостной вестью Царя разбудила (К1, л. 60).

Э. Жиликова

Рустем и Зораб

Персидская повесть, заимствованная
из царственной книги Ирана (Шах-Намэ)

Вольное подражание Рюккерту
(«Из книги царственной Ирана...»)

(С. 161)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 54. Л. 2 об., 17—59 — черновой, с начала по восьмую главу пятой книги (ст. 1—2577), с датами внутри текста: 1 (13) июля 1846, 2 (14), 3 (15), 6 (18), 7 (19), 7 марта 1847.

2) РНБ. Оп. 1. № 65. Л. 1—236 — белой, с многочисленными исправлениями и вычеркиваниями.

Впервые: Новые стихотворения. Т. 1. СПб., 1849. С. 1—222. Ц. р. от 14 июля 1847 г. — с заглавием в титуле: «Рустем и Зораб. Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Намэ) и подзаголовком в общем оглавлении ко всему тому: «Вольное подражание Рюккерту».

В прижизненных изданиях: С 5. Т. 6. С. 3—220. Текст является точной перепечаткой из «Новых стихотворений».

Датируется: начало 1846 г. — 12 апреля н. ст. 1847 г.

Основанием для датировки работы Жуковского над стихотворной повестью «Рустем и Зораб» являются его собственные указания в черновой рукописи (автограф № 1). На л. 17, приступив к работе, он фиксирует: «1846. Начато в начале года». Отсутствие документальных свидетельств не позволяет со всей определенностью сказать, что имел он в виду, говоря: «начало года». Дневники за 1846 г. велись несистематически. Так, в записи за январь нет упоминаний о начале перевода. За февраль характерная запись: «Еще не принимался за свои работы» (Дневники. С. 534). В письме к А. М. Тургеневу от 18 (30) марта 1846 г. читаем: «...глаза пошаливают (...). От сей причины я несколько времени ни за какую работу не принимался» (РС. 1892. № 11. С. 387). Отсутствие дневниковых записей за март-май позволяет говорить, что, видимо, в это время Жуковский приступает к работе. Во всяком случае до 1 (13) июля 1846 г., как явствует из чернового автографа (л. 19 об.), он успел написать ст. 1—161, т. е. перевел пять песен первой книги. Перед шестой песней стоит дата 2 (14); перед седьмой — 3 (15). На л. 22 об., приступая к работе над второй книгой, он фиксирует: 6 (18); перед третьей песней второй книги стоит дата: 7 (19). Все они относятся к июлю 1846 г.

В списке произведений 1843—1847 гг. (автограф № 1, л. 1 об.) он рядом с «Рустемом и Зорабом» помечает: (150 / 278) август и сент(ябрь) 1846 / 3 мар(та) — 12 апр(еля) 1847. Что касается цифр (150 и 278), то, по всей вероятности, это указание на нумерацию страниц из книги Ф. Рюккерта (см. ниже). Первая дата: «август и сентябрь 1846» связана с продолжением перевода последующих песен в черновой рукописи (до ст. 2577; по 8-ю главу пятой книги). Вторая дата отражает уже этапы окончания чернового варианта (3 марта 1847 г.) и переписывания текста набело, завершеного 12 апреля н. ст. этого же года. Вся работа над текстом проходила во Франкфурте-на-Майне, где жил в это время Жуковский со своей семьей.

В письме Н. В. Гоголю от 20 февраля (4 марта) — 12 (24) марта 1847 г. читаем: «И я размахался тем, что кончил “Рустема и Зораба” (...). Теперь переписываю и в то же время поправляю поэму» (СС 1. Т. 4. С. 549). Письмо создавалось в два приема, в течение 20 дней. Свидетельство об окончании «Рустема и Зораба» находится во второй его части, датированной 12 (24) марта и начинающейся следующими словами: «Выставленное здесь число скажет тебе, что это письмо, начатое 4 марта, целые двадцать дней пролежало на письменном столе моем; мне некогда было приняться за его окончание; не хотелось послать его неоконченным» (Там же).

В архиве поэта (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 34) среди поздних рукописей, содержащих сведения о некоторых творческих замыслах, имеется следующая запись: «Апрель. Переписать Рустема». В письме к А. Мальтицу от 11 мая 1847 г. Жуковский сообщает, имея в виду «Рустема и Зораба»: «Мой труд вполне кончен» (РБ. С. 12), а из письма П. А. Плетнева от 11 (23) июля 1847 г. известно, что к этому времени повесть уже была в России и отдана в цензуру (Переписка. Т. 3. С. 584). 20 июля ст. ст. 1847 г. Вяземский писал Жуковскому: «Сейчас Уваров возвратил мне процenzурованную твою рукопись. Передаю ее Плетневу» (Гиллельсон. С. 57). Цензурное разрешение от 14 июля 1847 г. в первом томе «Новых стихотворений», где впервые была напечатана повесть, отражает этот момент творческой истории. Поэтому примечание И. Шляпкина к письмам Жуковского о том, что перевод «Рустема и Зораба» был «продолжен в июле и кончен 12 августа 1847 г.» (РБ. С. 12), является недоразумением или опечаткой. Также не имеет фактических оснований утверждение П. Ефремова, а вслед за ним и П. Загарина (Загарин. С. 589) о том, что «перевод был начат в 1844 г., но с января 1845 г. приостановлен почти на два года» (С 7. Т. 5. С. 541; С 9. Т. 3. С. 521).

Начало 1846 г. (скорее всего, март) — время, когда Жуковский приступил к переводу. 12 апреля н. ст. 1847 г. — дата окончания переписывания текста повести. 14 июля ст. ст. 1847 г. — получение цензурного разрешения на печатание «Рустема и Зораба».

Наконец, необходимо сказать, что, несмотря на указанные в издании «Новых стихотворений» выходные данные: «СПб., 1849», первый том, который открывался повестью «Рустем и Зораб», печатался в Карлсруэ, в придворной типографии В. Гаппера (ср.: «Между тем “Одиссея” и “Рустем” печатаются в Карлсруэ» — из письма Гоголю от конца 1847 г.: СС 1. Т. 4. С. 550) и вышел в свет между 19 апреля (1 мая) и 16 (28) мая 1848 г. Ср.: письма к великому князю Константину Николаевичу от 19 апреля (1 мая): «Скоро печатание кончится» (С 7. Т. 6. С. 365) и 16 (28) мая 1848 г.: «Пользуюсь случаем. чтобы предоставить вашему императорскому высочеству два тома сочинений моих, вышедших из печати...» (С 7. Т. 6. С. 366).

Таковы основные моменты творческой истории повести «Рустем и Зораб» и фактические основания для датировки работы Жуковского над ней.

«Рустем и Зораб» — вольный (по словам самого Жуковского, «своевольный»: Зейдлиц. С. 236) перевод поэмы немецкого поэта Фридриха Рюккерта (о нем см. примечания к повести «Наль и Дамаянти» в наст. изд.). В библиотеке Жуковского имеется следующее издание этого произведения: *Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Büchern von Friedrich Rückert. Erlangen, Th. Bläsing, 1838* — с многочисленными пометами владельца. См.: Описание. № 1989. В свою очередь Рюккерт, обратившись к героической эпосе персидского поэта Фирдоуси (ок. 934 — 1020 или 1030) «Шах-наме», сделал вольное переложение одного из ее эпизодов «Ростем и Сохраб».

«Шах-наме» («Книга царей») — огромная стихотворная эпопея, объем которой колебался от 40 до 120 тысяч бейтов (двустихий). В настоящее время востоковеды сходятся, что ее реальный текст содержит 55 000 бейтов. Поэма состоит из описания пятидесяти царствований, начиная от царей легендарных и кончая историческими личностями. Борьба иранцев против туранцев — основной исторический фон в «Шах-наме» — связана с доисламским зороастризмом: силы зла и мрака воплощены в Туране, силы добра и света — в Иране.

Кроме «книг о царствах», в «Шах-наме» есть разделы, в которые Фирдоуси включил самостоятельные поэмы героического или романтического характера. Такова история о Ростеме и Сохрабе. Эта история — одна из важнейших во всей книге, так как жизнь и деяния героя Ростема (Рустама) обрели масштаб национальной эпопеи. Не случайно «Шах-наме» народ нередко называл «Книгой о Ростеме». Эпизод с Сохрабом (Зорабом) является вариантом широко распространенного эпического сюжета боя отца с сыном (Хильдебранд и Хадубрант в древнегерманском эпосе, Кухуллин и Конлоах в ирландском, Илья Муромец и Сокольник в русском и др.). К. Зейдлиц даже высказывал мысль об автобиографическом подтексте переложения Жуковского: «Его, видимо, занимал образ Зораба, сына иранца от матери-туранки. В жилах нашего поэта тоже текла туранская кровь» (Зейдлиц. С. 247).

Показательно, что в библиотеке Жуковского имелось следующее издание: *Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi*. Bde 1—2. Berlin; Reimer, 1820 (Описание. № 1151) — пересказ «Шах-наме», подготовленный немецким критиком и публицистом Йозефом фон Герресом (1776—1848). О нем и его переложении «Шах-наме» см.: *Михайлов А. В.* Йозеф Геррес: Эстетические и литературно-критические опыты романтического мыслителя // *Михайлов А. В.*: Обратный перевод. М., 2000. С. 222—246, прим. 2. К сожалению, в настоящее время эта книга отсутствует в библиотеке Жуковского, что не позволяет со всей определенностью говорить о характере ее чтения, но можно точно сказать о знакомстве русского переводчика с полным текстом эпопеи Фирдоуси на немецком языке.

Как явствует из письма Жуковского к Аполлонию Мальтицу от 11 мая 1847 г., с поэмой Рюккерта его познакомила г-жа Шорн (РБ. С. 12). Из «Дневников» Жуковского известно, что он впервые встретился с г-жой Шорн, которая до замужества была фрейлиной великой княгини Саксен-Веймарской Марии Павловны Генриеттой фон Штейн, в августе 1838 г. во время посещения Веймара: «26 августа (7 сентября). <...> Фрейлина Штейн очень милая...»; «30 августа (11 сентября). <...> Милая фрейлина Штейн моя соседка за обедом...»; «1(13) сентября. К фрейлине Штейн, разговор о письме Дежерандо...» (Дневники. С. 408—410).

С февраля 1839 г. (см.: *Briefe des Kanzlers Friedrich von Müller an Wasily Andrejewitsch Joukowsky*. Herausgegeben Adelheid von Schorn // *Deutsche Rundschau*. Bd. CXX. Berlin, 1904. S. 285) Генриетта фон Штейн становится женою историка искусств, директора Института изящных искусств в Веймаре Иоганна Карла Людвига фон Шорна (1793—1842), с которым Жуковский тоже познакомился в августе 1838 г.: «28 августа (9 сентября), воскресенье. <...> Знакомство с Шорном» (Дневники. С. 409). Во время посещения Веймара в марте 1840 г. он посещает его дом: «26 (марта), вторник. <...> К Шорну, который только что избавился от болезни» (Дневники. С. 522). По всей вероятности, он встретился и с его женой, г-жой Шорн.

О еще одной встрече с Генриеттой фон Шорн уже после смерти ее мужа, когда Жуковский 28 августа 1849 г. приехал в Веймар на 100-летний юбилей Гете, так

вспоминает дочь Шорнов Адельгейда (1841 — после 1904), будущая издательница и мемуаристка: «Я едва могу вспомнить этот праздник — лишь один человек, один образ вновь и вновь всплывает в моей памяти. Я сидела у стола, раздался звонок, и мы услышали мужской голос, доносящийся снаружи. Услышав какое-то имя, моя мать вскочила с радостным возгласом и бросилась к двери. Большой стареющий господин с полным удивленным лицом, прекрасными глазами и кротким, любезным выражением вошел с мамой в комнату. Она встретила его так сердечно, что я никогда не забуду ни имени его, ни облика. Это был Жуковский, воспитатель императора Александра II, один из величайших поэтов, когда-либо рожденных Россией, и замечательный человек. Он раньше часто бывал в Веймаре со своим воспитанником и очень подружился с моими родителями» (Gerhardt. S. 261—262. Ср.: Жуковский в воспоминаниях. С. 350—351).

Так как поэма Рюккерта появилась в 1838 г. (именно это издание имеется в библиотеке Жуковского), когда Жуковский был в Веймаре и познакомился с Генриеттой Штейн (впоследствии г-жой Шорн), то скорее всего тогда же г-жа Шорн познакомила его с ней. В упоминавшемся выше письме к А. Мальтицу, рассказывая о знакомстве через г-жу Шорн с поэмой Рюккерта, Жуковский добавляет: «и у меня уже давно была идея завладеть ею» (РБ. С. 12), что позволяет предполагать более ранний, чем начало перевода в 1846 г., интерес поэта к «Рустему и Зорабу».

Рассказывая о работе над переводом в письме к К. Зейдлицу, Жуковский сообщал: «Эта поэма не есть чисто персидская. Все лучшее в поэме принадлежит Рюккерту. Мой перевод не только вольный, но и своевольный: я много выбросил и многое прибавил» (Зейдлиц. С. 246). О том же он говорил и в письме к Мальтицу от 4 августа 1848 г.: «...при переводе я не имел намерения быть точным; я хотел только, следуя Рюккерту, рассказать по-своему великие дела его героев; есть много вещей, мной опущенных; много мной прибавленных» (РБ. С. 16).

«Своеволие» Жуковского проявилось в том, что он прежде всего дал иную транскрипцию имен: вместо Ростема — Рустем, вместо Сухраба — Зораб. Имя коня Рустема стало Гром вместо непереводаемого «Рахш» Фирдоуси, переданного Рюккертом как «Rachs». Изменился состав текста, его композиция. Вместо 12 книг, на которые разделена повесть Рюккерта, у Жуковского — 10, но в отличие от Рюккерта они озаглавлены: «Книга первая. Рустем на охоте», «Книга вторая. Зораб» и т. д. У Рюккерта — сплошная нумерация глав (всего их 118), у Жуковского — отдельная нумерация в пределах каждой книги: книга первая — VIII, вторая — VIII, третья — XIV, четвертая — XV, пятая — X, шестая — VIII, седьмая — X, восьмая — VII, девятая — IX, десятая — VIII; всего 97 глав. Общий объем текста Рюккерта — 3917 стихов; Жуковского — 4902 стиха. П. А. Плетнев определял роль Рюккерта для Жуковского следующим образом: «Но немецкий переводчик был для него не более как путевказатель» (Переписка. Т. 3. С. 146).

В упоминавшемся выше письме к Зейдлицу Жуковский говорит и о своих «прибавлениях» к тексту Рюккерта. Это сцена «явления девы ночью к телу Зораба» и «эпизод прощания с конем». Комментируя содержание первой сцены, Жуковский писал: «Но ты ошибся, приняв эту деву телесную за дух бесплотный. Это не умершая Темина, а живая Гурдаферид, которая пророчила ему безвременную смерть и обещала плакать по нем и исполнила свое обещание. Он, умирая, на это надеялся, а она, как будто почувствовала вдали его желание, принесла ему свои слезы: сердце сердцу весть подает» (Зейдлиц. С. 247). «Эпизод прощания с конем принадлежит мне» (Там

же), — сообщал Жуковский, а в письме к А. Мальтицу добавлял: «...два коня, русского героя (имеется в виду Иван Царевич. — А. Я.) и Зораба, имеют один и тот же вид; описание русского коня взято от слова до слова из наших сказок» (РБ. С. 16). К. Зейдлиц увидел в этих «прибавлениях» «отголоски прежнего романтизма Жуковского»: «Как будто украдкою взял он из прежних своих произведений вышеупомянутые два эпизода, из которых первый напоминает сходный эпизод в “Песни барда над гробом славян-победителей”, а другой — в балладе “Ахилл”. Но в последней повести Жуковского явление таинственной девы у гроба и прощание старика отца с конем умершего сына делают особенно трогательное впечатление на читателя, знающего, в каком смущении сердца поэт писал эти стихи» (Зейдлиц. С. 248).

Поэма Фирдоуси написана популярным размером персидского (метрического) стихосложения мутакарибом, героико-эпическим стихом, представляющим собой два рифмующихся между собой полустишия по 11 слогов, в которых короткой слог сменяется двумя долгими. У Рюккерта ему соответствует шестистопный рифмованный ямб (александрийский стих). Жуковский, добиваясь большей свободы повествования с большей интонационной амплитудой, использовал в своем переложении белый вольный ямб. По подсчетам исследователя, в повести Жуковского 4-стопный ямб составляет 50,4 %; 6-стопный — 3,7 %; 5-стопный — 31,5 %; 3-стопный — 13,5 %; 2-стопный около 1 %; 1-стопный отсутствует. «Отказ от рифмы в эпосе был для Жуковского средством *прозаизации* стиха, приближением его к живой речи», — резюмирует автор (*Материалы* С. А. Поэма В. А. Жуковского «Рустем и Зораб»: Своеобразие идейного звучания и стихотворного стиля // Вопросы истории, языка и литературы. Вып. 3. Караганда, 1976. С. 43. Курсив автора).

Первые читатели поэмы, друзья Жуковского — К. Зейдлиц, П. Плетнев, П. Вяземский — в своих отзывах отметили стихотворное новаторство переводчика. Плетнев говорил о «металлическом стихе» (Переписка. Т. 3. С. 146). Вяземский восхищался: «Удивительно, что за свежесть, за бойкость, за сила, за здорovenность в языке и в стихе твоём. Так и трещит он молодостью и богатырством. И воля твоя, слава Богу, что ты не употребил здесь гекзаметра. На «Одиссею» дело другое, а в подобных повестях только что опутал бы и подморозил рассказ» (Гиллельсон. С. 57). Наконец, Зейдлиц, не будучи профессиональным литератором и не разбираясь во всех хитростях стихосложения, замечал: «Как тяжелые стихи немецкого “Наля” превратились под рукою Жуковского в плавно текущие гекзаметры, так и вместо вялого шестистопного стиха Рюккертова “Рустема” русский поэт избрал для своей повести четырехстопный ямб без рифмы, а в иных местах, смотря по содержанию поэмы (например, в письме оторопевшего от приближения туранских войск к Белому Замку защитника крепости Гездехема), употреблял живой трехстопный ямб» (Зейдлиц. С. 248).

В начале 1840-х годов Жуковский весь во власти замыслов в области эпической формы. Он обращается к различным ее образцам, от опытов перевода «Потерянного рая» Мильтона, «Божественной комедии» Данте, «Песни о Нибелунгах» до переложения восточного эпоса и классического перевода «Одиссеи» (подробнее см.: Янушкевич. С. 244—259). К середине 1840-х годов у него формируется грандиозный проект собрания повестей для юношества, «самой образовательной детской книги». В этом отношении в переложении отрывка из «Шах-наме» он следовал русской и западноевропейской традиции использования филоориентализма для гуманистической проповеди.

Выбрав вслед за Рюккертом наиболее драматический эпизод восточного эпоса, он пытается с максимальной полнотой выявить его этический пафос. Герои Жуковского «царского сана», но для поэта главное передать их человеческое содержание, открыть их человеческие страдания. Тема возрождения, очищения, воскресения через испытания и страдания как содержательная основа эпоса впервые заявлена Жуковским именно в этих переложениях. Последняя глава повести, подчеркнута названная «Рустем», оставляет героя наедине с самим собой. «Скорбию согбенный», «неутешимой преданный печали», с «загвожденными железной судорогой устами», он «впервые сердцем сокрушенный». В конце 116-й главы рюккертовского переложения Жуковский, комментируя эпизод передачи Рустемом повязки Зораба его матери, записывает прямо на страницах книги из своей библиотеки: «moralischer Egoismus». «Нравственный эгоизм» Рустема оказывается разрушен великими страданиями героя. Его «последний, самый трудный подвиг» не воинский, а человеческий, нравственный: «...в пустыне, самого себя // Хочу размыкать я и змея — // Грызущее мне душу горе — // Убить...» В одиночестве всмотреться в себя, открыть свою душу — вот к чему стремится трагический герой Жуковского. Уход богатыря, эпического героя в пустыню, в неизвестном направлении, разочарование в прожитой жизни и чувство трагической вины — путь к себе, к обретению подлинных человеческих ценностей.

Настойчивое выделение трагического содержания восточного эпоса в переложении эпизода из «Шах-наме» вело к известному разрушению самой природы героического эпоса. Идеализированный образ богатыря — воина Рустема, заявленный в начале повествования, претерпевает в ходе его значительные изменения. Воинские подвиги и богатырская сила не заслоняют этического потенциала поступков героев. По справедливому замечанию С. А. Матяш, «герои Фирдоуси и Рюккерта масштабны, они — герои, боги (...), у Жуковского они люди, наделенные сомнениями, предчувствиями, большими и маленькими страстями» (Матяш С. А. Указ. соч. С. 39).

Тема сыноубийства, трагического неузнавания отца и сына у Жуковского проецируется на современность. Черты эпохи разрушения человеческих связей, раздробления чувств, меркантилизма воссозданы в историях из далекого прошлого. Лесть и подкуп, тирания и бессердечие сильных мира сего, моральный эгоизм в переложении Жуковского воплощены в живых характерах иранского шаха Кейкавуса, туранского царя Афразиба, его верховного вождя Барумана, Хеджира. Общая атмосфера расчета, бесчеловечности и безнравственности способствует трагическому ходу событий. Процесс очеловечивания героического восточного эпоса — главное направление поисков русского поэта.

Именно этот пафос произведения Жуковского хорошо почувствовали его друзья-современники. Вяземский сразу же после прочтения рукописи эмоционально отреагировал: «Поздравляю тебя и себя и всех православных с Зорабом Рустамовичем. Славный молодец! Я плакал как ребенок, как баба или просто как поэт — если я и не поэт на стихах, то поэт на слезах — читая последние главы. Бой отца с сыном, кончина сына — всё это разительно, раздирательно хорошо. (...) ты так же как Рустем, оставил у какого-то горнего духа *излишек сил на сбережение*, который теперь тебе пригодился» (Гиллельсон. С. 57. Курсив автора. — А. Я.). Ему вторил Плетнев: «Благодарю вас за то высокое наслаждение, которое вы доставили мне присылкою Рустема. Я в первый раз читал его один — и когда дошел до последних

глав, то слезы текли у меня, и я так был счастлив, как давно этого не случилось со мною. Вяземский после сказывал мне, что и с ним происходило то же самое» (Переписка. Т. 3. С. 584). По мнению К. Зейдлица, «...приятно было слышать в этой поэме отголосок прежнего романтизма Жуковского. (...) Вообще изложение у Жуковского сокращеннее, события следуют быстрее одно за другим, выключены некоторые эпизоды, ничего не прибавляющие к развитию действия» (Зейдлиц. С. 247).

Последнее замечание друга и биографа Жуковского заслуживает более подробного разговора. С. А. Матяш впервые обратила внимание на то, что в беловой рукописи «Рустема и Зораба» (автограф № 2) «большие куски текста, составляющие подчас целые главы», перечеркнуты и не вошли в печатный текст поэмы (*Матяш С. А. Неопубликованные главы поэмы В. А. Жуковского «Рустем и Зораб» // Русская литература. 1878. № 3. С. 125—131*). Из письма П. А. Плетнева от 4 (16) августа 1847 г. известно, что в цензуру Жуковский отправлял уже другой список, не известный нам, разумеется, без вычеркиваний: «*Рустема* отправил я к вам, не зная, что у вас есть другой его список: а в процензированном ни одного слова не зачеркнуто» (Переписка. Т. 3. С. 590).

Общий объем этих купюр в беловом автографе составляет около 200 стихов (подробнее см. постишный комментарий). Говоря о причинах исключенных поэтом фрагментов текста, С. А. Матяш замечает: «...все вычеркнутые Жуковским куски поэмы представляют собой «чужую» речь: письмо Афразиаба Зорабу; речь Барумана, обращенная к Зорабу перед взятием Белого Замка; разговор Зораба с Хеджиром; разговор Зораба с Баруманом и следующая за ним речь Барумана после взятия Белого Замка; монолог Рустема; речь перепуганных вельмож после ссоры Рустема с Кейкавусом. Следовательно, можно предположить, что Жуковский убрал эти главы для того, чтобы динамизировать повествование» (Там же. С. 127). С этим выводом исследователя трудно не согласиться.

Хотелось бы только обратить внимание на следующий факт. В цитированном выше письме к Гоголю от 20 февраля (4 марта) — 12 (24) марта 1847 г. Жуковский, говоря о переписывании поэмы и одновременно поправках (стилистическая правка действительно есть в тексте белового автографа), замечает: «Мне весело будет слушать, как ты опять будешь читать ее вслух предо мною для новых поправок» (СС 1. Т. 4. С. 549). 12 апреля 1847 г. поэма была переписана. Как известно из писем Гоголя, в течение месяца, примерно с 10 июня по 10 июля 1847 г., он живет во Франкфурте рядом с Жуковским и постоянно встречается с ним (см.: Гоголь. Т. 13. С. 319—349). И хотя целиком поглощенный реакцией друзей и критики на свои «Выбранные места...», Гоголь почти ничего не говорит о своей франкфуртской жизни, трудно представить, что Жуковский не дал ему на прочтение свое новое сочинение и не выслушал его замечания, которые так высоко ценил. Накануне посылки «Рустема и Зораба» в Россию для цензурования, вероятно, и были сделаны вычеркивания уже в перебранном тексте.

В истории русской культуры, несмотря на многочисленные переводы «Шахнаме» (Ц. Бану, М. Лозинский, И. Сельвинский, К. Липскеров и др.), переложение Жуковским поэмы Рюккерта стало заметным явлением. Сам Жуковский считал «Рустема и Зораба», наряду с «Одиссеей», «лучшим из всего, что мне случилось намарать на бумаге пером моим» (из письма П. В. Нащокину от 6 (18) декабря 1849 г. // Загарин. С. LXX. Приложение VIII). А в письме к А. П. Зонтаг от 20 декабря 1848 г. (1 января 1849 г.) он называл их «мои милейшие дети» (УС. С. 123).

Ст. 1. *Из книги царственной Ирана...* — Поэма Фирдоуси состоит из описания пятидесяти царствований. Но, возможно, дважды (в подзаголовке и первом же стихе) приводя эпитет «царственная» по отношению к «книге», Жуковский придавал ему и определенный оценочный смысл: возвышенная, величественная.

Ст. 7. *...на царя Афразиаба...* — Владыка Турана, сын шаха Пашанга, неоднократно нападавший на Иран и бывший его главным врагом.

Ст. 9. *Мои сабульские дружины...* — От названия удела систанских богатырей — Забула, или Забулистана (Сабулистана). В настоящее время небольшая провинция Ирана на границе с Афганистаном.

Ст. 11. *...в Истахар...* — Персидское название города, расположенного вблизи Персеполиса, столицы Ахменидов. В «Шах-наме» Истахар (Истахр) — столица иранских шахов.

Ст. 12. *Шах Кейкавус...* — Правильное написание: Кей-Кавус, так как «кей» — титул нескольких иранских шахов, которые составляют династию Кейанидов. Рустам неоднократно спасал Кейкавуса и освободил его из хамаваранского плена.

Ст. 15. *Могучий конь мой Гром...* — Как уже указывалось в преамбуле, имя коня Рустема — изобретение Жуковского вместо непереводаемого «Рехш» Фирдоуси, переданного Рюккертом как «Rachs». В его описании, как и в характеристике коня Зораба, он опирался на русский фольклор.

Ст. 29—30. *...где за горами // лежал Туран.* — Туран — область, граница которой проходит по реке Аму-Дарье. Туранцы — иранские кочевые племена, постоянно тревожившие набегами оседлое население. Позднее Туран стал отождествляться с Туркестаном. Турецкая кровь Жуковского (как известно, его матерью была пленная турчанка) даже позволила К. Зейдлицу высказать предположение об автобиографическом подтексте переложения повести (см. преамбулу).

Ст. 32. *...множество гуляющих онагрей...* — Диких ослов, куланов. Исламом было запрещено есть их мясо, но в зороастризме такого запрета нет, и в иранском эпосе богатыри считают мясо онагрей вкусным и охотятся на них.

Ст. 57—58. *Под ветвями густого // Широкоотенного чинара...* — Чинар (чинара), дерево семейства платановых. Определение «широкоотенный» принадлежит Жуковскому и свидетельствует, как и во многих других случаях, о его тяготении к сложным гомеровским эпитетам. Параллельная работа над переводом «Одиссеи» стимулировала эту тенденцию стилистических поисков.

Ст. 124. *Ко граду Семенгаму...* — У Фирдоуси эта область на границе Турана и Ирана называется Саманган.

Ст. 161. *И к царским подошел палатам.* — В черновом автографе (л. 19 об.) после этого стиха стоит дата: 1(13) июля 1846. Это позволяет высказать предположение, что основная работа по переложению поэмы Рюккерта проходила на швальбахских водах, куда Жуковский приехал 8 июля н. ст. 1846 г. Ср. в письме А. М. Тургеневу от 7 июля 1846 г.: «Еду завтра на три недели в Швальбах» (РС. 1892. № 11. Ноябрь. С. 389).

Ст. 220. *...хинские кувшины...* — То есть китайские кувшины.

Ст. 233. *...благоухавший муском...* — Муск (мускус) содержится в корне аптечного дягиля, в семенах гибискуса и обладает особым благовономием, используемым в парфюмерной промышленности.

Ст. 247. *Темина, дочь царя...* — У Фирдоуси дочь шаха Самангана зовется Тахмина. История Ростема и Зухраба заканчивается подробным описанием ее смерти

при известии о гибели сына. Рюккерт, а вслед за ним и Жуковский, о смерти матери говорят намеком, через возвращение повязки убитого Зораба, посланной ей. Ср. у Жуковского:

При входе брата приподнял
Он голову. Зевар
На тело молча положил
Окровавленную повязку.
При этом виде содрогнувшись,
Рустем спросил: «Зачем, мой брат Зевар,
Принес назад мою повязку?»
Зевар ответствовал: «Там никому
Она уж боле не нужна»...

Ст. 315. *Мобедов царских...* — То есть жрецов.

Ст. 334. *Он снял с руки повязку золотую...* — У Фирдоуси вместо «повязки золотой» — талисман с камнем счастья.

Ст. 382. *...в Систан, потом в Сабулистан...* — Систан — область на востоке Ирана, заселенная задолго до появления ислама восточноиранскими племенами саков. Отсюда и название (Сакастан — Сагистан — Сеистан — Систан).

Ст. 712. *Вручил письмо к Зорабу...* — Далее в тексте белого автографа (л. 36—38) зачеркнут следующий текст письма Афразиаба к Зорабу:

Богатую серебряную сбрую,
Осыпанную жемчугами
И туркестанской бирюзой;
Шлю для тюрбана твоего
Султан из ветвей изумрудных
С росинками из Индостанских
Жемчужин редкой белизны;
Шлю две алмазные короны.
И с ними два работы чудной
Престола из слоновой кости.
Прими дары, и в них желанье,
Чтоб под твоей рукою две короны
Соединились в одну.
И чтоб из двух престолов
Ты наконец воздвиг один великий.
Когда Ираи ты завоеешь,
Тогда надолго и в Туране
Покой желанный водворится.
Доныне вечно враждовал,
Как с ночью день, Туран с Ираном —
Но ты в них утвердишь единство.
Лежит на рубеже меж ними Семенгам:
Пускай он будет неразрывным
Узлом двух царств великих;
А ты тремя владычествуй один.
И для того к тебе я войско

С моим вождем верховным Баруманом
Шлю ныне: им ты самовластно,
Как собственным повелевай;
И добрый путь тебе к победе!
Дай скоро нам услышать вести
О подвигах твоих в Иране;
А мой престол не сыновьям в наследство
Я назначаю, а тебе.
Такое написал письмо
Афразиаб к Зорабу.
Его вручил он Баруману.

Ст. 761. *Тимпаны загрели...* — Тимпан (от греч. τυμπανον — бубен) — музыкальный инструмент, напоминающий барабан с широким ободом, на который с двух сторон натягивалась кожа.

Ст. 1296. *За ним туда всё войско возвратилось...* — Начало 12-й главы третьей книги в белом автографе (л. 66—68) было другим. Жуковский зачеркнул 50 стихов, включающих речь Барумана:

Была давно уж ночь, когда Зораб
Вошел в шатер свой — вслед за ним
Вошел туда и старый Баруман.
И он сказал: Зораб, ты не обдумал
Того, что сделал. Пищу у врага
Отрезал ты, и все его
Запасы уничтожил,
Но тем ты и себя ограбил.
Здесь целый лес сожжен безумно,
А из него для приступа могли бы
Мы лестницы построить — замка
Без лестниц не возьмешь; твой конь не перескочит
Его стены. И что ж причиной было
Такого бешенства? Досада,
Что хитростию женской
Ты проведен, и что твоя
Красавица перед тобою
Захлопнула ворота замка.
Но что, когда б она
Их не захлопнула? Когда бы сладил
Со множеством вооруженных?
Тебя никто на поединке
Не одолеет — правда; но собаки
И сильного одолевают льва,
Когда их много. Если ты
Рукой и головою войска
Быть хочешь — будь с отважными разумен.
И что ж бы я Афразиabu,
Приславшему для доброго совета
Меня к тебе, теперь мог донести?

«Твой бурный витязь в Белом Замке;
Туда он смело ворвался,
Но вырваться оттуда уж не может». —
Зораб смиренно,
Как провинившийся ребенок,
Упреки выслушал; но улыбнулся
И с дерзкою беспечностью сказал:
Быть стариком немощно молодому;
И никогда еще
Мне слышать не случалось,
Чтобы Рустем, состарившийся в битвах,
Строеньем лестниц забавлялся,
Готовясь ворваться в Крепкий Замок;
Строй лестницы, тому я не противлюсь,
Но уговор: чтоб первый я
Взошел на стену, и чтоб всё
Готово было завтра утром;
Иначе и без лестниц
Я поведу на приступ войско.

Ст. 1395. *И где найти тебя, не знаю*. — Текст 13-й главы третьей книги в беловом автографе (л. 72—73) имел другое продолжение, включающее еще 39 зачеркнутых стихов:

Тут, вспомнив о Хеджире, он
Велел его к себе привести. Хеджир
Явился, скованный цепями;
Но для него цепей тяжеле
Был стыд неволи в тех стенах,
Где властвовал он накануне.
Его от уз освободив,
Зораб приветливо сказал:
Хеджир, по-прежнему ты будешь
Владыкой здесь, когда откроешь
Мне имя той прекрасной,
Которую мы оба слишком знаем.
Скажи мне, где она и как ее найду я?
Такой вопрос ударом громовым
Был для Хеджира; он Зорабу
Ответствовал: когда тебе сам Бог
Такую дал невесту, я назвать
Не отрекусь ее перед тобою.
Ее зовут: Гурдаферид.
Но где она и как могла
Из замка скрыться — я не знаю.
Не знаю также и того,
Каким путем ушел
Отсюда Гездехем,
И где он скрыл свои богатства.
Их может быть похитил змей крылатый,

Иль буря унесла,
Иль дух умчал могучий.
Хеджир умоля. О тайном подземелье
Он ведал; но о нем Зорабу
И для спасенья жизни
Он не сказал бы: не о замке,
Не о военной чести,
Не об отечестве он думал,
Он одного страшился,
Чтобы во власть Зораба не досталась
Гурдаферид, звезда его любви.
Хеджировым ответом раздраженный,
Зораб велел опять его сковать...

Ст. 1459. *Красавицы, в нем жившей, укрепи...* — В беловом автографе (л. 76—77) речь Барумана была более пространной. Жуковский сократил ее, вычеркнув следующие 23 стиха:

Ему Зораб не отвечал ни слова
И старый вожь, нахмурясь, продолжал:
Ты юноша; советы стариков
С смиреньем выслушать ты должен,
Ты предпринял великое, так будь же
С собою заодно — тогда и славно
Окончишь то, что славно начал;
С собою заодно — ты победишь;
С собою раздвоясь — ты будешь
Самим собою побежден,
И ум свой сердцу
Безумному безумно покорись.
За грозным львом ты вышел на охоту —
Вертяною газелой не прельщайся;
Забудь ловить красавиц легкоумных —
Твоя теперь добыча трон Ирана:
Возьми его — тогда красавиц много
Поймаешь сетью мужества и славы.
Друг, красота есть цвет на поле жизни;
Любовь роса на этом нежном цветке.
Да расцветет на свежем луге счастья
И младости, росой любви покрытый,
Цвет красоты, мой витязь, для тебя.

Ст. 1514. *Был Геф, Рустемов зять...* — У Фирдоуси нет указания на то, что Геф (Гив) был зятем Рустема. Так как дочери у Рустема не было, то Геф был, вероятно, мужем его сестры.

Ст. 1518. *...царский пехлеван...* — Пехлеваном (пахлаваном) назывались самые могущественные богатыри, в том числе и Рустем.

Ст. 1609. *И в нем моя помолодеет старость.* — Монолог Рустема в беловом автографе (л. 86) имел следующее продолжение, зачеркнутое Жуковским:

Мне некому оставить здесь в наследство
Мое прославленное имя
И мой Сабулистан богатый.
Быть может, скажет Кейкавус,
Что быть Ирана Пехлеваном
Нельзя рожденному у турков...
Но что мне Кейкавус! Хотел бы
Однако я на этого Зораба
Взглянуть; об нем идет молва.
Что он отроде Семенгамских
Царей; тогда он может — если вправду
Родился сын Ростему от Темины —
Мне рассказать о матери и сыне,
И отнести, когда не ляжет
Здесь мертвый под моей рукою,
Или весть живую о Рустеме.

Нужно заметить, что в рукописи Жуковский вариативно именовал героя то Ростемом, то Рустемом, вероятно, под влиянием Рюккерта, у которого герой назван Rostem.

Ст. 1914. *Гудерс пошел к царю.* — Текст в беловом автографе (л. 101—102) после этих слов имел продолжение, позднее изъятое Жуковским:

Тем временем вельможи
Так рассуждали: не по-царски
Державный шах наш поступил
Так необдуманно обидевши Рустема.
Чего же нам надеяться, когда
Достойнейший меж нами
Так произвольно был обруган?
Рустема в петлю — а Рустем
Его на трон отцовский посадил
И он же трона
Твердейшая опора.
Что ж будет нам, когда Рустема в петлю?
И что с Ираном будет без Рустема?
Раздавит нас Туран могучий;
Погибнет, если Кейкавус
Не согласится предложить
Рустему мир, пока он не успел
В Сабулистан свой возвратиться.

Так рассуждали меж собою
Вельможи. Той порой Гудерс
Пришел к разгневанному шаху.

Жуковский исключил эти стихи, зачеркнув их не вертикально, как во всех других случаях, а построчно.

Ст. 2033. *На слово он ругательное скор...* — В С 5 вместо «ругательное» напечатано «ручательное». Эта очевидная опечатка, чему свидетельство и автограф, исправлена в посмертных изданиях.

Ст. 2281—2287. *О! благородно пламенеет ~ И, задымаясь, вдруг погаснет...* — Первоначальный вариант: «О благородно пламенеет // Твоя душа, но // Упавши в воду, шипит // И задымившись угасает...»

Ст. 2553. *А справа Синд...* — Первоначально в автографе вместо «Синд» было «Зенд».

Ст. 3817—3818. *Так раскрывается младая // Распуколька...* — Жуковский здесь использует характерное для русского языка обозначение цветочной почки. Ср.: «Распукалка, цветочная почка ⟨...⟩. Распукалая почка или распукиш, лопнувшая, расцветающая» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 4. СПб.; М., 1882. С. 72).

А. Янушкевич

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТЕКСТОВ

(Из «Потерянного рая» Мильтона)
(«Грехопадение, плод запрещенный...»)
(С. 293)

Автограф (НБ ТГУ. Библиотека В. А. Жуковского. № 12163) — черновой набросок 19 стихов между строк английского текста в кн.: *Le paradis perdu, de Milton. Trad. nouv. par M. de Chateaubriand. Paris, 1836. Т. 1. Р. 6, 8* (см.: Описание. С. 231. № 1659).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: БЖ. Ч. 2. С. 488. Публикация А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется приблизительно конец 1836-го — начало 1837 г.

В многочисленных списках произведений, предназначенных для чтения и перевода, Жуковский постоянно, начиная с 1805 г., упоминает поэму известного английского поэта и общественного деятеля Джона Мильтона (1608—1674) «Потерянный рай» («Paradise Lost»; 1667). Так, в «Росписи во всякого рода лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» (1805) читаем: «XVIII. Поэзия. ⟨...⟩ *Milttons Paradise Lost*» (РНБ. Оп. 2. № 46. Л. 1). В рукописи с заглавием: «На что делать примечания в Эшенбурговой теории» поэт фиксирует: «NB. Сравнить Гомера, Виргилия, Мильтона, Тасса, Клопштока» (Резанов. Вып. 2. С. 246). В «Конспекте по истории литературы и критики» (1805—1810) он по различным поводам обращается к поэме Мильтона. Уже в самом начале Жуковский приводит два авторитетных мнения об этом произведении. Первое принадлежит Вольтеру, автору «Опыта об эпической поэзии»; второе — соотечественнику Мильтона критику Хью Блеру. Материалы «Конспекта...» позволяют говорить о творческом осмыслении Жуковским поэмы «Потерянный рай». Высказывая свои наблюдения о характере Сатаны, о развязке поэмы, он выступал как самостоятельный и интересный ее критик (подробнее см.: Эстетика и критика. С. 55, 61—62, 68, 73—74, 83).

Эти ранние следы интереса русского поэта к произведению Мильтона получают свое продолжение и развитие в 1812—1814 гг., во время его работы над переводом поэмы Клопштока «Мессиада». Чутко уловив генетическую связь поэм Мильтона и Клопштока, Жуковский пытается разобраться в этом на практике. Перевод «Аббадоны» сопровождается обращением к Мильтону. В заметках и списках этого периода под названием «Что сочинить и перевести» возникают следующие записи: «Эпическая поэма. Отрывки из Мессиады и Мильтона»; «Перевести. Из Гесснера. Юнга. Гервея. Мильтона. Клопштока. Клейста» (Резанов. Вып. 2. С. 252—256).

Никаких следов осуществления этого замысла в 1810-е гг. не обнаружено, но обращение к образцам эпической поэмы, в том числе и к «Потерянному раю», важно было для Жуковского в его работе над оригинальной исторической поэмой «Владимир». Материалы библиотеки поэта позволяют говорить, что осмысление поэмы Мильтона продолжается и позже.

В библиотеке Жуковского (собрание НБ ТГУ) имеются три издания поэмы «Потерянный рай»:

1. Johann Milton's Verlorne Paradies. Übersetzt von S. G. Bürde. Th. 1—2. Berlin, 1793;

2. The poetical works of John Milton. From the text of Dr. Newton. To which are prefixed the life of the author; a criticism on his works by Dr. S. Johnson, and a critique on Paradis lost by J. Addison. Vol. 2. London, 1803;

3. Le Paradis perdu, de Milton. Trad. nouv. Par M. de Chateaubriand. T. 1—2. Paris, 1836. См.: Описание. № 1658—1659, 2704.

Список авторов и произведений рукою Жуковского на нижнем форзаце и нижней обложке конволюта немецкого издания позволяет говорить, что обращение к переводу Самюэля Готтлиба Бюрге (1753—1831) относится как минимум к началу 1830-х гг. (об этом подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 484—485). Но особый интерес представляет обнаруженный автограф Жуковского во французском переводе «Потерянного рая», принадлежащем Франсуа Рене де Шатобриану (1768—1848). Этот перевод, появившийся в конце июня 1836 г., почти сразу же стал известен в России. В конце 1836-го — начале 1837 г. в связи с полемикой, возникшей в английских и французских журналах по поводу этого перевода, Пушкин пишет статью «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» (подробнее см.: Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 231—241), а в начале 1837 г. разговор об этом переводе и книге Шатобриана «Опыт английской литературы...» («Essai sur la littérature anglaise...» Т. 1—2. Paris, 1836) продолжается в кругах, близких Жуковскому. Так, А. И. Тургенев в дневнике от 21 января 1837 г. записывает: «Зашел к Пушкину: о Шатобриане и о Гёте» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 175). Вечером этого же дня Тургенев встречался с Жуковским, и вряд ли он не рассказал ему о своем разговоре с Пушкиным.

В библиотеке Жуковского кроме шатобрианова перевода «Потерянного рая» имеется и указанное издание «Опыта английской литературы» (Описание. № 801). Постоянно встречаясь в это время с Пушкиным и Тургеневым, Жуковский не мог не высказать свою точку зрения и свое отношение к переводу Шатобриана.

Наконец, Жуковскому пришлось после гибели Пушкина готовить к печати рукопись его статьи «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”» (см.: *Цяловский М. А. Статьи о Пушкине*. М., 1962. С. 320), а это давало возможность еще раз вдуматься в размышления Пушкина о характере данного перевода.

Следствием всех этих моментов восприятия перевода Шатобриана и явилась попытка Жуковского дать свой вариант переложения поэмы Мильтона. Обе части этого издания из библиотеки Жуковского разрезаны полностью. На нижней обложке второй части черными чернилами сделаны арифметические подсчеты, которые легко расшифровываются. Жуковский подсчитывает количество стихов каждой из 12 песен, первой и второй части и наконец — общее количество стихов всей поэмы: 10510. Сами эти подсчеты симптоматичны: они отражают серьезность замысла поэта. По всей вероятности, еще до того, как в сознании Жуковского оформилась идея работы над «Одиссеей», он искал материал из репертуара мирового эпоса для поэтического переложения.

Работа над переводом поэмы отражена на 6-й и 8-й страницах первой части. Французский перевод Шатобриана (на нечетных страницах) и английский текст Мильтона (на четных) даны параллельно (en regard). На с. 6 сначала между стихов подлинника карандашом Жуковский набрасывает перевод первых восьми и начала девятого стиха первой песни.

Затем на нижнем чистом поле этой же страницы он достаточно аккуратно, с небольшими исправлениями переписывает эти стихи и добавляет к ним еще два. Из-за недостатка места перевод переносится на верхнее чистое поле этой же страницы. Появляется еще шесть стихов. Эти 17 стихов и являются переводом 16 стихов первой строфы «Потерянного рая». Однако работа над переводом продолжается на с. 8, где записано всего два стиха. Первый — между 2-й и 3-й строфой, второй — внизу страницы, и они соответствуют первому стиху третьей строфы и шестому-седьмому стиху второй строфы поэмы Мильтона.

Сам процесс работы Жуковского над переводом — свидетельство того, что он давался ему не просто. Мучительный поиск слова, целых стихов — все это очевидно. И все-таки возникает ощущение какой-то поэтической легкости и внутренней законченности фрагмента. Любопытно, что, сделав перевод первой строфы, поэт дополняет его двумя стихами из второй и третьей строф, причем и сама последовательность их написания, и характер их отбора предполагал определенную эстетическую организацию материала. В переводе 19-ти стихов «Потерянного рая» возникала важная для Жуковского тема особой миссии поэта в познании мира. События трагической гибели Пушкина, история работы над драматической поэмой «Камоэнс» актуализировали эту проблему. Подробнее о работе над переводом см.: БЖ. Ч. 2. С. 488—490.

Отказавшись от точного подстрочного перевода, Жуковский вместе с тем смело пошел по пути поэтического воссоздания подлинника. И это была полемика не только с переводом Шатобриана, сделанным прозой, но и с устойчивой русской традицией переложения «Потерянного рая» прозой (см.: *Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. Приложение // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы*. Л., 1970. С. 277—279). Поэт обращается к размеру подлинника, пытаясь передать ритмический рисунок «героического стиха» английской эпической поэзии. В целом ему это удается, хотя и в этом отношении он проявляет творческую самостоятельность.

Белый пятистопный ямб с женскими окончаниями сохраняется в большинстве стихов (в 12 из 17). Два отдельно выделенных стиха отличаются в этом отношении, но это можно объяснить или их особым местом во фрагменте, или просто поэтической неотделанностью.

Время работы над переводом устанавливается предположительно, так как никаких прямых свидетельств не сохранилось. Конец 1836-го — начало 1837 г. наиболее приемлемый вариант датировки. Последующие события, связанные с гибелью Пушкина и двумя путешествиями Жуковского с наследником, вряд ли способствовали продолжению перевода. Атмосфера споров о переводе Шатобриана, пушкинская статья о нем, где говорилось о том, что «подстрочный перевод никогда не может быть верен» (Пушкин. Т. 12. С. 144), стимулировали творческий поиск Жуковского. Необходимо указать еще на один косвенный аргумент в пользу предлагаемой датировки: на верхнем форзаце первой части экземпляра шатобрианова перевода, хранящегося в библиотеке Жуковского и содержащего наброски его перевода, имеется достаточно четкий отпечаток чернильной записки. Это воспроизведение даты какого-то послания поэта. Как это нередко бывало у Жуковского, оказавшаяся под рукой книга выполнила функцию промокательной бумаги. Если число и месяц прочитать невозможно, то год читается совершенно ясно — «1836». Думается, что перевод Шатобриана уже в 1836 г. привлек внимание поэта и вызвал его творческий отклик.

Ст. 1. *Грехопадение, плод запрещенный...* — Этот стих, включающий шестисложное и четырехсложное слова и задающий особую ритмическую организацию стиха, не имеет соответствия ни в подлиннике, ни в переводе Шатобриана. У Мильтона: «Of Man's first disobedience and the fruit...» («О первом преслушанье, о плоде запрещенном...»); у Шатобриана: «La première désobéissance de l'Homme...» («Первое неповиновение человека...»).

Ст. 2. *От древа, коим смерть была на землю...* — Черновые варианты: «от древа жизни», «смерть на землю приведена была». Библейская реминисценция: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Бытие, II, 16—17).

Ст. 3. *Приведена и с тратою Эдема...* — Вариант: «Пришла...». Библейская реминисценция: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал» (Бытие, II, 8). Мильтон следует традиции называть рай Эдемом, хотя Адам и Ева, вкусив запретный плод, лишились рая.

Ст. 4—5. *...великий // Спаситель...* — Вариант: «...великий // Муж...» Имеется в виду Иисус Христос. У Мильтона: «greater Man» («Величайший человек»).

Ст. 5. *Спаситель не пришел отдать их небу.* — Первоначально зачеркнуто: «Муж не...», «Нас муж не искупил отдав...»; затем: «Спаситель не возвратил нас небу...»

Ст. 6. *Воспой, святая муза...* — Первоначально вместо «святая муза» было «небесная певица». У Мильтона: «heavenly muse» («Муза горняя»).

Ст. 7. *На высотах Синая и Горева...* — Первоначально: «На высотах Горева и Синая...» Синай и Горев (Хорив) — места Божественного откровения.

Ст. 8. *Вдохнувшая все песни пастырю...* — Имеется в виду Моисей как духовный наставник, учивший свой народ Божьему закону.

Ст. 10—11. ...как в начале создал небо // И землю Бог. — Жуковский опускает важное для Мильтона понятие: «of chaos» («из хаоса»). Подробнее см.: *Милтон Джон. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения* / Изд. подготовили А. Н. Горбунов, Т. Ю. Стамова. Сер. «Лит. памятники». М., 2006. С. 696.

Ст. 11. ...холм сионский... — Гора Сион, где Соломон построил Иерусалимский храм, который считался местом особого присутствия Бога.

Ст. 12—13. ...силоамский // Пророчеств ключ... — Первоначально: «силоамский ключ». Ручей к западу от горы Сион, ассоциирующийся, согласно пророку Исае с Божественным вдохновением (Исаия, VIII, 6).

Ст. 14. *И оживи мне голос вдохновенья...* — Первоначально: «И оживи меня для песни вдохновенья...»

Ст. 16. *С высот Аний хочу парить.* — Имеется в виду гора Геликон, гора в Беотии, место обитания муз. Говоря «над Геликоном», Мильтон подразумевал, что его тема более возвышена, чем темы языческих поэтов античности.

Ст. 17. *О недоступном знанью человека.* — Этот стих — плод творчества Жуковского.

Ст. 18. *Ты ведаешь все тайны неба, все пути.* — Этот стих соответствует первому стиху третьей строфы подлинника: «Say first, for Heaven hides nothing from thy view...»

Ст. 19. *То освети, что низко, подними и поддержи...* — Соответствует 6—7 стихам второй строфы: «...what in me is dark // Illumine, what is low raise and support» («Исполни светом тьму мою, возвысь // Всё бренное во мне...»)

А. Янушкевич

«Из «Божественной комедии» Данте»

(«Полупути достигнув жизни сей...»)

(С. 294)

Автограф (НБ ТГУ. Библиотека В. А. Жуковского. № 94380) — черновой набросок перевода четырех первых терцин в кн.: *Божественная комедия Данте Алигиери. Ад. С очерками Флакмана и италианским текстом. Перевод с италианского Ф. Фан-Дима [Е. В. Кологривовой]. Введение и биография Данте Д. Струкова.* СПб., 1842. Вып. 1. На чистом, вклеенном в книгу листе между с. 2 и 3.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 34. Публикация А. Янушкевича в составе статьи «Жуковский и Данте».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется приблизительно июнь-июль 1843 г.

Экземпляр первого выпуска «Божественной комедии» Данте в прозаическом переводе Ф. Фан-Дима (Е. В. Кологривовой), находящийся в личной библиотеке Жуковского, при переплете был проложен листами чистой бумаги. Поэт карандашом пронумеровал страницы в печатном тексте — «2» и «3». Между этими страницами, содержащими шесть первых терцин итальянского текста и их прозаический перевод, на чистом листе он набросал свой перевод.

Восемнадцать карандашных строк, соответствующих четырем начальным терциям «Ада», — таков общий объем этого наброска. Многочисленные зачеркивания, варианты, недописанные слова — свидетельство напряженной работы в самом начале перевода. Видимо, Жуковский столкнулся с непреодолимыми трудностями, хотя за дело брался серьезно, о чем свидетельствуют вклеенные чистые листы не только в первом выпуске перевода Е. Кологривовой, но в четвертом и пятом. Вероятно, он собирался переводить всю первую книгу «Божественной комедии» — «Ад».

В библиотеке Жуковского, кроме перевода Фан-Дима, хранятся еще шесть различных изданий «Божественной комедии», что подтверждает мысль о подготовке к переводу. Вот эти издания. См.: Описание. № 868—873:

1. *La Divina commedia di Dante Alighieri*. Edizione di Giovanni Giorgio Keil. Cantica I. Gotha, 1807.
2. *La Divina commedia di Dante Alighieri*, tradotto in Francese dal signore cavaliere A. F. Artaud. 2 ed. T. 1—9. Parigi, 1828—1830.
3. *La Divine comédie di Dante Alighieri*. Trad. en vers français par M. Antoni Deschamps (20 chants). Paris, 1829.
4. *Dante Alighieri's Göttliche Komödie*. Übersetzt und erläutert von K. Streckfuss. Halle, 1840.
5. *La Divine comédie de Dante Alighieri*. Trad. par Pier-Angelo Fiorentino. Paris, 1841.
6. *Oeuvres de Dante Alighieri*. La Divine comédie. Trad. A. Brizeux. Paris, 1841.

Каждое из этих изданий, видимо, привлекло внимание русского поэта и сыграло свою роль в его осмыслении поэмы Данте. Подробнее об этом см.: Янушкевич. С. 386—390.

Постижение творения Данте было неразрывно связано с интересом Жуковского к личности и творчеству итальянского поэта. Путешествуя по Италии в 1833-м и 1838—1839 гг., он буквально живет в атмосфере Данте. Во Флоренции посещает все места, где ступала нога великого флорентийца. Он обращает внимание на портреты Данте и иллюстрации к его поэме, отмечая в дневнике «несравненную картину» Ф. Овербека «История христианского искусства», где изображен «вдохновенный Данте», рисунки из Данте Карстенса, фрески на сюжеты «Божественной комедии» Фейта и Коха.

Сама поэма Данте становится для Жуковского критерием высочайшего искусства, а ее образы — комментарием к жизненным впечатлениям. Так, впервые посетив Сикстинскую капеллу в мае 1833 г., он замечает: «Это поэма Данта. Начатая Микель Анжем, продолженная Рафаэлем и довершенная Микель Анжем» (ПССиП. Т. 13. С. 374). Жуковский усиленно занимается итальянским языком. Итальянское окружение поэта в 1838 г.: Гоголь, Шевырев, начавший в это время работу над переводом «Божественной комедии», Зинаида Волконская и ее сын Александр, автор статей о Данте в «Современнике», — способствовало проникновению в мир поэмы.

Жуковский знакомится с сочинениями С. П. Шевырева, П. Женгене, Ф. Шлегеля, Л. Ранке, посвященными итальянской литературе и творчеству Данте; в мае 1827 г. в Париже он слушал лекции А. Ф. Вильмена по истории эпической поэмы, впечатление от которых так выразил в дневнике: «Превосходное изображение Данта и Камео́нса...» (ПССиП. Т. 13. С. 265). Печатный текст этих лекций

издания 1841 г. сохранился в его библиотеке (Описание. № 2332). Имеются пометы Жуковского в «Введении» Д. Струкова, предпосланном переводу Е. Кологривовой.

Показательно, что в 1838—1841 гг., готовя к печати не изданные при жизни Пушкина произведения, Жуковский объединяет два отрывка: «В начале жизни школу помню я...», «И дале мы пошли...» под общим заглавием «Подражания Данте». По справедливому замечанию исследователя, он чутко уловил созвучность пушкинских отрывков как «музыке дантовского стиха», так и «мыслям-образам Данте» (*Благод. Д. Д.* II gran Padre: Пушкин и Данте // Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. М., 1977. С. 169).

Мир «Божественной комедии» все определеннее входит в творческое сознание русского романтика. В статьях «О стихотворениях Козлова» и «О меланхолии в жизни и в поэзии», в письмах 1840-х гг. Данте осмыслиется Жуковским как вершина мировой поэзии, ее высокий идеал. «Поэзия народная, в которой отзывается вся жизнь народа, Гомер, Данте, Шекспир, Мильтон, греческие трагики, некоторые чудные поэты Востока (не называю никого из новейших) — вот товарищи жизни. Беседа с ними во всякое время есть очарование» (С 7. Т. 6. С. 371), — пишет он в конце жизни, тем самым определяя значение Данте как в истории мировой культуры, так и в своей творческой биографии. Характерно, что в дюссельдорфском доме поэта в начале 1840-х гг., по воспоминаниям М. Погодина, висел портрет Данте (Барсуков. Кн. 7. С. 48).

Никаких документальных свидетельств о времени работы над переводом «Божественной комедии» Жуковский не оставил. Но на основании некоторых косвенных данных можно приблизительно ее датировать. Первый выпуск перевода Фан-Дима (песни 1—5) вышел в самые последние дни 1842 г. (ц. р. от 6 октября 1842 г.), однако 5 ноября «Северная пчела» сообщает, что издание только еще готовится, и лишь 29 декабря в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется известие о выходе книги (№ 293. С. 1286).

Жуковский, живущий уже в это время постоянно в Германии, смог получить этот выпуск не раньше января 1843 г., скорее всего в конце мая — начале июня, когда он приезжает в Эмс, где встречает много русских. Бумага, которой проложен первый выпуск и на которой поэт начал свой перевод, имеет водяной знак FEW LETMATHE и изображение лилии. Сам по себе этот знак, к сожалению, не помогает достаточно определенно датировать время перевода, но нужно учитывать, что точно такой же бумагой проложены и другие выпуски перевода, имеющиеся в библиотеке Жуковского. В том числе и пятый (песни 23—28), вышедший в июне 1843 г. Шестой же выпуск, появившийся в конце 1843 г., в библиотеке поэта отсутствует. Поэтому, вероятно, Жуковский предпринял перевод сразу же после получения пятого выпуска и переплета всех имеющихся у него.

Для датировки перевода интерес представляет еще одна книга, имеющая точно такой же вид, что и выпуски перевода «Божественной комедии»: Sophokles Werke. Übersetzt von J. J. Donner. Bde 1—2. Heidelberg, 1842. Подробнее об этом см.: Лебедева. С. 139—145, 192—196. На основании помет в рукописи: «5 мая», «23 мая» и дневниковой записи от 10 (21) июня 1843 г.: «Поутру переводил “Эдипа”» (ПССиП. Т. 14. С. 273) можно точно датировать работу над этим переводом. Думается, что и перевод начала «Божественной комедии» по целому ряду признаков (тип бумаги, характер переплета, особенности почерка) может быть отнесен к этому же времени.

Скорее всего, он был сделан после получения пятого выпуска перевода Е. Кологривовой и одновременно с переводом «Эдипа» Софокла — в июне-июле 1843 г. Работа над переводом «Одиссеи», которому Жуковский посвящал все время, не позволила ему завершить эти замыслы.

Наконец, нельзя не учитывать тот факт, что три перевода на русский язык «Божественной комедии» появились друг за другом. Вслед за переводом первого выпуска перевода Е. Кологривовой в первом номере «Москвитянина» за 1843 г. С. Шевырев поместил свой перевод двух песен «Ада», а уже во втором номере этого же журнала появляется первый отрывок (5-я песнь «Ада») из перевода Д. Мина, выполненный пятистопными ямбическими терцинами. Если учесть, что Жуковский был тесно связан с «Москвитянином» и его редакцией, публиковал здесь свои произведения, то, конечно же, переводы Шевырева и Мина не могли не привлечь его внимания. Вполне возможно, что своим переводом Жуковский вступал в полемику как с традицией прозаического переложения «Божественной комедии», так и с опытами стихотворного перевода терциной (Катенин, Норов, Шевырев, Мин).

Самой характерной чертой перевода отрывка Жуковским является попытка передать терцины Данте белым пятистопным ямбом. По справедливому замечанию исследователя, Жуковский «с годами все больше уходит в работу над разговорным повествовательным стихом, стремясь к предельной простоте и естественности» (Гаспаров М. А. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 163).

Мотив пути, странствия, поиска себя и своего назначения приобретает в опытах Жуковского последнего периода лейтмотивный характер и мировоззренческий смысл. Наль и Дамайанти, Рустем и Зораб, Одиссей, Агасфер, герои сказок и повестей преодолевают свой путь «мучительно долго», чтобы «долгим страданьем свой выплатить долг». «Наша жизнь есть странствие по свету» (ПССиП. Т. 4. С. 46) — так в «Двух повестях» поэт определяет смысл человеческого существования, подчеркивая, что вопросы «куда, зачем и кто по ней идти велит» составляют основу жизненной позиции личности.

Набросок перевода из «Божественной комедии» Данте во многом предвосхищает эту столь существенную для позднего Жуковского тему и становится своеобразным эпиграфом к ней. Опираясь на образную философию жизни-движения, бесконечного поиска Данте, Жуковский, с присущей ему тягой к «сквозным словам», уже в переложении первых четырех терцин нагнетает образ пути. Сразу же вместо «земной жизни» Данте заявлен «путь земной»: «полупути достигнув жизни сей», а затем «утеря» «прямого пути», глаголы «сбился», «совратился», передающие эту «утерю», создают эмоциональную атмосферу «Одиссеи человеческой жизни». В этом смысле работа Жуковского по осмыслению дантовской поэмы, ее перевод — органичное звено его общих поисков 1840-х гг. и определенный этап на пути к новым формам поэзии, к «стихотворной прозе». Вместе с тем это неизвестная и достаточно интересная страница русской дантеаны.

Ст. 1. *Полупути достигнув жизни сей...* — Уже первый стих вызывает затруднения Жуковского в его передаче. Он зачеркивает местоимение «нашей» вместо «сей», слова «пройдя», «когда», варианты: «Дойдя до половины жизни...», «Свершив пути земного половину...»

Ст. 2. *В лесу густом увидел я себя...* — Первоначально: «В густом лесу себя увидел я...»

Ст. 5—6. *Весь опустел ужасный этот лес, // Густой, непроходимый, дикий...* — Стих Данте Жуковский распространяет до двух. Ср. в современном переводе М. Лозинского: «Тот дикий лес, дремучий и грозящий...» (*Данте Алигьери. Божественная комедия. Сер. «Лит. памятники».* М., 1967. С. 9).

Ст. 7. *И мысль о нем рождала страх и трепет.* — Варианты: «всё заслонила», «страх и ужас».

Ст. 9. *Но чтоб сказать о [вечном] нам спасеньи...* — Слово «вечном» зачеркнуто, но других вариантов нет.

Ст. 12. *Жестокий сон меня одолевал...* — Варианты: «Был так объят я сном», «одолевал меня».

Ст. 13. *Что я с пути прямого скоро сбился.* — Вместо «скоро сбился» было «своротился».

А. Янушкевич

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Арзамас-2** — «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. М.: Худ. лит., 1994.
- Барсуков** — *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. 1—22.
- Батюшков** — *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989.
- БдЧ** — Библиотека для чтения.
- Белинский** — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.
- БЖ** — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.
- Бумаги Жуковского** — *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.
- Веселовский** — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
- ВЕ** — Вестник Европы.
- Виницкий** — *Виницкий Илья.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006.
- Вольпе** — *Жуковский В. А.* Стихотворения / Вступит. ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л., 1939—1940. Т. 1—2 (Б-ка поэта. Большая сер.).
- Врем. ПК** — Временник Пушкинской комиссии. 1962—1994. М.; Л., 1963—1995.
- Вяземский** — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. 1—12.
- Гиллельсон** — Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) / Публ. М. И. Гиллельсона // Памятники культуры: Новые открытия. 1979. Л., 1980.
- Гоголь** — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937—1952.
- Гофман** — *Гофман М.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (*Hofmann Modeste. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits.* Paris, 1926).
- Дневники** — Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.
- Дубровин** — *Дубровин Н. Ф.* Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам // РС. 1902. № 4. С. 45—119.
- Ежегодник** — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1980. Л., 1984.
- Ж. и русская культура** — Жуковский и русская культура: Сб. науч. ст. Л., 1987.
- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения.
- Жуковский в воспоминаниях** — В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступит. ст. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1999.
- Загарин** — *Загарин П. В.* А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

Зарубежная поэзия — Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского. М., 1985. Т. 1—2.

Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

Зонтаг — *Зонтаг А.* Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского / Вступит. заметка П. Висковатого // Рус. мысль. 1883. № 2. С. 266—285.

Иезуитова — *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989.

ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), рукописный отдел.

ИВ — Исторический вестник.

Лебедева — *Лебедева О. Б.* Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск, 1992.

Лихачев — *Лихачев Д. С.* Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986. С. 28—65.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет.

МТ — Московский телеграф.

НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета.

НБ ТГУ — Научная библиотека Томского государственного университета.

НЛО — Новое литературное обозрение.

Описание — Библиотека В. А. Жуковского: (Описание) / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1899. Т. 1—4.

ПЖиГ — Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1907—1909. Вып. 1—3.

Переписка — Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 1—3.

ПЖТ — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

ПМЖ — Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988—1997. Вып. 14—19.

ПССиП — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999—2009. Т. 1, 2, 3, 4, 13, 14.

ПСС — Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биограф. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. СПб., 1902.

Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1935—1948.

Резанов — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1916. Вып. 2.

РГБ — Российская государственная библиотека, отдел рукописей.

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург), отдел рукописей.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РС — Русская старина.

РА — Русский архив.

РБ — Русский библиофил. 1912. Ноябрь—декабрь (специальный выпуск, посвященный В. А. Жуковскому).

РВ — Русский вестник.

С 3 — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824.

С 4 — Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844.

С 5 — Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. СПб., 1849. Т. I—IX; СПб., 1857. Т. X—XIII.

С 6 — Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 1—6.

С 7 — Сочинения В. Жуковского: С прилож. писем, биографии / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6.

С 8 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.

С 9 — Стихотворения В. А. Жуковского / Под ред. П. А. Ефремова. 9-е изд., испр. и доп. СПб., 1894. Т. 4.

СС 1 — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Вступит. ст. И. М. Семенко; Подгот. текста и примеч. И. М. Семенко, Н. В. Измайлова, В. П. Петушкова, И. Д. Гликмана. М.; Л., 1959—1960.

ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Тургенев — *Тургенев А. И.* Хроника русского: Дневники (1825—1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. Сер. «Лит. памятники».

УС — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Щёголев — *Щёголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987.

Эстетика и критика — *Жуковский В. А.* Эстетика и критика / Вступит. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1985.

Янушкевич — *Янушкевич А. С.* В мире Жуковского. М., 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Слово о полку Игореве	9	312
Цейкс и Гальциона	23	331
Сид в царствование короля Фердинанда (великого).	32	339
Разрушение Трои	57	350
Предание (Из «Конрада Валленрода»)	77	361
Сид. Отрывки из испанских романсов.	78	363
Наль и Дамайанти	96	379
Рустем и Зораб	161	400

Из черновых и неопубликованных текстов

〈Из «Потерянного рая» Мильтона〉.	293	413
〈Из «Божественной комедии» Данте〉	294	417

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Путь Жуковского к «Эпическим стихотворениям»	297
Примечания к текстам произведений	311
Условные сокращения	423

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В двадцати томах

Том 5
Эпические стихотворения

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор З. Полосухина
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 19.02.2010. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитур: Елизаветинская, Баскервилл.
Усл. п. л. 34,83. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)